

Журнал Суда по интеллектуальным правам

№ 4 (50) Декабрь 2025

Информация и искусственный интеллект
в системе гражданского права

Конфликт интересов авторов
и разработчиков ИИ: где выход?

Сертификационные знаки за рубежом и в России:
соотношение с институтами географического
указания и наименования места происхождения
товара

Содержание

@IPC_MAG

Главный редактор:

Е.А. Ястребова

Главный научный редактор:

В.А. Корнеев

Ответственный редактор:

Л.В. Назарычева

Редакционная коллегия:

Л.А. Новоселова
В.А. Корнеев
М.А. Рожкова
Е.А. Павлова
В.О. Калятин
В.В. Байбак
А.С. Васильев
Е.А. Войниканис
А.А. Смола
Н.А. Шебанова
Н.И. Капырина
Е.Ю. Борзило
Д.А. Братусь
Д.В. Братусь
Е.С. Четвертакова

Редакционный совет:

Л.А. Новоселова
В.А. Корнеев
В.В. Витрянский
П.В. Крашенинников
Т.К. Андреева
Е.А. Суханов
И.А. Дроздов

**Дизайн, верстка,
цветокоррекция**

Д.В. Авданин

Корректор:

Е.В. Рыжер

ISSN 2313-4852

© Суд по интеллектуальным правам,
Фонд «Правовая поддержка», 2024

Учредители:

Суд по интеллектуальным правам
(Огородный проезд, д. 5, стр. 2,
Москва, 127254),

Фонд «Правовая поддержка»
(119991, г. Москва, Ленинские горы,
д. 1, стр. 77).

Контакты редакции:

адрес электронной почты:
ipc-magazine@garant.ru,
телефон:
8 495 647 62 38

Общие положения

М.А. Рожкова, Е.В. Алымова, Д.А. Григорьев, М.В. Самарцева, И.А. Паламарчук, О.В. Морозюк, И.Д. Ходаков

6 Сложные объекты интеллектуальных прав. Особенная часть

Данная статья отражает результаты комплексного исследования правового режима сложных объектов интеллектуальных прав и развивает выводы, изложенные ранее в коллективной работе «Сложные объекты интеллектуальных прав. Общая часть». В настоящей статье проанализированы как объекты, прямо поименованные в п. 1 ст. 1240 Гражданского кодекса РФ (аудиовизуальные произведения, мультимедийные продукты, базы данных), так и объекты, не включенные в закрытый перечень сложных объектов, но устойчиво рассматриваемые в юридической литературе как сложные: интернет-сайты, видеоигры, настольные игры, аккаунты. Особое внимание в статье уделено вопросам структуры таких объектов, критериев их отнесения к сложным, распределения прав и проблемам правоприменения. Проведенное исследование дополнительно подтвердило тезис о необходимости пересмотра подходов к правовому регулированию сложных объектов и потребности в закреплении в законе открытого перечня сложных объектов, который обеспечит адаптивность правового регулирования к появлению новых комплексных объектов интеллектуальных прав.

Ю.Э. Монастырский

31 Информация и искусственный интеллект в системе гражданского права

Фундаментальная категория «объект гражданских прав» имеет огромное значение: через описание ее признаков, всего многообразия составляющих ее элементов происходит юридическое осмысление интересов, имущественных и личных устремлений участников гражданского оборота, на характеристиках которого выстраивается логичное правовое регулирование экономических отношений. В настоящей статье мы рассмотрим такие сложные явления, как информация и искусственный интеллект, и сопоставим их с вышеупомянутым базовым концептом. Эти термины вполне легально как в законодательстве, так и в теории названы объектами правоотношений. Однако их свойства таковы, что они не способны к обособлению и обозначению по четкой принадлежности к субъекту, и поэтому, строго говоря, не могут считаться объектами гражданских прав, но в то же время формируют их содержание. Кроме того, результатом применения искусственного интеллекта может быть охраноспособное ноу-хау, когда обозначение автора не требуется в силу закона. Поскольку их роль в современном имущественном обороте огромна и возрастает, необходимо определить с целью обозначения в правовом поле современной экономики юридические соотношения таких ключевых понятий с объектами гражданских прав (ст. 128 ГК РФ).

Авторские и смежные права

Л.А. Новоселова

41 Конфликт интересов авторов и разработчиков ИИ: где выход?

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) поставило ряд сложнейших задач для юридической науки, в том числе – в области права интеллектуальной собственности. Процесс «обучения» моделей ИИ часто затрагивает интересы правообладателей, особенно там, где искусственно генерируемый контент начинает конкурировать и вытеснять созданный человеком. В мире пока не выработано общего подхода, позволяющего совместить часто противоречащие интересы разработчиков ИИ и правообладателей. В статье рассматриваются основные правовые подходы к урегулированию этого конфликта, а также возможные экономические модели, которые могут быть положены в основу правовых решений, в том числе и в России.

Н.В. Васильев

50 **Институт соавторства в зарубежном праве**

Для созданных совместным творческим трудом произведений в международно-правовых актах и национальных законодательствах большинства стран мира предусмотрен правовой режим соавторства. В доктрине под соавторством понимается совместная принадлежность двум или нескольким лицам авторского права на произведение в целом. Основанием для возникновения соавторства является совместная творческая деятельность авторов по созданию общего (коллективного) произведения. Иногда соавторством называют также самую эту совместную деятельность. В статье автор рассматривает исторические корни и правовое регулирование института соавторства в странах общего права и странах континентального права.

А.А. Карцхия, В.И. Родионов

64 **Распределение гражданско-правовой ответственности между провайдером и пользователем нейросети при генерации контента, нарушающего исключительное право на произведение**

В рамках статьи авторы исследуют проблему распределения гражданско-правовой ответственности между пользователем и провайдером нейросети, анализируя подходы Международной ассоциации по охране интеллектуальной собственности (AIPPI), Евросоюза и ряда иностранных правовых порядков. Поддерживая идею строгой ответственности пользователя нейросети, авторы моделируют ситуации, в которых было бы целесообразно рассмотреть возможность привлечения к ответственности и провайдера искусственного интеллекта, в том числе в порядке регресса (например, в случае воспроизведения в сгенерированном контенте произведения, использовавшегося для обучения нейросети).

Никифоров А.А.

76 **Экономический анализ охраны производных произведений**

В условиях цифровой среды создавать производные произведения стало проще, чем когда-либо, – но вместе с этим усилился и конфликт интересов между авторами оригинальных произведений и теми, кто создает на основе их трудов что-то новое. Праву приходится искать тонкий баланс: как поощрять трансформативное творчество и при этом гарантировать, что оригинальные произведения окупятся. Эта работа предлагает экономическую модель правового регулирования производных произведений, цель которой – определить такой уровень охраны, который приносит наибольшую общественную выгоду. Методологически исследование строится на инструментах экономического анализа права: здесь и функция общественного благосостояния, и критерии Парето и Калдора–Хикса, и теорема Коуза, и анализ транзакционных издержек и проблем асимметричной информации. Теория подкрепляется практикой: в анализ вовлечены данные о книжных рынках США и России, а также правовые подходы ЕС и США к охране производных произведений. В результате выводится формула, позволяющая определить оптимальный уровень охраны (L^*) с учетом таких факторов, как трансформативность, риск рыночного замещения, наличие или отсутствие принудительного лицензирования и минимально необходимый доход автора. Исследование показывает, что наилучшие результаты достигаются при умеренном уровне охраны: когда коммерческие адаптации регулируются, но некоммерческое трансформативное творчество допускается свободно. Такая модель одновременно поддерживает мотивацию для создания новых оригинальных произведений и способствует культурному разнообразию.

О.В. Ревинский

99 **Охрана прав на переработку музыкального произведения и компьютерной программы**

В статье исследуется возможность применения понятия «объем охраны» и введенного автором понятия «объем использования», применяемых в патентном праве, к объектам авторского права и смежных прав в случае их пе-

реработки. В качестве таких объектов выбраны музыкальные произведения и компьютерные программы. Показана близость этих разнородных объектов при рассмотрении вопроса об их использовании.

М.А. Рожкова, О.В. Морозюк

107 **«Самоплагиат» как фантом правонарушения**

Статья посвящена анализу понятия «самоплагиата», которое активно используется в академической и издательской практике, но не имеет закрепления в международных актах и национальном законодательстве. Показано, что данный термин не отражает сущности плагиата, поскольку отсутствует ключевой элемент – использование чужого произведения. В юридическом смысле нарушения могут возникать лишь при нарушении исключительных прав, переданных автором, либо при несоблюдении договорных обязательств (например, условий о новизне результата в издательских договорах, грантовых контрактах и трудовых соглашениях).

Особое внимание уделено практике написания диссертационных работ, в которой воспроизведение автором собственных публикаций в тексте диссертации не только допустимо, но и необходимо для подтверждения личного вклада исследователя. Автоматизированные системы проверки «оригинальности» (в частности, «Антиплагиат») искажают оценку допустимых форм самоцитирования, что приводит к необоснованным требованиям переписывать тексты и фактически снижает качество научных работ.

Сделан вывод о том, что термин «самоплагиат» не обладает правовым содержанием и его использование в юридической сфере приводит к подмене реально существующих правонарушений, что способно вызвать правовые коллизии и негативно сказаться на научной деятельности.

Защита интеллектуальных прав

Е.В. Пуляева

119 **Особенности правового режима оговорки об исключении и ограничении ответственности за нарушение обязательств в сфере информационных технологий**

В статье рассматриваются практические вопросы применения условий договоров в сфере информационных технологий, предусматривающих исключение и ограничение ответственности за нарушение обязательств. Приводятся примеры влияния специфики информационных технологий на договорно-правовые конструкции и используемые в них оговорки, исследуются используемые в практике условия, исключающие или ограничивающие отдельные виды убытков, размер неустойки за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору в сфере информационных технологий.

Патентное право

А.И. Балашова

129 **Вторичные и дополнительные патенты, зависимые изобретения: соотношение понятий и правовых режимов**

В статье предпринята попытка комплексно исследовать понятия «вторичный патент» («вторичное изобретение»), «дополнительный патент», «зависимое изобретение» в историческом и сравнительно-правовом аспектах, определить соотношение данных понятий и правовых режимов соответствующих изобретений, выявить точки пересечения в современном российском правовом регулировании и практике его применения и проанализировать соответствующую проблематику. Исследована эволюция правовой охраны зависимых (дополнительных) изобретений, правового механизма продления срока действия патента и появление дополнительных патентов в современном значении в отечественном праве. Проанализированы подходы к правовой охране зависимых изобретений, выдаче дополнительных патентов, а также охранных документов при продлении правовой охраны изобретений в зарубежных юрисдикциях. Рассмотрено соотношение зависимых и вторичных изобретений в современном российском праве и практике его применения, определены точки пересечения и проблематика в ситуациях, когда патент на вторичное изобретение приобретает на имя патенто-

обладателя основного изобретения и на имя третьего лица. Определено соотношение вторичных и дополнительных патентов и правовых режимов охраняемых такими патентами объектов, обозначена и рассмотрена проблематика выдачи дополнительных патентов на вторичные изобретения, в том числе с учетом допустимости множественности дополнительных патентов.

Средства индивидуализации

Е.А. Павлова, В.О. Калятин, М.А. Кольздорф, В.А. Корнеев, Л.А. Новоселова, М.В. Радецкая, Н.Б. Спиридонова, А.Е. Туркина

150 Концепция внесения изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации в отношении товарных знаков

В статье излагается концепция совершенствования части четвертой ГК РФ, разработанная авторами на основе анализа действующего законодательства РФ о товарных знаках (знаках обслуживания) и проблем, возникающих в правоприменительной практике. Концепция содержит предложения по внесению изменений в ряд статей главы 69 и параграфа 2 главы 76 ГК РФ, направленных на уточнение оснований для отказа в государственной регистрации, изменения объема и прекращения правовой охраны товарного знака; предложения по пересмотру положений, касающихся правовой охраны общеизвестных в РФ товарных знаков; предложения по введению в параграф 2 главы 76 ГК РФ положений о свободном использовании товарных знаков.

И.Р. Батищев

174 Злоупотребление правом при приобретении исключительного права на товарный знак

Статья посвящена явлению злоупотребления правом при приобретении исключительного права на товарный знак. В работе освещается вопрос оправданности применения доктрины злоупотребления правом к действиям, связанным с предоставлением правовой охраны товарному знаку. На основе изучения научной литературы, а также регистрационной и судебной практики определяются наиболее типичные случаи злоупотребления правом при регистрации товарного знака. Анализируются предусмотренные в российском правопорядке механизмы противодействия злоупотреблению правом при регистрации товарного знака. Автором определены недостатки в действующем механизме противодействия обозначенному виду злоупотребления правом и предложены пути его совершенствования.

А.Е. Туркина

191 Сертификационные знаки за рубежом и в России: соотношение с институтами географического указания и наименования места происхождения товара

Автор рассматривает механизмы регулирования использования сертификационных знаков за рубежом и в России и их соотношение с географическими указаниями и наименованиями мест происхождения товаров ввиду выявленных при анализе судебной практики проблем применения норм о географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров.

Цифровая среда

Р.Е. Булат

198 Тенденции в разработке единых подходов к соблюдению авторских прав и оценке этичности научных публикаций

Целью статьи является научное обоснование необходимости разработки единых подходов к оценке этичности научных публикаций на основе унификации критериев. Актуальность исследования обусловлена растущим влиянием ИИ-технологий на научно-творческую деятельность, что требует решения существующих проблем до принятия новых административных механизмов регулирования. Методология исследования включает аналитический обзор нормативно-правовой базы, сравнительный анализ научных публикаций и критический анализ правил для авторов и других аспектов публикационной этики в 19 рецензируемых журналах (из «Белого списка» по тематике «Народное образование. Педагогика»). Результаты исследования

позволили выявить отсутствие терминологического единообразия (47 единиц в интерпретациях ключевых понятий: плагиат, заимствование, оригинальность и др.), что приводит к неоднозначности критериев оценки на разных этапах публикационного цикла, обнаружить различия в оценке самостоятельности и научной значимости, зафиксировать рост преобладания критерия «оригинальность» над теоретической и практической ценностью исследования по мере снижения категории научных изданий. На основе полученных данных в качестве выводов исследования представлены рекомендации по разработке методологических основ единых подходов к оценке этичности научных публикаций. При этом консолидация усилий всех участников научно-издательского процесса рассматривается как основа преобразования «этики запретов» в «этику возможностей». Предлагаемое решение позволит устранить терминологические противоречия путем унификации ключевых понятий и их нормативного закрепления в качестве обязательных стандартов.

Научная статья
УДК 347.2

Для цитирования:

Рожкова М.А., Алымова Е.В., Григорьев Д.А., Самарцева М.В., Паламарчук И.А., Морозюк О.В., Ходаков И.Д. Сложные объекты интеллектуальных прав. Особенная часть // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Декабрь. № 4 (50). С. 6–30.

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_1

For citation:

Rozhkova M.A., Alymova E.V., Grigoriev D.A., Samartseva M.V., Palamarchuk I.A., Morozyuk O.V., Khodakov I.D. The concept for amending Part Four of the Civil Code of the Russian Federation regarding trademarks // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. December. N 4 (50). Pp. 6–30. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_1

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_1

Сложные объекты интеллектуальных прав. Особенная часть

М.А. Рожкова,

доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, президент IP CLUB,
г. Москва, Россия

Е.В. Алымова,

выпускница магистерской программы «Цифровое право» НИУ ВШЭ, ответственный секретарь IP CLUB,
г. Москва, Россия

Д.А. Григорьев,

директор юридического департамента Европейской Медиагруппы,
г. Москва, Россия

М.В. Самарцева,

вице-президент IP CLUB, советник, руководитель практики интеллектуальной собственности и технологий юридической фирмы «Дякин, Горцуныя и Партнеры»,
г. Москва, Россия

И.А. Паламарчук,

кандидат юридических наук, ведущий менеджер по юридическому сопровождению проектов Леста Игры,
г. Москва, Россия

О.В. Морозюк,

кандидат юридических наук, ведущий юрисконсульт управления интеллектуальной собственностью и правового сопровождения цифровых медиа ООО «Медиа Бизнес Солюшенс», член Комитета по правовым вопросам Координационного центра доменов .RU/.РФ,
г. Москва, Россия

И.Д. Ходаков,

старший юрист юридической фирмы АЛРУД,
г. Москва, Россия

Данная статья отражает результаты комплексного исследования правового режима сложных объектов интеллектуальных прав и развивает выводы, изложенные ранее в коллективной работе «Сложные объекты интеллектуальных прав. Общая часть». В настоящей статье проанализированы как объекты, прямо поименованные в п. 1 ст. 1240 Гражданского кодекса РФ (аудиовизуальные произведения, мультимедийные продукты, базы данных), так и объекты, не включенные в закрытый перечень сложных объектов, но устойчиво рассматриваемые в юридической литературе как сложные: интернет-сайты, видеоигры, настольные игры, аккаунты. Особое внимание в статье уделено вопросам структуры таких объектов, критериев их отнесения к сложным, распределения прав и проблемам правоприменения. Проведенное исследование дополнительно подтвердило тезис о необходимости пересмотра подходов к правовому регулированию сложных объектов и потребности в закреплении в законе открытого перечня сложных объектов, который обеспечит адаптивность правового регулирования к появлению новых комплексных объектов интеллектуальных прав.

Ключевые слова:

сложный объект; интеллектуальная собственность; кинофильм; аудиовизуальное произведение; мультимедийный продукт; база данных; интернет-сайт; видеоигра; настольная игра; аккаунт

Введение

Первая часть исследования, подготовленная по результатам обсуждения, состоявшегося в рамках конференции «Сложные объекты: нужно ли расширять их легальный список?» в честь 10-летнего юбилея IP CLUB, была посвящена теоретико-правовому осмыслению института сложных объектов интеллектуальных прав. В рамках проведенного анализа были рассмотрены ключевые элементы правового режима сложных объектов, сформулированы их сущностные признаки, проанализированы особенности аккумуляирования исключительных прав на создаваемый сложный объект, а также был проведен сравнительный анализ с отдельными зарубежными юрисдикциями.

В процессе исследовательской работы был сформулирован перечень конституирующих признаков сложного объекта, включающий:

- 1) множественность охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (не менее трех);
- 2) разнородность используемых результатов интеллектуальной деятельности;

3) целостность формы и сложность внутренней структуры¹.

По итогам работы над первой частью исследования был сделан следующий вывод. Концепция сложного объекта, бесспорно, представляет собой значительное достижение российской юридической науки, однако воплотившая ее ст. 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ, Кодекс) в современных условиях нуждается в существенном изменении: в частности, необходимо закрепление открытого перечня сложных объектов, введение в закон конституирующих признаков таких объектов, а также более четкое разграничение прав между участниками правоотношений по поводу таких объектов².

Примечательно в связи со сказанным то, что сложные объекты, которые В.А. Дозорцев обозначал как «комплексные объекты, имеющие синтетический характер»³, отличает помимо прочего специальный характер возникающих на них исключительных прав, которые правовед именовал «продюсерскими» и характеризовал как новый

¹ Рожкова М.А., Алымова Е.В., Лабзин М.В., Никифоров А.А. Сложные объекты интеллектуальных прав. Общая часть // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). С. 27. DOI: 10.58741/23134852_2025_2_3

² Рожкова М.А., Алымова Е.В., Лабзин М.В., Никифоров А.А. Указ. соч. С. 40.

³ Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей / Исслед. центр частного права. – М.: Статут, 2003. С. 40.

вид исключительного права. Надо признать, что таким правам – возникающим вследствие организационной деятельности лица, координирующего сочетание результатов индивидуального творчества различных лиц – в ГК РФ, уделено незаслуженно мало внимания. Между тем именно возникновение «продюсерских» (исключительных) прав выделяет все без исключения сложные объекты из числа прочих. При этом, по мнению В.А. Дозорцева, имеет место «умаление прав индивидуальных авторов, охраняемых традиционными исключительными правами, ущемление их интересов»⁴. Данный недостаток также нуждается в исправлении.

Настоящая статья отражает результаты проведенного исследования правового режима сложных объектов, включающие анализ некоторых из прямо поименованных в п. 1 ст. 1240 ГК РФ результатов интеллектуальной деятельности (в котором к сложным объектам прямо отнесены кинофильм и иные аудиовизуальные произведения, театрально-зрелищное представление⁵, мультимедийный продукт, база данных). Кроме того, предметом изучения стал ряд объектов, которые не упомянуты в нынешнем закрытом перечне сложных объектов, но в юридической литературе стабильно признаются разновидностями сложных объектов интеллектуальных прав – это интернет-сайт, видеоигра, настольная игра, аккаунт.

1. Аудиовизуальные произведения и кинофильмы

Аудиовизуальные произведения, вероятно, надо признать самым удачливым сложным объектом: ему не только посвящена специальная статья

Кодекса (ст. 1263 ГК РФ), но и дано довольно развернутое определение, причем возникающие на этот сложный объект права прямо поименованы как права продюсера (то есть «продюсерские» права, о которых писал В.А. Дозорцев).

Так, согласно п. 1 ст. 1263 ГК РФ аудиовизуальным произведением является произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств. При этом подчеркивается, что аудиовизуальные произведения включают кинематографические произведения, а также все произведения, выраженные средствами, аналогичными кинематографическим (теле- и видеофильмы и другие подобные произведения), независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации.

Несмотря на столь подробное обозначение характеристик аудиовизуального произведения⁶, нет абсолютной четкости в отношении того, какие объекты подпадают под категорию таких произведений, кроме теле- и видеофильмов. В частности, дискуссионным является допустимость отнесения к ним телепрограмм и телепередач.

Обратившись к положениям Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений⁷ (далее – Бернская конвенция), можно увидеть, что в ней не упоминаются аудиовизуальные произведения, но прямо названы «кинематографические произведения, к которым приравниваются произведения, выраженные способом, аналогичным кинематографии» (ст. 2(1)).

⁴ Там же.

⁵ К театрально-зрелищным представлениям предлагается относить «например: церемонии открытия и закрытия Олимпийских игр и иных подобных мероприятий, сложные в постановочном отношении представления театрализованных эстрадных шоу, мюзиклов и т.п.» (Заключение Исследовательского центра частного права по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (редакционный материал) // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 124). При этом отмечается: «Вряд ли к сложным объектам могут быть отнесены обычные концерты или детские утренники, которые хотя и состоят из различных результатов интеллектуальной деятельности, но не составляют единого целого как творческий результат» (Там же).

⁶ Так, Л.В. Шварц указывает, что природа аудиовизуального произведения раскрывается не в самом определении в ст. 1263 ГК РФ, «где законодатель скорее делает акцент на способе создания и восприятии аудиовизуального произведения», а в ст. 1240 ГК РФ (см.: Шварц Л.В. Аудиовизуальное произведение как сложный объект авторского права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 3 (17). С. 30–31).

⁷ Текст Бернской конвенции на русском языке доступен на сайте Всемирной организации интеллектуальной собственности: http://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/text.jsp?file_id=283702#a14; на английском языке: http://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/text.jsp?file_id=283698#P174_33037

По смыслу ст. 14 Бернской конвенции кинематографические произведения (Cinematographic Works) представляют собой созданные на основе литературных и художественных произведений кинематографические постановки. При этом в соответствии со ст. 14bis Бернской конвенции кинематографическое произведение подлежит охране в качестве оригинального произведения.

Кроме того, должен быть упомянут Договор о международной регистрации аудиовизуальных произведений, или иначе – Договор о реестре фильмов (Treaty on the International Registration of Audiovisual Works (Film Register Treaty))⁸, действие которого было приостановлено в 1993 г. Статья 2 («Audiovisual Work») этого договора устанавливала: «Для целей настоящего Договора «аудиовизуальное произведение» означает любое произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой кадров (с сопровождением или без сопровождения их звуком), предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия». Следует специально подчеркнуть, что целью данного договора было создание международного реестра фильмов и выражение «аудиовизуальное произведение» использовалось как синоним слова «фильм».

Россия в Договоре о реестре фильмов не участвовала. Вместе с тем понятие аудиовизуального произведения, содержащееся в ст. 2 этого международного договора, а также положение ст. 2(1) Бернской конвенции, были воспроизведены в ст. 4 Закона РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об автор-

ском праве и смежных правах»⁹. А затем определение, содержащееся в ст. 2 Договора о реестре фильмов, дополненное положением ст. 2(1) Бернской конвенции, было воспроизведено в п. 1 ст. 1263 ГК РФ. Это позволило М.А. Рожковой сделать вывод, что под аудиовизуальными произведениями следует понимать именно фильмы (кинофильм, телефильм, видеофильм, мультипликационные фильмы и т.п.), но никак не телепередачи и телепрограммы¹⁰.

Сомнения в части того, что под понятие аудиовизуальных произведений подпадают телепрограммы и телепередачи (эти слова обычно используются как взаимозаменяемые слова, слова-синонимы¹¹, поэтому далее – телепередачи), обусловлены в первую очередь смысловой составляющей. В частности, в Большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова телепередачу предлагается понимать в двух значениях: во-первых, как передачу изображения при помощи телевидения, и, во-вторых, как то, что передается по телевидению, из телевизионного центра¹².

В связи со сказанным телепередачи подпадают под регулирование не положений об аудиовизуальном произведении, а норм о сообщениях передач организаций эфирного или кабельного вещания, в том числе передач, созданных самой организацией эфирного или кабельного вещания либо по ее заказу за счет ее средств другой организацией» (п. 3 ст. 1304 ГК РФ). Как отмечает Д.А. Григорьев, «сообщения передач организаций эфирного или кабельного вещания охраняют как вещание телерадиоканала целиком, так и его отдельных

⁸ Этот международный договор был подписан в Женеве в 1989 г., но в 1993 г. его действие было приостановлено (текст на английском языке доступен на сайте Всемирной организации интеллектуальной собственности: http://www.wipo.int/export/sites/www/treaties/en/documents/other_treaties/frt-treaty.pdf).

⁹ Согласно ст. 4 Закона РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» «аудиовизуальное произведение – произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой кадров (с сопровождением или без сопровождения их звуком), предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств; аудиовизуальные произведения включают кинематографические произведения и все произведения, выраженные средствами, аналогичными кинематографическим (теле- и видеофильмы, диафильмы и слайдфильмы и тому подобные произведения), независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации аудиовизуальные произведения включают кинематографические произведения и все произведения, выраженные средствами, аналогичными кинематографическим (теле- и видеофильмы, диафильмы и слайдфильмы и тому подобные произведения), независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации».

¹⁰ Рожкова М.А. Является ли телепередача или телепрограмма аудиовизуальным произведением / сложным объектом интеллектуальной собственности? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2017. 6 января (URL: https://zakon.ru/blog/2017/01/06/yavlyaetsya_li_teleperedacha_ili_teleprogramma_audiovizualnym_proizvedeniemslozhnym_obektom_intellek).

¹¹ Если только под телепрограммой (телевизионной программой) не понимается перечень телепередачи и прочего на определенное время.

¹² URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/телепередача>

передач, которые созданы вещателем самостоятельно или иной организацией по его заказу»¹³.

Поясняя изложенное, надо прежде всего отметить, что термин «телерадиопередача» в техническом смысле понимается как «передача звука и/или изображения посредством телерадиосигнала». В подтверждение этого можно сослаться на ст. 2 Закона от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», в которой указано: «Под радио-, теле-, видео-, кинохроникальной программой понимается совокупность периодических аудио-, аудиовизуальных сообщений и материалов (передач), имеющая постоянное наименование (название) и выходящая в свет (в эфир) не реже одного раза в год». То есть речь идет именно о техническом процессе периодической передачи материалов в эфир.

Таким образом, причисление телерадиопередач к аудиовизуальным изображениям не имеет под собой сколь-нибудь серьезного обоснования и, по сути, является следствием обыденного понимания. Отказ от обыденного понимания рассматриваемого термина устранил ошибочный вывод о несогласованности ГК РФ и Закона «О средствах массовой информации», поскольку последний регламентирует именно технические вопросы передачи информации, не касаясь ее интеллектуально-правовой сущности.

Еще более иллюстративно демонстрирует отсутствие связи между категориями «телерадиопередача» и «аудиовизуальное произведение» Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». В части 3 ст. 20 этого закона определено, что организаторам физкультурных мероприятий и (или) спортивных мероприятий принадлежат права на их освещение посредством трансляции изображения и (или) звука мероприятий любыми способами и (или) с помощью любых технологий,

а также посредством осуществления записи указанной трансляции и (или) фотосъемки мероприятий. Это положение подтверждает, что трансляция спортивного мероприятия есть технический процесс передачи звука и/или изображения, не имеющая отношения к творческой деятельности

Данный подход подтверждается судебной практикой. Так в деле № А40-87361/18 суд указал, что действующее законодательство не содержит легального определения понятия «трансляция», но в профессиональной литературе и медийной практике под этим понятием понимается формирование аудио- и/или видеосигнала с мероприятия (спортивного соревнования), его запись или передача в эфир или по кабелю в целях его распространения для всеобщего сведения, осуществляемые в режиме реального времени (в прямом эфире), или с задержкой, или в записи наземными передатчиками, со спутника или по кабелю в форме теле- и радиопрограмм, принимаемых населением, а также через всемирную сеть Интернет или по каналам мобильной связи». Суд обратил внимание на то, что истец в обоснование своих требований ссылался на положения части четвертой ГК РФ (в частности, на ст. 1225, 1229 ГК РФ), однако, как подчеркнул суд, из ст. 1225 ГК РФ не усматривается, что право на осуществление спортивных трансляция является объектом интеллектуальных прав – это право является техническим условием для осуществления трансляций¹⁴.

Таким образом, необходимо признать, что на сегодняшний день действующее отечественное законодательство не позволяет относить телепрограммы и телепередачи к аудиовизуальным произведениям.

Интерес представляет и особое указание законодателя на кинофильмы в составе аудиовизуальных произведений¹⁵, содержащееся в п. 1 ст. 1240 ГК РФ. Обоснованно можно утверждать, что имен-

¹³ Григорьев Д. Сообщения передач организаций эфирного или кабельного вещания, осуществляющие их сообщение как объект смежных прав [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2016. 6 октября (URL: https://zakon.ru/blog/2016/10/06/soobscheniya_peredach_organizacij_efirnogo_ili_kabelnogo_veschaniya_osuschestvlyayushee_ih_soobsche).

¹⁴ Решение Арбитражного суда города Москвы от 12 октября 2018 г. по делу № А40-87361/2018.

¹⁵ Очевидно, что кинофильм является разновидностью аудиовизуального произведения, на что указывает и сам законодатель: «Лицо, организовавшее создание сложного объекта, включающего несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (кинофильма, иного аудиовизуального произведения...)» (п. 1 ст. 1240 ГК РФ) (выделено мной. – Е.А.). В подтверждение этого М.С. Андрианова называет кинофильм первой формой существования аудиовизуальных произведений (см.: Андрианова М.С. Аудиовизуальное произведение – объект авторского права: к истории вопроса // Платон. 2013. № 4. С. 39).

но необходимость правового регулирования кинофильмов – объектов, существенно отличающихся по своей структуре и способу создания от традиционных объектов авторского права, – в значительной степени предопределила формирование в отечественной доктрине категории сложного объекта¹⁶. Кинофильм как результат коллективной и разнородной творческой деятельности потребовал создания особой конструкции, способной обеспечить как эффективное аккумулирование прав, так и защиту интересов всех участников процесса его создания.

Такое понимание сложилось еще в 50-х гг. прошлого века. В частности, М.А. Гордон называл «сложными» отношения, возникающие между лицами, участвующими в создании кинофильма: «Для создания кинофильма недостаточно деятельности тех работников, которые создают сценарий или музыку. Эти произведения являются только составными элементами, которые нужны для того, чтобы значительный коллектив работников искусств, объединяемый кинопроизводственным предприятием, мог создать готовое произведение в виде кинофильма. <...> Кинофильм в целом является результатом работы ряда авторов над многими специальными объектами авторского права. Вместе с тем нельзя признавать кинофильм только суммой этих отдельных элементов. При создании кинофильма продолжают существовать в его составе объекты, созданные в процессе подготовительной работы, но общий результат всей деятельности по созданию фильма выходит за пределы простого соединения этих объектов»¹⁷. Н.А. Райгородский, в свою очередь, отмечал, что лица, принимавшие творческое участие в создании кино-

фильма, должны быть признаны соавторами «независимо от того, имеет ли созданная каждым из этих соавторов часть – элемент кинофильма – самостоятельное значение и может ли она быть поэтому самостоятельно использована»¹⁸.

Таким образом, несмотря на отдельные разногласия между теоретиками сформировалось понимание кинофильма как результата творческой деятельности множества людей, выходящего за рамки простого объединения составляющих его произведений и, следовательно, требующего отдельного правового регулирования. Тем самым, советские правоведы предвосхитили современное представление о кинофильме как о сложном объекте интеллектуальных прав и заложили основу для дальнейшего осмысления подобных правовых конструкций.

Продолжением исследований, основа которых была заложена советскими правоведами, стала концепция, окончательно сформулированная В.А. Дозорцевым, который подчеркивал, что формирование сложных объектов, появление которых стало следствием технологического прогресса, предполагает участие различных субъектов, создающих самостоятельные результаты творческой деятельности и координирующие их объединение в рамках единого целостного результата¹⁹. Именно кинофильм В.А. Дозорцев называет в качестве первого примера нового объекта, в отношении которого наиболее остро проявляются правовые проблемы, связанные с коллективным и разнородным характером творчества. Тогда же Виктор Абрамович приходит к выводу о том, что феномен сложных комплексных объектов находится в стадии становления, а соответствующая правовая

¹⁶ Об этом писал В.А. Дозорцев: «Постепенно выявилось, что фильмы представляют собой новый, достаточно своеобразный объект, для которого многие традиционные положения авторского права, действующие с момента его возникновения, нуждаются в корректировке. <...> Субъект права на фильм не может устанавливаться так же, как на традиционные произведения – объекты авторского права. В создании фильма в целом принимает участие большое число творческих и не только творческих работников, осуществляющих разнородную деятельность, поэтому индивидуальное авторство физического лица на фильм в целом исключается, участники не являются и традиционными соавторами» (подробнее см.: *Дозорцев В.А.* Указ. соч. С. 144, 146).

Примечательно, что в советской научной мысли середины XX в. вопросам правового регулирования киноиндустрии уделялось значительное внимание. В частности, в литературе того периода отдельно выделялось т. н. киноавторское право (подробнее про киноавторское право СССР см.: *Орлов Б.П.* Основные вопросы киноавторского права: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.00. – М., 1954).

¹⁷ *Гордон М.В.* Советское авторское право. М.: Госюриздат, 1955. С. 192, 195.

¹⁸ *Райгородский Н.А.* Авторское право на кинематографическое произведение. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. С. 42.

¹⁹ *Дозорцев В.А.* Указ. соч. С. 147.

категория хотя и назрела, но еще в полной мере не сформировалась²⁰. Впоследствии теоретические положения, разработанные именно В.А. Дозорцевым, оказали заметное влияние на законодательное закрепление категории сложных объектов: уже в первой редакции части IV ГК РФ (законопроект № 323423-4) в перечень сложных объектов наряду с иными аудиовизуальными произведениями был включен и кинофильм, что стало отражением признания особой правовой природы данного объекта в рамках системы интеллектуальных прав.

Хотя в настоящее время выделение кинофильмов отдельно от иных аудиовизуальных произведений в ст. 1240 ГК РФ и представляется избыточным, поскольку с точки зрения как действующего законодательства, так и доктрины кинофильм представляет собой разновидность аудиовизуального произведения, для которого (кинофильма) применимы все признаки последнего, следует отметить, что наличие специального упоминания кинофильма в п. 1 ст. 1240 ГК РФ о сложных объектах может быть интерпретировано как свидетельство устойчивой правовой традиции и отражение исторической роли кинофильма в формировании института сложного объекта. Именно правовая природа кинофильма как коллективного и синтетического произведения стала отправной точкой для развития отечественной категории сложных объектов интеллектуальных прав.

В целях настоящей статьи определяющее значение усматривается за законодательным решением в части распределения прав между продюсером (организатором) и, пользуясь терминологией В.А. Дозорцева, «индивидуальными авторами». Следуя позиции Виктора Абрамовича, надо признать, что заложенная в статье об аудиовизуальных произведениях конструкция «продюсерских» прав подлежит применению ко всем без исключения сложным объектам, ибо именно эта самостоятельная разновидность исключительных прав дополнительно выделяет сложные объекты из ряда прочих.

Конструкция «продюсерских» прав нашла отражение в ст. 1263 ГК РФ, согласно которой исклю-

чительные права на аудиовизуальное произведение в целом принадлежат продюсеру (изготовителю) как лицу, организовавшему создание этого сложного объекта (п. 4 ст. 1263 ГК РФ). При этом в действующей редакции п. 2 ст. 1263 ГК РФ авторами аудиовизуального произведения признаются: (1) режиссер-постановщик, (2) автор сценария, (3) композитор, являющийся автором музыкального произведения, которое создано именно для этого аудиовизуального произведения, (4) художник-постановщик анимационного (мультипликационного) фильма. В свою очередь п. 5 ст. 1263 ГК РФ закрепляет следующее положение: «Каждый автор произведения, вошедшего составной частью в аудиовизуальное произведение, как существовавшего ранее (автор произведения, положенного в основу сценария, и другие), так и созданного в процессе работы над ним (оператор-постановщик, художник-постановщик и другие), сохраняет исключительное право на свое произведение, за исключением случаев, когда это исключительное право было передано изготовителю или другим лицам либо перешло к изготовителю или другим лицам по иным основаниям, предусмотренным законом».

Аудиовизуальное произведение, в полной мере отвечающее обозначенным в начале настоящей статьи признакам, охватывает, в частности, следующие объекты интеллектуальных прав: сценарий; литературное произведение, положенное в основу сценария; режиссуру; музыкальное произведение, специально созданное для этого аудиовизуального произведения, или вошедшее составной частью в это аудиовизуальное произведение, но созданное ранее; исполнение роли, чтение, пение и иное исполнение в этом аудиовизуальном произведении, осуществленное в процессе создания этого произведения и т.д.

С учетом сказанного субъектный состав правообладателей применительно к каждому аудиовизуальному произведению, по ранее высказанного М.А. Рожковой мнению, может подразделяться, по меньшей мере, на четыре группы²¹. Первую

²⁰ Там же. С. 153.

²¹ См. об этом: Рожкова М.А. Пирамида прав на аудиовизуальное произведение: с какого момента можно считать себя продюсером [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 24 мая. URL: https://zakon.ru/blog/2018/05/23/piramida_prav_na_audiovizualnoe_proizvedenie_nebolshoj_kommentarij.

группу составляют вышеперечисленные авторы аудиовизуального произведения. Во вторую группу входят обладатели прав на объекты, специально созданные для этого аудиовизуального произведения или в процессе работы над ним: по смыслу п. 5 ст. 1263 ГК РФ к ним, в частности, относятся (1) артисты-исполнители; (2) оператор-постановщик; (3) художник-постановщик; (4) поэт – автор текста для музыкального произведения, специально созданного для этого аудиовизуального произведения; (5) художник и (или) художник-оформитель – автор художественного произведения, специально созданного для этого аудиовизуального произведения. Третья группа охватывает обладателей прав на объекты, используемые в этом аудиовизуальном произведении, но созданные ранее и не специально для этого произведения: по смыслу п. 5 ст. 1263 ГК РФ к ним, в частности, относятся (1) писатель – автор литературного произведения, положенного в основу сценария; (2) композитор и поэт – авторы музыкального произведения, созданного ранее; (3) художник – автор художественного произведения, созданного ранее. Четвертая группы исчерпывается продюсером (изготовителем) аудиовизуального произведения.

В соответствии с п. 1 ст. 1228, ст. 1240 и п. 4 ст. 1263 ГК РФ продюсер не признается автором аудиовизуального произведения, но вместе с тем является обладателем исключительных прав на аудиовизуальное произведение в целом, если иное прямо не вытекает из договора, заключенного им с авторами аудиовизуального произведения. Признание продюсера правообладателем, но не автором обусловлено тем, что изготовление (организация создания) аудиовизуального произведения требует от продюсера не творческой деятельности, а организации процесса производства и прежде всего аккумуляирования прав на все результаты интеллектуальной деятельности, которые используются в аудиовизуальном произведении.

Необходимо подчеркнуть, что права продюсера на аудиовизуальное произведение могут возникнуть только при условии заключения им договоров на отчуждение в его пользу договоров

об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров. На это обращает внимание и В.О. Калятин: «Исходя из п. 1 ст. 1240 ГК РФ, лицо, организовавшее создание сложного объекта, должно заключить договоры об отчуждении исключительного права или лицензионные договоры с обладателями исключительных прав на объекты, использованные в составе сложного объекта, причем заключение таких договоров является предварительным условием приобретения права на сложный объект. Для режиссера-постановщика, автора сценария и автора музыкального произведения каких-либо изъятий не установлено (более того, п. 4 ст. 1263 ГК РФ отсылает в части определения прав на аудиовизуальное произведение к ст. 1240 ГК РФ), а это означает, что продюсер должен заключить договоры на приобретение требуемых прав и с ними»²².

Изложенное позволяет сделать следующий вывод. Лицо признается обладателем прав на аудиовизуальное произведение в целом при условии, что им заключены договоры в отношении прав на все объекты исключительных прав, использованные в этом аудиовизуальном произведении. Причем речь идет не только об объектах, специально создаваемых для этого аудиовизуального произведения или в процессе работы над ним, но и созданных ранее, не для этого произведения, но вошедших составной частью в него. Заключение физическим или юридическим лицом договоров в отношении только части объектов авторских и смежных прав, использованных в этом аудиовизуальном произведении, не позволяет рассматривать такое лицо как приобретшее исключительные права на аудиовизуальное произведение в целом. Такое лицо будет правообладателем лишь соответствующих самостоятельных объектов авторских или смежных прав, не приобрета «продюсерских» прав.

2. Мультимедийные продукты

В отличие от аудиовизуального произведения мультимедийный продукт упоминается в Кодексе только один раз – в ст. 1240 ГК РФ, содержащей перечень сложных объектов.

²² Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты интеллектуальных прав / Под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Норма, 2014. С. 257 (автор комментария – В.О. Калятин).

С одной стороны, подобное безразличие законодателя к правовому регулированию отношений по поводу крайне значимых на практике объектов интеллектуальных прав препятствует формированию адекватной и эффективной правоприменительной практики. С другой стороны, заложенное в доктрине общее понимание как сложных объектов, так и возникающих в отношении них «продюсерских» прав с учетом правила об аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) дают все основания для вывода, что конструкция «продюсерских» прав, закрепленная в ст. 1263 ГК РФ об аудиовизуальном произведении, в полной мере распространяется и на мультимедийные продукты.

В связи со сказанным сложно согласиться с мнением А.Ю. Копылова об обязательности именно легальной дефиниции понятия «мультимедийный продукт», которое обосновывается автором тем, что без такой дефиниции «любые отвлеченные рассуждения относительно свойств и отдельных признаков неопределенной сущности влекут его неоднозначные трактовки в науке и судебной практике»²³.

Бесспорно, необходимо установить, что следует понимать под термином «мультимедийный продукт», однако вряд ли такому понятию может быть предложено удовлетворяющее всех легальное определение, поскольку понятие «мультимедийный продукт» является обобщающим. И здесь примечательно заключение Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева, в котором в отсутствие соответствующего определения в законе предлагалось исходить из общей характеристики сложных объектов как представляющих собой единое целое (единый объект) и имеющих сложный состав (структуру), который образуется из совокупности разнородных результатов интеллектуальной деятельности²⁴. При этом отмечалось: «Мультимедийными продуктами могут быть названы компьютерные игры, сайты в сети Интер-

нет и т.п. Вместе с тем при отсутствии прямого определения в законе окончательное представление о том, что включается в эти понятия, будет сформировано лишь судебной практикой»²⁵.

Надо признать, что в решениях судов иногда формулируются определения объектов, подпадающих под понятие мультимедийных продуктов. К сожалению, судебная практика отнюдь не единообразна и зачастую причисляет к мультимедийным продуктам различные объекты, иногда включая явно не относящиеся к категории сложных. На это обращает внимание А.Ю. Копылов: «Наблюдаются различные подходы: от дел, где мультимедийным продуктом называется не результат интеллектуальной деятельности, а электронное устройство, предназначенное для считывания и показа изображений, записанных в цифровом виде – цифровая фоторамка, до признания мультимедийного продукта программой для ЭВМ»²⁶.

В этих условиях, бесспорно, внимания заслуживают дефиниции, предлагаемые доктриной. При этом анализ таких определений должен быть предварен следующим замечанием: понятие «мультимедийный продукт» есть понятие собирательное, которое предназначено для обозначения различных по своим характеристикам комплексных объектов, отличающихся, как указывалось выше, «синтетическим характером» и объединяемых какими-то общими для всех чертами или свойствами. Именно общие черты или свойства и позволяют говорить о существовании группы объектов, объединенных под именем «мультимедийные продукты».

Изучение публикаций позволяет сделать вывод о значительном разнообразии встречающихся в литературе дефиниций понятия «мультимедийный продукт». И в качестве примера можно обозначить мнение А.В. Назаренко, который пишет, что из определения, данного Таней Аплин²⁷ (согласно которому мультимедийный продукт – «это

²³ Копылов А.Ю. Проблемы квалификации сложных объектов интеллектуальных прав // Журнал российского права. 2021. Т. 26. № 6. С. 85.

²⁴ Заключение Исследовательского центра частного права по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (редакционный материал) // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 124.

²⁵ Там же.

²⁶ Копылов А.Ю. Указ. соч. С. 85.

²⁷ См.: Aplin T. Copyright law in the Digital society. The challenges of multimedia. Oxford, 2005. P. 15.

компьютеризированная комбинация цифровых объектов, представляющих собой текст или графические изображения, а также последовательный поток информации (аудио- и видеозапись), с которой пользователь может взаимодействовать в различной степени множеством способов») усматриваются основные свойства мультимедийного продукта, к которым относятся сложность, цифровая форма и интерактивность, то есть способность к взаимодействию с пользователем²⁸.

К.Д. Савицкой было проведено специальное исследование описанных в юридической литературе ключевых признаков мультимедийного продукта, по результатам которого она сгруппировала такие признаки по частоте их упоминания²⁹.

Первым была названа интерактивность, под которой автор предлагает понимать возможность пользователя активно воздействовать на сложный объект – именно интерактивность, по мнению К.Д. Савицкой, является отличительным признаком мультимедийного продукта: «В данном случае пользователь является не просто зрителем, а имеет возможность взаимодействовать с содержанием произведения множеством способов. От выбора пользователя зависит визуальный, звуковой ряд мультимедийного произведения. Признак интерактивности также позволяет отграничить мультимедийное произведение от иных произведений, для которых характерна пассивная роль пользователя (аудиовизуальные произведения, базы данных и др.)»³⁰. Примечательно в связи с этим, что в одном из постановлений Суда по интеллектуальным правам высказана другая идея – что мультимедийные продукты не обязательно должны быть интерактивными: «Принято разделять интерактивные и мультимедийные объекты. Последние, указанные в статье 1240 ГК РФ, рассматриваются в плане использования комплекса различных средств воздействия на пользователя, а именно

в качестве объекта интеллектуальной собственности, в котором информация различной природы присутствует равноправно и взаимосвязано для решения определенных автором (правообладателем) задач, причем эта взаимосвязь обеспечена соответствующими программными средствами. Интерактивные мультимедийные продукты содержат элементы взаимодействия с пользователем (зрителем)»³¹.

Вторым по популярности в перечне ключевых признаков стал такой признак как наличие в составе мультимедийного продукта ряда результатов интеллектуальной деятельности. Этот признак К.Д. Савицкая относит к числу общих признаков сложного объекта, которые не способны выделить мультимедийный продукт из ряда прочих сложных объектов³².

Следующим часто упоминаемым признаком признается сложность структуры, особенность которой для мультимедийного продукта состоит в том, что роль связующего звена между объектами выполняет компьютерная программа, которая и позволяет воспринимать исследуемый объект как цельное произведение. Более того, далее именно программная основа называется одним из отличительных признаков мультимедийного продукта со ссылкой на то, что именно на основе компьютерной программы создается и функционирует исследуемый объект. Такой авторский вывод обоснован, но не совсем точен, поскольку мультимедиа определяется как «система современных аппаратных и программных средств, позволяющих работать в интерактивном режиме с текстом, графикой, звуком и изображением в едином комплексе»³³.

Здесь же должен быть упомянут и такой ключевой признак, как цифровая форма, присущая именно мультимедийному продукту и отграничивающая его от прочих сложных объектов, – как

²⁸ Назаренко А.В. Проблемы правовой квалификации мультимедийных продуктов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 9. С. 28.

²⁹ Савицкая К.Д. Признаки мультимедийного произведения // Вестник Полоцкого государственного университета (Серия D). Экономические и юридические науки. 2022. № 12. С. 125 и далее.

³⁰ Там же.

³¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 августа 2022 г. по делу № А12-10588/2021.

³² Савицкая К.Д. Указ. соч. С. 125.

³³ Смирнов А.В. Что такое мультимедиа? // Информационные технологии (URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-multimedia/viewer>).

подчеркивает К.Д. Савицкая мультимедийный продукт создается и существует исключительно в цифровой форме и не способен сменить ее на иную³⁴.

Все остальные признаки, упоминаемые в различных источниках, – виртуальность, предоставление информации с помощью комбинации множества воспринимаемых человеком сред, наличие нескольких сюжетных линий и проч. – обоснованно отнесены автором к числу тех, которые не являются отличительными для мультимедийного продукта.

Таким образом, мультимедийный продукт – это собирательное понятие, которым охватываются крайне разнообразные объекты, отвечающие признакам сложного объекта и при этом отличающиеся интерактивностью, базирующиеся на программной (аппаратно-программной) основе, создаваемые и существующие в цифровой форме. По всей видимости, сегодня мы можем относить к мультимедийным продуктам различного рода интерактивные библиотеки, музеи и выставки, виртуальные туры, мультимедийные тренажеры, интерактивные обучающие курсы и т.п.

3. Видеоигры (компьютерные игры)

Дискуссия о правовой природе видеоигр сохраняет свою актуальность на протяжении дли-

тельного времени, что позволяет ряду исследователей указывать на неопределенность правового режима видеоигр³⁵. И действительно, в юриспруденции сформировались различные подходы к отнесению видеоигр к тем или иным категориям объектов интеллектуальной собственности, поэтому еще в 2013 г. в докладе, подготовленном Всемирной организацией интеллектуальной собственности (WIPO), подчеркивалось, что на уровне национальных законодательств и доктрины видеоигры преимущественно могут быть квалифицированы в одном из трех возможных вариантов: как мультимедийный продукт, аудиовизуальное произведение или компьютерная программа³⁶.

В российской литературе в разные периоды высказывались различные позиции. Так, изначально широкую поддержку находило предложение о квалификации видеоигр в качестве программы для ЭВМ³⁷, позднее в литературе стали высказываться и другие мнения: в частности, предлагалось рассматривать видеоигры в качестве самостоятельного сложного объекта³⁸, аудиовизуального произведения³⁹, подвида базы данных⁴⁰ или мультимедийного продукта⁴¹.

В связи со сказанным не вызывает удивления, что в российской судебной практике долгое время существовал подход, согласно которому видеоигры

³⁴ Савицкая К.Д. Указ. соч. С. 126.

³⁵ Махмудова А.Д. Гражданско-правовой режим видеоигр в контексте авторского права // Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы = Video games, gaming, cybersports: legal issues: коллективная монография / Под науч. ред. М.А. Рожковой, Р.Л. Лукьянова. – М.: Развитие правовых систем, 2023. С. 38. Примечательно, что в данном контексте уместно звучит замечание Б.А. Карпычева о том, что вопрос о правовом статусе компьютерной игры напрямую влияет на степень возможностей издателей защищать свои продукты (Карпычев Б.А. Ключевые частно-правовые проблемы деятельности издателей компьютерных игр в индустрии киберспорта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2022. Вып. 4 (38). С. 69. DOI: 10.58741/23134852_2022_4_64).

³⁶ Ramos A., López L., Rodríguez A., Meng T. and Abrams S. The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches. WIPO. 2013. P. 10. (URL: www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_report_cr_vg.pdf).

³⁷ Как отмечает В.В. Архипов, рассмотрение видеоигр в качестве исключительно программ для ЭВМ является следствием того, что первые видеоигры представляли собой не более чем программный код и порождаемые им аудиовизуальные отображения (подробнее см.: Архипов В.В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. 2015. № 11. С. 61–69).

³⁸ Например, А.И. Савельев, описывая новеллу части четвертой ГК РФ – ст. 1240, указал следующее: «Так, кинофильм не может существовать без сценария, современная компьютерная игра – без звукового сопровождения и пр.» (подробнее см.: Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование / А. И. Савельев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2020. С. 441).

³⁹ Лемяцких Е.О. Простые сложности: статус видеоигры и особенности ее правовой охраны // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 41, № 2. С. 82. <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14450>

⁴⁰ Так, И.С. Данилов указывает, что существует возможность квалифицировать отдельные элементы видеоигры (например, информацию об игровых параметрах) в качестве базы данных. Тем не менее далее И.С. Данилов приходит к выводу о необходимости более точного определения видеоигры как сложного объекта (см.: Данилов И.С. Game over: серьезный вопрос о роли права в мире видеоигр // Предпринимательское право. 2021. № 1. DOI 10.18572/1999-4788-2021-1-53-58).

⁴¹ Чувствинов И.В. Видеоигры и интеллектуальная собственность: особенности защиты прав при небуквальном копировании // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3 (33). С. 105.

признавались программами для ЭВМ⁴². В подобных случаях визуальные, графические и звуковые элементы, входящие в состав видеоигры, признавались аудиовизуальными отображениями самой программы для ЭВМ, а не самостоятельными элементами.

Критикуя подобный подход, А.Д. Махмудова обращает внимание на то, что ранее подобная правовая интерпретация могла быть оправдана низким уровнем оригинальности визуальных компонентов видеоигр, что позволяло распространять на них правовую охрану самой программы для ЭВМ⁴³. Однако в условиях современного этапа развития игровой индустрии и технологий, характеризующегося высокой технической сложностью и оригинальностью всех компонентов видеоигр, подобная квалификация действительно теряет свою актуальность. Как справедливо далее отмечает А.Д. Махмудова, утверждение о порождении всех визуальных элементов исключительно программным кодом приводит к игнорированию прав авторов, создающих произведения, включаемые в состав технически сложных видеоигр, и, соответственно, к их исключению из системы охраны результатов интеллектуальной деятельности⁴⁴. К выводу о невозможности квалификации современных видеоигр исключительно в качестве программы для ЭВМ приходит и П.А. Каштанова⁴⁵.

С точки зрения фактического содержания и структуры, современная видеоигра может включать в себя ряд разнородных результатов интеллектуальной деятельности. Помимо программного кода (программы для ЭВМ), в ее состав могут вхо-

дить графические и аудиовизуальные произведения, элементы дизайна, сценарные материалы, музыкальные произведения, базы данных, персонажи, товарные знаки и иные объекты, обладающие признаками самостоятельной охраноспособности. А. Евсеев и Е. Кирдяшова, перечисляя самостоятельные объекты, из которых может состоять видеоигра, называют в том числе геймплей, сценарий, озвучивание персонажа, логотип и название игры, ЛОР (информация о мире игры, факты об игровой вселенной, о персонажах и т.д.), пользовательский мануал, видеоролики, вшитые при «прохождении» игры и др.⁴⁶ Указанные компоненты, интегрированные в рамках единой системы, образуют заверченный и функционально взаимосвязанный продукт, что позволяет рассматривать видеоигру в контексте признаков сложного объекта.

Несмотря на то что в теории геймдизайна и в юридической литературе подчеркивается равнозначность ключевых компонентов видеоигры – так называемой «элементной тетрады», включающей игровую механику, нарратив, эстетику и технологию, – программное обеспечение играет системообразующую роль в технической интеграции остальных элементов. Программа для ЭВМ, лежащая в основе видеоигры, действительно определяет реализацию визуальных, звуковых и сценарных решений в рамках заданной программной среды, налагая технические ограничения на их форму и содержание. Тем не менее исключение одного из компонентов – таких как графика или сюжет – ведет к нарушению целостности видеоигры как единого объекта, что свидетельствует о наличии

⁴² Например, в решении Арбитражного суда города Москвы от 16 июня 2021 г. по делу № А40-98514/2020 судом было указано следующее: «В соответствии с Письмом Минобрнауки от 28 августа 2014 г. № ЛО-1276/14 электронно-вычислительная машина представляет собой фактически любые устройства, способные производить различные вычислительные операции, следовательно, мобильные и носимые устройства (в том числе «умные» часы и очки) также относятся к электронно-вычислительным машинам, поскольку выполняют вычислительные операции, вне зависимости от их размеров, габаритов, формы и прочих параметров. При этом любой код, исполняющийся на таких устройствах, является программой для электронно-вычислительной машины (далее – программой для ЭВМ) вне зависимости от выполняемой функции (передача сообщения, передача почты, обмен сообщениями, игры, развлечения и прочее). Таким образом, программное обеспечение социальных сетей, электронной почты, программы обмена мгновенными сообщениями, аудио-видео сервисы и многопользовательские компьютерные игры, а также приложения для мобильных и носимых устройств (в том числе «умных» часов и очков) следует относить к программам для ЭВМ».

⁴³ Махмудова А.Д. Указ. соч. С. 42.

⁴⁴ Там же. С. 43.

⁴⁵ Каштанова П.А. Разнообразие объектов авторского права в составе видеоигры // Право цифровой экономики – 2022 (18): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. д.ю.н. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2022. (Анализ современного права / IP & Digital Law). С. 351.

⁴⁶ Евсеев А., Кирдяшова Е. Как создать и не потерять: подводные камни GameDev'a [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2024. 9 августа (URL: https://zakon.ru/blog/2024/8/9/kak_sozdat_i_ne_poteryat_podvodnye_kamni_gamedeva#_ftnref13).

у видеоигры такого признака сложного объекта, как целостность формы и сложность внутренней структуры.

Дополнительным аргументом в пользу сложности правовой природы видеоигр выступает факт взимания платы не только (и не столько) за саму программу для ЭВМ, но и за доступ к содержащемуся в игре контенту и иным интерактивным элементам. Такая практика демонстрирует, что ценность видеоигры формируется не только за счет программной составляющей, но также за счет взаимосвязанных визуальных, аудиовизуальных и иных компонентов. Именно совокупность таких компонентов позволяет говорить о видеоигре как о едином комплексном объекте. В этом контексте становится наглядной назревшая необходимость признания видеоигры самостоятельным сложным объектом интеллектуальных прав.

Позднейшая судебная практика свидетельствует о том, что суды сегодня относят видеоигру к числу (непоименованных в законе) сложных объектов или мультимедийным продуктам⁴⁷. Подобный подход актуализирует вопрос о соотношении охраны видеоигр в качестве отдельного сложного объекта и их возможной квалификации в качестве подвида мультимедийного продукта.

Квалификация видеоигры в качестве самостоятельного сложного объекта (а не разновидности мультимедийного продукта) представляется обоснованной как с правовой, так и с социально-экономической точки зрения. Это обусловлено, прежде всего, тем, что видеоигры на сегодняшний день перестали быть просто одним из форматов мультимедийного контента: вокруг них сформировалась обособленная и высокотехнологичная индустрия с собственной экономикой, производственными циклами, системой распределения прав и потребностью в устойчивой практике правоприменения⁴⁸. С правовой точки зрения видеоигры все чаще становятся предметом судебных споров, сделок и нормативного регулирования, что подтверждает их самостоятельную роль в обороте. В этом контексте отнесение видеоигры к категории «мультимедийного

продукта» представляется неоправданным упрощением, не отражающим комплексного характера рассматриваемого объекта.

Вместе с тем признание видеоигры сложным объектом порождает ряд значимых вопросов, прежде всего связанных с исчислением срока действия исключительного права. Согласно общему правилу, установленному п. 1 ст. 1281 ГК РФ, продолжительность правовой охраны на произведение определяется в зависимости от состава охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, включенных в объект, и даты смерти последнего из соавторов. В случае с видеоигрой, включающей множество разнородных компонентов – результатов интеллектуальной деятельности, затруднение вызывает как установление полного перечня таких авторов, так и определение момента прекращения правовой охраны видеоигры в целом. Особенно остро эта проблема проявляется при многократной модификации видеоигры, обновлении ее контента и технических характеристик, что в целом характерно для современных игровых проектов.

В то же время распространение на видеоигры правового режима сложного объекта обладает значительным потенциалом с точки зрения защиты интересов организатора, координирующего процесс создания продукта. Как следует из положений ст. 1240 ГК РФ, участие отдельных авторов в создании компонентов сложного объекта не предоставляет им права самостоятельно препятствовать использованию объекта в целом. Несмотря на указанные нами недостатки законодательного регулирования сложных объектов, такой механизм позволил бы обеспечить более стабильный правовой оборот прав по поводу видеоигр, исключая ситуации, при которых авторы отдельных элементов видеоигры могут вмешиваться в ее последующее использование, модификацию или распространение. Таким образом, при всех сопутствующих сложностях признание видеоигры сложным объектом может способствовать формированию большей предсказуемости в части регулирования и защиты прав заинтересованных лиц.

⁴⁷ Решение Арбитражного суда Курской области от 9 апреля 2024 г. по делу № А35-9534/2023.

⁴⁸ Так, в 2024 году глобальный оборот игровой индустрии составил \$184,3 млрд. URL: <https://news.rambler.ru/games/53971481-igrovaya-industriya-2024-v-tsifrah-itogi-goda/>.

В настоящее время распределение прав на результаты интеллектуальной деятельности, входящих в состав видеоигр, как правило, осуществляется с использованием договорных механизмов, предусмотренных ст. 1296 ГК РФ (договор авторского заказа), а также посредством заключения лицензионных договоров и договоров об отчуждении исключительных прав. Хотя подобные конструкции и позволяют обеспечить юридическую определенность в вопросах правовой принадлежности отдельных компонентов видеоигры, тем не менее участие в создании видеоигры нескольких подрядных организаций, студий или отдельных исполнителей на различных этапах производства может существенно затруднить определение статуса организатора, а также квалификацию конечного результата.

В то же время правовой режим сложного объекта предполагает, что условия лицензионного договора, ограничивающие использование результата интеллектуальной деятельности в составе такого объекта, являются недействительными. Однако на практике встречаются ситуации, в которых подобные ограничения приобретают косвенный характер и выражаются, прежде всего, в финансово-временных параметрах. Так, в условиях коммерческого использования видеоигры может быть предусмотрено, что при недостижении установленного объема дохода за определенный срок правообладатель вправе предоставить соответствующий объект третьим лицам. Формально такие условия не препятствуют использованию результата в составе сложного объекта, однако фактически они способны оказывать влияние на объем, продолжительность и стабильность прав использования результатов интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта. Таким образом, несмотря на ограничение, установленное в п. 2 ст. 1240 ГК РФ, договорное регулирование с учетом принципа свободы договора позволяет участникам оборота адаптировать распределение прав и рисков под индивидуальные особенности взаимодействия.

Особенности правового регулирования в сфере разработки видеоигр осложняются многоуровневой структурой договорных связей, характерной для данной индустрии. Инициатором создания игры зачастую выступает инвестор или

издатель, заключающий договоры с отдельными исполнителями либо коллективами разработчиков. Возможны также ситуации, при которых один из участников команды аккумулирует права на отдельные элементы и впоследствии передает их организатору проекта. В ряде случаев на подрядчика могут быть возложены обязанности по привлечению третьих лиц и обеспечению «очистки» прав на результаты интеллектуальной деятельности.

В таких условиях применение конструкции договора авторского заказа в сочетании с договором подряда представляется достаточным для распределения прав и установления правового титула, особенно в случаях, когда в одном лице совмещаются несколько функций – разработчика, организатора и подрядчика. Вместе с тем действующее законодательство не предусматривает универсальных и прозрачных механизмов инвестиционного участия в создании цифровых продуктов, что образует существенный пробел в системе правового обеспечения развития игровой индустрии.

Резюмируя, следует отметить, что несмотря на теоретически обоснованные положения о возможности квалификации видеоигр в качестве самостоятельного сложного объекта, в настоящее время отсутствует устоявшаяся правоприменительная практика, в рамках которой видеоигра рассматривалась бы в таком качестве. Данный факт свидетельствует о том, что категория сложных объектов, несмотря на ее формальное закрепление в российском праве, не получила широкого применения на практике. Вместе с тем в условиях технологического прогресса и роста значимости цифровых продуктов, создаваемых в результате коллективной творческой деятельности, объективно назрела необходимость в переосмыслении правовой природы видеоигр и в возможном пересмотре подходов к их правовому регулированию.

4. Настольные игры

Не меньший интерес в настоящее время вызывают и настольные игры, правовая природа которых периодически становится предметом анализа в судебной практике.

Так, суды нередко квалифицируют настольные игры в качестве составных произведений, считая

их «результатом творческого труда по подбору компонентов настольной игры»⁴⁹. Как правило, данный вывод делается на основании того, что отдельные компоненты настольной игры подлежат правовой охране в качестве объектов авторского права: правила (описание) игры и карточки заданий признают литературными произведениями; карточки с иллюстрациями – графическими произведениями или графическими рассказами (при наличии на них, помимо элементов изобразительного искусства, литературного текста); сами иллюстрации и коробка игры могут признаваться произведениями дизайна⁵⁰. Несмотря на то что в силу прямого указания закона авторское право не охраняет идеи и концепции (п. 5 ст. 1269 ГК РФ), в судебных решениях подчеркивается, что по аналогии с тем, как произведением может признаваться описание концепции или изложение методики ввиду охраняемости авторским правом именно формы воплощения идеи автора⁵¹, и «сама механика неохраноспособна, но описание механики игры (т.е. правила игры) охраняется авторским правом»⁵².

Вместе с тем мнение об отнесении настольных игр к составным произведениям кажется ошибочным ввиду нижеследующего.

Во-первых, как следует из действующего законодательства, составными считаются произведения, представляющие собой результат творческого труда по подбору или расположению материалов (пп. 2 п. 2 ст. 1259 ГК РФ). При этом Верховный Суд РФ в своем Постановлении № 10⁵³ в качестве примеров составных произведений называет антологии, энциклопедии, базы данных, интернет-сайты и атласы (п. 88). В указанных произведениях значимость составительства (подбор и/или расположение материалов) кажется очевидной: их ценность – во включенных материалах (произве-

дениях, объединенных, например, общей тематикой; статьях справочного характера; таблицах или картах; данных; и т.д.). Если, например, изменить логику расположения материалов в атласе или сгруппировать статьи в энциклопедии не просто в алфавитном порядке, а еще и по тематике или какому-то другому критерию (т.е. в случаях, когда перегруппировка имеет творческий характер), это будет уже другое составное произведение.

В отношении настольных игр сложно говорить именно о составительстве. Как правило, все начинается с описания игры, к которому готовятся все сопутствующие материалы (карточки с заданиями, иллюстрации, фигурки, поле для игры и проч.). Если речь не идет о каких-то «простых» играх вроде шашек, где поле довольно стандартное и его можно без потерь нарисовать на листе бумаги самостоятельно, а в качестве «фигур» допустимо использовать даже печенье (и представление об игре при этом не изменится, так как, по сути, иными будут лишь материалы, из которых элементы игры состоят); в большинстве современных настольных игр ценность представляют именно элементы, самостоятельное воспроизведение которых затруднительно. Специально под описание игры продумывается общий дизайн всех составляющих, макет поля и карточек, форма и материалы фигурок – именно об этих отдельных компонентах и говорится в приведенных решениях суда. Вместе с тем, если заменить поле одной настольной игры на поле другой, оставив все прочие элементы прежними, сыграть в такую «новую» игру вряд ли получится, потому что, как сказано выше, поле готовится под описание конкретной игры с учетом именно ее механики. Таким образом, компоненты настольных игр не подбираются друг к другу, а специально создаются друг под друга, говорить о каком-то особенном их подборе или расположении

⁴⁹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 января 2024 г. по делу № А45-34135/2022.

⁵⁰ См., например: постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 января 2024 г. по делу № А45-34135/2022, решение Арбитражного суда Саратовской области от 29 марта 2024 г. по делу № А57-5922/2023.

⁵¹ См., например: решение Арбитражного суда Краснодарского края от 28 июля 2025 г. по делу № А32-31558/2023, решение Арбитражного суда Пензенской области от 24 июня 2025 г. по делу № А49-8114/2023, постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 января 2018 по делу № А40-207329/2015, постановление Суда по интеллектуальным правам от 8 мая 2015 по делу № А40-84902/2014.

⁵² Постановление Двенадцатого Арбитражного апелляционного суда от 30 мая 2024 г. по делу № А57-5922/2023.

⁵³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»

видится ошибочным. Именно это, в первую очередь, и отличает настольные игры от составных произведений.

Во-вторых, являясь элементами составных произведений, объекты авторского права не просто охраняются отдельно от того составного, в которое они включены (а одно и то же произведение может быть частью нескольких составных), но и представляют собственную ценность, поскольку первоначально являются самостоятельными произведениями. Указанное означает, что можно, например, прочитать одно из стихотворений, включенных в антологию, или посмотреть на одну из картин художника, входящую в сборник репродукций, и на основании этого сформировать собственное мнение о произведении, предположить, какую мысль хотел донести автор.

В настольных играх, конечно, тоже можно «насладиться» только полем игры и восхититься тем, как изящно гармонируют иллюстрации и ячейки для совершения ходов. Вместе с тем сделать вывод о том, «что хотел сказать автор» без описания игры (под которое данное поле создавалось) будет затруднительно, так как значение специальных элементов в большинстве случаев требует пояснения (почему выбрано именно такое оформление поля? о чем история игры? почему ячейки разного цвета? и проч.). То же самое можно сказать и об иллюстрированных карточках с заданиями. Безусловно, сами иллюстрации и, возможно, даже формулировки заданий (особенно если они составлены в стихотворной форме) будут представлять собой самостоятельные произведения, однако сама по себе карточка с текстом «Вы в капкане! Вот беда. Пропускайте ход тогда»⁵⁴ и пусть даже высокохудожественным изображением капкана и/или расстроенного персонажа будет иметь значимость именно в контексте игры, а не отдельно от нее. Иными словами, хотя компоненты настольных игр и могут признаваться самостоятельными произведениями, как об этом говорится в судебных решениях, истинную ценность они представляют не в отрыве от настольной игры, а только в ее рамках, в совокупности друг с другом, что отличает их от элементов других составных произведений.

Наконец, структура составных произведений, как правило, довольно простая и понятная, что делается для облегчения поиска нужного элемента. Однако в современных настольных играх структура (механика, правила, действующие элементы) все чаще довольно сложная. Правила игры со всеми описаниями нередко оформляются в многостраничные буклеты, которые в свою очередь могут сопровождаться краткими памятками (для быстрых «консультаций» во время игры без необходимости листать всю книжку).

На основании вышесказанного более правильным видится рассматривать настольные игры в качестве сложных объектов. Как можно заметить, они обладают всеми признаками, указанными в начале настоящей работы:

1) включают в себя множество охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, каждый из которых подлежит самостоятельной охране;

2) используемые результаты интеллектуальной деятельности разнородны: произведения дизайна (поле, коробка, фигурки), литературные произведения (описание правил игры, тексты карточек с заданиями), художественные произведения (иллюстрации);

3) форма настольной игры представляет собой нечто цельное (ввиду чего входящие в нее элементы представляют особенную ценность не по отдельности, а именно в совокупности друг с другом), а внутренняя структура современных настольных игр довольно сложна (поэтому требует подробного описания для понимания самой игры).

5. Базы данных

По общему правилу правовая охрана базам данных предоставляется в том случае, если база может быть квалифицирована в качестве объекта интеллектуальных прав – авторских или смежных. То есть не всякая база данных автоматически получает авторско-правовую охрану или правовую охрану в качестве объекта смежных прав, а лишь та, которая соответствует установленным законом критериям. Поэтому упорядоченная совокупность данных, являясь базой данных в техническом

⁵⁴ Данная фраза придумана при написании статьи и не является частью известной автору (О.В. Морозюк) настольной игры.

смысле, может не получить правовую охрану в качестве объекта интеллектуальных прав⁵⁵.

Для того, чтобы база данных рассматривалась в качестве объекта авторских прав, она должна отвечать критериям, установленным для составных произведений в гл. 70 ГК РФ «Авторское право». Причем в силу п. 2 ст. 1260 ГК РФ правовую охрану получает структура (схема, «каркас») базы данных, тогда как авторские права возникают на порядок подбора, компоновки или расположение составляющих базу данных (составительство). Для этих целей в абз. 2 п. 2 ст. 1260 ГК РФ база данных определена как представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ).

Для того чтобы база данных рассматривалась в качестве объекта смежных прав, она должна отвечать критериям, установленным § 5 «Право изготовителя базы данных» гл. 71 ГК РФ «Права, смежные с авторскими». При этом в силу п. 1 ст. 1334 ГК РФ правовую охрану получает целостность составляющих базы данных, содержащей не менее 10 000 «самостоятельных информационных элементов (материалов)» (презюмируется, что составление такой базы данных требует существенных финансовых, материальных, организационных или иных вложений (инвестиций) изготовителя базы в ее создание). В главе 71 ГК РФ не содержится специального определения понятия «база данных», хотя предпринимались попытки введения в Кодекс такого определения, в котором был бы сделан акцент на признаки базы данных как объекта смежных прав.

С недавних пор п. 1 ст. 1240 ГК РФ наряду с указанным предусматривает возможность правовой охраны баз данных в качестве сложного объекта. Тем самым законодатель фактически вводит третий, самостоятельный правовой режим, который не сводится к авторскому или смежному праву, а предполагает иную конструкцию правового ре-

гулирования, акцентируя внимание на внутренней структуре элементов, входящих в состав базы данных, и связи между ними.

Примечательно, что в первоначальной редакции ст. 1240 ГК РФ базы данных не упоминались в числе сложных объектов, и на протяжении более восьми лет (с момента внесения законопроекта части IV ГК РФ до внесения соответствующих изменений в 2014 г.) они не рассматривались как объекты, охраняемые в рамках данного специального режима. При этом возможность двойственной охраны баз данных – как объектов авторских и (или) смежных прав – была предусмотрена законодателем с самого начала разработки положений о базах данных в проекте части IV ГК РФ.

Включение базы данных в закрытый перечень сложных объектов было предложено в законопроекте № 47583-6, который сопровождался пояснительной запиской, содержащей следующее обоснование необходимости соответствующего расширения перечня: «Кроме того, интернет-сайт и база данных включены в число сложных объектов, перечисленных в статье 1240 ГК РФ, что должно облегчить распоряжение правами на эти результаты интеллектуальной деятельности».

Таким образом, основной целью включения баз данных в закрытый перечень сложных объектов выступало стремление упростить правовое регулирование и управление правами на базы данных. Включение баз данных в перечень п. 1 ст. 1240 ГК РФ должно было способствовать четкому разграничению прав между организатором (изготовителем) базы данных и правообладателями отдельных результатов интеллектуальной деятельности, входящих в состав такой базы данных, а также должно было облегчить коммерческое использование таких баз данных. Существующие правовые режимы баз данных, закрепленные в гл. 70, ни в гл. 71 ГК РФ, были признаны недостаточными: они не позволяют со всей четкостью решать вопрос распределения прав между организатором (изготовителем) базы данных и правообладателями произведений, включенных в ее состав.

⁵⁵ Рожкова М.А. Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав. – М.: ГАУГН Пресс, 2024. С. 193.

В итоге констатируется сосуществование трех самостоятельных правовых режима баз данных как объекта авторских прав, объекта смежных прав и сложного объекта. Причем при сравнительном анализе норм ГК РФ о базах данных обнаруживаются различия в предмете правовой охраны и субъектах прав. Так, если база данных рассматривается как:

1) результат составительства (объект авторских прав), то правовая охрана предоставляется структуре (схеме, «каркасу») базы данных, которая является ключевым элементом базы (п. 2 ст. 1260); причем лицо, выступившее автором-составителем структуры базы данных, исключительные права которого охраняются пунктом 4 ст. 1260 ГК РФ, может не совпадать с организатором (изготовителем) базы данных;

2) объект смежных прав, то правовую охрану получает совокупность самостоятельных информационных элементов (материалов), которую собрал и включил в базу ее изготовитель (п. 1 ст. 1334 ГК РФ); и здесь речь идет об исключительных правах именно изготовителя базы данных, тогда как права авторов объектов интеллектуальной собственности ограничиваются;

3) сложный объект, то по смыслу п. 1 ст. 1240 ГК РФ основным должен становиться вопрос охраны «продюсерских» прав организатора (изготовителя) базы данных.

Проведенный с учетом изложенного анализ позволяет утверждать, что провозглашенных законодателем целей введения баз данных в число сложных объектов достичь не удалось.

В первую очередь это обусловлено тем, что положения ст. 1240 ГК РФ можно применить в отношении далеко не всякой базы данных, на что прямо указывалось в заключении Правового управления по законопроекту № 47538-6/7: «...Следует иметь в виду, что не любая база данных является сложным объектом, а лишь такая, которая включает несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (см. ст. 1240 Кодекса)». Такая позиция получила поддержку в доктринальных

источниках, где подчеркивается, что базы данных в контексте ст. 1240 ГК РФ рассматриваются в узком смысле, не покрывая все варианты наполнения другими видами материалов (в том числе неохранными)⁵⁶.

В связи со сказанным возникают сомнения в отношении допустимости квалификации базы данных как сложного объекта. Бесспорно, в обыденном понимании база данных, объединяющая в себе множество разнообразных, а иногда и разноплановых объектов, является антиподом простого (ординарного, обычного) объекта интеллектуальной собственности. Вместе с тем в юридическом контексте причисление баз данных к сложным объектам сопряжено с целым рядом условий, обозначенных в первой части настоящего исследования, посвященного общим признакам сложных объектов – множественности охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в составе базы данных, их разнородности, целостности формы и сложности внутренней структуры.

Кроме того, следует заметить, что если в отношении первых двух правовых режимов сформировалось устойчивое понимание того, что именно охраняется (творческий порядок подбора и компоновки составляющих баз данных в первом случае; существенные вложения (инвестиции) – во втором⁵⁷), то для правовой охраны в качестве сложного объекта такое понимание отсутствует. Это связано с тем, что уже в разделе о смежных правах речь идет по сути о «продюсерских» правах изготовителя базы данных, вследствие чего для достижения упоминаемых выше целей разграничения прав более целесообразным и гораздо более эффективным было бы внести уточнения и дополнения именно в § 5 главы 71 ГК РФ.

В условиях действующего законодательства, вероятно, можно допустить ситуации предоставления базам данных правовой охраны в качестве сложных объектов. По крайней мере, такое мнение высказывает А.Ю. Копылов: «Но распространение на базы данных правового режима сложного объекта возможно только при наличии следующих

⁵⁶ Донников Ю.Е. База данных как сложный объект // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2020. № 1. С. 97.

⁵⁷ Рожкова М.А. Базы данных и сервисы онлайн-классифайдов: пользование базой и использование информации [Электронный ресурс] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. Декабрь. № 26. С. 25–32.

признаков: разнородность составляющих ее материалов, структурное единство и многослойность. Если же база данных этим признакам не соответствует, то в этом случае она получает правовую охрану как результат исключительно составительского творчества – составное произведение, а при наличии признаков, закрепленных в п. 1 ст. 1334 ГК РФ, одновременно признается и объектом смежного права изготовителя. В качестве примера можно назвать любой электронный справочник, в котором однородные информационные материалы систематизированы таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (п. 2 ст. 1260 ГК РФ)⁵⁸.

Вместе с тем нельзя не заметить, что на практике базы данных преимущественно охраняются в рамках традиционных режимов, тогда как предусмотренный законодателем механизм применения ст. 1240 ГК РФ остается во многом декларативным и не находит широкого применения. Отсутствие устойчивой судебной практики, в рамках которой рассматривались бы вопросы квалификации баз данных именно как сложных объектов, подтверждает ограниченность практического потенциала соответствующего правового режима в его нынешнем виде.

Следовательно, введение самостоятельного правового режима охраны баз данных как сложного объекта исключительно в целях урегулирования распределения прав между организатором и правообладателями охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, включенных в ее состав, представляется, по меньшей мере, дискуссионным.

6. Интернет-сайты (веб-сайты, сайты)

Как показывает изучение результатов законопроектной работы, иногда звучат предложения рассматривать сайты в качестве сложного объек-

та интеллектуальных прав. В частности, в рамках работы над законопроектом № 47583-6 предпринималась попытка включения интернет-сайта в перечень сложных объектов. Предполагалось, что подобная квалификация сайта обеспечит ему ряд правовых и практических преимуществ, в частности, упрощение порядка лицензирования и отчуждения прав на сайт как на единый объект, а также подтверждение «продюсерских» (исключительных) прав у создателя сайта. Однако, как неоднократно отмечалось в первой части настоящего исследования, действующая редакция ст. 1240 ГК РФ в ее текущем виде не обеспечивает эффективного механизма аккумуляции прав на такие объекты, что существенно ограничивает практическую реализацию указанных преимуществ. В конечном счете указанная законодательная инициатива реализована не была, и веб-сайты не вошли в перечень сложных объектов.

В свою очередь, в юридической литературе на протяжении ряда лет обсуждается допустимость квалификации интернет-сайта в качестве сложного объекта⁵⁹. Причем ввиду того, что при поверхностной оценке сайт вроде бы содержит все признаки сложного объекта (в том числе вхождение в его состав нескольких разнородных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности – включая программу для ЭВМ, HTML-код, произведения графики и дизайна, литературные произведения, базы данных и др. – которые объединены единой структурой сайта), делался вывод о необходимости квалификации веб-сайта в качестве сложного объекта⁶⁰. Впрочем, в некоторых публикациях предлагалось воспринимать сайт как некую совокупность самостоятельных объектов интеллектуальной собственности или как разновидность программы для ЭВМ⁶¹.

Любопытно, что в судебной практике встречаются решения, в которых суды соглашались с квалификацией интернет-сайта в качестве сложного

⁵⁸ Копылов А.Ю. Указ. соч. С. 78.

⁵⁹ См., например: Мазур Е.А. Правовой режим интернет-сайта как сложного объекта по законодательству Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2013. № 1 (2). С. 132–134.

⁶⁰ См., например: Рогозина Н.В. Коммерческий сайт как сложный объект интеллектуальной собственности // Трибуна ученого. 2023. № 9. С. 60; Право интеллектуальной собственности / Под общ. ред. Л.А. Новоселовой. Т. 1. С. 83; Мазур Е.А. Указ. соч. С. 29–30.

⁶¹ Серго А. Неопределенный сайт // ЭЖ-Юрист. 2004. № 1.

объекта, включающим программы для ЭВМ, дизайн, контент и даже права на доменное имя (не смотря на закрытый перечень сложных объектов)⁶². Однако надо признать, что в подобных делах суды рассматривают вопрос о правовой природе сайта фрагментарно, не формулируют критерии, на основании которых веб-сайт может быть отнесен к сложным объектам, и не проводят анализ соответствия конкретного сайта признакам, установленным в ст. 1240 ГК РФ, не обосновывают допустимость такой квалификации в условиях закрытого законодательного перечня сложных объектов.

Итак, в настоящее время интернет-сайт не включен в перечень сложных объектов в ст. 1240 ГК РФ. Однако его составляющие (а не веб-сайт в целом) могут получить правовую охрану в качестве объектов авторских прав⁶³.

Во-первых, контент сайта, который не является единым произведением, получающим авторско-правовую охрану, а представляет собой содержательное наполнение сайта, которое может включать как охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, так и неохраняемые результаты творческого труда, а также информацию (данные). Сюда же относится, в частности, пользовательский контент, например, блоги, которые рассматриваются как произведения, охраняемые авторским правом⁶⁴.

Во-вторых, в силу п. 2 ст. 1260 ГК РФ создателю веб-сайта могут принадлежать авторские права на порядок подбора и компоновки объектов, составляющих контент сайта. Однако правовая охрана предоставляется, только если при составительстве был реализован новаторский подход, использовались оригинальные творческие идеи, креативность – по смыслу закона именно креативное (творческое) составительство получает авторско-правовую охрану. Очевидно, что далеко не все компоновки сайтов отвечают требованию кре-

ативности: если контент размещается, например, в строго хронологическом или алфавитном порядке, то такое размещение не дает оснований характеризовать веб-сайт как составное произведение, поскольку порядок подбора и компоновки объектов не получает правовую охрану в качестве объекта авторского права. Этот вывод подтверждается судебной практикой⁶⁵.

В-третьих, правовую охрану в качестве объекта интеллектуальных прав может получить дизайн сайта (его внешняя эстетика). Причем внешний вид интернет-сайта в целом может получить правовую охрану в качестве произведения дизайна (ст. 1259 ГК РФ): в этом случае в качестве авторского произведения дизайна рассматривается «общая картинка» страницы сайта в сети Интернет. В свою очередь патентно-правовую охрану в качестве промышленного образца (ст. 1352 ГК РФ) может быть предоставлена дизайнерскому решению (решению внешнего вида) как в целом интерфейса сайта, так и отдельно его составляющим, например, патентно-правовую охрану могут получить кнопки на панели навигации (иконки), используемый на веб-сайте шрифт и проч.

В-четвертых, к числу объектов, охраняемых законодательством об авторском праве и смежных правах, может относиться и размещенный в открытом доступе на веб-страницах сайта банк данных, являющийся разновидностью баз данных и понимаемый как система специальным образом организованных данных, которые предназначены для централизованного хранения и коллективного многоцелевого использования⁶⁶.

Таким образом, содержание веб-сайта составляют разные нематериальные объекты, в том числе получившую охрану в качестве объектов интеллектуальных прав. В то же время, как показали проведенные исследования, собственно сам веб-сайт представляет собой особым образом струк-

⁶² См., например: постановление Суда по интеллектуальным правам от 28 декабря 2024 г. по делу № А08-1554/2024, решение Арбитражного суда Республики Мордовия от 17 апреля 2023 г. по делу № А39-11503/2022, постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 августа 2017 г. по делу № А56-9641/2017.

⁶³ См. об этом подробнее: Рожкова М.А. Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав. С. 198–200.

⁶⁴ Рожкова М.А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав // Право цифровой экономики – 2020 (16): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2020. С. 49

⁶⁵ Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2015 г. по делу № А66-12915/2014.

⁶⁶ См. об этом: Рожкова М.А. Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав. С. 198–200.

турированную информацию в виде совокупности связанных между собой веб-страниц и электронных файлов, объединенных одним доменным именем⁶⁷.

В этих условиях довольно сложно квалифицировать веб-сайт в качестве сложного объекта.

Так, ключевой аргумент против признания интернет-сайта сложным объектом основан на том, что одним из основополагающих признаков последнего является целостность формы и сложность внутренней структуры, что предполагает наличие такой взаимосвязи между всеми составляющими, при которой изъятие хотя бы одного элемента приводит к разрушению общего результата. Между тем обозначенные выше составляющие элементы сайта (например, часть контента или графического интерфейса) могут быть заменены без существенного ущерба для функционирования ресурса в целом. Отсутствие уже одного признака сложного объекта даже при наличии других (множественности и разнородности охраняемых результатов интеллектуальной деятельности) затрудняет признание интернет-сайта сложным объектом в полном смысле.

Кроме того, нельзя игнорировать и высказываемое в юридической литературе мнение, согласно которому невозможность использования одного из таких элементов делает затруднительным или вовсе исключает использование сайта в целом без внесения изменений в его структуру⁶⁸. Особенно это справедливо в отношении сайтов, обладающих высокой степенью технической интеграции отдельных элементов, например, социальных сетей, маркетплейсов или стриминговых сервисов, где запрет использования базы данных влечет невозможность использовать сайт в целом.

Следует отметить, что в судебной практике веб-сайты нередко квалифицируются в качестве составных произведений. При этом квалификация всего сайта в качестве составного произ-

ведения критикуется в юридической литературе⁶⁹, поскольку в случае составного произведения охраняемым является только результат составления (один из элементов сайта – его структура), в то время как иные компоненты остаются за пределами данной правовой конструкции.

Немаловажным для правильной квалификации сайта является и замечание, сделанное М.А. Рожковой⁷⁰. Она обратила внимание на то, что всякий веб-сайт имеет видимую часть, которая выводится на экран и с которой взаимодействуют пользователи (потребители) посредством интерфейса (включая кнопки, баннеры, формы для ввода данных, поля, блоки данных) и невидимую пользователям программно-аппаратную часть, которая обеспечивает нормальную работу сайта. При анализе сайта в правовом ключе юридической оценке, как правило, подвергается его видимая часть, которая позволяет увидеть контент, размещенный на страницах сайта, а также иные составляющие сайта как продукта, в том числе получающие самостоятельную правовую охрану в качестве объектов интеллектуальной собственности. Невидимая часть сайта, которая представлена аппаратно-программным обеспечением и базами данных и необходима для поддержания работоспособности сайта (включая осуществление поисковой оптимизации, адаптацию сайта к различным устройствам, исправление ошибок и проч.), обычно остается за рамками юридических исследований в сфере интеллектуальной собственности, что представляется правильным.

Отсутствие возможности правовой охраны интернет-сайта как единого объекта привело к тому, что правообладатели в случае нарушения защищают права на соответствующие элементы сайта: например, заявляют требования о защите прав на произведение дизайна как объекта авторского права и/или программу для ЭВМ⁷¹ или используют средства патентно-правовой охраны для защиты

⁶⁷ Рожкова М.А., Исаева О.В. Понятие сайта (веб-сайта) для целей права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. Июнь. № 2 (32). С. 53.

⁶⁸ Мальцев Н.М., Синельникова В.Н. Правовой режим интернет-сайтов как объектов интеллектуальных прав // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. № 9. Сентябрь 2019. С. 45.

⁶⁹ Мальцев Н.М., Синельникова В.Н. Указ. соч. С. 36.

⁷⁰ См. подробнее: Рожкова М.А. Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав. С. 201–202.

⁷¹ См., например: постановление Суда по интеллектуальным правам от 24 августа 2022 г. по делу № А56-53395/2021.

дизайнерского решения интерфейса сайта или его визуальных элементов⁷².

Таким образом, квалификация интернет-сайта в качестве сложного объекта представляется дискуссионной не только в связи с закрытым характером перечня сложных объектов, предусмотренного в действующей редакции ст. 1240 ГК РФ, но и в силу отсутствия у сайта стабильной и устойчивой формы, что обусловлено его технической и функциональной природой. Интернет-сайт подвержен постоянным изменениям – как в части программного обеспечения, так и в отношении контента, визуальных и структурных компонентов, что затрудняет признание его единым, завершенным и неделимым объектом. В отличие от кинофильма или иного аудиовизуального произведения, интернет-сайт обладает высокой степенью изменчивости: он подвержен постоянным модификациям, обновлениям контента и исходного кода, может существовать в различных версиях. Такая изменчивость затрудняет его квалификацию как завершенного, целостного и стабильного результата интеллектуальной деятельности, что ставит под сомнение возможность его устойчивого признания в качестве сложного объекта по смыслу ст. 1240 ГК РФ.

В совокупности эти обстоятельства делают невозможной квалификацию сайта в качестве сложного объекта интеллектуальных прав. Отнесение интернет-сайта к сложным объектам породило целый ряд проблем, связанных с определением объекта правовой охраны и установлением его границ. В частности, встает вопрос о возможности защиты такого объекта, если нарушителем воспроизводится не сайт целиком, а только его составляющие.

Нельзя игнорировать и трансформацию роли веб-сайта, на что обращает внимание М.А. Рожкова⁷³. В условиях меняющейся роли самого Интернета изменения не могли не коснуться и сущности сайта: появление не только огромных хранилищ

данных, но и цифровых платформ влечет для сайта утрату самостоятельного значения – все чаще сайт становится только составляющим элементом более крупного объекта. Сегодня веб-сайты нередко выполняют только роль «держателя» пользовательского интерфейса, либо только отражают информацию, сгенерированную автоматизированной системой по запросу пользователя, либо содержит только инструменты входа/регистрации пользователя в информационной системе или цифровой платформе. Это позволяет говорить, что сегодня речь идет не об усложнении сайта, а о его растворении в современных информационных системах.

7. Аккаунт

В последнее время все чаще звучат предложения признать сложным объектом аккаунт, причем как правило речь идет об аккаунтах в соцсетях, широкая известность которых обеспечивает коммерческую выгоду. Вместе с тем, как показывает анализ юридических публикаций, даваемые аккаунтам в отечественной юридической литературе характеристики крайне разнородны, что обусловлено в том числе и их значительным многообразием: аккаунты в социальных сетях, игровые аккаунты, аккаунты в электронной почте, аккаунты в платежных и операционных системах, аккаунты во всевозможных мобильных приложениях и онлайн-сервисах, аккаунты в системе государственных услуг и проч.

В техническом ключе аккаунт (англ. account – личный счет, учетная запись) представляет собой учетную запись конкретного пользователя в системе информационного ресурса (сайта, приложения, программы). Регистрация пользователей обеспечивает для информационных систем возможность вести учет зарегистрированных пользователей и осуществляемых ими действий (проверяя их на предмет соответствия установленным этой системой правил и требований). В свою

⁷² См., например, промышленные образцы № 136570, 134326, 122861 и др.

⁷³ См. об этом подробнее: Рожкова М.А. Веб-сайт: от электронной папки до составляющей метавселенной – эволюция или инволюция? // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. № 1 (том 40). С. 14–19 (URL: <https://tis.hse.ru/article/view/14212/13567>); Рожкова М.А. Сайт, информационный ресурс, информационная система, онлайн-платформа – что это такое и как они взаимосвязаны между собой? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2021. 19 апреля. URL: https://zakon.ru/blog/2021/4/19/sajt_informacionnyj_resurs_informacionnaya_sistema_onlajn-platforma_chto_eto_takoe_i_kak_oni_vzaimo

очередь пользователь приобретает возможность получать доступ к ресурсу, пользуясь им для решения соответствующих задач.

Как и ранее применительно к сайту, М.А. Рожкова отмечает существование видимой части аккаунта (которая выводится на экран зарегистрированных пользователей и с которой они взаимодействуют посредством интерфейса, включая формы для ввода данных (в том числе для входа в систему), поля, кнопки и проч.), так и невидимую пользователям часть – совокупность программных средств и инструментов, обеспечивающих зарегистрированному пользователю пользование своим аккаунтом⁷⁴. При этом подчеркиваются широкие возможности размещения в информационной системе, в которой зарегистрирован пользователь, различной информации, а в некоторых случаях и пользовательский контент, включающий объекты интеллектуальных прав. В частности, это могут быть:

- сведения, необходимые для аутентификации (опознания) зарегистрированного пользователя, которые требуются для всякой учетной записи вне зависимости от того, на каком информационном ресурсе она была создана. Как правило, это онлайн-идентификатор пользователя (login) и пароль, но могут использоваться и другие средства сверки, например, одноразовые пароли, файлы-ключи и проч.;

- сведения о самом зарегистрированном пользователе, включая его персональные данные, которые этот пользователь предоставляет путем заполнения соответствующих регистрационных форм информационного ресурса (например, его имя или псевдоним, пол, место работы, возраст/дата рождения, личное фото, адрес электронной почты, номер телефона, идентификаторы в других информационных системах и проч.);

- информация о различных правомочиях и привилегиях, предоставляемых зарегистрированному пользователю в рамках информационного ресурса (например, право доступа к данным, право на чтение онлайн, право на копирова-

ние, право на установку программы и ее удаление и проч.);

- информация о балансе денежных средств, размещенных на учетной записи пользователя (если аккаунт предусматривать возможность размещения на нем денежных средств), а также произведенных этим пользователем транзакциях;

- история чат-общения с другими зарегистрированными пользователями и службой технической поддержки информационного ресурса;

- информация о предпочтительных настройках зарегистрированного пользователя: темах и оформлении самого аккаунта, размере и разновидности шрифта, различных закладках и т.п.;

- сведения, размещаемые пользователем о самом себе (включая его персональные данные), и, если допускается информационной системой, любая иная публикуемая им информация, в том числе рекламного характера (что характерно прежде всего для социальных сетей): посты этого пользователя и его ответы на комментарии, лайки и комментарии в чужих пользовательских профилях, фотографии и изображения, аудио- и видеозаписи, электронные копии документов и проч.

- если допускается информационной системой, собственные файлы, включая текстовые документы, музыку, изображения, видео и т.д., в том числе объекты интеллектуальных прав.

Несмотря на весомый список элементов, которые могут быть размещены зарегистрированным пользователем, нельзя игнорировать то обстоятельство, что всякий аккаунт (учетная запись) есть только сервис, функционирование которого, как указывалось выше, обеспечивается комплексом программных средств и инструментов, обычно принадлежащих правообладателю информационного ресурса. Вследствие этого аккаунт, представляя собой часть программного обеспечения, у которого есть правообладатель, не может рассматриваться как самостоятельный объект интеллектуальных прав пользователя.

⁷⁴ См. подробнее: *Рожкова М.А.* Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав. С. 217–218.

Список литературы:

1. Андрианова М.С. Аудиовизуальное произведение – объект авторского права: к истории вопроса // Платон. 2013. № 4. С. 38–41.
2. Архипов В.В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. 2015. № 11. С. 61–69.
3. Гордон М.В. Советское авторское право. М.: Госюриздат, 1955. 232 с.
4. Григорьев Д. Сообщения передач организаций эфирного или кабельного вещания, осуществляющее их сообщение как объект смежных прав [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2016. 6 октября (URL: https://zakon.ru/blog/2016/10/06/soobscheniya_peredach_organizacij_efirnogo_ili_kabelnogo_veschaniya_osuschestvlyayushee_ih_soobsche).
5. Данилов И.С. Game over: серьезный вопрос о роли права в мире видеоигр // Предпринимательское право. 2021. № 1. С. 53–58. DOI 10.18572/1999-4788-2021-1-53-58.
6. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей / Исслед. центр частного права. – М.: Статут, 2003. – 416 с.
7. Донников Ю.Е. База данных как сложный объект // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2020. № 1. С. 94–100.
8. Евсеев А., Кирдяшова Е. Как создать и не потерять: подводные камни GameDev'a [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2024. 9 августа (URL: https://zakon.ru/blog/2024/8/9/kak_sozdat_i_ne_poteryat_podvodnye_kamni_gamedeva#_ftnref13).
9. Заключение Исследовательского центра частного права по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (редакционный материал) // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 120–130.
10. Карнычев Б.А. Ключевые частно-правовые проблемы деятельности издателей компьютерных игр в индустрии киберспорта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2022. Вып. 4 (38). С. 64–76. DOI: 10.58741/23134852_2022_4_64
11. Каштанова П.А. Разнообразие объектов авторского права в составе видеоигры // Право цифровой экономики – 2022 (18): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. д.ю.н. М.А. Рожкова. – Москва: Статут, 2022. – 414 с. – (Анализ современного права / IP & Digital Law). С. 335–352.
12. Копылов А.Ю. Проблемы квалификации сложных объектов интеллектуальных прав // Журнал российского права. 2021. Т. 26. № 6. С. 75–90.
13. Лемяцких Е.О. Простые сложности: статус видеоигры и особенности ее правовой охраны // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 41, № 2. С. 80–89. <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14450>
14. Мазур Е.А. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта. Монография. М.: АПКИППРО, 2012. 126 с.
15. Мальцев Н.М., Синельникова В.Н. Правовой режим интернет-сайтов как объектов интеллектуальных прав // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. № 9. Сентябрь 2019. С. 33–45.
16. Махмудова А.Д. Гражданско-правовой режим видеоигр в контексте авторского права // Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы = Video games, gaming, cybersports: legal issues: коллективная монография / под науч. ред. М. А. Рожковой, Р. Л. Лукьянова. – М.: Развитие правовых систем, 2023. – 240 с. – С. 38–54.
17. Назаренко А.В. Проблемы правовой квалификации мультимедийных продуктов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 9. С. 27–34.
18. Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты интеллектуальных прав / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Норма, 2014. 480 с.
19. Орлов Б.П. Основные вопросы киноавторского права: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.00. – М., 1954. – 233 с.

20. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л. А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – 512 с.
21. *Райгородский Н.А.* Авторское право на кинематографическое произведение. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. 69 с.
22. *Рогозина Н.В.* Коммерческий сайт как сложный объект интеллектуальной собственности // Трибуна ученого. 2023. № 9. С. 49–61.
23. *Рожкова М.А.* Базы данных и сервисы онлайн-классифайдов: пользование базой и использование информации // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. Декабрь. № 26. С. 25–32. (URL: <http://iprsmagazine.ru/articles/1729189/>).
24. *Рожкова М.А.* Веб-сайт: от электронной папки до составляющей метавселенной – эволюция или инволюция? // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. № 1 (том 40). С. 14–19. (URL: <https://tis.hse.ru/article/view/14212/13567>).
25. *Рожкова М.А.* Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав // Право цифровой экономики – 2020 (16): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2020. С. 5–78.
26. *Рожкова М.А.* Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав: монография. – М.: ГАУГН Пресс, 2024. 258 с. (URL: https://rozhkova.com/books_text/MY25.pdf).
27. *Рожкова М.А.* Пирамида прав на аудиовизуальное произведение: с какого момента можно считать себя продюсером [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 24 мая. (URL: https://zakon.ru/blog/2018/05/23/piramida_prav_na_audiovizualnoe_proizvedenie_nebolshoj_kommentarij).
28. *Рожкова М.А.* Сайт, информационный ресурс, информационная система, онлайн-платформа – что это такое и как они взаимосвязаны между собой? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2021. 19 апреля. URL: https://zakon.ru/blog/2021/4/19/sajt_informacionnyj_resurs_informacionnaya_sistema_onlajn-platforma_chno_eto_takoe_i_kak_oni_vzaimo
29. *Рожкова М.А.* Является ли телепередача или телепрограмма аудиовизуальным произведением / сложным объектом интеллектуальной собственности? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2017. 6 января (URL: https://zakon.ru/blog/2017/01/06/yavlyaetsya_li_teleperedacha_ili_teleprogramma_audiovizualnym_proizvedeniemslozhnym_obektom_intellek).
30. *Рожкова М.А., Алымова Е.В., Лабзин М.В., Никифоров А.А.* Сложные объекты интеллектуальных прав. Общая часть // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). С. 24–42. DOI: 10.58741/23134852_2025_2_3
31. *Рожкова М.А., Исаева О.В.* Понятие сайта (веб-сайта) для целей права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. Июнь. № 2 (32). С. 46–54.
32. *Савельев А.И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование / А.И. Савельев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2020. – 920 с.
33. *Савицкая К.Д.* Признаки мультимедийного произведения // Вестник Полоцкого государственного университета (Серия D). Экономические и юридические науки. 2022. № 12. С. 124–128.
34. *Серго А.* Неопределенный сайт // ЭЖ-Юрист. 2004. № 1.
35. *Смирнов А.В.* Что такое мультимедиа? // Информационные технологии (URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-multimedia/viewer>).
36. *Чувствинов И.В.* Видеоигры и интеллектуальная собственность: особенности защиты прав при небуквальном копировании // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3 (33). С. 102–111.
37. *Шварц Л.В.* Аудиовизуальное произведение как сложный объект авторского права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 3 (17). С. 30–36.
38. *Aplin T.* Copyright law in the Digital society. The challenges of multimedia. Oxford, 2005.
39. *Ramos A., López L., Rodríguez A., Meng T. and Abrams S.* The Legal Status of Video Games: Comparative Analysis in National Approaches. WIPO. 2013. (URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_report_cr_vg.pdf).

Научная статья
УДК 004.8

Для цитирования:

Монастырский Ю.Э. Информация и искусственный интеллект в системе гражданского права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Декабрь. № 4 (50). С. 31–40.

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_2

For citation:

Monastyrsky Y.E. Information and artificial intelligence in the civil law system // Zhurnal Suda po intellektual'ny'm pravam. 2025. December. N 4 (50). Pp. 31–40. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_2

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_2

Информация и искусственный интеллект в системе гражданского права

Ю.Э. Монастырский,

доктор юридических наук,
профессор кафедры международного частного и гражданского права
имени С.Н. Лебедева МГИМО МИД России, кафедры «Гражданское право и процесс»
Юридического института СевГУ
г. Москва, Россия; г. Севастополь, Россия
ORCID: 0000-0002-6999-8150
Author ID: 1050419

Фундаментальная категория «объект гражданских прав» имеет огромное значение: через описание ее признаков, всего многообразия составляющих ее элементов происходит юридическое осмысление интересов, имущественных и личных устремлений участников гражданского оборота, на характеристиках которого выстраивается логичное правовое регулирование экономических отношений. В настоящей статье мы рассмотрим такие сложные явления, как информация и искусственный интеллект, и сопоставим их с вышеупомянутым базовым концептом. Эти термины вполне легально как в законодательстве, так и в теории названы объектами правоотношений. Однако их свойства таковы, что они не способны к обособлению и обозначению по четкой принадлежности к субъекту, и поэтому, строго говоря, не могут считаться объектами гражданских прав, но в то же время формируют их содержание. Кроме того, результатом применения искусственного интеллекта может быть охраноспособное ноу-хау, когда обозначение автора не требуется в силу закона. Поскольку их роль в современном имущественном обороте огромна и возрастает, необходимо определить с целью обозначения в правовом поле современной экономики юридические соотношения таких ключевых понятий с объектами гражданских прав (ст. 128 ГК РФ).

Ключевые слова:

информация; искусственный интеллект; объект гражданского права; технология, интеллектуальная собственность

I. Значение термина «объект гражданских прав»

Объекты прав идентифицируются по своей принадлежности конкретному лицу¹ и подчиняются правовому режиму, предопределяющему и единообразно устанавливающему их употребление, отчуждение, отнесение которых к чьей-либо собственности или владению есть основание правовой защиты. Всевозможное благо, как явление, инструмент и т.п., обладание которым нелегко установить, например услуги, вода, огонь, облака и т.д., нецелесообразно наделять подобным статусом: противоположная ситуация приведет к неясностям и недостижимости необходимого обособления ценностей, правового регулирования. Гражданско-правовые объекты прав как базовое понятие и феномен произвольно неуничтожимы и прекращают свое бытие в особо урегулированных казусах: гибель вещи, прекращение требования, действие пресекательной давности и т.д. С объективацией имущественных ценностей связано возникновение важной в прошлом, но утратившей остроту сегодня проблемы установления материального характера сделок и вообще юридических действий. Первоначально соответствующие споры сводились к вопросу, возникло ли обязательство, имеет ли обязанность в самом широком смысле гражданско-правовую подоплеку, так как не все взаимодействия в обществе связаны со стоимостными характеристиками и регламентируются в этом контексте правом.

Отсутствие четкого понимания, что есть имущество в отношениях в XIX в., приводило к выводу, что взаимосвязи по политическому и иному сотрудничеству, родственная помощь не принадлежали к области частного права и находились вне юридического поля², что было подражанием фор-

муле, тогда возникшей в Германском гражданском уложении³.

А в настоящее время объекты прав подразделяются на имущество и неимущество, могущее иметь стоимостные характеристики⁴, среди которого перечислены результаты интеллектуальной деятельности, работ, услуг и нематериальные блага. Статья 129 ГК РФ, посвященная ликвидности различных благ, подчеркивает их ключевые свойства.

Оборотоспособность есть общее качество, и ограничение на него устанавливается только законом. Например, это относится к духовным благам, интеллектуальным правам, имуществу, ограниченному в обороте⁵.

II. Категория «информация» в праве

При системном толковании законодательства необходимо заключить, что информация сама по себе не является объектом гражданских прав, за одним исключением. Информация в воспроизводимой форме результата услуг обладает всеми характеристиками объекта гражданских прав. Она принадлежит заказчику, передаваема, имеет стоимость. Она распространяема, но неотчуждаема, в отличие от ее носителей. Информация соответствующим образом структурируется или обрабатывается в соответствии с природой и сущностью других объектов: секретов производства, баз данных, личных благ. Ограничения, но не гражданско-правовым регулированием, могут быть установлены применительно к информации, которая составляет банковскую, государственную и служебную тайны⁶. Несмотря на сказанное, она может выступать «объектом гражданских (по крайней мере при наложении санкций) и иных правовых отношений» согласно ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 23 ноября

¹ Или, по словам В.А. Лапача, по своей «нормативно гарантированной возможности правового закрепления их за субъектами гражданского права», или «юридической привязке» (см.: Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. С. 156).

² Система русского гражданского права: Права обязательственные. Т. 3 / Анненков К. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. С. 8

³ Гражданское уложение: Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения: с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной Комиссии и с приложением законопроекта об авторском праве, одобренного Государственной Думой. Том второй / Под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.Л. Саатчиан. СПб.: Изд. кн. маг. «Законоведение», 1910. С. 172–173.

⁴ Малеина М.Н. О предмете гражданского права // Государство и Право. 2001. № 1. С. 25, 31.

⁵ См., например: Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 июня 2022 г.).

⁶ Северин В.А. Проблемы законодательного регулирования коммерчески значимой информации // Юрист. 2005. № 6. С. 31–35.

2024 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации)⁷, и есть масса публикаций, где подтверждается это положение⁸. Многие пишущие высказываются в том смысле, что раз приняты федеральные законы об информации, от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»⁹, сведения, знания, информация выступают объектом права в широком и объективном смысле, т.е. того, на что направлено соответствующее регулирование, имеются суждения о собственнических правомочиях¹⁰. Необходимо пояснить, что в данном случае они действительно могут являться объектом нечастных прав, но все-таки не приходится говорить об их гражданско-правовых качествах¹¹, особенно о таком, как упомянутая отчуждаемость.

Вместе с тем средства гражданско-правовой защиты при нарушении этих прав могут задействоваться. Согласно пункту 3 ст. 2 ГК РФ к имущественным отношениям, основанным на административном властном подчинении одной стороны другой, гражданские законы не применяются, если иное не установлено в законодательстве. В ст. 17 Федерального закона об информации установлена гражданско-правовая ответственность за нарушения в сфере информации: «Лица, права и за-

конные интересы которых были нарушены в связи с разглашением информации ограниченного доступа или иным неправомерным использованием такой информации, вправе обратиться в установленном порядке за судебной защитой своих прав, в том числе с иском о возмещении убытков, компенсации морального вреда, защите чести, достоинства и деловой репутации». Об этом свидетельствует и дефиниция, например, данных, составляющих коммерческую тайну, в соответствующем Законе: «Сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны»¹². Отсюда недвусмысленно явствует, что коммерческая тайна, несмотря на ее содержание, объектом именно гражданских прав быть не может, с чем согласны другие авторы¹³. Но если она выступает в виде секрета производства,

⁷ Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

⁸ См., например: Семилетов С.И. Информация как особый нематериальный объект права // Государство и право. 2000. № 5. С. 67–74; Насонова Е.Н. Информация как объект гражданского права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Лебедева Д.С., Яценко А.О. Информация как объект гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 4. С. 163–167; Тухватулина А.Г. Информация как объект гражданских прав // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. 2020. № 2 (17). С. 245–250; Афанасьева А.А. Информация как объект гражданского права // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 1156–1163.

⁹ Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.

¹⁰ Ястребов О.В. Право собственности на информацию // Юрист. 2004. № 6. С. 13–16.

¹¹ Так, В.А. Копылов вводит понятие «информационная вещь». По мнению названного автора, под ней следует понимать сложную вещь, характеризующую «двуединством информации и материального носителя», а раз документированная информация материальна, т.е. относится к категории вещей, на нее можно распространить институт права собственности (см.: Копылов В.А. О модели гражданского оборота информации // Журнал российского права. 1999. № 9). Соответственно, В.А. Копылов называет право на информационную вещь правом информационной собственности (см.: Копылов В.А. Информация и собственность // Информационные ресурсы. 1996. № 3. С. 10). С указанной позицией согласиться нельзя – хотя бы потому, что современные технологии передачи информации позволяют вовсе обходиться без материальных носителей (см. подробнее, например: Бевзенко Р.С. Объекты гражданских правоотношений: Учебное пособие для студентов юридических специальностей. М., ВШЭ, 2010. С. 54–56). Вместе с тем, как отмечает М.А. Рожкова, «подобные предложения не могут быть поддержаны, поскольку они вступают в противоречие с постулатом отечественного гражданского права, согласно которому объектом права собственности может выступать только индивидуально-определенная вещь (материальный предмет)» (Рожкова М.А. Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве (6 ноября 2018 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2018/11/06/informaciya_kak_obekt_grazhdanskih_prav_ili_chto_nado_menyat_v_grazhdanskom_prave (дата обращения: 5 июня 2025 г.).

¹² Потапов Н.А. Ответственность за разглашение информации, составляющей коммерческую тайну // Право интеллектуальной собственности. 2010. № 1. С. 31–35.

¹³ См., например: Лисица В.Н. Цифровая валюта, цифровой рубль и электронные денежные средства в российском гражданском праве: проблемы соотношения // Государство и право. 2024. № 2. С. 112.

то наоборот¹⁴. При этом надо обратить внимание на то, что информация широко упоминается в ГК РФ, в частности в следующих статьях: 29, 36, 37, 65.2, 65.3, 66.3, 67.2, 71, 97 и др.

Впрочем, она не всегда имеет безусловную ценность и непрерывное обособление, как вещь, любое имущественное право и т.д. Вместе с тем подробности, знания в виде секрета производства (ноу-хау) являются объектом гражданских прав и регулируются п. 1 ст. 1225 и ст. 1465–1472 ГК РФ. Интересно, что в других странах, например европейских, они могут выступать объектом притязаний. Так, в соответствии со ст. IV.C.–7:101 Модельных правил европейского частного права (Draft Common Frame of Reference (DCFR)) сведения могут быть предметом договора оказания консультационных услуг¹⁵. Несмотря на это, информация может являться так называемой бес-телесной вещью (incorporeal thing)¹⁶ и порождает понятие «информационные отношения»¹⁷

III. Понятия

Изначально сложившиеся в других областях знания, важные, системообразующие понятия объективно воспринимаются гражданским правом с целью оптимального вписывания в собственный контекст¹⁸. Эти новые категории носят объединяющий, а не казуистический характер и обладают свойствами некой генерализации, например «источник повышенной опасности», «произведение», «учредительные документы», «ответственность», «вред», «наследник» и т.п. Они используются для конкретного и всеобъемлющего урегулирования возникающего класса случаев гражданским правом. Адекватность нового и важного концепта определенно влияет на результативность законо-

творчества, обеспечивая дальнейшее непротиворечивое единообразующее правоприменение; по словам классика, терминология «в праве более чем существенна, ибо она не только выражает содержание правовых категорий, но и влияет на них»¹⁹.

В свое время рассуждая о таком интеллектуальном объекте, не имеющем авторства, но важнейшем в каждой экономической деятельности, как ноу-хау, и отмечая конкуренцию дефиниций «коммерческая тайна», «секрет производства», «секреты промысла», Виктор Абрамович Дозорцев указывал, что терминология условна, но «она имеет существенное практическое значение, особенно в праве, где призвана обозначать реально значимые категории, за которыми следуют точно определенные права и обязанности»²⁰. «Лучше всего, когда термин раскрывает смысл обозначенной категории, несет филологическую нагрузку; его доступность для понимания избавляет от многих недоразумений... Но обозначение может быть и нейтральным. Важно только, чтобы оно не вводило в заблуждение, не порождало неправильного представления, не дезинформировало»²¹.

По словам В.А. Дозорцева, термин «не должен быть более широким, чем описываемые им понятия, или более узким и не должен находиться в другой плоскости... Очень опасно и обозначение одной категории разными словами, равно как и употребление одного наименования для разных понятий: становятся неясны права и обязанности, подпадающие под данный концепт... Для одной категории в разных законах нередко используются различные термины, но это приемлемо только в той мере, в какой они характеризуют ее с разных сторон»²².

¹⁴ Ср.: Перспективы развития гражданского законодательства в России: планы и современные реалии: Интернет-интервью с Е.А. Сухановым. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/law/interview/sukhanov/> (дата обращения: 5 июня 2025 г.) («...если мы имеем дело с охраноспособной информацией – секретом производства, ноу-хау, – то это объект гражданского права. Охраноспособная информация – объект имущественного права. Секрет производства стоит очень дорого»).

¹⁵ Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. С. 399.

¹⁶ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Munich: Sellier, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://sakig.pl/wp-content/uploads/2019/01/dfcr.pdf> (дата обращения: 5 июня 2025 г.).

¹⁷ Михайленко Е.В. Актуальность новых подходов к регулированию информационных отношений // Юрист. 2004. № 4. С. 43–44.

¹⁸ Вайпан В.А. Источники цифрового права // Вестник арбитражной практики. 2024. № 1. С. 3–4.

¹⁹ Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. М.: Статут, 2005. С. 53; см. также: Там же. С. 140, 143.

²⁰ Дозорцев В.А. Понятие секрета промысла (ноу-хау) // Вестник ВАС РФ. 2001. № 8. С. 115–117.

²¹ Там же.

²² Там же.

IV. Искусственный интеллект в цивилистическом контексте

Необходимо ответить на вопрос, почему нужно объединить исследования таких продуктов человеческой деятельности, как информация и искусственный интеллект, которые играют важнейшую роль в экономической жизни в первую очередь. Общим представляется то, что эти явления создают интерес, мотивацию и правоотношения, содержанием которых являются права и корреспондирующие им обязанности. Поэтому в точном смысле данные феномены можно считать объектом правоотношений, в первую очередь административных, трудовых, процессуальных (об этом подробнее мы скажем ниже) и гражданско-правовых в особых случаях.

Приобретение секрета производства, нематериального блага, информации о семейной жизни, программы для ЭВМ, результата услуг, имущественного комплекса, работа как вещи и т.д. необходимо для передачи информационного продукта или способностей искусственного интеллекта, не только производящего вычисления, но и обучающегося, способного приходить к самостоятельным выводам. Алгоритмы, информация, искусственный интеллект, не передаваемые и не отчуждаемые в полной мере, сами по себе не могут становиться объектами гражданских прав.

Искусственный интеллект (ИИ)²³ – новое явление, знаменующее скачкообразную технологиче-

скую революцию²⁴, которая иногда даже сопровождается войнами, вооруженными конфликтами. Именно в этот период общество переформируется, и власти иногда принимают жесткие решения.

Многие считают, что ИИ – это или квазисубъект, или объект права²⁵. Но это – спорное утверждение. Объекты права изложены в ГК РФ. Список их закрыт, как и, например, перечисление интеллектуальных прав. Это обусловлено принадлежностью нашего правопорядка к континентальной правовой системе. Принято считать, что имущественный оборот замкнут. Поэтому закрыты перечни юридических лиц, объектов гражданских прав, других понятий, например средств правовой защиты (ст. 12 ГК РФ).

Следует обратить внимание на то, что после перечисления средств правовой защиты в ст. 12 сказано, что они могут быть и иными, но должны быть установлены законом. Поэтому, когда стороны, реализуя принцип свободы договора, пишут о заранее исчисленных убытках²⁶, то такое требование из соглашения возникать не может. И суд должен данную формулу признать недействительной или трактовать ее в пользу штрафа, убытков и т.д. В числе объектов гражданских прав названы вещи, материальные предметы, имущественные права – самая многообразная категория, в которую входят цифровые права, а также интеллектуальная собственность и результаты работ и услуг,

²³ Согласно подп. «а» и «б» п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024)) «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»; «технологии искусственного интеллекта – совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта».

²⁴ Кирсанова Е.Е. Обзор основных теорий определения правового режима объектов, созданных искусственным интеллектом // Закон. 2023. № 9. С. 36.

²⁵ См.: Морхат П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 2018. № 4. С. 1–7; Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102; Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // Цифровое право. 2020. Т. 1. № 4. С. 74–83; Рыжкова Е.А., Рыжкова Е.К. Искусственный интеллект как элемент цифрового отношения // Юридические исследования. 2022. № 8. С. 1–11; Чаннов С.Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 12. С. 94–109; ср.: Цуканова Е.Ю., Скопенко О.Р. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом // Вопросы российского и международного права. Т. 8. № 4А. С. 45 («...Такая позиция [о правосубъектности робота] поддерживает интересы разработчиков и робототехнических корпораций, которые таким образом стремятся снять с себя социальную ответственность»).

²⁶ Гражданское и торговое право зарубежных государств. В 2 т. Т. 1. Учебник. / М.А. Андрианова, Е.А. Васильев, А.В. Грибанов [и др.]; под редакцией А.С. Комарова [и др.]. М.: Статут, 2019. С. 500.

нематериальные блага. И более ничего не может быть предметом денежных отношений.

И на вопросы, можно ли продать искусственный интеллект, завещать его, разрушить, ликвидировать, а также способен ли он быть субъектом права, мы даем отрицательный ответ.

Иногда на конференциях и в литературе звучит тезис о том, что действующий, как робот, искусственный интеллект – субъект посредством фикции, как и юридическое лицо²⁷. Последнее существует в праве, выступает в имущественном обороте от собственного имени. Прежде всего, не может быть новым субъектом прав, который не несет самостоятельную имущественную ответственность. Если он заключил сделки, создал у себя круг обязательств, а ответить по ним не может в случае неисполнения, то его субъектность в имущественном обороте сомнительна.

Есть мнение, что права на искусственный интеллект – это на самом деле одна из разновидностей цифровых прав²⁸. Полагаем, что последние выражают доступ к многообразной автономной информационной системе, тогда преимущественно обязательственное право получает цифровое оформление, и, кроме этого, может иметь алгоритмическое, вычислительное содержание.

Когда искусственный интеллект входит в оборот (продается, меняет владельца), то у юристов-практиков возникают вопросы, как структурировать подобную сделку. Одна из точек зрения заключается в том, что на самом деле искусствен-

ный интеллект – это более совершенный робот, т.е. машина, которая на базе введенных в нее данных и возможности производить моментальные вычисления, может прогнозировать, в том числе выполнять когнитивные функции. И лучше было бы, на наш взгляд, чтобы искусственный интеллект был назван роботом²⁹, но это вряд ли случится, потому что рассматриваемое понятие прочно вошло в употребление (и к тому же в общепринятом смысле не всякий робот обладает интеллектом³⁰). Робот отождествляется с материальным предметом в виде определенного компьютера, комнаты, сетей и т.д., и т.п. Его продажа, отчуждение дают некоторые гарантии приобретателю.

Если искусственный интеллект будет привязан к вещам материального мира, к оборудованию, то покупатель более защищен: у него появится возможность предъявить жалобы на плохое качество. В этом существует обширная практика (ст. 475 ГК РФ и др.).

Есть конкретные примеры того, что в регулировании некоего нового явления в гражданском праве все проблемы начинаются с вживления отраслевого неологизма в правовой контекст. Мы знаем, что «искусственный интеллект» – буквальный перевод выражения «artificial intelligence», создающего смысловую ассоциацию субъектности либо имущественной автономности.

Одна из ролей ИИ заключается в том, что он в сфере судебной деятельности, в частности – в международных коммерческих арбитражах

²⁷ См., например: Moscow Legal Tech 2017: настоящее и будущее технологий в юридическом бизнесе (30 марта 2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://legalinsight.ru/pdf.php?id=4348> (дата обращения: 5 июня 2025 г.) («...Виктор Наумов... описал общую концепцию законопроекта о роботах, а именно: понятие «робот», наделение некоторых видов роботов специальной правосубъектностью (по аналогии с юридическими лицами)...»); Цуканова Е.Ю., Скопенко О.Р. Указ. соч. С. 45 («Но можно интерпретировать правосубъектность робота и на основе категории юридического лица, как предлагает Александр Тюльканов...»); Лантев В.А. Указ. соч. С. 88 («...на практике... признаки субъекта предпринимательства, например, могут быть у промышленного AI-робота. Так, робот может иметь регистрацию (предположим, в Ростехнадзоре) и учетный номер; обладать хозяйственной компетенцией, соответствующей целям его деятельности; обладать имущественной базой, поскольку робот априори представляет собой материальную ценность; его можно привлечь к юридической ответственности (например, в виде принудительного отключения или доработки программы, а также утилизации, как крайней мере ответственности). Таким образом, на первый взгляд, AI-робот обладает отдельными элементами субъекта права, при осуществлении им производственно-хозяйственной деятельности»).

²⁸ Абрамова Е.Н. Легальные и фактические признаки цифрового права как объекта гражданских прав // Право и экономика. 2023. № 7. С. 26–28.

²⁹ Так, В.В. Архипов и В.Б. Наумов предложили включить в ГК РФ категорию «робот» – устройство, способное действовать, определять свои действия и оценивать их последствия на основе информации, поступающей из внешней среды, без полного контроля со стороны человека (Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. 2017. Вып. 6. С. 46–62).

³⁰ Лантев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.

и обычных третейских производствах производит революцию. Он на базе повторяющихся событий, прошлого опыта, тщательно подобранного, позволяет быстро делать прогнозы, давать оценки. И возникают опасения о замене правосудия³¹.

Следующее назначение ИИ состоит в создании произведений без творческого человеческого участия³². В этом контексте снова возникает вопрос о его квазисубъектности. Мы следуем той логике, что продукт искусственного интеллекта не всегда возможно вообще делать защищаемым. В противоположность автору, создающему патентуемое и просто произведение, новую промышленную или иную интеллектуальную собственность, плоды ИИ не нуждаются в правовой охране, потому что она возникла из потребности оборота в создании мотивации для творца двух порядков: что его произведение не скопируют и не отберут у него лавры гения-создателя и что он вправе предложить это рынку, а последний будет заинтересован вступить с ним во взаимоотношения и вознаградить его успешную деятельность. У искусственного интеллекта в силу его машинной природы не может быть таких устремлений, а разработчик искусственного интеллекта не имеет к конечной продукции отношения в силу закона, поскольку его творческого труда в написании текстов, картин и т.д. не имеется (ст. 1228 ГК РФ). И главное – защитой таких авторских прав в этом случае не формируются стимулы к созиданию. Разработчик искусственного интеллекта при неразрешенном копировании его произведения защищается меньше, и это справедливо. Личностная, взаимная связь и правовые возможности, когда создатель может добиться общественного признания, изъять текст, переделать стихи, отсутствуют³³. Вместе с тем сгенерированный ИИ секрет производства (глава 75 ГК РФ) составляет предмет исключительного пра-

ва того, кто его содержанию сообщает режим конфиденциальности и получил данный объект на законных основаниях. На наш взгляд, продукт искусственного интеллекта или компилятивное произведение приобретает свойство охраноспособности после авторской доработки, если она имеет творческую сущность³⁴.

Юридическое лицо, несущее самостоятельную имущественную ответственность, иногда выступает ширмой для стоящих за ним и действующих людей. Это необходимо для переложения рисков в экономике, иначе хозяева и авторы идей не решились бы на вложения, трату времени и ресурсов. Таким образом, еще одна завеса в виде ИИ, наделенного квазисубъектностью и неспособного нести правовую ответственность, будет излишней. В контексте объектов гражданских прав искусственный интеллект оказывается технологией, а результатом его работ, услуг будет суррогат человеческой деятельности: интеллектуальной, двигательной, преобразующей. У истоков этого сложного явления стоит такой объект гражданских прав, как программа для ЭВМ.

Конструктивная особенность искусственного интеллекта в том, что он выступает составляющей конфигурации чипов, электрических приборов, которые объединяются понятием «робот, действующий в пространстве». Таким образом, вещь, интеллектуальная собственность и результаты услуг могут включать технологию, подпадающую под рассматриваемое понятие. Отсюда вывод: ИИ может заключаться в вещах, результатах работ, действиях компьютерных программ; и они должны создаваться и передаваться, обладая соответствующими качествами.

Это значит, что такой важный драйвер экономической деятельности, рационализации управления, планирования, как искусственный интеллект,

³¹ См. подробнее, например: *Гресева И.* Правосудие будущего: как искусственный интеллект меняет суды (28 августа 2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://softline.ru/about/blog/pravosudie-budushhego-kak-iskusstvennyj-intellekt-menyayet-sudy> (дата обращения: 5 июня 2025 г.).

³² См. подробнее, например: *Морхат П.М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019; *Сесицкий Е.П.* Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018; *Кашианова П.* Перспективы правовой охраны произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта в России (17 марта 2023 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/article/1613841/> (дата обращения: 5 июня 2025 г.).

³³ *Орлова Т.Е.* Авторское право на результаты деятельности искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 204–221.

³⁴ *Zakharova M.V.* New Legal Tradition: Paradigms of Developments in Technology. *Kutafin Law Review*. 2025. Vol. 12(1). P. 33–37.

теперь выставлемый в качестве необходимого атрибута коммерческого успеха; может переходить, передаваться, задействоваться посредством распоряжения такими объектами гражданских прав, которые соответствуют своим функциям и характеристикам. Он служит конкретной цели и поэтому может быть составляющей услуг, программ, отвечающих за управление данным искусственным интеллектом, либо совокупности вещей с набором функциональных качеств – роботов, действующих как пылесос, доставщик грузов по воздуху и по земле и т.д. Подобный подход должен руководить юридической практикой, направляя ее по верному пути.

Рассуждения об искусственном интеллекте возвращают нас к теории интеллектуальных прав и их объектов. По поводу соотношения искусственного интеллекта с названными правовыми категориями нужно сказать о том, что, несомненно, работающий искусственный интеллект может быть устремлен на полезный, эстетический, промышленный, литературный результат, который есть основа и атрибут гражданских прав, как и программа ЭВМ³⁵, входящая в закрытый перечень объектов интеллектуальной собственности (ст. 1225 ГК РФ). Но специалисты решают другой вопрос: может ли ИИ в обратном порядке иметь плодом охраноспособную программу ЭВМ.

Возвращаясь к учению о произведении, нужно вспомнить, что некоторые теории говорят о нем как об итоге или результате уникальном, и о том, что искусственный интеллект, проявляющийся в технологиях, создает единичное и даже неповторимое. Мы считаем эту позицию спорной. Формула законодателя о творческом труде как о необходимом условии произведения имеет абсолютный характер³⁶. Необходимы предполагаемый творческий акт и результат, обладающий

эстетической притягательностью или интеллектуальной сущностью. Искусственный интеллект по природе не способен к творчеству: его литературные, изобразительные продукты не обладают новизной, а являются лишь компиляцией и переработкой большого объема информации, а также имитацией новшеств. Наконец, как мы уже указывали, охраноспособность произведений преследует цель стимулирования творческого труда людей и не стремится защитить продукцию искусственного, а не человеческого интеллекта. Это не только бесполезно, но и пагубно для экономического оборота.

По знаменитой формуле теолога Григория Богослова, «не Сущий из сущего, но сущее из Сущего». Применительно к нашему контексту это означает, что творение имеет искру Бога, которую могут воспроизводить лишь люди, а не машины. Однако автор, самостоятельно оценив результат работы ИИ, отобрав его и творчески доработав, может получить новое произведение в соответствии с главами 72–75 ГК РФ.

V. Вывод

Искусственный интеллект – это технология, а не имущество и не иной объект гражданских прав, но в качестве таковой может быть включен в услуги (результаты), программы для ЭВМ, изобретения, секреты производства, имущественные права, вещи. Продукт ИИ, отобранный и доработанный автором, приобретает качество произведения. Названные объекты оборотоспособны, могут отчуждаться, переходить по наследству, быть уступлены иным образом. Информация – важнейшее общеправовое понятие, объект правоотношений, прямо названное таковым в законах, трудах авторов, пишущих на обозначенную тему. Вместе с тем информация – не объект, не неимущественная, оборотоспособная

³⁵ Согласно ст. 1261 ГК РФ программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

³⁶ См. также абз. 5 п. 80 постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»: «Творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств. Вместе с тем результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека... объектами авторского права не являются».

ценность и не благо в цивилистическом смысле. В одном случае в режиме производного услуг информация как способ его существования может рассматриваться как объект гражданских прав (ст. 128 ГК РФ).

Несмотря на вышесказанное, информация есть важнейшее понятие в праве, значение которого закономерно увеличивается в эру цифровизации, использования громадных по объему баз данных.

Список литературы:

1. *Абрамова Е.Н.* Легальные и фактические признаки цифрового права как объекта гражданских прав // *Право и экономика*. 2023. № 7(425). С. 26–31.
2. *Архипов В.В., Наумов В.Б.* Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике // *Труды СПИИ РАН*. 2017. Вып. 6(55). С. 46–62.
3. *Афанасьева А.А.* Информация как объект гражданского права // *Вопросы российской юстиции*. 2020. № 9. С. 1156–1163.
4. *Бевзенко Р.С.* Объекты гражданских правоотношений: Учебное пособие для студентов юридических специальностей. М.: ВШЭ, 2010. 72 с.
5. *Вайпан В.А.* Источники цифрового права // *Вестник арбитражной практики*. 2024. № 1(110). С. 3–29.
6. *Васильев А.А., Печатнова Ю.В.* Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // *Цифровое право*. 2020. Т. 1. № 4. С. 74–83.
7. *Гражданское и торговое право зарубежных государств*. В 2 т. Т. 1. Учебник. / М.А. Андрианова, Е.А. Васильев, А.В. Грибанов [и др.]; Под редакцией А.С. Комарова [и др.]. М.: Статут, 2019. 560 с.
8. *Гражданское уложение: Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения: с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной Комиссии и с приложением законопроекта об авторском праве, одобренного Государственною Думою. Том второй / Под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.Л. Саатчиан. СПб.: Изд. кн. маг. «Законоведение», 1910. 1362 с.*
9. *Гресева И.* Правосудие будущего: как искусственный интеллект меняет суды (28 августа 2024 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://softline.ru/about/blog/pravosudie-budushhego-kak-iskusstvennyj-intellekt-menyaet-sudy> (дата обращения: 5 июня 2025 г.).
10. *Дозорцев В.А.* Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. М.: Статут, 2005. 416 с.
11. *Дозорцев В.А.* Понятие секрета промысла (ноу-хау) // *Вестник ВАС РФ*. 2001. № 8. С. 105–119.
12. *Кашитанова П.* Перспективы правовой охраны произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта в России (17 марта 2023 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/article/1613841/> (дата обращения: 5 июня 2025 г.).
13. *Кирсанова Е.Е.* Обзор основных теорий определения правового режима объектов, созданных искусственным интеллектом // *Закон*. 2023. № 9. С. 36–46.
14. *Копылов В.А.* Информация и собственность // *Информационные ресурсы России*. 1996. № 3. С. 10–12.
15. *Копылов В.А.* О модели гражданского оборота информации // *Журнал российского права*. 1999. № 9. С. 35–45.
16. *Лапач В.А.* Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 544 с.
17. *Лантев В.А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 2. С. 79–102.
18. *Лебедева Д.С., Яценко А.О.* Информация как объект гражданского права // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2017. Т. 3 (69). № 4. С. 163–167.
19. *Лисица В.Н.* Цифровая валюта, цифровой рубль и электронные денежные средства в российском гражданском праве: проблемы соотношения // *Государство и право*. 2024. № 2. С. 110–118.
20. *Малеина М.Н.* О предмете гражданского права // *Государство и Право*. 2001. № 1. С. 25–31.

21. Михайленко Е.В. Актуальность новых подходов к регулированию информационных отношений // Юрист. 2004. № 4. С. 42–46.
22. Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. 989 с.
23. Морхат П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 2018. № 4. С. 1–8.
24. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 420 с.
25. Насонова Е.Н. Информация как объект гражданского права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 185 с.
26. Орлова Т.Е. Авторское право на результаты деятельности искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 204–221.
27. Перспективы развития гражданского законодательства в России: планы и современные реалии: Интернет-интервью с Е.А. Сухановым. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/law/interview/sukhanov/> (дата обращения: 5 июня 2025 г.).
28. Потанов Н.А. Ответственность за разглашение информации, составляющей коммерческую тайну // Право интеллектуальной собственности. 2010. № 1. 31–35.
29. Рожкова М.А. Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве (6 ноября 2018 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2018/11/06/informaciya_kak_obekt_grazhdanskih_prav_ili_chno_nado_menyat_v_grazhdanskom_prave (дата обращения: 5 июня 2025 г.).
30. Рыжкова Е.А., Рыжкова Е.К. Искусственный интеллект как элемент цифрового отношения // Юридические исследования. 2022. № 8. С. 1–11.
31. Северин В.А. Проблемы законодательного регулирования коммерчески значимой информации // Юрист. 2005. № 6. С. 30–36.
32. Семилетов С.И. Информация как особый нематериальный объект права // Государство и право. 2000. № 5. С. 67–74.
33. Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 218 с.
34. Система русского гражданского права: Права обязательственные. Т. 3 / Анненков К. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 495 с.
35. Тухватулина А.Г. Информация как объект гражданских прав // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. 2020. № 2 (17). С. 245–250.
36. Цуканова Е.Ю., Скопенко О.Р. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 4А. С. 42–48.
37. Чаннов С.Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 12(145). С. 94–109.
38. Ястребов О.В. Право собственности на информацию // Юрист. 2004. № 6. С. 13–18.
39. Moscow Legal Tech 2017: настоящее и будущее технологий в юридическом бизнесе (30 марта 2017 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://legalinsight.ru/pdf.php?id=4348> (дата обращения: 5 июня 2025 г.).
40. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Munich: Sellier, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://sakig.pl/wp-content/uploads/2019/01/dfcr.pdf> (дата обращения: 5 июня 2025 г.).
41. Zakharova M.V. New Legal Tradition: Paradigms of Developments in Technology. *Kutafin Law Review*. 2025. Vol. 12(1). Pp. 33–37.

Для цитирования:

Новоселова Л.А. Конфликт интересов авторов и разработчиков ИИ: где выход? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Декабрь. № 4 (50). С. 41–49.

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_3

For citation:

Novoselova L.A. Conflicting interests between authors and AI developers: ways forward // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. December. N 4 (50). Pp. 41–49. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_3

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_3

Конфликт интересов авторов и разработчиков ИИ: где выход?

Л.А. Новоселова,

д.ю.н., профессор,

зав. кафедрой финансовых сделок и новых технологий в праве

*Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации*

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) поставило ряд сложнейших задач для юридической науки, в том числе – в области права интеллектуальной собственности. Процесс «обучения» моделей ИИ часто затрагивает интересы правообладателей, особенно там, где искусственно генерируемый контент начинает конкурировать и вытеснять созданный человеком. В мире пока не выработано общего подхода, позволяющего совместить часто противоречащие интересы разработчиков ИИ и правообладателей. В статье рассматриваются основные правовые подходы к урегулированию этого конфликта, а также возможные экономические модели, которые могут быть положены в основу правовых решений, в том числе и в России.

Ключевые слова:

авторские права; искусственный интеллект; интеллектуальная собственность; коллективное управление; технологии анализа данных; защита интеллектуальных прав

Совсем недавно Forecasting Research Institute опубликовал отчет «Assessing Near-Term Accuracy in the Existential Risk Persuasion Tournament»¹, который показал, что все прогнозы лучших экс-

пертов мира в области искусственного интеллекта (ИИ) провалились, скорость развития ИИ была недооценена в 5–10 раз, что делает новые прогнозы бессмысленными. В этой сумасшедшей гонке

¹ <https://forecastingresearch.org/near-term-xpt-accuracy>.

приходится сложно всем, а особенно юристам – от которых в условиях неупорядоченности и нарастающей неопределенности требуют создания новых правил. Эти правила, с одной стороны, не должны тормозить развитие новых технологий, на которые делают ставки все экономики мира. С другой стороны – нельзя допустить разрушения системы, обеспечивающей защиту прав авторов и правообладателей контента, используемого для обучения ИИ.

Техническая составляющая процессов использования охраняемых авторским и смежными правами объектов для целей обучения ИИ постоянно изменяется, что дополнительно затрудняет правовой анализ складывающейся ситуации. Существующие в настоящее время подходы к регулированию в области защиты авторских прав, в основном, исходят из того, что при обучении моделей ИИ наиболее часто используется технология TDM («text and data mining» – технология интеллектуального (глубокого) анализа текста и данных). Директива 2019/790/ЕС от 17 апреля 2019 г. «Об авторском праве и смежных правах в рамках единого цифрового рынка и о внесении изменений в Директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС» (далее – Директива CDSM)² в статье 2 определяет TDM как «любую автоматизированную аналитическую методику, направленную на анализ текста и данных в цифровой форме с целью получения информации, которая включает, помимо прочего, закономерности, тенденции и корреляции».

Хотя положения об способе свободного использования для TDM были сформулированы до актуализации вопросов обучения ИИ, очевидно, что методики машинного обучения, которые используются для обучения систем искусственного интеллекта, подпадают под понятие TDM³.

Современная система защиты интеллектуальных прав, в том числе авторских и смежных, которые чаще всего затрагиваются при обучении ИИ, построена на предоставлении автору и правообладателю определенной эконо-

мической власти, часто называемой своеобразной «монополией», которая основана на необходимости получения разрешения от правообладателя на использование охраняемых объектов, если только нет специальных изъятий, установленных законом.

Соответственно, на первый план выходят вопросы, является ли процесс обучения моделей ИИ случаем, который подпадает под действие исключительных («монопольных») прав; и требует ли использование охраняемых авторским и смежными правами объектов для этих целей разрешения правообладателя и/или выплаты ему материального вознаграждения.

Российская правовая система пока не предложила законодательных решений задачи согласования целей развития новых технологий ИИ и защиты интеллектуальных прав. Построение возможных моделей затрудняет отсутствие судебных прецедентов, а также определенной позиции регуляторов, что можно объяснить колебаниями в выборе основного курса – давать ли разработчикам ИИ право свободно и бесплатно использовать информацию, включающую в себя и охраняемые результаты интеллектуальной деятельности (тем самым способствуя ускоренному развитию инноваций) или приоритетно обеспечивать защиту правообладателей и их право на справедливое вознаграждение.

Сложности выбора направления объяснимы: слишком серьезные альтернативы должны быть взвешены. Тем не менее затянувшуюся паузу все равно необходимо прервать, и сделать это возможно с учетом оценки плюсов и минусов различных экономических моделей и уже имеющегося опыта регулирования.

В настоящее время подавляющее большинство специалистов полагает, что использование защищенных авторским правом произведений в виде данных для обучения систем ИИ предоставляет разработчикам определенную экономическую выгоду и, по общему правилу, требует согласия

² Директива (ЕС) 2019/790 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об авторском праве и смежных правах на Едином цифровом рынке и о внесении изменений в Директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС» (принята в г. Страсбурге 17 апреля 2019 г. // <http://data.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj>).

³ Афанасьева Е.Н., Фурман Д.Д. Правовые аспекты обработки искусственными интеллектуальными системами объектов авторского права в процессе машинного обучения // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14. № 4. С. 1646 и далее.

правообладателя⁴. Исходя из этого, в различных правовых системах перешли к поиску оптимальной экономической модели, обеспечивающей оптимального соотношения между интересами авторов (правообладателей) и разработчиков ИИ.

Европейский подход к регулированию, основные черты которого определены Директивой CDSM, Директивой 96/9/ЕС (Директива о базах данных)⁵, Директивой 2001/29/ЕС (Директива «информационное общество»)⁶, а также Законом ЕС об искусственном интеллекте (AI Act)⁷, характеризуется строгим и достаточно казуистичным подходом к разрешению противоречий, связанных с использованием охраняемых произведений, программ для ЭВМ и баз данных в случаях их воспроизведения и извлечение информации из них для целей глубокого анализа. Действия, направленные на извлечение и анализ данных, охраняемых в качестве объектов авторских и иных интеллектуальных прав, признаются правомерными, если они подпадают под предусмотренные ст. 3 и 4 Директивы CDSM исключения.

Статья 3 Директивы предусматривает, что правообладатели не могут противостоять практике использования TDM, когда она осуществляется научно-исследовательскими организациями или учреждениями культурного наследия в целях научного исследования. По смыслу п. 17 и 18 преамбулы Директивы использование TDM в соответствии со ст. 3 не может быть исключено или ограничено условиями договора, а государства-члены

не могут для этих случаев устанавливать механизмы справедливой компенсации для правообладателей.

Данная статья вводит исключения в отношении прав на воспроизведение объектов авторских и смежных прав, баз данных, защищенных авторским правом; прав на извлечение и повторное использование баз данных *suí generis*; прав на воспроизведение издателей онлайн-прессы.

В статье 4 (п. 3) Директивы содержится иное изъятие: воспроизведение и извлечение данных возможно лишь в том случае, если правообладатель прямо не заявил о запрете на эту деятельность «надлежащим образом, в том числе машиночитаемыми способами для контента, размещенного в открытом доступе в Интернете». Так, данная норма допускает использование TDM при условии, что использование контента не было резервировано их правообладателями надлежащим образом⁸.

Это исключение охватывает авторские права, права на базы данных и права издателей, а также право на воспроизведение и изменение компьютерных программ.

Таким образом, для сохранения прав на воспроизведение и извлечение (если только речь не идет об извлечении в научных целях – ст. 3 Директивы) от правообладателя требуется активное действие – заявление, что он отказывается от предоставления принадлежащих ему объектов для анализа текста и данных TDM.

⁴ При ответе на вопрос, «должно ли использование данных, защищенных авторским правом, для обучения системы искусственного интеллекта подпадать под действие монополии на экономические права, т. е. должно ли оно в принципе требовать разрешения владельца авторских прав, если только это не подпадает под исключение?», большинство респондентов (95 процентов) ответили – «да» // Сводный отчет по итогам опроса AIPPI «Авторское право и искусственный интеллект», Июнь 2025, Q295-SR-2025-en, стр. 11 // <https://aippi.soutron.net/Portal/Default/en-GB/DownloadImageFile.ashx?objectId=9948&ownerType=0&ownerId=6152>

⁵ Директива 96/9/ЕС Европейского парламента и Совета от 11 марта 1996 г. о правовой защите баз данных // OJEU L 77, 27.3.1996, стр. 20-28. URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/1996/9/oj>

⁶ Директива (ЕС) 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета от 22 мая 2001 о гармонизации отдельных аспектов авторского и смежных прав в информационном обществе // OJEU L 167, 22 июня 2001 г. С. 10-19. URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2001/29/oj>.

⁷ Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г. о гармонизированных правилах, касающихся искусственного интеллекта, и о внесении изменений в Регламенты (ЕС) № 300/2008, (ЕС) № 167/2013, (ЕС) № 168/2013, (ЕС) 2018/585, (ЕС) 2018/1139 и (ЕС) 2019/2144 и Директивы 2014/90/ЕС, (ЕС) 2016/797 и (ЕС) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // OJ L 2004/1689, 12.7.2024. URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj>.

⁸ Дополнительные пояснения даются в п. 13 преамбулы Директивы CDSM: «В случае контента, который был опубликован в Интернете, следует считать целесообразным сохранение этих прав только с помощью машиночитаемых средств, включая метаданные и условия веб-сайта или сервиса. Другие виды использования не должны быть затронуты сохранением прав для целей интеллектуального анализа текста и данных. В других случаях может быть целесообразно сохранение прав другими способами, такими как договорные соглашения или одностороннее заявление».

Сложность состоит в том, что, во-первых, проверка наличия запрета правообладателя является трудновыполнимым условием (нет сложившихся стандартов выражения запретов; четкого представления, кем, помимо самого правообладателя, такие запреты могут быть даны; какое действие будет иметь запрет в отношении иных ресурсов; где могут быть размещены те же объекты и т.д.). Во-вторых, наличие такого запрета означает необходимость индивидуально-го согласования использования контента с правообладателем (или иным лицом, действующим в его интересах) для заключения лицензионного договора; это требует больших затрат и связано с еще не выявленными полностью юридическими рисками.

В отношении исключения для научных организаций неясно, могут ли быть использованы полученные в научных целях данные, содержащие охраняемые объекты, самими научными организациями для обработки TDM, и не запускается ли таким образом механизм обхода ст. 4 Директивы. Сложность возникает также при соотношении практики использования TDM с точки зрения общего правила, допускающего «временные исключения для воспроизведения», когда воспроизведение носит краткосрочный характер и не имеет самостоятельного экономического значения.

Другое важное требование европейского регулятора – это закрепленная в AI Act (ст. 53) необходимость для поставщиков моделей генеративного ИИ общего назначения обеспечивать публичную доступность данных о том, какие объекты использовались для обучения. Требования к порядку раскрытия пока находятся в процессе разработки и обсуждения для определения необходимого и достаточного уровня детализации отчетов об использовании.

Малочисленная судебная практика судов ЕС, в основном, связана с толкованием положений Директивы CDSM, касающихся действия предусмотренных в ней исключений, допустимости резервирования прав не правообладателями, формы

резервирования прав, в том числе толкования понятия «машиночитаемая форма»⁹.

Европейская модель, настроенная на необходимость при проведении анализа контента для целей обучения ИИ учитывать запрет правообладателя, в большей степени ориентирована на индивидуальные или коллективные договоренности разработчиков с правообладателями.

В США, Великобритании и ряде других стран подход к регулированию отличается большей мягкостью и традиционно основывается на использовании доктрины fair use (добросовестного использования), которая допускает ограниченное использование объектов авторского права без разрешения правообладателя в случаях, когда произведение используется в некоммерческих, образовательных, научных, критических, пародийных целях, при небольшом объеме копирования (но иногда может быть признан нарушением даже небольшой объем копирования, если речь идет о ключевой части произведения). Использование не должно наносить ущерб потенциальному рынку оригинала, при наличии такого ущерба использование не признается добросовестным.

Несомненные плюсы доктрины fair use состоят в ее гибкости и простой адаптации к новым условиям. Но эта гибкость одновременно является и минусом, поскольку не создает определенного правила, как это сделано в европейском праве, и судебная практика может сильно колебаться в оценке обстоятельств дел.

Активное использование этой доктрины приводит к тому, что правообладатели лишаются возможности потребовать от разработчиков систем искусственного интеллекта вознаграждения на использование охраняемых объектов авторского и смежных прав.

Судебная практика в США последних лет стандартно применяет к спорным ситуациям положения доктрины добросовестного использования и достаточно часто признает ответчика действующим добросовестно. Так, в деле *Bartz npomiv Anthropic PBC*. (США, Северный округ Калифорнии)

⁹ См. например: в деле Kneschke против LAION: решение LG Гамбурга от 27 сентября 2024 г. – 310 O 227/23, см. обзор Paul Goldstein, Christiane Stuetzle, Susan Bischoff, Kneschke vs LAION – Landmark Ruling on TDM exceptions for AI training data – part 1. Kluwer Copyright Blog. 13.11.2024 // URL: <https://copyrightblog.kluweriplaw.com/2024/11/13/kneschke-vs-laion-landmark-ruling-on-tdm-exceptions-for-ai-training-data-part-1/>

суд пришел к выводу, что использование компанией Anthropic книг авторов для обучения языковых моделей было добросовестным. В частности, анализируя такой критерий добросовестности, как влияние на конкуренцию, суд установил, что ответчик указывал на добросовестное использование, поскольку:

1) обучение языковых моделей не привело к снижению спроса на произведения авторов и не предоставило общественности каких-либо заменяющих копий;

2) любая общая конкуренция со стороны произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта, не является тем видом творческого вытеснения, которое стремится предотвратить Закон об авторском праве; и

3) если предположить, что существует развивающийся рынок лицензирования произведений, охраняемых авторским правом, для обучения языковых моделей, устранение такого рынка не является той потерей, предотвращение которой входит в цели Закона об авторском праве¹⁰.

Модель, основанная на доктрине «добросовестного использования», в силу очень гибкого подхода подталкивает правообладателей к судебным тяжбам, а признание судами использования объектов интеллектуальных прав при обучении ИИ добросовестным – к сложностям при заключении лицензионных соглашений.

Своеобразный подход демонстрирует Япония, где в 2009 г. Закон об авторском праве¹¹ допустил возможность свободного использования объектов интеллектуальной собственности для TDM, независимо от наличия научной или исследовательской цели. Впоследствии возможности использования технологии TDM были значительно расширены. В введенной в 2018 г. ст. 30-4 Закона об авторском праве предусматривается, что разрешается использовать произведение любым способом в той мере, в какой это считается необходимым,

в любом из следующих случаев или в любом другом случае, когда целью не является наслаждение (англ. «enjoying») формами выражения мыслей и мнений, содержащихся в произведении; <...> положения этой статьи не применяются, если использование будет необоснованно ущемлять интересы автора».

Использованием формы выражения закон считает любую обработку без восприятия данных органами чувств человека, в том числе обработку машинными средствами, включая TDM.

Принятие этой статьи в 2018 г., согласно разъяснению Japan Copyright Office (JCO) обосновывается тем, что экономическая ценность произведения выражается в том, что человек платит вознаграждение автору за наслаждение формой выражения идей и эмоций, содержащимися в произведении, поэтому все действия, не связанные с этим, не могут нарушить права автора, охраняемые законом¹².

Вместе с тем агентство по делам культуры при Министерстве образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии в мае 2023 г. разъяснило¹³, что на этапе создания и использования синтетического контента решение о нарушении авторских прав при загрузке и публикации изображений, созданных искусственным интеллектом, а также при их коммерческом использовании рассматривается так же, как и обычное нарушение авторских прав, за исключением случаев, когда использование разрешено в соответствии с законодательством об авторском праве.

Прежде всего это касается ситуаций, когда сгенерированный контент похож на оригинальный объект, защищенный авторским правом; такие ситуации свидетельствуют о нарушении прав правообладателя.

На фоне разнообразия подходов правовых систем к условиям допуска к использованию объектов авторских и смежных прав для целей обучения

¹⁰ Key Rulings on GenAI Training and Copyright Fair Use // Reuters. Practical Law. July 2025.

¹¹ URL: <https://www.cric.or.jp/english/clj/cl2.html> (дата обращения: 17.09.2025), см. также News: Japan Amends its Copyright legislation. URL: <https://eare.eu/japan-amends-its-copyright-legislation-to-meet-future-demands-in-ai-and-big-data/> (дата обращения: 17 сентября 2025 г.).

¹² Japan Copyright Office (JCO), Outline of the Amendments to the Copyright Act in 2018, Patents & Licensing, April 2019. P. 12.

¹³ Сообщение «Взаимосвязь между ИИ и авторским правом», май 2023, см. <https://pc.watch.impress.co.jp/docs/news/1506018.html>; см. также: Зуйков С.А. О проблеме обучения генеративных нейросетей на объектах, охраняемых авторским правом // URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729395/> (дата обращения: 15 мая 2025 г.).

ИИ появляется все больше различных вариантов договорного урегулирования отношений разработчиков моделей ИИ и правообладателей.

Правообладатели и иные лица, законно использующие объекты авторских и смежных прав, могут ограничить возможность использования объектов посредством договорных механизмов, например, предусматривающих Протоколы исключения роботов (Robots exclusion protocols – REP), которые дают указание веб-сканерам не заходить на сайт или определенные его части. Ограничения могут быть сформулированы как общие условия использования или как положения, которые запрещают определенные действия, например, автоматизированное извлечение, воспроизведение или использование данных без разрешения.

С другой стороны, многие крупные правообладатели заключают прямые лицензионные договоры, предоставляющие право компаниям, обрабатывающим данные для целей обучения моделей ИИ, использовать технологии извлечения и обработки данных на основе охраняемых объектов авторских и смежных прав.

В свою очередь практика индивидуального лицензирования сталкивается с целым рядом проблем. В частности, пока нет четкого понимания, как должна строиться система лицензирования в ситуации, когда в цепочке сбора исходного материала для обучения моделей искусственного интеллекта участвуют несколько субъектов, в том числе: лица, агрегирующие массивы первоначальных исходных данных; лица, осуществляющие первичную подготовку таких материалов для субъектов, непосредственно осуществляющих процесс обучения ИИ; разработчики систем ИИ, поставщики таких систем, и так далее. Не сформировались подходы к формированию цены использования, в том числе порядок расчета роялти и т.д.

Даже факт распространения объектов на условиях открытых лицензий не является гарантией нарушения, поскольку и в этом случае необходимо учитывать содержание соответствующих согла-

шений. В частности, открытая лицензия, допускающая воспроизведение для целей анализа текста или изображения, может не предоставлять прав на воспроизведение системой ИИ самого использованного объекта на стадии выдачи результата по запросу.

Кроме того, индивидуальное лицензирование затруднено и экономически невыгодно, когда речь идет об огромных массивах самого разнообразного контента, принадлежащего самостоятельным небольшим правообладателям. Правовые риски увеличивает и трансграничный характер отношений (очень часто участники отношений находятся в различных юрисдикциях), и различия в подходах национальных регуляторов.

В связи с этим появляются и другие инициативы, направленные на организацию взаимодействия между крупными правообладателями и разработчиками ИИ, облегчение поиска и обеспечение законного использования объектов интеллектуальных прав. Например, Cloudflare анонсировал создание летом 2025 г. системы, в рамках которой крупные правообладатели размещают данные на определенных ресурсах для безвозмездного использования, а на других – с условием выплаты вознаграждения. Система гарантирует выплаты при каждом использовании соответствующих платных ресурсов, начисления производятся автоматически¹⁴.

Действующее российское законодательство об интеллектуальных правах не содержит норм, прямо устанавливающих правила использования объектов авторских и смежных прав для обучения ИИ. Положения ГК РФ, касающиеся использования объектов авторского права (ст. 1229, 1270), предусматривают общее правило: использование может осуществляться только с согласия обладателя исключительного права независимо от цели и способов использования; отсутствие запрета само по себе не считается согласием. Согласие правообладателя необходимо и для использования объектов смежных прав (ст. 1317, 1324, 1330, 1334 ГК РФ).

¹⁴ Cale Hunt. Cloudflare is fighting to safeguard «the future of the web itself» – standing directly in the way of leading AI firms// Windows Central . July 3, 2025 // <https://www.msn.com/en-us/news/technology/cloudflare-is-fighting-to-safeguard-the-future-of-the-web-itself-standing-directly-in-the-way-of-leading-ai-firms/ar-AA1HTrxk>

Исключения должны быть прямо установлены законом (свободное использование, использование без согласия правообладателя, но с выплатой вознаграждения, специальные случаи, установленные в отношении использования программ для ЭВМ). Следовательно, использование таких объектов для машинного обучения без согласия правообладателя в случаях, не охватываемых специальными правилами, является нарушением.

Специальных положений, касающихся свободного использования охраняемых авторским и смежными правами результатов для целей обучения ИИ, в российском праве не установлено.

Рассмотрение технической стороны процессов обучения ИИ показывает, что в их рамках может осуществляется воспроизведение объектов, а в ряде случаев – копирование и переработка. Поскольку ГК РФ содержит открытый перечень способов использования произведений и иных объектов, в литературе также предлагается рассматривать использование в процессах обучения как самостоятельный вид использования¹⁵.

В научных публикациях подробно анализируются варианты применения к рассматриваемой ситуации предусмотренных законом исключений¹⁶, например, о краткосрочных (временных) записей произведения, не имеющих самостоятельного значения – подп. 1 п. 2 ст. 1270 ГК РФ не признает такие действия воспроизведением.

Сложность состоит в том, что решение – подпадают ли процессы, осуществляемые в ходе обучения ИИ, под данное исключение, – зависит от характера используемых в конкретном случае технологий.

В отношении другого случая свободного использования – использование произведения в информационных, научных или культурных целях (ст. 1274 ГК РФ), в частности, цитирования, в целом признается, что использование технологий глубо-

кого анализа текста и изображений могут им охватываться, но только при условии, что процесс будет соответствовать критериям допустимого цитирования с точки зрения цели, объема, указания необходимых данных¹⁷.

В отношении баз данных действуют положения ст. 1334, 1335.1 ГК РФ которые предусматривают, что право извлекать из базы данных материалы и осуществлять их последующее использование принадлежит изготовителю базы данных; определяют понятие, цели допустимый объем извлечений. Не допускается неоднократное извлечение или использование материалов, составляющих несущественную часть базы данных, если такие действия, во-первых, противоречат нормальному использованию базы данных и, во-вторых, ущемляют необоснованным образом законные интересы изготовителя базы данных (п. 3 ст. 1335.1 ГК РФ).

Использование материалов, извлеченных из базы данных, способом, предполагающим получение к ним доступа неограниченного круга лиц, должно сопровождаться указанием на базу данных, из которой эти материалы извлечены. Для оценки существенности в российской практике используют количественный критерий¹⁸.

Очень краткий обзор российского регулирования демонстрирует общие для большинства правовых систем недостатки: казуистичность регулирования, сложность применения критериев допустимого использования к процессам, используемым для обучения моделей ИИ. Очевидно, что в процесс приспособления правовой системы к новым реалиям увеличит количество судебных споров и повлечет значительные издержки компаний-разработчиков ИИ на обеспечение правового сопровождения.

В российском праве, кроме того, полностью отсутствует понятийный аппарат, отражающий

¹⁵ См. например: Свиридова Е.А. О правомерности использования произведений при применении технологии искусственного интеллекта // Проблемы экономики и юридической практики, 2024. Т. 20. № 1. С. 70–75.

¹⁶ Кольздорф М.А. Свободное использование объектов авторских и смежных прав при обработке больших данных (Big Data) // Закон. 2021. № 5, С. 142–164; Тиунова А.И., Павлова-Семион Ю.К., Романова С.К., Оболюнина Ю.О. Свободное использование объектов авторских и смежных прав в условиях развития цифровых технологий на примере технологии TDM // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 1 (35), март 2022. С. 29–58.

¹⁷ См.: Тиунова А.И., Павлова-Семион Ю.К., Романова С.К., Оболюнина Ю.О. Свободное использование объектов авторских и смежных прав в условиях развития цифровых технологий на примере технологии TDM // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 1 (35), март 2022. С. 29–58.

¹⁸ См. например: постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 декабря 2017 г. по делу № А56-91220/2016.

появление новых технологий анализа и обработки данных, и развитие связанных ними рынков. В частности, нет определения технологий исследования массивов электронных данных, не выявлены участники отношений по созданию, обучению и развертыванию ИИ и их роль в использовании охраняемых объектов авторских и смежных прав в процессе обучения и продвижения моделей ИИ. Это еще больше осложняет ситуацию.

Рассмотренные выше правовые подходы к регулированию, предложенные иными правовыми системами, по сути, основаны на одной экономической модели, предполагающей использовании прямых лицензионных договоров. Она имеет свои плюсы (прозрачность, юридическая чистота, обеспечение справедливого вознаграждения правообладателям), и минусы (огромные транзакционные издержки, связанные с отслеживанием использования, предъявлением претензий в случае нарушений). Такая модель вполне приемлема, если речь идет о крупных игроках на рынке («оптовые правообладатели» – издательства, киностудии, стоковые коллекции и т.д. и крупные компании – разработчики ИИ). Однако она с трудом масштабируется: она неэффективна при наличии миллионов правообладателей и многочисленных ИИ-компаний, часто небольших стартапов.

Формат индивидуального лицензирования, но технологически обеспечивающий широкий охват участников, лежит в основе предложений по созданию глобальной цифровой системы учета данных объектов авторских прав. Предполагается, что современные системы учета (в том числе построенные на основе блокчейна) позволят учитывать число использований объектов для обучения ИИ, автоматически (с использованием смарт-контрактов) рассчитывать и уплачивать вознаграждение правообладателям. Однако на настоящий момент такие системы если и существуют, но вряд ли в ближайшем будущем станут глобальными, а без этого мы возвращаемся к обсуждению привычной индивидуальной системы лицензирования.

Еще одним вариантом, частично нивелирующим недостатки предыдущих подходов, является модель, основанная на использовании для обучения готовых коллекций обработанной информации, которые предлагают специализированные организации (дата-центры), обеспечивающие

юридическую чистоту контента. Для разработчиков ИИ минимизируются юридические риски, однако существенно уменьшается доступный для анализа объем данных. Такая модель требует специального регулирования в отношении деятельности дата-центров, устраняющего в том числе значительные риски монополизации рынка.

Обсуждается также возможность использования публично-правовых мер, например, введение специального налога на ИИ-компании при одновременном введении правил о свободном использовании ими охраняемых результатов. Поощрение авторов и правообладателей предполагается посредством внесения государством средств в целевые фонды. Данная модель предлагалась и обсуждалась еще и как средство замены современной патентной системы, однако такой подход пока не находит поддержки ни в одной правовой системе.

Одновременно предлагается и модель, основанная на создании специальной системы коллективного управления авторскими и смежными правами. Ее реализация позволит правообладателям передать свои права организации по коллективному управлению, которая заключает единый лицензионный договор в отношении всех переданных ей прав с разработчиком ИИ, собирает платежи и распределяет их по установленной методике. Такая система может охватывать значительное количество правообладателей и резко снижает затраты на юридическое оформление отношений для правообладателей и разработчиков ИИ. Основным недостатком такой модели состоит в отсутствии понимания, как должно рассчитываться вознаграждение правообладателей, какие факторы должны учитываться и на каком этапе (оплата за сам факт использования для обучения, оплата с учетом выручки разработчика и т.д.).

Сходным вариантом решения является создание специального централизованного фонда вознаграждения, аккумулирующего платежи разработчиков ИИ (рассчитываемые как процент от выручки или прибыли), и распределение средств фонда между правообладателями. Основой для распределения могут быть, например, данные о том, какие данные в большей степени повлияли на результат работы модели ИИ или данные о популярности используемого контента в интернете, количество упоминаний и т.д. Очевидно,

что технически пока все варианты расчета труднореализуемы, кроме расчета на основе выручки ИИ-компаний. Для устранения распространенного опасения, что введение обязательных и экономически необоснованных платежей может существенно увеличить стоимость разработки ИИ и будет препятствовать инновациям, размеры лицензионных выплат в рамках системы коллективного управления должны быть минимальными.

С учетом плюсов и минусов рассмотренных вариантов наиболее оптимальным вариантом представляется гибридная модель, объединяющая модели индивидуального лицензирования и модели коллективного управления (вариант – централизованного фонда), в которой крупные правообладатели заключают индивидуальные договоры с разработчиками или дата-центрами, а отдельные правообладатели (художники, исполнители, фотографы и т.д.) передают права на управление

исключительными правами организации по коллективному управлению. Одновременно может быть решен вопрос о наделении такой управляющей организации правом лицензировать использование контента и без договора с правообладателем. Сходная модель была реализована в законе в отношении «сиротских» произведений¹⁹.

Естественно, сам по себе выбор модели не устраняет необходимость внесения назревших изменений в законодательство об интеллектуальных правах, в частности, касающихся определения субъектов и оснований ответственности за нарушение интеллектуальных прав при обучении и использовании ИИ, уточнения случаев свободного использования произведений и объектов авторских и смежных прав, определение позиции в отношении договорных и технических запретов на использование объектов, размещенных в интернете.

Список литературы:

1. Афанасьева Е.Н., Фурман Д.Д. Правовые аспекты обработки искусственными интеллектуальными системами объектов авторского права в процессе машинного обучения // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14. № 4.
2. Зуйков С.А. О проблеме обучения генеративных нейросетей на объектах, охраняемых авторским правом // URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729395/> (дата обращения: 15 мая 2025 г.).
3. Климко Е.Н. Правовые проблемы использования данных для развития технологий искусственного интеллекта. // Современное право. 2024. № 12. С. 94–98.
4. Кольздорф М.А. Свободное использование объектов авторских и смежных прав при обработке больших данных (Big Data) // Закон. 2021. № 5. С. 142–164.
5. Тиунова А.И., Павлова-Семион Ю.К., Романова С.К., Оболонина Ю.О. Свободное использование объектов авторских и смежных прав в условиях развития цифровых технологий на примере технологии TDM // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 1 (35), март 2022. С. 29–58.
6. Тюнин М.В. Свойство искусственного интеллекта вписываться в общую систему правового регулирования интеллектуальной собственности в ЕАЭС / М.В. Тюнин. – DOI 10.17323/tis.2021.13503. – EDN KIMIUB // Труды по интеллектуальной собственности. – 2021. – Т. 39, No 4. – С. 37–41.
7. Свиридова Е.А. О правомерности использования произведений при применении технологии искусственного интеллекта // Проблемы экономики и юридической практики, 2024. Т. 20. № 1. С. 70–75.

¹⁹ См.: Федеральный закон от 22 июля 2024 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации».

Научная статья
УДК 347.2(075.8)

Для цитирования:

Васильев Н.В. Институт соавторства в зарубежном праве // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Декабрь. № 4 (50). С. 50–63.

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_4

For citation:

Vasilyev N.V. Joint authorship in foreign law // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. December. N 4 (50). Pp. 50–63. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_4

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_4

Институт соавторства в зарубежном праве

Н.В. Васильев,
Магистр права НИУ ВШЭ
г. Москва, Россия

Для созданных совместным творческим трудом произведений в международно-правовых актах и национальных законодательствах большинства стран мира предусмотрен правовой режим соавторства. В доктрине под соавторством понимается совместная принадлежность двум или нескольким лицам авторского права на произведение в целом. Основанием для возникновения соавторства является совместная творческая деятельность авторов по созданию общего (коллективного) произведения. Иногда соавторством называют также самую эту совместную деятельность. В статье автор рассматривает исторические корни и правовое регулирование института соавторства в странах общего права и странах континентального права.

Ключевые слова:

авторское право; соавторство; раздельное соавторство; нераздельное соавторство; регулирование соавторства в странах общего права; регулирование соавторства в странах континентального права

Введение

В культуре можно встретить произведения науки, литературы и искусства, которые создаются путем совместной творческой деятельности. На-

пример, в литературе это повести Братьев Стругацких, в музыке – легендарные поп-хиты Джона Леннона и Пола Маккартни, а в науке – совместные исследования Марии и Пьера Кюри. Произведения

этих авторов объединяет следующее: они созданы совместным творческими усилиями.

Совместная творческая деятельность имеет экономическое преимущество: объединение усилий нескольких авторов с различными опытом и знаниями позволяет создать комплексный и трудоемкий результат интеллектуальной деятельности для его последующей коммерциализации. Помимо успеха в коммерциализации совместный творческий труд позволяет обогатить произведение разнообразием идей, сделать более комплексным.

Для созданных совместным творческим трудом произведений в международно-правовых актах и национальных законодательствах большинства стран мира предусмотрен авторско-правовой режим соавторства. В доктрине под соавторством понимается совместная принадлежность двум или нескольким лицам авторского права на произведение в целом. Основанием для возникновения соавторства является совместная творческая деятельность авторов по созданию общего (коллективного) произведения. Иногда соавторством называют также самую эту совместную деятельность¹. Авторско-правовой режим соавторства позволяет соблюсти права каждого из авторов и тем самым стимулирует творческую активность общества в создании новых произведений науки, литературы и искусства.

Согласно статье 1258 Гражданского кодекса РФ граждане, создавшие произведение совместным творческим трудом, признаются соавторами независимо от того, образует ли такое произведение неразрывное целое или состоит из частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение. Как следует из указанной нормы, соавтором может быть признано лицо, чей творческий вклад в произведение может быть выделен из созданного в соавторстве произведения.

Таким образом, в российском праве был воспринят расширительный подход к определению соавторства, который отличается тем, что допускает возникновение соавторства для произведений, где вклады соавторов могут быть выделе-

ны или разделены. Расширительный подход контрастирует с ограничительным подходом, который характеризуется требованием о неделимости вкладов и реализован в иных правовых порядках.

Целью настоящей статьи является рассмотрение истории и текущего правового регулирования института соавторства в странах общего права и странах континентального права. На примерах правовых систем Великобритании, США, Германии и Франции в статье будут проанализированы субъективные и объективные критерии, необходимые для квалификации отношений соавторства.

§ 1. Развитие института соавторства в странах общего права

Несмотря на общие исторические корни доктрина, законодательство и прецедентное право Великобритании и США имеют критические отличия в регулировании соавторства.

А. Великобритания

История. В Великобритании существует доктрина соавторства (*joint authorship doctrine*), сформировавшаяся под влиянием драматических произведений. Интенсивный рост профессионального театра в XVI–XVII вв. произошел под эгидой сотрудничества драматургов. Иногда такое сотрудничество приводило к конфликтам за возможность получить право на коммерциализацию результата творческой деятельности (*copyright*); поэтому в английском прецедентном праве можно встретить судебные дела, связанные с установлением соавторства на драматические произведения².

Первым законодательным актом, в котором была закреплена возможность установления статуса соавторства, являлся Закон о драматической литературной собственности 1833 г. (*Dramatic Literary Property Act 1833*). В разделе I данного закона было закреплено, что срок охраны на произведение может составлять (1) двадцать восемь лет с момента его первой публикации, (2) срок жизни автора, (3) авторов или переживших авторов, в зависимости от того, какой период был больше³.

¹ Комментарий к ГК РСФСР / Под ред. Е.А. Флейшиц, О.С. Иоффе. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрид. лит., 1970. С. 712.

² M. LaFrance, Joint Authorship and Dramatic Works: A Critical History (2022) // Scholarly Works. 1389 // URL: <https://scholars.law.unlv.edu/facpub/1389> (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

³ Ibid.

Более поздний Закон об авторском праве на литературные произведения 1842 г. (*Literary Copyright Act 1842*) не содержал подобных формулировок в отношении соавторства. Однако в деле *Maclean v. Moody (1858)*, споре об авторских правах на списки кораблей, суд однозначно отметил, что Закон об авторском праве на литературные произведения 1842 г. предусматривает соавторство: произведение может быть совместным творением двух или более авторов, чьи вклады в него неразличимы⁴.

В одном из самых первых известных прецедентов общего права в отношении установления соавторства *Levy v. Rutley (1871)* спор касался права на постановку «Королевское пари» (*The King's Wager*) о приключениях Карла II после его побега из битвы при Вустере. Истец привлек драматурга написать пьесу. После того как драматург предоставил рукопись, истец и члены его труппы с согласия драматурга внесли различные изменения в сюжет и диалоги, включая добавление новой сцены, чтобы сделать пьесу более привлекательной для аудитории. При этом драматург не передал свои права истцу. После смерти драматурга истец предъявил иск к ответчику, продюсеру, за исполнение пьесы без получения согласия. Истец утверждал, что авторские права принадлежат ему как пережившему соавтору: если бы драматург был единственным автором, авторское право истекло бы к моменту представления, поставленного театром ответчика.

Суд отказал в удовлетворении требований истца. Хотя судьи согласились с тем, что соавторство может возникнуть в случаях, когда один автор внес больший вклад, чем другой, истец лишь внес последующие дополнения и изменения, но общего замысла (*common design*) с драматургом не было. Как пояснил суд, соавторство требует, чтобы произведение было написано совместно, во исполнение заранее оговоренного общего замысла. Суд также отметил, что для соавторства необходим совместный труд во исполнение общего замысла.

В заключение суд отметил, что совместное авторство предполагает (1) соглашение о написании произведения, (2) наличие оригинального общего замысла и (3) сотрудничество двух авторов в реализации этого общего замысла».

По мнению автора, дело *Levy v. Rutley (1871)* является примечательным для развития доктрины соавторства тем, что в нем был выработан **критерий общего замысла**. Данный критерий позволил предотвратить несправедливые ситуации, при которых издатель или театральный менеджер как сильная сторона договора вносит адаптивные изменения в сценарий пьесы и, впоследствии, получает статус соавтора.

В целом авторское право Великобритании в XIX в. отличалось отсутствием единообразной судебной практики в отношении соавторства. Как отмечала Королевская Комиссия Великобритании, законодательство в области авторского права полностью лишено всякой упорядоченности, неполное, часто неясное и нуждается в реформе⁵. Однако все попытки реформ института соавторства на рубеже веков не увенчались успехом.

Импульс к развитию соавторства был дан только после пересмотра Бернской конвенции по авторскому праву в 1908 г. с принятием Закона об авторском праве 1911 г. (*Copyright Act 1911*). Данный закон заменил существовавшие в то время 22 различных авторско-правовых закона единым актом, применяемым ко всем авторским произведениям. В области соавторства данный закон ввел понятие «произведение соавторства» (*work of joint authorship*), которое означает произведение, созданное в результате сотрудничества двух или более авторов, в котором вклад одного автора **не отделим** от вклада другого автора или авторов⁶.

Введение критерия неделимости вклада обуславливается опасением британского законодателя в расширении сроков правовой охраны произведений. Например, срок правовой охраны произведения мог бы быть продлен путем

⁴ E. Cooper, Joint authorship and copyright in comparative perspective: Joint Authorship in Comparative Perspective: Levy V. Rutley and Divergence Between the UK and USA // Journal of the Copyright Society of the USA 62, No. 2 (2015): 245–76 // URL: <https://core.ac.uk/reader/42357858> (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

⁵ E. Cooper, Op. cit. // URL: <https://core.ac.uk/reader/42357858> (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

⁶ Copyright Act 1911 // URL: https://en.wikisource.org/wiki/The_Copyright_Act,_1911,_annotated/Section_1 (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

недобросовестного привлечения молодого автора к созданию произведения лишь с целью продления правовой охраны. При этом срок охраны был сформулирован по-разному: (1) либо срок жизни последнего оставшегося в живых автора, (2) либо срок жизни автора, умершего первым, плюс пятьдесят лет, в зависимости от того, какой срок был больше.

Таким образом, Закон об авторском праве 1911 г. установил законодательные критерии соавторства на территории Великобритании. Стоит отметить, что данные законодательные критерии содержатся в законодательстве Великобритании до сих пор⁷.

Квалификация соавторства. Как следует из § 10 (1) Закона об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 г. (*UK Copyright Designs and Patents Act 1988*), произведением соавторства считается произведение, созданное в сотрудничестве двух или более авторов, в котором вклад одного автора не отделен от вклада другого автора или авторов⁸. Судебной практикой также закреплено требование, что статус соавтора применяется предоставляется только для тех, кто внес значительный вклад (см. *Godfrey v. Less* (1995)).

Из доктрины следует, что для квалификации отношений в качестве соавторства по английскому праву необходимо, чтобы соавторы⁹:

а) внесли неотделимые вклады (*non-distinct contribution*);

б) имели общий замысел при создании произведения (или сотрудничество) (*pursuance of a common design or collaboration*);

с) внесен существенный вклад определенного рода (*amounts to a significant contribution of the right kind*).

Как было сказано ранее, требование о неотделимости вкладов (*non-distinct contribution*) было обусловлено опасениями в расширении сроков пра-

вовой охраны путем недобросовестного присоединения к созданию произведения молодых авторов. На сегодняшний день требование о неотделимом вкладе может быть истолковано двумя способами:

1) представляется ли возможным отдельно определить или выделить вклад в создание произведения;

2) включает ли вклад неотделимую часть произведения, без которой оно будет иным по характеру¹⁰.

В деле *Beckingham v. Hodgins* (2003) суд пришел к выводу о том, что второе толкование является более предпочтительным и указал следующее: партия скрипки не может быть отделена от музыкального произведения, поскольку зависит от финального музыкального произведения и без него потеряет смысл.

В этой связи авторы двух отдельных произведений, например в одной книге, не могут признаваться соавторами; для того чтобы произведение было признано созданным в соавторстве, **необходимо комбинирование, объединение и смешивание вкладов**. Учитывая такой подход, музыка и слова для песни не могут рассматриваться в качестве произведения, созданного в соавторстве: такое произведение будет признаваться как составное произведение (*collective work*)¹¹.

Как указано в § 178 Закона об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 г. (*UK Copyright Designs and Patents Act 1988*), составным произведением является произведение, в котором присутствуют отдельные вклады различных авторов или в котором включены произведения или части произведений различных авторов¹².

Критерий общего замысла или сотрудничества (*common design or collaboration*) впервые был сформулирован в деле *Levy v. Rutley* (1871) и позволяет отделить произведение, созданное в соавторстве, от производного произведения (*derivative work*).

⁷ Copyright, Designs and Patents Act 1988 (Chapter 48, updated on June 14, 2021) // URL: <https://wipo.lex.wipo.int/en/text/583537> (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

⁸ Ibid.

⁹ Simone D. Copyright and Collective Authorship: Locating the Authors of Collaborative Work. New York, 2019. P. 29.

¹⁰ Simone D. Op. cit. P. 29.

¹¹ При этом законодательный термин «collective work» означает как созданные в соавторстве произведения, так и составные произведения.

¹² Copyright, Designs and Patents Act 1988 (Chapter 48, updated on June 14, 2021) // URL: <https://wipo.lex.wipo.int/en/text/583537> (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

Для того, чтобы произведение было признано созданным в соавторстве, авторы должны заранее обусловленный общий замысел (*common design*) создать произведение или план работать вместе (*a loose plan to work together*)¹³. Так, в деле *Beckingham v. Hodgens* (2003) суд пришел к выводу о том, что для признания произведения, созданным в соавторстве, **критерий общего замысла может быть соблюден при намерении работать вместе: требование о намерении стать соавторами отсутствует**. При этом необязательно, чтобы авторы находились в одном месте или одновременно вносили свои вклады.

Касательно критерия внесения существенного вклада (*a significant contribution*), то он не устанавливает обязанности вносить равный вклад, но при этом оценивается его качество и размер, природа спорного произведения. При этом данный критерий не всегда используется при определении соавторства: в деле *Beckingham v. Hodgens* (2003) суд принял во внимание, что рифф скрипки был запоминающимся, в деле *Brown v. Mcasso* (2005) суд признал истца соавтором, несмотря на незначительность внесенных им изменений, поскольку именно они придали композиции аутентичное звучание. Также вклад определенного рода (*contribution of the right kind*) должен относиться именно к созданию произведения: то есть после завершения создания произведения автором вклад другого автора не образует соавторства¹⁴. Вклад особого рода должен быть не просто идеей, но должен иметь охраняемое выражение (*idea/expression dichotomy*).

Правовые последствия соавторства. Исторически соавторы рассматривались как совладельцы (*tenancies in common, joint tenancies*) созданного в соавторстве произведения и получали равные неделимые доли в праве¹⁵. Однако последующая судебная практика закрепила подход, согласно которому размер доли может определяться судом

в зависимости от размера вклада соавторов (*joint author's contribution*)¹⁶.

Каждый соправообладатель может независимо передать свою долю в праве для получения вознаграждения (*ownership share*), однако английское авторское право относится строго к вопросу контроля над использованием произведения. Для того чтобы передать права (*copyright interest*) третьему лицу, а также предоставить исключительную или неисключительную лицензию, необходимо согласие всех соправообладателей, каждый из них имеет право вето¹⁷.

В случае если правообладатель без согласия других распорядится правами (*copyright interest*), он и его лицензиат могут быть привлечены к ответственности любым сообладателем в размере ущерба пропорционально доли в праве (*copyright interest*)¹⁸.

Каждый соправообладатель может также подать иск в защиту произведения, но при этом взысканная сумма должна быть распределена между всеми соправообладателями в размере долей (*copyright interest*)¹⁹.

Таким образом, английское авторское право отличается ограничительным подходом в определении соавторства: соавторством **признается только нераздельный вклад соавторов**. По английскому праву соавторы ограничены в использовании произведения.

В. Соединенные Штаты Америки

История. В то время как в Великобритании к началу Х в. были законодательно закреплены критерии для квалификации соавторства, Закон об авторском праве США 1909 г. (*Copyright Act 1909*) не содержал подобных положений. История становления доктрины соавторства в США была скорее судебной.

До принятия Закона об авторском праве 1976 г. (*Copyright Act 1976*) институт соавторства усматри-

¹³ T.M. Brady, Manifest Intent and Copyrightability: The Destiny of Joint Authorship // URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1332&context=ulj> (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

¹⁴ Simone D. Op. cit. P. 38.

¹⁵ Lauri v. Renand (1892).

¹⁶ Bamgboye v. Redd (2004).

¹⁷ Simone D. Op. cit. P. 258.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

вался исключительно в общем праве, а не в законодательстве. Поэтому далее будут рассмотрены наиболее значимые судебные решения, внесшие вклад в развитие учения о соавторстве до принятия Закона об авторском праве 1976 г. (*Copyright Act 1976*)²⁰:

Maurel v. Smith (1915)

Первым известным для американской доктрины соавторства стало дело *Maurel v. Smith*. Истец написал сценарий для оперы «Возлюбленные» (*Sweethearts*) и заключил соглашение с ответчиком, который должен был подготовить либретто для оперы. Истец утверждал, что стороны договорились быть сообладателями прав на созданное произведение. Однако ответчик без ведома истца заключил договор на публикацию пьесы третьим лицом и передал ему права на созданное истцом и ответчиком произведение. В решении по делу суд указал, что стороны договорились быть соавторами, поскольку истец предложил сюжет, а ответчик его доработал. Кроме того, авторы намеревались создать и использовать произведение как единое целое (*unitary whole*). В качестве правового обоснования суд сослался на прецедент английского права *Levy v. Rutley*, согласно которому соавторство возникает, когда несколько авторов вносят свой вклад в произведение при наличии общего замысла (*common design*).

Решение по делу *Maurel v. Smith* придает общие корни правовым системам Великобритании и США, поскольку закрепило требование общего замысла (*common design*). Вместе с тем данное решение послужило причиной для последующих отличий американского и английского подходов к вопросу регулирования соавторства. Однако суд уточнил критерий общего замысла (*common design*) и добавил критерий единого целого (*unitary whole*) для признания соавторства. В силу критерия единого целого (*unitary whole*) исключается необходимость для каждого из соавторов участвовать в первоначальном замысле, а требуется лишь, чтобы каждый в момент внесения вклада знал, что его вклад станет частью единого результата»²¹.

Как было указано ранее, в законодательстве и судебной практике Великобритании закреплён критерий неотделимости вклада авторов. Решение по делу *Maurel v. Smith* расширило границы квалификации соавторства, поскольку допустило установление соавторства при внесении изменений в уже готовое произведение (для улучшения его адаптации перед публикой). При этом **критерий намерения объединить вклады в единое целое (*unitary whole*)** впоследствии станет определяющим для американских судов и будет использоваться для установления соавторства.

Edward B. Marks Music Corp. v. Jerry Vogel Music Co. (1944) (Дело Marks)

В деле *Marks* истец написал слова для песни и передал права издателю. Издатель без ведома истца нанял третье лицо, чтобы тот написал музыку на слова. Суд решил, что композиция из слов и музыки является созданным в соавторстве произведением (*joint work*), при этом не имеет значения, работали ли авторы совместно, если они намеревались воплотить свой вклад в одном произведении. Суд отметил, что созданная песня не является составным произведением, где каждая часть, слова и музыка изначально предназначались для использования по отдельности.

Суд пришел к выводу о том, что композиция будет существовать и исполняться как единое целое (*whole work*): для этого необязательно, чтобы авторы работали вместе или даже знали друг друга, если они создают свое произведение с заранее обдуманной намерением, что оно будет соединено с произведением другого автора. Кроме того, в деле *Marks* было установлено еще одно отличие американского подхода к соавторству: к началу XX в. США и Великобритания по-разному представляли себе последствия совместного владения правом на произведение. Упомянутая ранее доктрина английского права совладения правами (*tenancies in common, joint tenancies*) была имплементирована в американское авторское право. Однако в отличие от Великобритании в США совладелец может свободно использовать произведение

²⁰ Большинство приведенных ниже прецедентов созданы Лёрнедом Хэндом, судьей Окружного суда США по Южному округу штата Нью-Йорк, Апелляционного суда Второго округа.

²¹ Туркина А.Е. Сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию совместного обладания авторскими правами // Вестник гражданского права. 2021. № 1. С. 75–103.

без согласия других совладельцев, чтобы было и отмечено судом в деле *Marks*²².

Shapiro, Bernstein & Co. v. Jerry Vogel Music Co. (1946) (Дело Melancholy Baby)

Данное дело более известно под названием *Melancholy Baby*, в нем были установлены еще более мягкие условия для признания произведения, созданным в соавторстве. Композитор Бернетт написал музыку, а его жена – слова к песне под названием «Меланхолия» (*Melancholy*). Супруги решили передать за вознаграждение авторские права на песню приобретателю Беннету. Последний оказался недоволен текстом песни, поэтому с согласия композитора Бернетта нанял писателя Нортон для подготовки нового текста. Спустя время композитор Бернетт передал свои авторские права приобретателю Беннету. В итоге песня с музыкой композитора Бернета и текстом писателя Нортон стала называться «Меланхоличный ребенок» (*Melancholy Baby*). Когда возник спор о принадлежности авторских прав на данное произведение, суд пришел к выводу о том, что указанные лица являются соавторами.

В деле *Melancholy Baby* суд сослался на позицию из дела *Marks*, согласно которой для установления соавторства необходимо, чтобы каждый автор знал об использовании его произведения в другом едином произведении. Кроме того, суд отметил, что если один автор (А) с самого начала имел намерение работать со вторым автором (В), но впоследствии произведение второго автора (В) заменяется произведением третьего автора (С), то первый (А) и третий (С) будут считаться соавторами произведения, которое они создали. При этом изначальная совместная творческая деятельность первого (А) и второго (В) автора будет считаться отдельным произведением.

Таким образом, для установления соавторства необходимо, чтобы каждый из соавторов (1) вносил творческий вклад в создание произведения, (2) осознавал, что творческий вклад будет присоединен к вкладам других для создания общего единого произведения. Вместе с тем если на момент создания один из авторов (1) считает свое произведение самостоятельным целым, (2) не имеет на-

мерения, чтобы кто-либо внес свой вклад для создания общего единого произведения, соавторство не возникнет. Такое произведение может быть переработано или стать частью самостоятельной частью составного произведения.

Shapiro, Bernstein & Co. v. Jerry Vogel Music Co. (1955) (Дело 12th Street Rag)

Данное дело более известно в американской доктрине под названием *12th Street Rag*. Автор написал фортепианное соло, **не намереваясь объединять свое произведение с произведением другого какого-либо автора**. Он хотел, чтобы его произведение использовалось самостоятельно. Автор передал свои права издателю, после чего последний нанял другого автора для сочинения текста. Суд пришел к выводу о том, что комбинация музыки и текста является произведением, созданным в соавторстве (*joint work*). Решение по делу *12th Street Rag* существенно расширило предыдущую судебную практику в вопросе квалификации соавторства:

– во-первых, правопреемник произведения получил возможность для формирования необходимого намерения на совместное создание произведения, хотя до этого такая возможность была исключительно у автора. Как следствие, воля автора в целом перестала иметь значение;

– во-вторых, решение позволяло считать произведение созданным в соавторстве, даже если намерение создать совместное произведение не существовало в момент создания произведения.

Таким образом, решение по делу *12th Street Rag* в целом устранило требование о наличии какой-либо формы сотрудничества или заранее согласованного общего замысла (*common design*), хотя это требование лежало в основе всех предыдущих дел.

Picture Music, Inc. v. Bourne, Inc. (1970)

В деле *Picture Music, Inc. v. Bourne, Inc.* сотрудник компании Уолт Дисней Продакшнс (*Walt Disney Productions*) создал музыку и текст песни для мультфильма «Три маленьких поросенка» (*Three Little Pigs*). Двое писателей, работавших в компании Ирвинг Берлин Инк. (*Irving Berlin, Inc.*), внесли в песню несколько простых изменений, чтобы адаптировать ее для использования в качестве популяр-

²² E. Cooper, Op. cit. P. 279 // URL: <https://core.ac.uk/reader/42357858> (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

ной песни. Компании Уолт Дисней Продакшнс понравилась переработанная песня и она согласилась передать компании Ирвинг Берлин Инк. права на песню. Спустя годы, когда пришло время продлевать права на песню, один из авторов из компании Ирвинг Берлин Инк. заявил, что является совладельцем прав на песню.

В данном деле суд раскритиковал решение по делу *12th Street Rag*, поскольку оно отменило требование сотрудничества или заранее согласованного общего замысла (*common design*). Суд установил, что между авторами из Уолт Дисней Продакшнс и Ирвинг Берлин Инк. не было сотрудничества, поскольку у авторов, работавших в первой компании, не было намерения создать новое произведение. В итоге суд пришел к выводу о том, что для признания песни созданной в соавторстве необходимо, чтобы вклад авторов из компании Ирвинг Берлин Инк. должен был быть более существенным и значительным.

Donna v. Dodd, Mead & Co. (1974)

В другом деле *Donna v. Dodd, Mead & Co.* суд также не применил ранее закрепленное в судебной практике требование сотрудничества или заранее согласованного общего замысла (*common design*). Истец Донна и ответчик Ларсон были соавторами книги под названием «Мальчик Масаи» (*Boy of the Masai*). Донна написала текст, а Ларсон предоставил фотографии для книги. Другой ответчик – компания-издатель Дод, Мид энд Ко. (*Dodd, Mead & Co.*), опубликовала книгу. Позже ответчик Ларсон и его жена стали авторами еще трех книг под названием «Мальчик Непала» (*Boy of Nepal*), «Мальчик Дахоми» (*Boy of Dahomey*), «Мальчик Боливии» (*Boy of Bolivia*), которые имели такой же формат как «Мальчик Масаи». Издатель также опубликовал эти книги. Истец Донна полагала, что она и ответчик Ларсон являются обладателями прав на составное произведение «Мальчик Масаи», а публикация других трех книг является нарушением авторских прав. Однако ответчик Ларсон утверждал, что нарушения не было, так как он был соавтором «Мальчик Масаи».

Суд применил доктрины из дел *12th Street Rag* и *Melancholy Baby* и пришел к выводу о том, что «Мальчик Масаи» является произведением, созданным в соавторстве (*joint work*). Суд постановил, что хотя картинки ответчика изначально не предназначались для книги истца, Ларсон намеревался поместить их в чью-то книгу, хотя и не знал, в чью именно. Таким образом, согласно доктринам *Marks* и *Melancholy Baby*, последующее сотрудничество истца и ответчика после разделения авторства было достаточным для признания соавторства²³.

Таким образом, если автор не имеет намерения объединить произведение с другим в момент создания, произведение все равно будет признано созданным в соавторстве, если этот автор позже сформирует и осуществит необходимое намерение.

Квалификация соавторства. С принятием Закона об авторском праве США 1976 г. (*Copyright Act 1976*) в § 101 было дано первое законодательное определение созданному в соавторстве произведению: созданное двумя или более авторами с намерением объединить вклады в неразделимые или взаимозависимые части в единое целое (*a joint work is a work prepared by two or more authors with the intention that their contributions be merged into inseparable or interdependent parts of a unitary whole*)²⁴.

Таким образом, для квалификации отношений в качестве соавторства необходимо, чтобы:

- 1) два или более автора более создали совместно произведение (объективный критерий);
- 2) имели намерение объединить вклады в единое целое (субъективный критерий).

Как следует из определения, намерение объединить вклады в единое целое осталось критерием соавторства, при этом такое намерение зависит только от авторов и должно определяться на момент подготовки произведения. В этой связи доктрина *12th Street Rag* перестала быть актуальной.

Относительно **объективного критерия** соавторства американской судебной практикой было

²³ *Brophy S.C. Joint Authorship under the Copyright Law* // 16 Hastings Comm. & Ent. L.J. 451 (1994) // URL: <https://repository.uclawsf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1376> (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

²⁴ Copyright Act 1976, Title 17, Chapter 1, United States Code // URL: <https://www.copyright.gov/title17/92chap1.html> (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

выработано **требование минимального вклада**. Так, в деле *Childress v. Taylor (1991)* ответчик Тейлор обратилась к истцу Чайлдресс с идеей написать пьесу о Джеки «Мамочке» Мейбли (*Jackie «Moms» Mabley*) и передала ей все собранные материалы. Однако Чайлдресс сама написала все диалоги и создала структуру пьесы. После того как пьеса была поставлена, Тейлор переписала ее с другим драматургом. Чайлдресс подала в суд на Тейлор и других за нарушение авторских прав, в ответ на что Тейлор указала, что является соавтором совместного произведения²⁵. Суд пришел к выводу о том, что вклад Тейлор не является охраноспособным (*copyrightable expression, copyrightable contribution*), при такой ситуации соблюдение правами на произведение может быть установлено исключительно договором. Кроме того, намерение Тейлор быть соавтором не разделялось Чайлдресс: после написания пьесы Чайлдресс не захотела заключать какие-либо соглашения, которые признавали бы совместное владение правами на пьесу. Таким образом, в деле *Childress* было сформулировано два критерия для установления соавторства:

– во-первых, вклад каждого соавтора должен быть охраняемым авторским правом (*copyrightable contribution*): если кто-то вносит идею, не охраняемую авторским правом, а другой – форму выражения, охраняемую авторским правом, то автор идеи не будет совместным автором;

– во-вторых, авторы должны иметь взаимное намерение стать соавторами (*intention as to co-authorship*). При этом для установления соавторства авторам не нужно физически встречаться или работать вместе – достаточно намереваться в момент создания объединить свои вклады²⁶.

Относительно **субъективного критерия** Закон об авторском праве 1976 г. (*Copyright Act 1976*) не дает определение понятию «намерение» (*intention*). В судебной практике США существует два подхода к квалификации намерения: стро-

гий и мягкий. В деле *Thomson v. Larson (1998)* судом был сформулирован строгий подход, согласно которому намерение создать произведение в соавторстве понимается как воля авторов стать именно соавторами (строгий подход). При этом в деле *Aalmuhammed v. Lee (2000)* суд пришел к выводу о том, что намерение может трактоваться как воля создать что-то в группе (мягкий подход)²⁷.

Стоит также отметить, что помимо созданного в соавторстве произведения в американском праве существуют такие понятия, как составное произведение (*collective work*) и компиляция (*compilation*)²⁸. **Составное произведение** представляет из себя периодическое издание, антологию или энциклопедию, где несколько материалов, представляющих собой отдельные и независимые произведения сами по себе, собраны в единое целое. **Компиляция** означает произведение, созданное путем сбора и объединения ранее существовавших материалов или данных, которые отобраны, скоординированы или расположены таким образом, что полученное в результате произведение в целом представляет собой оригинальное авторское произведение. Таким образом, составное произведение включает только охраноспособные произведения, в то время как компиляция включает в себя охраноспособные произведения и не охраняемые материалы.

Правовые последствия соавторства. Несмотря на общие исторические корни с Великобританией, регулирование в отношении соблюдения исключительным правом на территории США отличается. Как следует из § 201 (а) титула 17 Кодекса США, авторы произведения, созданного в соавторстве, являются совладельцами авторских прав на это произведение. Любой из совладельцев вправе:

1) осуществлять исключительные права, названные в § 106 титула 17 Кодекса США;

2) предоставлять третьим лицам неисключительную лицензию на осуществление прав²⁹.

²⁵ Туркина А.Е. Указ. соч. // Вестник гражданского права. 2021. № 1. С. 75–103.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Copyright Act 1976, Title 17, Chapter 1, United States Code // URL: <https://www.copyright.gov/title17/92chap1.html> (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

²⁹ При исполнении обязанности по распределению дохода, полученного от использования или предоставления права использования, между всеми совладельцами // *Thomson v. Larson (1998)*.

Исторически требование о распределении дохода не применялось, поскольку при коммерциализации произведения одним из соавторов другие не несут какие-либо расходы и, следовательно, ничем не рискуют. Однако на сегодняшний день правило распределения дохода применяется в американской судебной практике, в его основе лежит теория конструктивного траста из дела *12th Street Rag*. Истец и ответчик, оба купившие доли у соавторов, независимо друг от друга публиковали произведение. Суд обязал их производить взаимное распределение дохода не как нарушителей, а как доверительных собственников (*trustee*)³⁰.

В деле *Thomson v. Larson (1998)* суд указал, что права каждого автора на произведение, созданное в соавторстве, является неисключительным (*each author's rights in a joint work are non-exclusive*), следовательно, для предоставления третьему лицу исключительных прав, указанных в § 106 титула 17 Кодекса США, необходимо, чтобы все соправообладатели дали согласие на предоставление права в части своих долей в нем³¹.

Таким образом, американское авторское право отличается расширительным подходом в определении соавторства: соавторством также признается раздельный вклад соавторов. Соавторы ограничены в предоставлении исключительной лицензии третьим лицам.

По результатам сравнения развития прецедентного права и законодательства стран общего права можно сделать вывод, что в данных странах общего права сформировались отличные подходы к соавторству:

§ 2. Становление института соавторства в странах континентального права

Для стран континентального права феномен соавторства, как и для стран общего права, не является чем-то новым в истории искусства, литературы, музыки и кинематографа. Уже с момента зарождения европейского авторского права в начале XVIII в. доктрина допускала возможность создания произведений в соавторстве³². При этом одним из первых законодательных актов, допустивших возможность создания произведения в соавторстве, является австрийский Закон об авторском праве 1846 г.³³ При этом в отсутствие выработанных международных и (или) региональных стандартов квалификации соавторства национальные законодательства европейских стран различаются.

Далее будут проанализированы различные континентально-европейские подходы к определению соавторства, различие которых наиболее наглядно представлены при сравнении регулирования соавторства в Германии (**ограничительный подход**) и Франции (**расширительный подход**).

А. Ограничительный подход

Ограничительный подход к определению соавторства характеризуется требованием о неделимости вкладов. Помимо Германии аналогичное требование о неделимости представлено в Нидерландах, Португалии, Швеции, Дании, Норвегии, Австрии, Италии, Индии, Гонконге, Японии, Южной Корее³⁴.

США	Великобритания
Объективный критерий соавторства: два или более автора создали совместно произведение.	Объективный критерий соавторства: два или более автора внесли неотделимые вклады.
Субъективный критерий соавторства: соавторы имели намерение объединить вклады в единое целое.	Субъективный критерий соавторства: соавторы имели общий замысел (или желание сотрудничать) при создании произведения.

³⁰ Туркина А.Е. Указ. соч. // Вестник гражданского права. 2021. № 1. С. 75–103.

³¹ Там же.

³² Waldenberger A. Die Miturheberschaft Im Rechtsvergleich. Zugleich Ein Beitrag Zur Lehre von Der Miturheberschaft Nach Deutschem Recht // Verlag V. Florentz, Munich 1991.

³³ Priora G. Copyright law and the promotion of scientific networks: some reflections on the rules on co-authorship in the EU // Queen Mary Journal of Intellectual Property 9(2) 217–232 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3339199 (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

³⁴ Туркина А.Е. Указ. соч. // Вестник гражданского права. 2021. № 1. С. 75–103.

Германское законодательство в области авторского права характеризуется ограничительным подходом к вопросу определения соавторства. Согласно немецкому Закону об авторском праве (*Urheberrechtsgesetz*), для получения статуса соавтора необходимо выполнить два требования:

1) намеренное и ощутимое сотрудничество двух и более авторов в создании оригинального произведения, охраняемого авторским правом (субъективный критерий)³⁵;

2) вклады соавторов не могут быть разделены и использованы отдельно (объективный критерий)³⁶.

Субъективный критерий находит свое обоснование через цель авторского права – признание и защита прав авторов и увеличение стимула для творческой деятельности. В отсутствие намерения двух и более лиц сотрудничать субъективное требование соавторства считается несоблюденным, следовательно, соавторство не возникает. Например, в случаях адаптации (*Bearbeitung*) и/или сборника произведений (*Sammelwerk*) соавторства не возникает, поскольку создатель адаптации или сборника не имеет намерения сотрудничать с автором первоначального произведения при его создании, а получает согласие на его переработку или включение в сборник.

Объективный критерий отличается требованием о неразделимости вкладов соавторов. Из законодательной дефиниции следует, что если несколько лиц совместно создали оригинальное произведение без возможности отдельного использования их индивидуальных вкладов, такое произведение признается созданным в соавторстве. Такой объективный критерий проводит различие между произведениями, созданными в соавторстве, и составными произведениями с целью совместного использования (*Werkverbindungen*).

Таким образом, немецкий институт соавторства считается строгим (*stricto sensu*), для установления соавторства недостаточно просто целенаправленно сотрудничать: конечный ре-

зультат должен представлять собой произведение, которое охраняется авторским правом и не несет в себе признаки работы каждого из соавторов таким образом, что границы и авторство отдельных вкладов не могут быть определены.

В силу неделимости созданного в соавторстве произведения его использование осуществляется соавторами только по общему согласию, включая осуществление прав на первую публикацию, коммерциализацию и изменение произведения. Кроме того, соавтор не может отказать в согласии на опубликование, использование или изменение вопреки принципу добросовестности (*Treu und Glauben*).

Соавторы имеют право предъявлять требования, вытекающие из нарушения прав на созданное в соавторстве произведение. Однако соавтор может потребовать возмещения убытков в процессе только для всех соавторов.

Таким образом, ограничительный, или строгий подход к соавторству, воплощенный в немецком законодательстве, имеет три основные характерные черты, которые можно перечислить следующим образом:

1) вклады соавторов должны быть неразличимы в произведении, вклады соавторов считаются неразделимыми, если они образуют нераздельное целое. Из правового режима соавторства исключаются произведения, где можно определить вклад автора;

2) каждый соавтор сохраняет авторские права в отношении произведения, пока его вклад невозможно определить. При этом соавторы осуществляют права в отношении всего произведения совместно;

3) немецкий ограничительный подход призван снизить риск возникновения споров между соавторами: отказ в предоставлении соавторства на произведение, где можно выделить вклад соавторов.

В. Расширительный подход

Расширительный подход отличается тем, что допускает возникновение соавторства для произведений, где вклады соавторов могут быть вы-

³⁵ *Priora G.* Op. cit. // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3339199 (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

³⁶ *Urheberrechtsgesetz* // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_urhg/englisch_urhg.html (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

делены или разделены. Помимо Франции подобное регулирование существует в Испании, Швеции, Румынии, Польше, Литве и Китае³⁷. В этих странах правовой режим соавторства разрешается для произведений с вкладами, которые могут быть разделены и использоваться отдельно³⁸.

Уже при определении статуса автора в ст. L113-1 Кодекса интеллектуальной собственности Франции (*Code de la propriété intellectuelle*) законодательство предусматривает возможность множественности субъектов.

Французский законодатель определяет три разновидности произведений с множественностью авторов:

1) совместное произведение (*l'oeuvre de collaboration*);

произведение, которое создано более чем одним лицом, независимо от того, могут ли вклады авторов быть выделены;

2) составное произведение (*l'oeuvre composite*);

произведение, которое создается путем простого включения предыдущего произведения в новое оригинальное произведение;

3) коллективное произведение (*l'oeuvre collective*).

Произведение, которое создано под руководством конкретного лица. Такое лицо может редактировать, публиковать и распространять его под своим руководством и от своего имени. Как правило, произведение состоит из нескольких объединенных вкладов (например, энциклопедия, словарь, газета)³⁹.

Французский расширительный подход (*lato sensu*) в силу ослабления объективного критерия к соавторству увеличивает число созданных в соавторстве произведений возрастая.

Расширительный подход отличается от ограничительного не только квалификацией соавторства, но и правовыми последствиями. Так, ст. L113-3 Кодекса интеллектуальной собственности Франции (*Code de la propriété intellectuelle*) устанавливает, что произведение, созданное в соавторстве, является совместной собственностью соавторов. Соавторы осуществляют

свои права по взаимному согласию. В случае разногласий вопрос передается на рассмотрение суда. Если вклад каждого из соавторов относится к разным видам творческой деятельности, каждый из них может, при отсутствии иного соглашения, самостоятельно использовать свою личную часть произведения, при условии, что это не наносит ущерба использованию всего совместного произведения⁴⁰.

Таким образом, несмотря на различие в регулировании соавторства, национальными законодателями предусмотрена система сдерживания и противовесов для соавторов. Например, при ограничительном подходе соавтор не может недобросовестно препятствовать использованию произведения. При расширительном подходе допускается использование отдельных вкладов соавторов с условием, что такое использование не наносит вреда соавторам.

§ 3. Наднациональное регулирование и гармонизация европейского права

Как видно из рассмотренных ранее подходов, правовые системы европейских стран разработали весьма различную терминологию, определения и подходы к институту соавторства.

Разнообразие правового регулирования на национальном уровне не осталось незамеченным составителями Бернской Конвенции по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (далее – «**Бернская конвенция**») – первого основного международного соглашения по авторскому праву. Соглашение было достигнуто только по одной норме, ст. 7bis, согласно которой срок охраны авторских прав на созданное в соавторстве произведение исчисляется со дня смерти последнего оставшегося в живых соавтора.

Как следует из Руководства по Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (Парижский акт 1971 г.) (Женева, 1978), Бернская конвенция не дает определения созданным в соавторстве произведениям» (*works of joint authorship*), поскольку законодательства стран Бернского союза сильно различаются

³⁷ Туркина А.Е. Указ. соч. // Вестник гражданского права. 2021. № 1. С. 75–103.

³⁸ Там же

³⁹ Priora G. Op. cit. // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3339199 (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

⁴⁰ Code de la propriété intellectuelle // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006069414/ (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

по вопросу о том, насколько сильным должно быть сотрудничество, чтобы вклад одного автора был неотличим от вклада других. Включение определений, хотя и устраняет двусмысленность, является спорным мероприятием. Суды всегда могут вынести решение по этому вопросу⁴¹.

Международные договоры по авторскому праву, которые последовали за Бернской конвенцией, продемонстрировали такое же сдержанное отношение к установлению единообразных правил по существу. Например, Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (заключена в г. Риме 26 октября 1961 г., далее – «**Римская конвенция**») в ст. 8 оставляет национальным законодателям право регулировать осуществление прав исполнителей, действующих совместно. Ни в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г.), ни в Договоре ВОИС по авторскому праву (подписан 20 декабря 1996 г.), ни в Договоре ВОИС по исполнениям и фонограммам (подписан 20 декабря 1996 г.) не упоминается о соавторстве вообще.

Аналогичным образом законодатель Европейского Союза проявил осторожность в регулировании соавторства. Одно из немногих, если не самое важное, положение в этом отношении содержится в Директиве № 2006/116/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О сроках охраны авторского права и определенных смежных прав» (*Copyright Term Directive 2006, Directive 2006/116/EC*, далее – «**Директива**»), которая, в соответствии с Бернской конвенцией, устанавливает срок охраны авторских прав на созданные в соавторстве произведения в семьдесят лет с момента смерти последнего оставшегося в живых автора. Последующие изменения в Директиву в 2011 г. (*Directive 2011/77/EU*) дополнили реализацию этого принципа, введя специальное положение о музыкальных произведениях, которое предоставляет равный статус правообладателя как автору текста, так и композитору музыки.

Это гармонизирующее положение оказывает противоречивое влияние: с одной стороны, оно увеличивает стабильность гражданского оборота при коммерциализации песен в Европейском Союзе, а с другой стороны, фактически продлевает срок действия исключительных прав соавторов⁴².

Стоит отметить, что такое регулирование соавторства имеет несколько особенностей:

1) гармонизирующее положение применяется только к музыкальным произведениям. Большинство музыкальных произведений с текстом создаются совместными творческими усилиями. Например, опера, как правило, создается либреттистом и композитором, а в таких жанрах, как джаз, рок и поп-музыка, творческий процесс носит совместный характер⁴³;

2) такое регулирование предполагает ограниченное количество соавторов. Если в создании произведения принимает участие значительное количество лиц, например, при создании кинофильма, то авторское право Европейского Союза предоставляет национальным законодателям право решать, должны ли режиссеры единолично осуществлять права автора или разделить их с другими соавторами⁴⁴.

В отношении же кинематографических и аудиовизуальных произведений, законодательством Европейского Союза установлен семидесятилетний срок охраны с момента смерти последнего оставшегося в живых из определенного списка лиц: режиссера, автора сценария, автора диалогов и композитора саундтрека.

Такой общий подход, выработанный законодателем Европейского Союза только в отношении музыкальных произведений и фильмов, может быть объяснен осторожностью в вопросе определения соавторов произведения и страхом предоставить статус соавтора неопределенному числу лиц. Вместе с тем Директива по базам данных (*Directive 96/9/EC of the European Parliament and of the Council of 11 March 1996 on the legal protection of databases 1996*) и Директива по компьютерным программам

⁴¹ Guide to the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (Paris Act, 1971) (Geneva, 1978). P. 52.

⁴² Harmonizing European Copyright Law: The Challenges of Better Lawmaking // Information Law Series 19, Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International 2009. (Chapters 1 and 9), URL: <https://www.ivir.nl/publicaties/download/710.pdf> (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

⁴³ Priora G. Op. cit. // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3339199 (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

⁴⁴ Ibid.

(*Directive 2009/24/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on the legal protection of computer programs 2009*) допускают соавторство на такие объекты. Однако при их создании число потенциальных соавторов зачастую неопределенно.

Такие гармонизирующие положения авторского права Европейского Союза, как (1) принцип последнего выжившего автора и (2) законодательное закрепление статуса соавтора на песни (с текстом и музыкой), базы данных и компьютерные программы не позволяют квалифицировать соавторство.

Международные правовые акты и директивы Европейского Союза допускают лишь существова-

ние правового режима соавторства, однако оставляют национальным законодателям свободу в регулировании данного института. Объяснить такую ситуацию можно серьезными различиями критериев соавторства в разных правовых порядках.

Таким образом, в отсутствие международных и региональных стандартов национальные законодатели разработали институты, которые кардинально отличаются друг от друга. Как итог, европейские правовые системы пришли к обособленному регулированию института соавторства, которое концептуально можно разделить на расширительное и ограничительное.

Список литературы:

1. Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. М., 1957.
2. Блинова Ю.В., Дворянkin Г.В. Институт соавторства в России и Германии: общее и особенное // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1. С. 183–197.
3. Калятин В.О. Проблемы определения системы правообладателей результатов интеллектуальной деятельности // ИС. Авторское право и смежные права. 2020. № 8. С. 35–48.
4. Туркина А.Е. Сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию совместного обладания авторскими правами // Вестник гражданского права. 2021. № 1. С. 75–103.
5. Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891.
6. Комментарий к ГК РСФСР / Под ред. Е.А. Флейшиц, О.С. Иоффе. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрид. лит., 1970.
7. Arthur Waldenberger, Die Miturheberschaft Im Rechtsvergleich. Zugleich Ein Beitrag Zur Lehre von Der Miturheberschaft Nach Deutschem Recht // Verlag V. Florentz, Munich, 1991.
8. Avner D. Sofer, Joint Authorship: An Uncomfortable Fit with Tenancy in Common, 19 Loy. L.A. Ent. L. Rev. 1 (1998).
9. Elena Cooper, Joint authorship and copyright in comparative perspective: Joint Authorship in Comparative Perspective: Levy V. Rutley and Divergence Between the UK and USA // Journal of the Copyright Society of the USA 62, No. 2 (2015): 245–76 // URL: <https://core.ac.uk/reader/42357858> (дата обращения: 24 октября 2025 г.).
10. Giulia Priora. Copyright law and the promotion of scientific networks: some reflections on the rules on co-authorship in the EU // Queen Mary Journal of Intellectual Property 9(2) 217–232 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3339199 (дата обращения: 24 октября 2025 г.).
11. Mary LaFrance. Joint Authorship and Dramatic Works: A Critical History (2022) // *Scholarly Works*. 1389 // URL: <https://scholars.law.unlv.edu/facpub/1389> (дата обращения: 24 октября 2025 г.).
12. Scott C. Brophy. Joint Authorship under the Copyright Law // 16 Hastings Comm. & Ent. L.J. 451 (1994).
13. Simone D. Copyright and Collective Authorship: Locating the Authors of Collaborative Work. New York, 2019.
14. Tehila Rozencwaig-Feldman. The Author and the Other: Reexamining the Doctrine of Joint Authorship in Copyright Law // 32 Fordham Intell. Prop. Media & Ent. L.J. 172 (2021).
15. Therese M. Brady. Manifest Intent and Copyrightability: The Destiny of Joint Authorship // URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1332&context=ulj> (дата обращения: 24 октября 2025 г.).
16. Harmonizing European Copyright Law: The Challenges of Better Lawmaking // Information Law Series 19, Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International 2009. (Chapters 1 and 9), URL: <https://www.ivir.nl/publicaties/download/710.pdf> (дата обращения: 24 октября 2025 г.).
17. Guide to the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (Paris Act, 1971) (Geneva, 1978) // URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/copyright/615/wipo_pub_615.pdf (дата обращения: 24 октября 2025 г.).

Научная статья
УДК 347.77

Для цитирования:

Карцхия А.А., Родионов В.И. Распределение гражданско-правовой ответственности между провайдером и пользователем нейросети при генерации контента, нарушающего исключительное право на произведение // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Декабрь. № 4 (50). С. 64–75.

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_5

For citation:

Kartskhiya A.A., Rodionov V.I. Allocation of civil liability between a neural network provider and a user for AI-Generated content infringing copyright // Zhurnal Suda po intelektual'nym pravam. 2025. December. N 4 (50). Pp. 64–75. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_5

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_5

Распределение гражданско-правовой ответственности между провайдером и пользователем нейросети при генерации контента, нарушающего исключительное право на произведение

А.А. Карцхия,

доктор юридических наук,
профессор РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина,
г. Москва, Россия
AuthorID: 771380

В.И. Родионов,

старший юрист ООО «Севен Хиллс Лигал»,
г. Москва, Россия
AuthorID: 1251429

В рамках статьи авторы исследуют проблему распределения гражданско-правовой ответственности между пользователем и провайдером нейросети, анализируя подходы Международной ассоциации по охране интеллектуальной собственности (AIPPI), Евросоюза и ряда иностранных правовых порядков. Поддерживая идею строгой ответственности пользователя нейросети, авторы моделируют ситуации, в которых было бы целесообразно рассмотреть возможность привлечения к ответственности и провайдера искусственного интеллекта, в том числе в порядке регресса (например, в случае воспроизведения в сгенерированном контенте произведения, использовавшегося для обучения нейросети).

Ключевые слова:

авторское право; искусственный интеллект; генерация контента нейросетью ответственность провайдера нейросети; ответственность пользователя нейросети

Введение

Влияние развития искусственного интеллекта (нейросетей)¹ на институты права интеллектуальной собственности и, в частности, авторского права активно обсуждается в научной литературе. Сегодня исследователей в первую очередь интересует вопрос о возможности признания объектом авторского права контента, сгенерированного нейросетью. Следующая по популярности проблема – допустимость использования результатов интеллектуальной деятельности для обучения нейросетей без согласия правообладателей. На фоне этих вопросов анализ проблемы ответственности за генерацию контента, нарушающего исключительные права на произведения, в определенной степени отошел на второй план, что признается как российскими², так и зарубежными исследователями³.

Конечно, все эти правовые проблемы тесно связаны между собой. Так, нарушение исключительного права контентом, сгенерированным нейросетью, в большинстве случаев обусловлено тем, что соответствующее произведение ранее было использовано для обучения данной нейросети (допустимость такого использования – отдельный вопрос). Нейросеть воспроизводит или «перерабатывает» данное произведение наряду с другими материалами для того, чтобы ответить на запрос пользователя. В руководящих принципах исследования Международной ассоциации по охране интеллектуальной собственности (AIPPI) «Авторское право и искусственный интеллект» справедливо отмечено, что качество генерируемого нейросетью контента в значительной степени зависит от качества материала, на котором данная нейросеть обучалась. Учитывая, что мате-

риалы, защищенные авторским правом, зачастую имеют более высокое качество, провайдеры нейросетей стремятся использовать именно их в рамках обучения своего продукта, что, в свою очередь, создает риски нарушения исключительного права на произведения при генерации контента⁴.

Настоящая статья посвящена лишь одному аспекту данной проблемы, а именно – распределению гражданско-правовой ответственности между провайдером нейросети и ее пользователем (ответственность, например, хостинг-провайдера как информационного посредника лежит за рамками данной работы⁵). Под провайдером нейросети мы будем понимать физическое или юридическое лицо, которое разработало нейросеть, вывело ее на рынок и поддерживает ее обучение и эксплуатацию. Под пользователем нейросети – физическое или юридическое лицо, которое направило в нейросеть запрос на генерацию контента, а затем как-либо использовало данный контент в своей деятельности. Примечательно, что в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.⁶ разграничение ответственности разработчиков и пользователей нейросетей исходя из характера и степени причиненного вреда выделено в качестве самостоятельного принципа развития искусственного интеллекта.

Сразу оговоримся, что настоящая статья имеет своей целью лишь постановку некоторых проблем, но не их полноценный анализ, который потребовал бы намного более объемного исследования.

1. Ответственность пользователя нейросети

В настоящее время практически общепризнанно, что пользователь нейросети может и должен нести ответственность за использование

¹ Учитывая условность понятий «искусственный интеллект» и «нейросети», авторы в настоящей статье для целей удобства будут использовать их в качестве синонимов.

² Киселев А.С., Королькова Д.А. О гражданско-правовом положении и некоторых проблемах правового регулирования искусственного интеллекта // Гражданское право. 2024. № 3, Карцхия А.А., Ивлиев Г.П. Современное понимание искусственного интеллекта: правовой аспект // ИС. Промышленная собственность. 2025. № 4.

³ Rosati E. Infringing AI: Liability for AI-Generated Outputs under International, EU, and UK Copyright Law // European Journal of Risk Regulation 16, 603–627. P. 603.

⁴ URL: <https://usercontent.one/wp/www.aippi.dk/wp-content/uploads/2025/03/SGL-Copyright-AI.pdf?media=1741113189> (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).

⁵ Отметим, что некоторые иностранные исследователи обсуждают вопрос о том, допустимо ли воспринимать провайдера нейросети в качестве хостинг-провайдера. См. например: Szkalej, Kasper, Copyright Liability and Generative AI: What's the Way Forward? Nordic Intellectual Property Law Review, Volume 2025, Issue 1, 92-115. P. 111.

⁶ Утверждена указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изм. от 15 февраля 2024 г.).

сгенерированного нейросетью контента, нарушающего исключительное право на произведение. Так, авторы масштабного исследования «Генеративный искусственный интеллект и авторское право – обучение, создание, регулирование», подготовленного по заказу Европарламента в июле 2025 г., отмечают, что основную ответственность за нарушающий контент должен нести пользователь нейросети. Когда он запрашивает генерацию контента, который, вероятно, воспроизведет защищенного персонажа или произведение (например, «нарисуй Микки Мауса»), он должен нести ответственность за его создание, использование или распространение, подобно человеку, который воспроизводит защищенное изображение без разрешения⁷.

Аналогичной позиции придерживается абсолютное большинство национальных групп из различных юрисдикций, представивших свои позиции в рамках исследования AIPPI «Авторское право и искусственный интеллект». Так, 30 групп (или 95%) ответили утвердительно на вопрос о том, может ли нести ответственность за генерацию нарушающего контента пользователь, использующий нейросеть в своей предпринимательской деятельности⁸.

Некоторые российские исследователи указывают, что пользователь нейросети должен признаваться субъектом ответственности за генерацию контента, нарушающего исключительное право на произведение, даже не делая при этом каких-либо оговорок о других возможных субъектах ответственности⁹.

Случаи привлечения к юридической ответственности пользователей нейросетей за генерацию контента, нарушающего исключительное право на произведение, появляются на практике. В июне 2025 г. в Китае был вынесен первый приговор по делу о нарушении исключительного пра-

ва с использованием нейросети¹⁰. В данном деле четверо обвиняемых загружали защищенные авторским правом изображения с интернет-платформ, перерабатывали их с помощью нейросетей и в дальнейшем использовали переработанные изображения при производстве пазлов. Последующее сравнение показало, что на многих пазлах изображения по ключевым элементам существенно совпадали с соответствующими произведениями. В результате нарушители были приговорены к лишению свободы и денежным штрафам.

В другом деле Гуанчжоуский интернет-суд удовлетворил иск к пользователю нейросети о нарушении исключительного права на произведение в результате генерации контента¹¹.

В контексте российского права ответственность пользователя за генерацию нейросетью контента, нарушающего исключительное право на произведение, можно охарактеризовать следующим образом.

Действия пользователя, предусмотренные п. 2 ст. 1270 ГК РФ (например, использование сгенерированного контента, воспроизводящего произведение или являющегося результатом его переработки), будут считаться использованием произведения независимо от того, совершаются они в целях извлечения прибыли или без таковых целей. Если использование произведения имело место при осуществлении предпринимательской деятельности и речь не идет о нарушении вследствие непреодолимой силы, пользователь может быть привлечен к ответственности в виде возмещения убытков или выплаты компенсации независимо от наличия вины (абз. 3 п. 3 ст. 1250 ГК РФ).

Такое правило о строгой ответственности предпринимателей является уже традиционным для российского частного права (например, п. 3 ст. 401 ГК РФ). Тем не менее в контексте использования нейросетей не все исследователи разделяют

⁷ URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/IUST_STU\(2025\)774095](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/IUST_STU(2025)774095) (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).

⁸ URL: <https://aippi.soutron.net/Portal/Default/en-GB/DownloadImageFile.ashx?objectId=9948&ownerType=0&ownerId=6152> (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).

⁹ Козлова Н.В., Суханова Н.В., Ворожечев А.С., Алешковский И.А. Цифровая трансформация в контексте приоритетов государственной научно-технической политики и вопросы совершенствования правового регулирования цифровой экономики в Российской Федерации // Предпринимательское право. 2020. № 4.

¹⁰ URL: https://www.spp.gov.cn/spp/dfjcdt/202506/t20250618_698645.shtml (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).

¹¹ Чернусь Н.Ю., Сунь Юйпэн. Защита авторских прав, созданных с использованием генеративного искусственного интеллекта (GenAI): практика России и Китая // Юрист. 2025. № 4.

идею о строгой ответственности пользователей в случае осуществления ими предпринимательской деятельности. Например, Ян Юйян полагает, что пользователи должны привлекаться к ответственности только за виновные нарушения¹². Автор аргументирует свою позицию тем, что пользователи могут не иметь информации об источнике данных нейросетей и не знать алгоритм их работы. Однако мы не можем согласиться с такой аргументацией. Алгоритм работы современных нейросетей в определенной степени находится за рамками понимания даже их создателей, которые зачастую не могут определить, на основании каких принципов искусственный интеллект, усвоивший огромные объемы данных, принимает свои «решения» или дает прогнозы. В научной литературе данный феномен получил наименование «проблемы черного ящика»¹³. Как обоснованно пишет А.С. Ворожевич, ни разработчик, ни тренер ИИ, ни пользователь в полной мере не определяют форму произведения¹⁴. Очевидно, что в ситуации, когда никто не может точно знать алгоритм работы нейросети, учет такого незнания для целей определения субъектов ответственности за нарушение исключительного права будет необоснованно ухудшать положение правообладателей.

Таким образом, следует поддержать возможность строгой ответственности пользователя нейросети за использование произведения, которое имело место при осуществлении пользователем предпринимательской деятельности. При этом, как будет показано в п. 2.2 настоящей статьи, в некоторых ситуациях целесообразно рассмотреть возможность предъявления пользователем, с которого при отсутствии его вины были взысканы убытки или компенсация за нарушение исключительного права, регрессного требования к провайдеру нейросети (п. 4 ст. 1250 ГК РФ).

Если же использование произведения имело место не при осуществлении предпринимательской деятельности, то меры ответственности за нарушение исключительного права будут применены лишь при наличии вины пользователя (абз. 1 п. 3 ст. 1250 ГК РФ). В целом логика дифференциации ответственности пользователя нейросети в зависимости от целей генерации контента соответствует принципу справедливости и поддерживается многими исследователями. Например, в рамках исследования AIPPI «Авторское право и искусственный интеллект» представители рабочей группы из Дании отметили, что ответственность пользователя должна зависеть от того, как используется система искусственного интеллекта. Если нейросеть используется в креативных областях для замены человеческого творчества, пользователь должен нести ответственность за генерацию контента, нарушающего исключительное право¹⁵.

Следует отметить, что меры защиты, не являющиеся мерами ответственности (например, обязанность прекратить нарушение исключительного права), в любом случае будут применены независимо от наличия или отсутствия вины нарушителя.

Таким образом, можно признать, что российское право способно решить большую часть проблем, связанных с ответственностью пользователя нейросети за генерацию нарушающего контента, на основании уже имеющихся институтов и подходов, имеющихся в судебной практике.

2. Ответственность провайдера нейросети

2.1. Примеры подходов к вопросу ответственности провайдера нейросети

Вопрос ответственности провайдера нейросети за генерацию контента, нарушающего исключительное право на произведение, более слож-

¹² Yuyan Yang. Attribution of Liability for Copyright Infringement by AI Generated Content. P. 121. URL: https://www.researchgate.net/publication/382404257_The_Study_of_Copyright_Infringement_Liability_of_Generative_Artificial_Intelligence (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).

¹³ Yavar Bathaee. The Artificial Intelligence Black Box and the Failure of Intent and Causation // Harvard Journal of Law & Technology Volume 31, Number 2 Spring 2018. P. 890–938.

¹⁴ Ворожевич А.С. Картины, сгенерированные нейросетью: объекты авторских прав или нет? // ИС. Авторское право и смежные права. 2025. № 1.

¹⁵ URL: <https://aippi.soutron.net/Portal/Default/en-GB/DownloadImageFile.ashx?objectId=10084&ownerType=0&ownerId=6252> (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).

ный. Сразу оговоримся, что мы здесь рассматриваем ситуацию, когда у провайдера нейросети нет лицензии на воспроизведение и/или переработку произведений, использовавшихся в рамках обучения искусственного интеллекта.

С одной стороны, в рамках уже упоминавшегося исследования AIPPI «Авторское право и искусственный интеллект» 90% рабочих групп из разных юрисдикций подтвердили принципиальную возможность привлечения провайдера нейросети к ответственности за генерацию контента, нарушающего исключительное право на произведение (соответствующий вывод нашел свое отражение и в соответствующей Резолюции AIPPI¹⁶). Такой же позиции придерживается ряд иностранных ученых¹⁷. Одновременно большая часть рабочих групп AIPPI (80%) признали, что само по себе обучение нейросети на основе защищенных авторским правом произведений (даже если такое использование впоследствии будет признано незаконным) автоматически не влечет признание сгенерированного нейросетью контента нарушающим исключительное право. Для признания нарушения необходимо установить, что сгенерированный нейросетью контент представляет собой воспроизведение и/или переработку соответствующего произведения.

С другой стороны, среди национальных групп не было единства в отношении условий и дифференциации ответственности провайдеров нейросетей. Ниже приведем лишь несколько возможных подходов.

1. Представители рабочей группы из России указали, что если провайдер нейросети просто предоставляет инструменты искусственного интеллекта, не контролируя вводимые данные или получаемый пользователем контент (например, платформы искусственного интеллекта с открытым исходным кодом), ответственность должна лежать на пользователе. В принципе такой подход

созвучен европейскому законодательству, согласно которому поставщики технологий, как правило, не несут ответственности за нарушение исключительного права, допущенное пользователями, за исключением случаев, когда они сознательно способствовали нарушению¹⁸.

2. Представители рабочей группы из Германии указали, что предложение нейросети в ответ на запрос пользователя – это нечто большее, чем просто предоставление программного обеспечения, позволяющего пользователю создавать копии произведения. Нейросеть – не просто пассивный программный инструмент пользователя, поскольку она в значительной степени определяет содержание создаваемого контента. В этой связи для решения вопроса об ответственности провайдера нейросети необходимо в каждом конкретном случае исследовать, чем в большей степени была предопределена форма нарушающего контента (запросом пользователя или «работой» нейросети).

Аналогичный подход встречается и в иностранной научной литературе¹⁹.

3. Представители рабочих групп из Нидерландов и Японии в качестве условий ответственности провайдера нейросети указали факт неоднократного генерирования искусственным интеллектом нарушающего контента и/или отказ провайдера от принятия оперативных мер по техническому ограничению генерации такого контента после обращения правообладателя. Как видим, предложенное условие в какой-то степени сближает режим ответственности провайдера нейросети с режимом ответственности информационного посредника по российскому праву (ст. 1253.1 ГК РФ).

Представляется, что решение вопроса об ответственности провайдера нейросети за генерацию нарушающего контента действительно не может быть универсальным и в каждом конкретном случае должно зависеть от характера и нюансов допущенного нарушения.

¹⁶ URL: <https://aippi.soutron.net/Portal/Default/en-GB/RecordView/Index/6327> (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).

¹⁷ См. например: *Rosati E.* Указ. соч. С. 603, *Gloria Domingos & Daria Koucherets.* AI-Generated Content and Copyright Infringement: Analyzing Corporate Liability in the Era of Artificial Intelligence, 48 Seattle U.L. Rev. Online 113 (2025). P. 113-114.

¹⁸ Regulation 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services and Amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act).

¹⁹ *Abhinav Singh.* Who is liable for AI-created content? Copyright Act and civil responsibility in Aotearoa New Zealand. Advance. July 16, 2025. P. 8.

2.2. Ответственность провайдера нейросети в случае воспроизведения произведения в сгенерированном контенте

2.2.1. Воспроизведение в сгенерированном контенте произведения, ранее использовавшегося для обучения нейросети

При первом приближении кажется справедливым привлечение к ответственности провайдера нейросети в случае воспроизведения в сгенерированном контенте произведения (или его части), ранее использовавшегося для обучения нейросети (подп. 1 п. 2 ст. 1270 ГК РФ). Нам могут возразить, что на современном этапе развития искусственного интеллекта подобное нарушение если не должно быть исключено полностью, то по крайней мере должно встречаться лишь в редких случаях. Так, представители OpenAI, провайдера одной из самых известных нейросетей ChatGPT, утверждают, что хорошо сконструированные системы искусственного интеллекта, как правило, не воспроизводят неизмененные данные из какого-либо конкретного произведения, использовавшегося при их обучении²⁰. Кроме того, согласно ранее проведенному исследованию, практически точное воспроизведение оригинала было обнаружено «всего» примерно

в 2% изображений, созданных с помощью нейросети Stable Diffusion²¹.

Однако следует признать, что несмотря на сравнительно небольшой процент, в данном случае речь может идти о сотнях и тысячах нарушений – количестве, которое нельзя считать незначительным и которое правопорядок игнорировать не может. Элеонора Розати в своей статье убедительно и на конкретных примерах продемонстрировала, что нейросети иногда могут запоминать данные, на основании которых они обучались, и при соответствующем запросе воспроизводить их практически без изменений²². Например, в ответ на запрос пользователя «сгенерируй изображение Хоакина Феникса из фильма “Джокер”, 2019, скриншот из фильма, сцену из фильма», нейросеть могла практически в точности воспроизводить один из самых известных кадров этой картины (см. табл. 1).

Обвинения в подобных нарушениях уже нашли свое отражение на уровне судебной практики. Например, в США газета NewYork Times обратилась к OpenAI с иском, в котором утверждается, что нейросеть способна практически дословно воспроизводить значительные части платных газетных статей²³.

Таблица 1

Кадр из к/ф «Джокер», 2019	Изображение, сгенерированное нейросетью
	

²⁰ Christopher T. Zirpoli. Generative Artificial Intelligence and Copyright Law // Congressional Research Service. P. 5. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/LSB10922> (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).

²¹ Там же.

²² E. Rosati. Указ. соч. С. 603.

²³ URL: <https://www.courthousenews.com/wp-content/uploads/2023/12/new-york-times-microsoft-open-ai-complaint.pdf> (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).

В таких ситуациях, как минимум, следует обсудить возможность привлечения провайдеров нейросетей к ответственности за нарушение исключительного права на произведение, которое ранее использовалось для обучения искусственного интеллекта. Это будет мотивировать провайдеров совершенствовать свои продукты в таком аспекте. Данная позиция в целом согласуется с мнением некоторых российских ученых, которые, ссылаясь на принцип генерального деликта, указывают, что провайдер нейросети должен нести ответственность в том случае, когда он создал искусственный интеллект на заведомо вредоносном алгоритме, то есть базово заложил в него неэтичное и противоправное поведение и предоставил возможность его использования иным лицам²⁴.

Также необходимо обсудить возможность предъявления пользователем, с которого при отсутствии его вины были взысканы убытки или компенсация за нарушение исключительного права, регрессного требования к провайдеру искусственного интеллекта (п. 4 ст. 1250 ГК РФ). В качестве абстрактного примера можно привести ситуацию, когда пользователь дал нейросети инструкцию: *«Сгенерируй изображение красивого пейзажа, которое бы не воспроизводило какое-либо уже существующее произведение»*. Нейросеть в ответ на этот запрос практически в точности воспроизвела охраняемую авторским правом картину, которая ранее была использована при обучении искусственного интеллекта. Не зная о существовании оригинального произведения, пользователь использовал соответствующее изображение в своей предпринимательской деятельности (например, нанес на продаваемые футболки), а впоследствии – был привлечен к ответственности за нарушение исключительного права в виде взыскания убытков или компенсации. Представляется, что в подобной ситуации однозначно блокировать возможность предъявления к провайдеру регрессного требования о возмещении убытков, понесенных пользователем, было бы несправедливо. Конечно, удовлетворение подобного требования будет зависеть от того, удастся ли пользователю нейросети доказать свою невиновность при подобных обстоятельствах. Также важно

учитывать, что предъявление регрессных требований к провайдеру может быть ограничено условиями пользовательских соглашений (п. 2.4 настоящей статьи).

Однако следует принимать во внимание, что как российскому, так и иностранным правопорядкам известны правообладатели, которые сделали взыскание компенсации за нарушение авторских прав основным направлением своего бизнеса. Потенциально такие лица могут с помощью неоднократных уточняющих запросов «провоцировать» нейросеть на генерацию контента, точно или практически точно воспроизводящего произведение. В подобных ситуациях искусственный интеллект является скорее не источником, а лишь инструментом нарушения, в связи с чем привлечение провайдера к ответственности (в том числе в порядке регресса) представляется необоснованным.

2.2.1. Воспроизведение в сгенерированном контенте произведения, ранее не использовавшегося для обучения нейросети

Следующей проблемой в этом контексте является вопрос о возможности установления нарушения исключительного права в том случае, если сгенерированный контент воспроизводит произведение, хотя ранее провайдер не использовал данное произведение в процессе обучения своей нейросети. Хотя на практике подобная ситуация кажется маловероятной, ее нельзя исключать полностью ввиду ранее упоминавшейся «проблемы черного ящика»: нейросеть по известным только ей алгоритмам может случайно сгенерировать контент, воспроизводящий защищенное авторским правом произведение, хотя ранее искусственный интеллект не был «знаком» с данным объектом. Например, если речь идет о случайной генерации нейросетью изображения, которое воспроизводит ранее созданную, но нигде и никогда не обнародованную картину.

В таком случае сложно говорить о наличии нарушения со стороны провайдера нейросети, поскольку для его констатации необходимо установить, что одно произведение было создано именно на основе другого (п. 95 постановления Пленума

²⁴ Шиткина И.С., Бирюков Д.О. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Право и экономика. 2023. № 11.

Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»). Однако в подобных ситуациях на провайдера нейросети может быть возложено бремя доказывания отрицательного факта (факта неиспользования конкретного произведения в рамках обучения искусственного интеллекта). Специалисты из Китая обоснованно отмечают, что на практике представить подобные доказательства может быть затруднительно (если речь не идет, например, об исключительной ситуации генерации ранее не обнародованного произведения)²⁵. В этом контексте интересно предложение по стимулированию провайдеров нейросетей к внедрению механизмов атрибуции обучающих данных, а затем – к наиболее полному сбору и последующему раскрытию документации об их использовании. В качестве «вознаграждения» авторы предлагают предоставить нейросетям с транспарентным процессом обучения более благоприятное отношение в вопросах нарушения исключительного права сгенерированным контентом²⁶.

2.3. Ответственность провайдера нейросети в случае генерации контента, который представляет собой переработку произведения

С генерацией нейросетью контента, который представляет собой переработку произведения, дело обстоит сложнее (подп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ). Здесь на первый план выходит проблема доказывания самого факта использования произведения. Некоторые исследователи отмечают сложность применения традиционной концепции «существенного сходства», поскольку нейросети генерируют контент посредством сложных статистических

процессов на основании элементов из тысяч произведений, что делает идентификацию конкретных источников копирования практически невозможной²⁷. Учитывая, что этот вопрос не входит в предмет настоящей статьи, лишь коротко отметим возможность применения здесь привычных подходов к оценке доказательств по данной категории споров: нарушение будет установлено, если объект авторского права и сгенерированный нейросетью контент имеют совпадения, которые носят доминирующий характер, а имеющиеся различия являются незначительными и не влияющими на общее восприятие контента. Как формулирует эту позицию Суд по интеллектуальным правам²⁸: чем больше объем совпадений, тем менее вероятно «параллельное творчество»²⁹.

Обвинения в подобных нарушениях также уже нашли свое отражение в иностранной судебной практике. Например, в США Getty Images подала иск к Stability AI, утверждая, в том числе, что на части сгенерированного контента присутствуют следы изображений с водяными знаками Getty, что предполагает их несанкционированную переработку³⁰ (см. табл. 2)

Другой пример – иски к нейросети Midjourney со стороны Disney/Universal³¹, а также Warner Bros.³², в которых истцы ссылаются на прямое нарушение их исключительных прав провайдером нейросети путем незаконного создания и воспроизведения производных произведений (в первую очередь речь идет об изображениях различных персонажей фильмов, кино, комиксов и т.д.).

Представляется, что в подобных случаях подход к вопросу об ответственности провайдера нейросети должен быть более осторожным. Если искусственный интеллект непосредственно

²⁵ URL: <https://aippi.soutron.net/Portal/Default/en-GB/DownloadImageFile.ashx?objectId=10082&ownerType=0 &ownerId = 6250> (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).

²⁶ Gloria Domingos & Daria Koucherets. Указ. соч. С. 120.

²⁷ Там же.

²⁸ См. например: постановление Суда по интеллектуальным правам от 18 июля 2025 г. по делу № А40-129196/2024, постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 29 июня 2022 г. по делу № СИП-250/2017, постановление Суда по интеллектуальным правам от 1 ноября 2023 г. по делу № А40-152920/2022.

²⁹ Термин «параллельное творчество» взят в кавычки, поскольку о творческом характере процесса генерации контента с помощью нейросети можно говорить далеко не всегда. См. например: Ворожеевич А.С. Указ. соч.

³⁰ URL: <https://docs.justia.com/cases/federal/district-courts/delaware/dedce/1:2023cv00135/81407/1> (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).

³¹ URL: <https://dockets.justia.com/docket/california/cacdce/2:2025cv05275/973999> (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).

³² URL: <https://dockets.justia.com/docket/california/cacdce/2:2025cv08376/985743> (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).

Таблица 2

Изображение с водяным знаком Getty Images	Изображение, сгенерированное нейросетью
	

не воспроизводит объекты авторского права, на которых он обучался, то он является скорее не источником, а лишь инструментом нарушения. Ведь даже если провайдер нейросети предпримет меры, препятствующие нарушающему воспроизведению чужих объектов авторского права, при желании пользователь с помощью неоднократных уточняющих запросов все равно рано или поздно сможет добиться генерации контента, представляющего собой переработку произведения или его части. Это говорит скорее о намерении пользователя, чем о том, что провайдер нейросети сознательно способствовал нарушению. Возможно, что для решения вопроса об ответственности провайдера нейросети в таких ситуациях необходимо более внимательно исследовать, чем в большей степени была predetermined форма нарушающего контента. Если форма контента в большей степени была predetermined запросами пользователя – он должен нести ответственность. Соответственно, здесь будет идти речь о виновности пользователя и невозможности предъявления им регрессных требований к провайдеру нейросети.

2.4. Возможность ограничения ответственности провайдера нейросети условиями пользовательских соглашений

Пользовательские соглашения между провайдером и пользователем нейросети зачастую содержат условия об ограничении ответственности провайдера, например:

- 1) признание пользователем того, что при использовании сгенерированного нейросетью контента он принимает на себя все риски, связанные с нарушением исключительных прав третьих лиц;
- 2) исключение ответственности провайдера перед пользователем и даже всеми третьими лицами за убытки, связанные с использованием нейросети;
- 3) ограничение ответственности провайдера случаями виновного нарушения и/или минимальной суммой требований.

Следует согласиться с позицией И.С. Шиткиной и Д.О. Бирюкова, согласно которой провайдер нейросети не может ограничить свою ответственность за нарушение исключительного права третьих лиц в пользовательском соглашении, поскольку

в силу п. 3 ст. 308 ГК РФ обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон³³. Аналогичного мнения придерживаются и иностранные исследователи³⁴.

Сложнее обстоит дело с ограничением ответственности провайдера перед пользователем нейросети (например, при предъявлении к провайдеру регрессного требования в связи с ранее состоявшимся безвиновным нарушением пользователем исключительного права третьего лица). Во-первых, такое ограничение ответственности провайдера может быть заблокировано законодательством о защите прав потребителей (п. 2 ст. 13 Закона о защите прав потребителей). Во-вторых, если к отношениям провайдера и пользователя законодательство о защите прав потребителей не будет применимо, ограничение ответственности провайдера может быть на уровне судебной практики признано противоречащим существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»).

3. Выводы

Приведенный выше анализ демонстрирует, что сегодня российское право способно решить большую часть проблем, связанных с ответственностью пользователя нейросети за генерацию нарушающего контента, на основании уже имеющихся институтов и подходов, имеющихся в судебной практике. В меньшей степени отечественный правовой порядок (в принципе, как и иностранные) готов к разрешению спорных вопросов, связанных с ответственностью провайдеров нейросетей за генерацию контента, нарушающего исключительное право на произведение. Поэтому крайне важно интенсифицировать обсуждение этих проблем, учитывая, что они могут возникнуть на практике уже в самое ближайшее время.

Для целей научной дискуссии следует дать ответ на следующие вопросы, связанные с распре-

делением гражданско-правовой ответственности между пользователем и провайдером нейросети при генерации искусственным интеллектом контента, нарушающего исключительное право на произведение.

1. Отвечая на вопрос о возможности привлечения к ответственности безвиновного пользователя нейросети, который использовал сгенерированный нейросетью контент в своей предпринимательской деятельности, чем нарушил исключительное право на произведение, следует признать, что отсутствие у пользователя информации об источнике данных нейросети или незнание алгоритма ее работы не должно препятствовать взысканию с него убытков или компенсации за нарушение исключительного права.

2. Целесообразно рассмотреть возможность привлечения провайдера нейросети к ответственности в случае воспроизведения в сгенерированном контенте произведения (или его части), ранее использовавшегося для обучения искусственного интеллекта, чтобы мотивировать провайдеров совершенствовать свои продукты в этом аспекте и упрочить положение правообладателей.

3. Для случаев воспроизведения в сгенерированном контенте произведения (или его части), ранее использовавшегося для обучения искусственного интеллекта, возможно допустить регрессное требование к провайдеру нейросети со стороны пользователя, с которого при отсутствии его вины были взысканы убытки или компенсация за нарушение исключительного права. Кроме того, в подобных ситуациях следует поставить под сомнение допустимость ограничения ответственности провайдера нейросети условиями пользовательских соглашений.

4. В том случае, когда сгенерированный контент воспроизводит произведение, хотя ранее провайдер не использовал его в процессе обучения своей нейросети, сложно говорить о наличии нарушения, однако одновременно здесь может возникнуть проблема необходимости доказывания провайдером нейросети отрицательного факта (факта неиспользования конкретного произ-

³³ Шиткина И.С., Бирюков Д.О. Указ. соч.

³⁴ См. например: Rosati E. Указ. соч. С. 621.

ведения в рамках обучения искусственного интеллекта).

5. В случае генерации нейросетью контента, который представляет собой переработку произведения, для решения вопроса об ответственности провайдера необходимо более внимательно

исследовать, чем в большей степени была predetermined форма нарушающего контента. Если форма контента predetermined скорее запросами пользователя, возлагать ответственность на провайдера нейросети необоснованно и нецелесообразно.

Список литературы:

1. *Ворожевич А.С.* Картины, сгенерированные нейросетью: объекты авторских прав или нет? // ИС. Авторское право и смежные права. 2025. № 1.
2. *Гюльбасарова Е.В.* Обеспечение охраны интеллектуальных прав в условиях развития передовых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 10.
3. *Карцхия А.А., Ивлиев Г.П.* Современное понимание искусственного интеллекта: правовой аспект // ИС. Промышленная собственность. 2025. № 4.
4. *Киселев А.С., Королькова Д.А.* О гражданско-правовом положении и некоторых проблемах правового регулирования искусственного интеллекта // Гражданское право. 2024. № 3.
5. *Козлова Н.В., Суханова Н.В., Ворожевич А.С., Алешковский И.А.* Цифровая трансформация в контексте приоритетов государственной научно-технической политики и вопросы совершенствования правового регулирования цифровой экономики в Российской Федерации // Предпринимательское право. 2020. № 4.
6. *Кухно М.О.* Искусственный интеллект – новый субъект авторского права: недалекое будущее или фикция? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2023. Вып. 3 (41).
7. *Чернущь Н.Ю., Сунь Юйпэн.* Защита авторских прав, созданных с использованием генеративного искусственного интеллекта (GenAI): практика России и Китая // Юрист. 2025. № 4.
8. *Шиткина И.С., Бирюков Д.О.* Искусственный интеллект: правовые аспекты // Право и экономика. 2023. № 11.
9. AIPPI Resolution 2025: Study Question – Copyright AI & Copyright – URL: <https://aippi.soutron.net/Portal/Default/en-GB/RecordView/Index/6327> (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).
10. AIPPI Study Guidelines: Study Question – Copyright and Artificial Intelligence – URL: <https://usercontent.one/wp/www.aippi.dk/wp-content/uploads/2025/03/SGL-Copyright-AI.pdf?media=1741113189> (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).
11. AIPPI Summary Report: Study Question – AI & Copyright – URL: <https://aippi.soutron.net/Portal/Default/en-GB/DownloadImageFile.ashx?objectId=9948&ownerType=0&ownerId=6152> (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).
12. *Abhinav Singh.* Who is liable for AI-created content? Copyright Act and civil responsibility in Aotearoa New Zealand. Advance. July 16, 2025.
13. *Ahmed Elgammal,* AI Is Blurring the Definition of Artist, 107 Am. Scientist, 18-21 (2019).
14. *Christopher T. Zirpoli.* Generative Artificial Intelligence and Copyright Law // Congressional Research Service – URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/LSB/PDF/LSB10922/LSB10922.2.pdf (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).
15. *Disney Enterprises Inc. et al v. Midjourney Inc.* – URL: <https://dockets.justia.com/docket/california/cacdce/2:2025cv05275/973999> (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).
16. *Generative AI and Copyright – Training, Creation, Regulation* – URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/IUST_STU\(2025\)774095](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/IUST_STU(2025)774095) (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).
17. *Getty Images (US), Inc. v. Stability AI, Inc.* – URL: <https://docs.justia.com/cases/federal/district-courts/delaware/dedce/1:2023cv00135/81407/1> (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).

18. *Gloria Domingos & Daria Koucherets*. AI-Generated Content and Copyright Infringement: Analyzing Corporate Liability in the Era of Artificial Intelligence, 48 Seattle U.L. Rev. Online 113 (2025).
19. *Rosati E*. Infringing AI: Liability for AI-Generated Outputs under International, EU, and UK Copyright Law // European Journal of Risk Regulation 16, P. 603–627.
20. *Szkalej, Kacper*, Copyright Liability and Generative AI: What's the Way Forward? // Nordic Intellectual Property Law Review, Volume 2025, Issue 1, Pp. 92–115.
21. Warner Bros. Entertainment Inc. et al v. Midjourney, Inc. – ULR: <https://dockets.justia.com/docket/california/cacdce/2:2025cv08376/985743> (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).
22. *Yavar Bathaee*. The Artificial Intelligence Black Box and the Failure of Intent and Causation // Harvard Journal of Law & Technology Volume 31, Number 2 Spring 2018.
23. *Yuyan Yang*. Attribution of Liability for Copyright Infringement by Artificial Intelligence Generated Content – URL: https://www.researchgate.net/publication/382404257_The_Study_of_Copyright_Infringement_Liability_of_Generative_Artificial_Intelligence (дата обращения: 29 сентября 2025 г.).

Научная статья

УДК: 347.79 «Авторское право. Права на литературные, художественные, музыкальные произведения».

Для цитирования:

Никифоров А.А. Экономический анализ охраны производных произведений // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Декабрь. № 4 (50). С. 76–98.

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_6

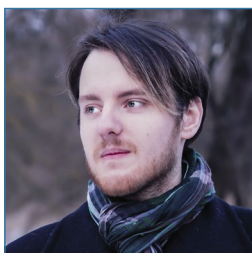
For citation:

Nikiforov A.A. The Economic Analysis of Legal Protection for Derivative Works // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. December. N 4 (50). Pp. 76–98. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_6

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_6

Экономический анализ охраны производных произведений

А.А. Никифоров,

магистр частного права (РШЧП), ведущий юрисконсульт управления интеллектуальной собственностью Яндекса. Москва, Россия

ORCID: 0009-0001-3185-4477

AuthorID: 1292867

В условиях цифровой среды создавать производные произведения стало проще, чем когда-либо, – но вместе с этим усилился и конфликт интересов между авторами оригинальных произведений и теми, кто создает на основе их трудов что-то новое. Праву приходится искать тонкий баланс: как поощрять трансформативное творчество и при этом гарантировать, что оригинальные произведения окупятся. Эта работа предлагает экономическую модель правового регулирования производных произведений, цель которой – определить такой уровень охраны, который приносит наибольшую общественную выгоду. Методологически исследование строится на инструментах экономического анализа права: здесь и функция общественного благосостояния, и критерии Парето и Калдора–Хикса, и теорема Коуза, и анализ транзакционных издержек и проблем асимметричной информации. Теория подкрепляется практикой: в анализ вовлечены данные о книжных рынках США и России, а также правовые подходы ЕС и США к охране производных произведений. В результате выводится формула, позволяющая определить оптимальный уровень охраны (L^*) с учетом таких факторов, как трансформативность, риск рыночного замещения, наличие или отсутствие принудительного лицензирования и минимально необходимый доход автора. Исследование показывает, что наилучшие результаты достигаются при умеренном уровне охраны: когда коммерческие адаптации регулируются, но некоммерческое трансформативное творчество допускается свободно. Такая модель одновременно поддерживает мотивацию для создания новых оригинальных произведений и способствует культурному разнообразию.

Ключевые слова:

производные произведения; экономический анализ права; авторское право; трансформативность; транзакционные издержки; лицензирование; общественное благосостояние; книжный рынок; цифровая экономика

Введение

Методология экономического анализа права рассматривает правовые нормы через призму экономической эффективности и стимулов, побуждающих экономических агентов действовать. В ее основе лежит предположение, что участники правовых отношений – будь то авторы, пользователи или правообладатели – реагируют на юридические правила примерно так же, как на экономические стимулы (например: цены, издержки, выгоды). Цель экономического анализа права – оптимизировать баланс между интересами разных сторон с точки зрения общества в целом, максимизируя общественное благосостояние. В сфере авторского права этот подход стремится найти такой режим охраны, который поощряет создание новых произведений и одновременно обеспечивает максимальный доступ общества к уже созданным произведениям¹. Как отмечают Лэндис и Познер, центральная задача авторского права – баланс между доступом и стимулами: с одной стороны, право ограничивает доступ общества к произведению, с другой – обеспечивает вознаграждение автору, побуждая его создавать трудоемкие оригинальные работы².

Преимущество экономического анализа права состоит в инструментарии для предсказания последствий тех или иных норм. Оценивая поведение субъектов (например, авторов и пользователей) как рациональных агентов, максимизирующих свою выгоду, можно понять, как изменение закона скажется на количестве творческих работ, на ценах лицензий, на объеме использования произведений и т.п. Для этого вводятся критерии эффективности – в частности, Парето-эффективность (когда агент может улучшить свое положение, только если это не приведет к ухудшению положения других агентов); и критерий Калдора–Хикса (когда мак-

симизация оправдана, если выгоды одних агентов превышают потери других, позволяя теоретически компенсировать ущерб проигравших) – чтобы оценивать, улучшает ли изменение в праве общее благосостояние³. Например, норма права считается экономически оправданной, если выигрыши от нее (например, рост числа созданных произведений или улучшение их качества) превышают связанные с ней потери (например, уменьшение доступа или рост цен для потребителей).

Однако у экономического анализа есть и ограничения. Во-первых, не все ценности, защищаемые правом, поддаются количественному измерению в деньгах – классический пример здесь личные неимущественные права автора, такие как право на неприкосновенность произведения или право на авторство. Эти права трудно вписать в модель чистой экономической эффективности, поскольку они связаны с нематериальными благами: честью, репутацией, творческой самореализацией. Во-вторых, экономический подход обычно опирается на модель рационального поведения и совершенных рынков, тогда как в реальности существуют транзакционные издержки, асимметрия информации и поведенческие отклонения. Например, автор фанфика может действовать из любви к оригиналу, не преследуя экономической выгоды, – такое альтруистическое или некоммерческое поведение хуже объясняется моделями рационального экономического выбора. Несмотря на эти ограничения, экономический анализ полезен как инструмент, позволяющий четче определить цель правовых норм (повышение общественного благосостояния) и возможные неожиданные эффекты правового регулирования⁴.

Применительно к охране производных произведений это означает, что исследование можно вести в двух плоскостях. Во-первых, следуя методологии

¹ См. подробнее: аналитический обзор литературы по экономическому анализу авторского права: *Towse R., Handke C., Stepan P. The Economics of Copyright Law: A Stocktake of the Literature // Review of Economic Research on Copyright Issues. – 2008. – Vol. 5, No. 1. – P. 1–22.*

² См.: *Landes W. M., Posner R. A. An Economic Analysis of Copyright Law // Journal of Legal Studies. – 1989. – Vol. 18. – P. 325–333, 344–353.*

³ См. подробнее: *Карпентов А.Г. Экономический анализ права. Монография. – М.: Статут, 2016. – 528 с.*

⁴ Но несмотря на то, что авторское право традиционно обосновывается утилитарными и экономическими аргументами, в реальности экономический анализ редко оказывает значительное влияние на законодательство и судебную практику в этой области. См.: *Samuelson P. Should Economics Play a Role in Copyright Law and Policy? // University of Ottawa Law & Technology Journal. – 2003–2004. – Vol. 1. – P. 1–22. – Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=764704>.*

Лэндиса и Познера, рассматривать соотношение права на оригинальное произведение и права на производное через призму предельной экономической полезности. Во-вторых, взглянуть эмпирически на современные экономические ожидания авторов – иными словами, выяснить, на какой уровень контроля над переработками рассчитывает современный автор, чтобы окупить свой труд и добиться успеха. В данной статье оба подхода будут использованы: сначала анализируются теоретические основы регулирования производных произведений, затем приводятся эмпирические данные о доходах авторов и практике лицензирования, и, наконец, эти положения синтезируются для выработки оптимального баланса правовой охраны.

1. Теоретическая основа: экономический анализ правовой охраны вторичного творчества

Оригинальные произведения как общественное благо

Оригинальное произведение, охраняемое авторским правом, обладает свойствами общественного блага в экономическом смысле⁵. Оно неисключаемо и неконкурентно в потреблении: после создания произведения им может одновременно пользоваться неограниченное число людей. Затраты на создание произведения, как правило, высоки и фиксированы (время и труд автора, инвестиции), тогда как затраты на воспроизведение и распространение каждого дополнительного экземпляра близки к нулю (особенно в цифровую эпоху). Например, написать роман или снять фильм – дорого, а сделать цифровую копию готового текста или видео – очень дешево. Без правовой охраны любой мог бы скопировать произведение, едва оно появилось, и распространять копии по цене, близкой к нулю, ведь себестоимость копирования минимальна. В таких условиях автор оригинала не смог бы вернуть вложенные усилия

и деньги: рынок сам по себе не обеспечил бы достаточного стимула создавать новые творения⁶.

Авторское право решает эту проблему, вводя исключительное право – только правообладатель может разрешать копирование. По сути, закон временно выводит произведение из свободного обращения, делая его частным имуществом. Это позволяет правообладателю установить положительную цену (выше предельных издержек копирования) и получить доход, формируя у автора экономический стимул к творчеству – ожидание монопольной прибыли. Обратная сторона такого монопольного положения – ограничение доступа пользователей и возникновение монопольных потерь. Следовательно, оптимальный уровень охраны с экономической точки зрения – тот, при котором суммарная общественная выгода от новых произведений максимальна за вычетом общественных издержек их охраны.

Оптимизация уровня охраны

В экономическом анализе права принято сравнивать альтернативные режимы по влиянию на общее благосостояние (суммарную полезность всех участников). При этом подсчитываются условные «плюсы» (выигрыши одних групп) и «минусы» (потери других групп). Применительно к производным произведениям можно упростить: **выгоды от охраны** – дополнительная мотивация создавать оригиналы (и некоторые виды производных работ); **издержки охраны** – упущенные возможности для других авторов и потребителей, когда переработки запрещены или затруднены. Формально эти отношения можно выразить базовой формулой:

$$W = B(L) - C(L),$$

где:

– W – совокупное общественное благосостояние,

⁵ Elkin-Koren N., Salzberger E. The Law and Economics of Intellectual Property in the Digital Age: The Limits of Analysis. – London; New York: Routledge, 2013. – p. 57–62.

⁶ См.: Besen S. Private Copying, Reproduction Costs, And The Supply of Intellectual Property // Information Economics and Policy. – 1986. – Vol. 2. – P. 5–22. Hadfield G.K. The Economics of Copyright: A Historical Perspective // Copyright Law Symposium (ASCAP). – 1992. – No. 38. – P. 1–46. Johnson W.R. The Economics of Copying // Journal of Political Economy. – 1985. – Vol. 93. – P. 158–174. Johnson J.P., Waldman M. The Limits of Indirect Appropriability in Markets for Copiable Goods // Review of Economic Research on Copyright Issues. – 2005. – Vol. 2, No. 1. – P. 19–37. Liebowitz S.J. Copying and Indirect Appropriability: Photocopying of Journals // Journal of Political Economy. – 1985. – Vol. 93. – P. 945–957. Plant A. The Economic Aspects of Copyright in Books // Economica. – 1934. – Vol. 1. – P. 167–195.

– $B(L)$ – общественная выгода от охраны на уровне L (например, количество новых произведений, стимулируемых охраной),

– $C(L)$ – общественные издержки охраны на уровне L (например, ограничение доступа, рост цен, административные расходы),

– L – уровень охраны (например, степень или продолжительность правовой охраны).

Оптимальный уровень охраны L^* определяется как:

$$L^* \arg L_{\max} [B(L) - C(L)].$$

То есть это такое значение L , при котором разница между выгодой и издержками максимальна.

Экстремальные режимы охраны непродуктивны с точки зрения эффективности. Если охрана слишком слабая (например, вовсе отсутствует исключительное право на переработку), проигрывают авторы оригиналов: они не могут монетизировать успех своих произведений через лицензирование фильмов, сериалов, сиквелов; их стимулы создавать новые истории снижаются. Напротив, если охрана чрезмерно сильная, проигрывает общество: многие творческие умы оказываются «вне игры», не имея права развивать полюбившиеся сюжеты; в результате создается меньше произведений, чем могло бы быть, а значит спрос и предложение никогда не смогут достигнуть равновесия. Ни одна из этих крайностей не является Парето-оптимальным – можно перераспределить права или блага так, чтобы улучшить положение одних, но при этом положение других в любом случае ухудшится. Поэтому здесь предпочтителен более мягкий критерий эффективности – критерий Калдора–Хикса. Например, если свободное фанатское творчество даст обществу ценность, намного превышающую потери автора оригинала, то стоило бы разрешить его, теоретически заставив фанатов «заплатить» автору компенсацию, чтобы никто не остался в минусе.

Кроме того, экономический подход, однако, подчеркивает важность административных издержек. Какой толк в идеально рассчитанном правиле, если его нельзя привести в исполнение или

проверка его условий слишком дорога? Так, можно вообразить закон, в котором разрешены только «качественные» фанфики, несущие пользу, а «плохие» запрещены. Но оценка художественной ценности – неюридическая и затратная задача, реализовать ее в суде невозможно. Поэтому закон вынужден использовать более простые прокси-критерии: коммерческий/некоммерческий характер использования, пародийный жанр, объем заимствования и т.п. Эти критерии – грубое приближение к экономическому смыслу (нанесен ли вред рынку оригинала? создана ли новая ценность?). Но они должны быть применимы на практике, иначе правоприменение станет непредсказуемым и дорогим. Право должно стремиться к такому устройству, при котором чистый эффект для общества максимален – т.е. стимулируется творческая активность (как оригинальная, так и последующая), но издержки в виде сдерживаемого творчества и снижения доступа минимизируются.

Для достижения этой цели экономический анализ права опирается на ряд ключевых понятий – спрос и предложение, общественное благо, внешние эффекты, транзакционные издержки, стимулы и эффективность – которые применимы к исследованию производных произведений. Рассмотрим эти элементы и их значение для права производных произведений более подробно.

Спрос, предложение и монополия на переработки

Классически спрос и предложение рассматриваются в виде графика из двух кривых: восходящая кривая предложения $S(P)$ и нисходящая кривая спроса $D(P)$ ⁷. В этой базовой конструкции $D(P)$ – это **потребительский спрос аудитории на производные произведения**. Когда рынок работает сам по себе, без налогов, запретов и прочих ограничений (т.е. внешних эффектов), покупатели и продавцы «договариваются» о естественной цене и естественном объеме продаж. Следовательно кривые стремятся к точке нерегулируемого конкурентного равновесия (P_c, Q_c) , в которой P – это та цена, по которой готовы покупать

⁷ См. подробнее: о теории спроса и предложения Кутер, Р. Улен, Т. Право и экономика / Роберт Кутер, Томас Улен; пер. с англ. под науч. ред. Д. Раскова при участии М. Тимофеева. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – с. 25–46.

и продавать большинство участников, а Q – это то количество производных произведений, которое могут произвести авторы по такой цене. В такой точке покупатели производных произведений получают максимум выгоды, потому что платят ровно столько, сколько готовы (а многие даже меньше, чем были готовы) заплатить, а авторы производных произведений тоже довольны, потому что продают ровно столько, сколько им выгодно, и по устраивающей их цене.

Однако рынок производных произведений двуслоен, поэтому имеет **две кривые предложения**:

Предложение S_1 – готовность студий, издателей и фан-сообществ *приобретать лицензии* и выпускать адаптации. Для них ключевая цена – лицензионная ставка $P(L)$. Чем ставка выше, тем меньше компаний или фан-авторов возьмется за проект, поэтому S_1 наклонена вверх: при высоком $P(L)$ в отрасли остаются лишь те, чьи ожидаемые доходы превышают затраты на лицензию плюс собственные издержки производства. При этом кривая предложения S_1 является предложением с точки зрения спроса со стороны потребителей, но она же является кривой спроса для предложения S_2 **со стороны правообладателя оригинального произведения**.

Предложение S_2 – это **сколько лицензий готов выдать сам автор оригинала**. Если право полной монополии не ограничено, кривая S_2 часто выглядит как почти вертикальная линия: автор выбирает один-два «официальных» проекта, независимо от того, сколько других акторов готовы заплатить. При желании он может сдвигать S_2 вправо, но лишь по собственной стратегии (контроль качества, бренд-менеджмент).

Если бы правомочие на производные произведения не входило в исключительное право автора оригинала (т.е. сторонние авторы могли свободно создавать адаптации без разрешения), сложилась бы близкая к совершенной конкуренции ситуация. Многочисленные авторы и издатели предлагали бы публике собственные версии сиквелов, ремейков и иных интерпретаций; цена лицензии упала бы до нуля, а значит предложение S_2 **можно было бы удалить из уравнения**. Количество подобных работ определялось бы только их востребованностью у аудитории, то есть по классическому зако-

ну спроса и предложения. По мере насыщения аудитории каждая новая адаптация добавляла бы все меньше предельной ценности: кривая спроса убывает, потому что внимание зрителей и покупателей ограничено. Одновременно кривая конкурентного предложения возрастала бы: чем больше проектов выходит на рынок, тем выше их совокупные предельные издержки – включая расходы на производство, маркетинг и борьбу за ту же фан-базу. Точка пересечения этих кривых задавала бы конкурентное равновесие: лицензионная ставка стремилась бы к нулю (автор не взимает ренты), а объем адаптаций ограничивался бы лишь тем моментом, когда последнему издателю уже невыгодно запускать еще один проект, потому что его ожидаемая выручка сравняется с собственными издержками.

Напротив, при жестком режиме охраны кривая S_2 – «кран» автора – остается почти вертикальной: правообладатель выдает ограниченное число лицензий и сам устанавливает их цену. В результате рыночная точка смещается из конкурентного равновесия (P_c, Q_c) в монопольную (P_m, Q_m) и приводит к тому, что количество таких работ оказывается ниже уровня, оптимального с точки зрения общества, а их цена (если речь идет о платных продуктах, таких как билеты на официальные сиквелы или лицензионные издания) – выше. Исключительное право на контроль за производным произведением фактически ставит оригинального автора в положение монополиста не только на рынке собственного произведения, но и на связанных рынках производного контента: только он сам или лица, действующие с его разрешения, могут удовлетворять спрос на производные работы. Это ведет к монопольному ценообразованию – правообладатель будет лицензировать права на производные продукты по максимально возможной цене, увеличивая собственную прибыль, но ограничивая количество производных произведений по сравнению с ситуацией конкурентного рынка. В таком случае проявляется классический недостаток монополии: монополист, преследуя собственную выгоду, сокращает предложение продукции (в данном случае – разнообразных творческих продуктов) до уровня ниже социально оптимального.

В контексте производных произведений такая монополизация означает, что правообладатель разрешит только самые прибыльные и конт-

ролируемые адаптации, – например, одну официальную экранизацию романа – и не даст «рассеяться» спросу на множество альтернативных версий. С экономической точки зрения это рационально: конкурирующие адаптации взаимно замещают друг друга в борьбе за внимание аудитории.

Примечательно, что ситуация, когда лицо, получившее монополию на конкретный творческий рынок, одновременно приобретает монопольное положение и на всех возможных смежных рынках, уникальна. В иных отраслях такое встречается редко: производитель автомобилей не может запретить другим компаниям выпускать совместимые шины; дизайнер одежды не контролирует продажу аксессуаров, созданных с использованием его дизайна. На таком смежном рынке конкурирует множество поставщиков: кривая предложения свободно пересекается со спросом владельцев машин, равновесная цена приближается к предельным издержкам, а объем продаж максимизирует суммарный излишек потребителей и производителей. Если даже шины подорожают, владелец автомобиля сможет выбрать другого производителя, поэтому «запирания» рынка не происходит, мертвых потерь не возникает, а любые внешние эффекты для автоконцерна (рост или падение цен на шины) остаются опосредованными и сравнительно слабыми. Хотя все подобные производные рынки концептуально зависят от первоначального продукта, связь между ними остается косвенной.

С авторским правом ситуация принципиально иная: закон продлевает монополию автора на все формы переработки произведения. Получив исключительное право на роман, создатель автоматически приобретает контроль над экранизациями, фанфиками, аудиокнигами, мерчандайзингом и даже татуировками с его персонажами. На графике спроса-предложения, предложение сторонних адаптаций S_1 фактически ограничено предложением S_2 , и автор выбирает цену по правилу предельного дохода монополиста. Равновесие смещается: цена лицензии оказывается значительно выше конкурентной, объем адап-

таций – ниже социально оптимального, а треугольник мертвых потерь⁸ представляет собой ненаписанные фан-повести, неснятые спин-оффы и нереализованные игры.

Однако парадокс состоит в том, что возможность контроля за производными произведениями не влияет прямо на оборот оригинального произведения. Иными словами, спрос на связанных с произведением вторичных рынках не отражается напрямую в спросе на сам оригинал. Например, поклонник, желающий сделать татуировку с любимым героем книги не удовлетворится официальной кружкой с этим персонажем, а любитель фанфиков не заменит интересующий его фанатский текст официальной экранизацией. Такие случаи показывают, что производные произведения далеко не всегда выступают заменителями оригинальных работ и поэтому не входят в кривую предложения оригинала. В этом смысле новые переработки не влияют на цену или популярность оригинала напрямую, а главным образом служат дополнительным источником заработка для правообладателя. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что предоставление авторам исключительного права на переработки само по себе увеличивает общественное благо. Скорее, право на производные произведения повышает привлекательность творческой деятельности за счет расширения потенциального дохода от эксплуатации произведения. Таким образом, основная функция данного института – не регулирование цен, а усиление стимула к созданию оригинального контента через увеличение ожидаемой прибыли.

Положительные и отрицательные внешние эффекты

Важное значение имеют внешние эффекты, возникающие при появлении производных произведений⁹. Внешние эффекты – это влияния на третьих лиц, не отраженные непосредственно в рыночной цене. В сфере производных произведений они могут быть как отрицательными, так и положительными. Отрицательный эффект возникает,

⁸ Треугольником мертвых потерь называют площадь на графике «спрос–предложение», которая отражает безвозвратно утраченный общественный излишек возникающий из-за отклонения рыночного объема от конкурентного.

⁹ См.: *Barker G.R. The Law and Economics of Copyright Law and Copyright Exceptions, Limitations, and Immunities* [Electronic resource]. – Jan. 15, 2019. – Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3315619>, DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3315619>.

когда несанкционированное производное произведение наносит вред автору оригинала (например, снижает его доход или портит репутацию произведения). Положительный эффект – когда чужая переработка, напротив, повышает ценность оригинала, привлекая к нему новую аудиторию или продлевая интерес.

В случае фанатского творчества (фанфики, фан-арт, любительские фильмы по мотивам и т.п.) часто говорят о бесплатном рекламном эффекте: такие работы популяризируют оригинал, удерживают фанатов в фэндоме, генерируют обсуждение¹⁰ и тем самым увеличивают ценность оригинала. Согласно статистике, крупнейший англоязычный архив фанфиков FanFiction.net разместил более 6 миллионов историй, написанных поклонниками по мотивам популярных книг, фильмов и игр¹¹, Англоязычный архив Archive of Our Own (AO3) насчитывает свыше 13 миллионов фанатских произведений и около 7 миллионов зарегистрированных пользователей (без учета миллионов читателей без регистрации)¹². Эти миллионы фанатских продолжений и вариаций практически не конкурируют с оригинальной продукцией (например, с официальными книгами или фильмами), а, напротив, поддерживают «жизненный цикл» интереса к ней. Такой позитивный внешний эффект – эффект сетевого взаимодействия поклонников – выгоден и обществу, и даже косвенно самим правообладателям. Не случайно крупные студии зачастую закрыва-

ют глаза на фанатское творчество, пока оно имеет некоммерческий характер¹³.

Показателен пример Японии. Несмотря на то что Япония в сфере авторского права похожа на континентальные страны с закрытым перечнем возможного использования¹⁴, куда фанфики, очевидно, не входят, и это единственная страна на данный момент, в которой было инициировано уголовное дело за порнографический фанфик¹⁵; существует неписаное соглашение терпимо относиться к doujinshi (любительским мангам по мотивам популярных серий), и это создало целую субкультуру с ежегодными ярмарками, где продаются десятки тысяч фан-изданий¹⁶.

Однако есть и обратные примеры, например, известный случай с фанатским фильмом по «Звездному пути». Правообладатель (Paramount) грозил судом, и проект закрыли, хотя фанатами уже были вложены средства и труд¹⁷. Это классический пример мертвых потерь: фильм, на который был потребительский спрос, не вышел, никто не выиграл, а потенциальная ценность потеряна из-за правовых ограничений.

С другой стороны, отрицательные внешние эффекты возможны, когда производное произведение действительно вытесняет оригинальное или наносит ущерб его ценности. Классический пример – коммерческое издание, которое повторяет сюжет оригинала и тем самым отбирает у правообладателя потенциальную аудиторию. Если кто-то без разрешения выпустит альтернативное продол-

¹⁰ См. Например: Овчинников И.В. Авторско-правовой режим апроприативного искусства: свободное использование или переработка произведения? // Актуальные проблемы российского права. 2024. N 10. С. 90–99.; Семенюта Б.Е. Фанфики и Косплеи vs. Правообладатели оригиналов: в поисках баланса интересов // «Журнал Суда по интеллектуальным правам», № 27, март 2020 г., – С. 118–127, *Pauline L.*, Les œuvres transformatrices, cause ou conséquence de la crise du droit d'auteur ?, *Théo rème* [Enligne], 34 | 2022, mis en ligne le 04 juin 2024, consulté le 15 avril 2025. URL : <http://journals.openedition.org/theoreme/647>. *Tushnet, R.* Legal Fictions: Copyright, Fan Fiction, and a New Common Law. (1997). Georgetown Law Faculty Publications and Other Works. // 17 Loy. L. A. Ent. L.J. – 1997 г. – С. 651–686

¹¹ *Olah C.* Fanfiction, Graphs, and PageRank [Электронный ресурс] // colah's blog. – 2014. – URL: <https://colah.github.io/posts/2014-07-FFN-Graphs-Vis/> (дата обращения: 7 мая 2025 г.).

¹² *Silberstein-Bamford F.* “Thank god for fanfiction”: The social value of amateur adaptations in the age of platform capitalism // *Journal of Visual Art Practice*. – 2024. – Vol. 23, No. 2. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13614568.2024.2369508>.

¹³ *Arai Y., Kinukawa S.* Copyright Infringement as User Innovation // *Journal of Cultural Economics*. – 2014. – Vol. 38, No. 2. – P. 131–144.

¹⁴ Japanize Copyright Act Act No. 48 of 1970 // <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?id=3259&vm=04&re=02>

¹⁵ *Mehra, Salil K.*, Copyright and Comics in Japan: Does Law Explain Why All the Cartoons My Kid Watches are Japanese Imports?. *Rutgers Law Review*, Vol. 55, Fall 2002, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=347620> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.347620> P. 4.

¹⁶ *McLelland M.* The End of Cool Japan: Ethical, Legal, and Cultural Challenges to Japanese Popular Culture (Routledge Contemporary Japan Series), Routledge, 2016, p. 38.

¹⁷ Фан-фильм по Star Trek хотят запретить [Электронный ресурс] // Мир фантастики. – URL: <https://www.mirf.ru/news/fan-film-po-star-trek-khotyat-zapretit> (дата обращения: 14 мая 2025 г.).

жение бестселлера и продаст его, это может сократить рынок для официального продолжения. Кроме того, автор может считать, что недобросовестная переработка искажает его замысел, вводит публику в заблуждение относительно «канона» и тем самым портит репутацию произведения, – это уже нематериальный вред (затрагивающий личные неимущественные права).

Институт производных произведений и сопутствующие доктрины – такие как доктрина *fair use* в США или доктрина добросовестного использования в странах континентального права – направлены, в том числе, на учет внешних экономических эффектов, возникающих при создании и распространении производных произведений¹⁸. Закон предоставляет автору оригинала инструменты для блокирования коммерческого использования производных работ, если такое использование может нанести ущерб, но одновременно допускает оговорки, позволяющие создание отдельных категорий производных произведений. Классическим примером допустимого использования является пародия, к которой мы еще обратимся ниже.

Транзакционные издержки и пределы соглашений

Экономический анализ вносит в этот контекст идею эффективности через механизм переговоров. Предполагается, что если переработка действительно обладает ценностью, автор оригинала и переработчик смогут договориться о лицензионном соглашении: в таком случае и правообладатель получит долю выгоды, и новое произведение станет доступно аудитории. В логике теоремы

Коуза, при отсутствии транзакционных издержек сторона, которой переработка более выгодна, заключит сделку с другой стороной, и ресурсы (в данном случае – права на использование) будут использованы эффективно, что повысит общее благосостояние всех, включая общество¹⁹.

Однако в реальных условиях транзакционные издержки зачастую очень высоки²⁰. Поиск и идентификация всех потенциальных авторов переработок, переговоры с каждой любительской студией или отдельным фанатом – практически невыполнимая задача. Особенно это касается массовых форм творчества, таких как фанфики, число авторов которых исчисляется тысячами. В таких условиях заключение индивидуальных лицензионных соглашений с каждым заинтересованным лицом становится чрезвычайно затратным и малоэффективным

Следует также учитывать, что теорема Коуза, как и большинство других положений классической экономической теории, основывается на модели рационального экономического субъекта, действующего в целях максимизации собственной выгоды. Однако в сфере культуры и творчества эти предпосылки далеко не всегда применимы. Здесь мы имеем дело, в первую очередь, с людьми творческими, чья мотивация, как правило, выходит за пределы только экономических расчетов. Их мышление направлено на более абстрактные и ценностные категории, а специфическое восприятие мира, необходимое для созидательной деятельности, зачастую несовместимо с рационализированной логикой экономических решений. Начиная, как минимум, с XVIII в.²¹ и до настоящего времени, многие авторы воспринимают

¹⁸ См.: *Brennan T.J.* Harper & Row v. The Nation, Inc.: Copyrightability and Fair Use // *Journal of the Copyright Society of the U.S.A.* – 1986. – Vol. 33. – P. 368–392., *Fisher W.T.* III. Reconstructing the Fair Use Doctrine // *Harvard Law Review.* – 1988. – Vol. 101. – P. 1659–1795., *Liebowitz S.J.* Copying and Indirect Appropriability: Photocopying of Journals // *Journal of Political Economy.* – 1985. – Vol. 93. – P. 945–957., *Merges R.P.* Are You Making Fun of Me? Notes on Market Failure and the Parody Defense of Copyright // *A.I.P.L.A. Quarterly Journal.* – 1993. – Vol. 21. – P. 305–323., *Yen A.C.* When Authors Won't Sell: Parody, Fair Use, and Efficiency in Copyright Law // *University of Colorado Law Review.* – 1991. – Vol. 62. – P. 79–120., *Takeyama L.N.* Welfare Implications of Unauthorized Reproduction of Intellectual Property in the Presence of Demand Network Externalities // *Journal of Industrial Economics.* – 1994. – Vol. 42. – P. 155–166.

¹⁹ См. подробнее: *Coase R.H.* The Problem of Social Cost // *Journal of Law and Economics.* – 1960. – Vol. 3. – P. 1–44., *Merges R.* Of Property Rules, Coase, and Intellectual Property // *Columbia Law Review.* – 1994. – Vol. 94. – P. 2655–2703.

²⁰ См.: *Gordon W.J.* Fair Use As Market Failure: A Structural and Economic Analysis of the Betamax Case and its Predecessors // *Columbia Law Review.* – 1982. – Vol. 82. – P. 1600–1657., *Shavell S., van Ypersele T.* Rewards Versus Intellectual Property Rights // *Journal of Law and Economics.* – 2001. – Vol. 44. – P. 525–548.

²¹ См. подробнее: *Judge E.* Kidnapped and Counterfeit Characters: Eighteenth-Century Fan Fiction, Copyright Law and the Custody of Fictional Characters // In: *Murray S.* (ed.) *The Adaptation Industry: The Cultural Economy of Contemporary Literary Adaptation.* – London: Routledge, 2009. – P. 67.

свои произведения не просто как интеллектуальную собственность, но как «детей» – с соответствующим эмоциональным и иррациональным стремлением защитить их от любых посягательств, даже потенциальных. И если принять в качестве аксиомы, что ни один автор не захочет упустить возможность получения прибыли, это не исключает конфликта между автором оригинала и создателем производного произведения, вызванного различием их творческих взглядов. Авторский замысел – это категория, которая по определению плохо поддается экономической оценке, а значит, не может быть полностью учтена в рамках стандартной модели рыночных взаимодействий²².

Кроме того, необходимо учитывать действие так называемого парадокса информации Арроу²³. Этот парадокс указывает на фундаментальную проблему, возникающую в процессе переговоров между потенциальным создателем производного произведения и правообладателем оригинала. Суть парадокса заключается в следующем: для того, чтобы убедить правообладателя предоставить лицензию, потенциальному автору необходимо раскрыть свою идею, но в момент раскрытия информация теряет исключительность, поскольку правообладатель получает доступ к ней до заключения сделки.

Если идея действительно хороша и коммерчески перспективна, правообладатель может попросту сказать: «Прекрасная мысль, мы уже над этим работаем», – независимо от того, соответствует ли это действительности. И даже если это не так, у потенциального автора зачастую нет ни эффективных инструментов проверки, ни правовых механизмов принудить правообладателя к сотрудничеству. В результате у правообладателя появляется стимул предоставлять лицензию только в тех случаях, когда он сам не в состоянии реализовать аналогичную идею через своих сотрудников, партнеров или подрядчиков.

Это создает парадоксальную ситуацию: человек, придумавший, например, кулинарную книгу по мотивам «Гарри Поттера», не может ее издать

без нарушения исключительных прав. Но и получить лицензию на издание он, по сути, тоже не может, поскольку сам факт обращения за разрешением раскрывает правообладателю незанятую рыночную нишу. В итоге выгоднее не сотрудничать с инициатором идеи, а использовать внутренние ресурсы – привлечь штатных авторов и дизайнеров, заплатив им фиксированную сумму, не делясь будущей прибылью. Таким образом, парадокс Арроу ограничивает возможности для появления инновационных производных произведений, даже когда они могли бы принести выгоду обеим сторонам и удовлетворить общественный спрос.

В условиях, когда заключение добровольных сделок затруднено или невозможно (из-за высоких издержек, асимметрии информации или парадокса Арроу), распределение прав по умолчанию приобретает решающее значение. С позиции экономической эффективности закон должен стремиться изначально установить такую норму, которая максимизирует общее благо без необходимости индивидуальных переговоров. Иными словами, нормативное регулирование должно заранее разрешать те виды переработок, которые приносят обществу значительную пользу и минимальный вред правообладателю, и запрещать те, что наносят ощутимый ущерб. Такой подход компенсирует невозможность эффективного рыночного взаимодействия, действуя на опережение – через изначально распределение прав и обязанностей.

Замечу, что наличие юридических формальностей – это не только транзакционные издержки, но и барьер для творческого процесса. Даже если нет риска недобросовестного присвоения идеи, и теоретически возможно договориться с правообладателем, сама необходимость проходить через юридические «круги ада» способна отпугнуть автора от реализации замысла или, по крайней мере, от попыток вывести результат своего творчества в публичное поле. Творчество – процесс хрупкий, требующий концентрации, интуиции и спон-

²² И тут опять встает вопрос с пародиями. Почему мы даем абсолютную возможность правообладателю (даже не автору!) блокировать распространение производных произведений, созданных в ином авторском ракурсе, но разрешаем пародии, которые буквально есть другой авторский взгляд, нередко прямо противоположный, очень злой или просто оскорбляющий светлые чувства автора оригинального произведения или правообладателя?

²³ См. подробнее: Arrow K.J. Economic Welfare and the Allocation of Resources for Invention // Nelson R. (ed.). The Rate and Direction of Inventive Activity. – Princeton: Princeton University Press, 1962. – P. 609–625.

танности. Давление обязательных юридических процедур может разрушить креативный импульс, привести к фрустрации и отказу от создания производного произведения.

Но даже отвлекаясь от субъективных факторов, остаются объективные последствия: требование лицензии не только сокращает объем рынка производных произведений, но и способно принципиально его трансформировать. Показателен пример истории сэмплинга в рэп-музыке²⁴. На заре существования жанра использование фрагментов чужих треков или текстов было широко распространено и являлось важной частью эстетики хип-хопа. Однако с ужесточением правоприменения и позицией судов о том, что даже краткий фрагмент требует согласования, практика сэмплинга стала признаваться нарушением авторских прав²⁵. Формально предполагалось, что это приведет к росту рынка лицензий на семплы, но на практике произошло обратное: вместо развитой индустрии лицензирования фрагментов треков возник резкий спад в использовании семплов в рэпе²⁶. К чему это привело с точки зрения культуры – отдельный вопрос, но важен сам факт: чрезмерно жесткая охрана изменила направление развития целого жанра, не достигнув при этом заявленной цели – создания устойчивого рынка лицензирования вторичных элементов произведений.

2. Эмпирический анализ: доходы авторов и лицензирование переработок

На первый взгляд из приведенного анализа может показаться, что режим совершенной конкуренции – то есть полный отказ автора оригинала от контроля над переработками – предпочтителен: цена лицензии стремится к нулю, объем адаптаций

максимален, треугольник мертвых потерь исчезает. Однако такое заключение верно лишь при условии, что создатели как оригинальных, так и производных произведений получают достаточное вознаграждение, поддерживающее их мотивацию к дальнейшему творчеству даже без монопольной ренты. Чтобы проверить, выполняется ли это условие, необходимо обратиться к эмпирике и посмотреть, как на самом деле формируется доход авторов. Далее в качестве иллюстрации рассмотрим книжный рынок и проанализируем, какую реальную финансовую отдачу приносит писателю литературное произведение. Рассмотрим в качестве примера книжный рынок и выясним, какой доход обычно получает автор литературного произведения.

Производные произведения – значительная часть индустрии культуры. Например, в киноиндустрии большая доля самых кассовых фильмов – это экранизации книг, комиксов, ремейки или сиквелы. По одному анализу, в 11 из 13 последних лет более половины самых прибыльных фильмов года были адаптациями, а не оригинальными сценариями²⁷. Крупные правообладатели действительно делают ставку на проверенные форматы. Например, в Голливуде львиная доля кассовых сборов приходится на сиквелы, ремейки и экранизации: по состоянию на 2017 г. 41 из 50 самых кассовых фильмов всех времен были либо сиквелами, либо перезапусками уже известных историй²⁸. По оценкам, свыше половины самых прибыльных фильмов последних лет основаны на ранее существовавших произведениях²⁹. Иными словами, рынок демонстрирует высокий спрос на производные произведения, и правообладатели концентрируют предложение в пределах нескольких крупных проектов.

²⁴ Shimanoff, E. The Odd Couple: Postmodern Culture and Copyright Law, 11 MEDIAL. & POLOY 12, 24-29 (2002)., см. Также: Овчинников И.В. Авторско-правовой режим апроприативного искусства: свободное использование или переработка произведения? // Актуальные проблемы российского права. 2024. N 10. С. 90 – 99., см. также Adler A.M. Against Moral Rights // California Law Review. – 2009. – Vol. 97. – P. 263. – (NYU School of Law, Public Law Research Paper No. 09-14).

²⁵ Grand Upright Music Ltd. v. Warner Bros. Records, Inc., 780 F. Supp. 182, 185 (S.D.N.Y. 1991); см. также Jarvis v. A&M Records, 827 F. Supp. 282, 292 (D.N.J. 1993).

²⁶ См., например: Vaidhyathan S., Copyrights and copywrongs: the rise of intellectual property and how IT threatens creativity 143-44 (2001); Hines C.G., Note, Black Musical Traditions and Copyright Law: Historical Tensions, 10 MICH. J. RACE & L. 463, 489-91 (2005).

²⁷ The prevalence of sequels, remakes, and original movies [Электронный ресурс] // Stephen Follows. – URL: <https://stephenfollows.com/p/the-prevalence-of-sequels-remakes-and-original-movies> (дата обращения: 14 мая 2025 г.).

²⁸ Haanaes K., Sorell M. Déjà vu: Is the film industry's sequel and remake addiction a sign of the end? // IMD. – 2017. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.imd.org/research-knowledge/economics/articles/deja-vu-is-the-film-industrys-sequel-and-remake-addiction-a-sign-of-the-end/> (дата обращения: 7 мая 2025 г.).

²⁹ Follows S. The Prevalence of Sequels, Remakes and Original Movies [Электронный ресурс] // StephenFollows.com. – 2018. – URL: <https://stephenfollows.com/p/the-prevalence-of-sequels-remakes-and-original-movies> (дата обращения: 7 мая 2025 г.).

Рациональное зерно такой концентрации в следующем: инвесторы предпочитают вкладывать деньги в знакомые публике сюжеты с уже сформированным спросом, а не рисковать с полностью оригинальными идеями. Предложение производных произведений велико именно потому, что существует накопленный капитал популярности оригинала (эффект франшизы). Однако потребители в итоге могут страдать от нехватки свежих идей – происходит смещение творчества в сторону маркетингово-предсказуемого контента. Отмечается, что индустрия, чрезмерно полагающаяся на сиквелы и ремейки, рискует войти в стагнацию, жертвуя инновационностью в угоду краткосрочной прибыли³⁰. Здесь проявляется конфликт двух ценностей: с одной стороны, эффективная эксплуатация успешных оригиналов, с другой – поиск новых идей и культурное разнообразие.

Адаптации книг, как показывают исследования, в среднем собирают на 50% большую кассу, чем полностью оригинальные фильмы³¹. Это свидетельствует о том, что инвесторы ценят известный исходный материал, – он снижает риски, привлекает существующую аудиторию. Рынок книг также значителен: по данным ВОИС, совокупная выручка книжного сектора (25 стран, включая США, Германию, Японию) в 2020 г. составила около 65,3 млрд долл. США³². Крупнейший национальный рынок – США (\$23,6 млрд), на втором месте Китай или Япония (~\$10–11 млрд), затем Германия (\$10,6 млрд)³³. Глобализация привела к тому, что иностранные издания составляют заметную долю: в некоторых странах (Канада, Великобритания) более 30% книжного рынка – книги, проданные за рубежом.

Рынок России относительно скромнее в абсолютных цифрах. По данным Российского книжного союза (2023), общий объем книжного рынка России (печатные + цифровые книги) оценивается примерно в 120,35 млрд руб. в год³⁴ (около \$1,5–2 млрд по курсу, рост ~10% к предыдущему году за счет удорожания книг). В 2022 г. было выпущено 392 млн экземпляров книг³⁵. Из них значительная доля – переводы зарубежной литературы (российские издательства ежегодно лицензируют сотни наименований у иностранных правообладателей). Доля локальных адаптаций (например, книг по фильмам, новеллизаций) невелика, но присутствует.

Вознаграждение авторов и распределение доходов

Парадоксально, но большинство авторов оригинальных произведений получают весьма скромные доходы от своей деятельности. По американским данным, лишь авторы бестселлеров, т.е. известные авторы живут на большие гонорары, тогда как рядовые писатели зарабатывают мало. Обычно издатель выдает аванс автору, который предложил достаточно хорошую идею книги в размере, в среднем от 5000 до 20 000 долларов за книгу для мелких и средних издателей. Во многих случаях аванс – это как раз то, что автор и заработает на книге. В такой схеме роялти с продаж начинают выплачиваться автору только после того, как было продано достаточно копий, чтобы покрыть аванс и расходы издателя на рекламу и распространение. Даже с учетом лицензирования прав на зарубежные рынки, в которых автору достается около 75% и продажи более 10 000 копий вполне возможно, что аванс так и не покроется. Дополнительно надо

³⁰ Haanaes K., Sorell M. Déjà vu: Is the film industry's sequel and remake addiction a sign of the end? // IMD. – 2017. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.imd.org/research-knowledge/economics/articles/deja-vu-is-the-film-industrys-sequel-and-remake-addiction-a-sign-of-the-end/> (дата обращения: 07.05.2025).

³¹ Rowe A. Why Book-Based Films Earn 53% More At The Worldwide Box Office [Электронный ресурс] // Forbes. – 2018. – 11 July. – URL: <https://www.forbes.com/sites/adamrowe1/2018/07/11/why-book-based-films-earn-53-more-at-the-worldwide-box-office> (дата обращения: 14 мая 2025 г.).

³² What can data tell us about publishing? The latest global publishing industry report from WIPO [Электронный ресурс] // International Publishers Association. – URL: <https://internationalpublishers.org/what-can-data-tell-us-about-publishing-the-latest-global-publishing-industry-report-from-wipo> (дата обращения: 14 мая 2025 г.).

³³ ibid.

³⁴ Отраслевой доклад «Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития. Год 2023» [Электронный ресурс] // unkniiga.ru. – URL: <https://www.unkniiga.ru/knigniy-rinok/otraslevoi-doklad-knizhnyi-rynok-rossii-sostoianie-tendentsii-i-perspektivy-razvitiia-god-2023.html> (дата обращения: 14 мая 2025 г.).

³⁵ Книжный рынок России: итоги 2022 [Электронный ресурс] // Т-Ж. – URL: <https://t-j.ru/books-in-russia> (дата обращения: 14 мая 2025 г.).

учитывать выплаты агенту (обычно составляющие около 10%), который будет продвигать вашу книгу среди издательств и возьмет на себя все переговорные и юридические тонкости.

Картер Фиппс рассказывал, что за книгу, которую он писал 3.5 года, при этом один год он тратил на писательство полный рабочий день, а остальное время – дополнительное время после основной работы, он получил около 17 000 долларов, с учетом того, что было продано около 12 000 экземпляров³⁶. Это обычная точка безубыточности для научно-популярной книги в США, а по статистике 7 из 10 книг вообще не окупаются³⁷. Доход Фиппса мог быть больше, если бы он воспользовался самиздатом, в этом случае его доход составил бы около 40 000 долларов³⁸. Получается, если учитывать только год, который Фиппс занимался исключительно писательством, он получал около 8 долларов в час или 16 долларов в час при учете самиздата. Это примерно равно средней минимальной гарантированной зарплате в США³⁹.

Ситуация в России примерно такая же. Если автор уже имеет аудиторию⁴⁰, но при этом не является настолько же известным, как Пелевин или Донцова, то, чтобы зарабатывать писательским трудом хотя бы минимальные деньги, ему нужно писать (и продавать) минимум 1 книгу в год. Тогда, в среднем при продажах в 6000 экземпляров, автор получит около 150–200 тысяч за первый год или около 12 500–15 000 рублей в месяц. Однако даже у З. Прилепина первый тираж новой книги в России составляет всего 5 тысяч экземпляров. Стандартное количество экземпляров в первом тираже – 2 тысячи. По оценкам рынка, большинство даже публикующихся писателей (включая лауреатов премий) зарабатывают на литературном труде всего ~80–100 тыс. руб. в год⁴¹, т.е. то есть порядка \$1–1,5 тыс. Аудитория конечна, поэто-

му сначала идут крупные выплаты, а потом интерес к книге спадает настолько, что доходы от ее копий можно не учитывать⁴².

Как видно, если писатель не создал бестселлер, входящий в топ-50 по версии New York Times, заработки с продаж книги весьма скромны. Немногие решатся связать свою жизнь с литературным творчеством, зная такую экономику. Это хобби-уровень дохода, прожить на такие деньги нельзя. Лишь «коммерческие» жанровые авторы (детективы, фэнтези с большими тиражами) могут иметь существенно больше – например, звезды вроде Дарьи Донцовой получают гонорары в миллионы рублей за книги (и то, по большей части потому, что пишут по 12 книг за год). Можно возразить, что свободное создание адаптаций без разрешения автора могло бы повысить продажи оригинальной книги за счет роста интереса. Однако вряд ли этот эффект окажется столь существенным, чтобы сделать доходы от книг сравнимыми хотя бы с медианной зарплатой по стране.

При этом известные российские авторы в своих интервью указывают, что значительная часть их дохода поступает именно от лицензирования прав на экранизации и иные адаптации их книг. То есть продажа прав на производные произведения (фильмы, сериалы, игры) часто приносит автору намного больше, чем тиражи книг. В этом смысле даже некоторое недопроизводство коммерческих адаптаций (то есть ситуация, когда снимается меньше фильмов по книгам, чем могло бы при свободном использовании) – небольшая плата за то, чтобы автор получил вознаграждение выше минимального прожиточного уровня. Вряд ли кто-то всерьез считает, что доход, сопоставимый с минимумом (и в США, и в России), является достаточным стимулом для развития литературы и искусства. Таким образом, с точки зрения

³⁶ Phipps C., The Economics of Writing a Book [электронный ресурс] // Priceonomics. URL: <https://priceonomics.com/can-authors-make-money-selling-books> (дата обращения: 14 мая 2025 г.).

³⁷ Meyer M. About That Book Advance... [Электронный ресурс] // The New York Times. – 2009. – 10 Apr. – URL: <https://www.nytimes.com/2009/04/12/books/review/Meyer-t.html> (дата обращения: 14 мая 2025 г.).

³⁸ Это конечно, после-знание, так как Фиппс рассчитывал свою прибыль от самиздата на основании данных продаж через издателя, а в случае самиздата не факт, что он бы получил такие же цифры продаж.

³⁹ State Minimum Wage Laws [электронный ресурс] // URL: <https://www.dol.gov/agencies/whd/minimum-wage/state>

⁴⁰ В идеале лучше иметь тысячу преданных фанатов, которые готовы платить вам 100 долларов в месяц каждый, чем широкую аудиторию – см. более подробное объяснение Kelly K. 1,000 True Fans [электронный ресурс] // URL: <https://kk.org/thetechnium/1000-true-fans/>

⁴¹ Сколько зарабатывают писатели [Электронный ресурс] // КнигаСтудия. – URL: <https://knigastudio.ru/blog/articles/skolko-zarabatyvayut-pisateli> (дата обращения: 14 мая 2025 г.).

⁴² Птищева О., Сколько современный писатель в России может заработать на публикации своей книги [электронный ресурс] // VC.ru. URL: <https://vc.ru/media/135236-skolko-sovremennyy-pisatel-v-rossii-mozhet-zarabotat-na-publikacii-svoey-knigi>

обеспечения стимулов к созданию художественного произведения финансовая роль исключительно права на адаптации чрезвычайно важна: оно позволяет авторам рассчитывать не только на продажи книг, но и на гораздо более существенные поступления от всей «экосистемы» производных проектов.

Вознаграждение создателя производного произведения

Другой важный аспект баланса – вознаграждение создателя производного произведения. Если новое произведение само по себе оригинально и ценно, его автор тоже заслуживает стимулов. Право решает эту задачу следующим образом: производное произведение (перевод, экранизация, сиквел и т.д.) также охраняется авторским правом – но его использование незаконно без согласия автора оригинала. То есть автор адаптации получает права на свой творческий вклад, но не может реализовать их в ущерб правам базового автора. Экономически это похоже на зависимое изобретение: новый автор не остается ни с чем (он, например, может запретить третьим лицам копировать именно его версию адаптации), но и не может монетизировать свой труд без договора с первым автором.

Для системы важно поощрять кооперацию, а не конфликт между авторами. Если по мотивам книги создан отличный фильм, то и писатель, и кинопродюсер могут выиграть, договорившись о разделении прав. В идеале право должно создавать условия для игр с ненулевой суммой, при которых все участники получают выгоду. Например, успешная экранизация приносит обеим сторонам пользу: автор оригинального произведения получает доход и приток новой аудитории; режиссер – готовую сюжетную основу и заинтересованных зрителей. Ключевой инструмент, обеспечивающий эту кооперацию, – лицензирование. Предполагается, что обе стороны ве-

дут себя рационально: автор хочет получить прибыль от коммерциализации своего произведения, а киностудия предлагает справедливые условия сотрудничества. При низких транзакционных издержках лицензия позволяет сбалансировать интересы: стороны договариваются о цене, сроках и объеме использования, после чего новое производное произведение создается в рамках закона.

Однако такая прямая кооперация затруднена, когда потенциальных переработчиков очень много и каждый из них по отдельности экономически малозначим – как в случае с фанатским творчеством. Ни у авторов, ни у правообладателей нет возможности вступать в индивидуальные переговоры с тысячами или миллионами желающих. В таких ситуациях классическая модель лицензирования через единичные договоры не работает: транзакционные издержки на поиск, коммуникацию и оформление соглашений становятся чрезмерно высокими.

Один из путей решения проблемы – внедрение механизмов коллективного лицензирования или разработка заранее установленных стандартных условий использования. Такие подходы позволяют упростить юридический доступ к произведениям без необходимости индивидуальных переговоров, сохраняя при этом определенную защиту интересов правообладателей. Подобные модели применяются, например, в сфере смежных прав (музыкальные фонограммы, коллективное управление авторскими отчислениями) и могут быть адаптированы к новым видам цифрового творчества. К примеру, можно представить систему, при которой любому желающему автоматически разрешено создавать производное произведение при условии выплаты фиксированного вознаграждения автору оригинала – своего рода обязательную лицензию. Подобный механизм существует в музыкальном праве: в США⁴³ и Германии⁴⁴ предусмотрены

⁴³ Для того чтобы записать кавер, нужно получить *Compulsory Mechanical License* – обязательная механическая лицензия, предусмотренная разделом 115 Закона США об авторском праве (U.S. Copyright Act, 17 U.S.C. § 115). Она позволяет использовать ранее опубликованное музыкальное произведение без согласия правообладателя при соблюдении определенных условий: неизменность мелодии и текста, уведомление правообладателя и выплата фиксированных роялти (в 2025 г. – 12 центов за копию продолжительностью до 5 минут). Данная лицензия упрощает производство каверов и является примером принудительного разрешения на использование охраняемого произведения.

⁴⁴ В отличие от США, где каверы регулируются механизмом обязательной механической лицензии, в Германии распространение каверов осуществляется через систему коллективного управления правами. Исполнение и распространение кавера без изменений текста и мелодии требует получения лицензии через организацию GEMA, которая обеспечивает выплату вознаграждений правообладателям.

функционально похожие инструменты для получения фактически принудительных лицензий на кавер-версии песен (после первого выпуска композиции любой может сделать свою запись, уплатив установленный сбор организации по коллективному управлению правами). Аналогичный подход пока не применяется к литературным и аудиовизуальным произведениям, но в теории мог бы обеспечить лучший баланс.

На практике, правда, внедрение коллективных или стандартных лицензий сталкивается с серьезными препятствиями. Многие правообладатели сопротивляются таким инициативам, опасаясь утраты контроля над использованием своих произведений и снижения доходов. Для них индивидуальное управление правами остается предпочтительным. В результате в сфере авторского права наблюдается разнородное регулирование схожих ситуаций: например, переработка произведения фанатами и создание каверов на песни регулируются по-разному⁴⁵. Это нарушает требование внутренней согласованности правовой системы и фундаментального юридического метода: равные, по сути, случаи не получают равного регулирования, что снижает предсказуемость и воспринимаемую справедливость права.

Исторически в США баланс больше смещен в сторону свободы производных работ благодаря гибкому критерию *fair use* и относительно слабой охране личных неимущественных прав автора. В европейских странах (Германия, Франция, Россия) долгое время перевешивали интересы автора оригинального произведения: любое изменение чужого произведения без разрешения запрещалось. Хотя закон и знал понятие «свободной переработки» (первоначально в § 24 немецкого закона об авторском праве допускалось самостоятельное произведение, использующее черты чужого, если оно не зависит от ориги-

нала), на практике эта норма применялась крайне узко. Тем не менее за последние десятилетия Европа признала необходимость исключений в пользу переработчиков: директивы ЕС потребовали ввести исключения для пародии, карикатуры и сатиры, что государства и сделали (во Франции – ст. L122-5 CPI, в Германии – § 51a UrhG плюс судебная переинтерпретация понятия «свободной переработки» после дела *Metall auf Metall*⁴⁶). Россия, принимая ч. 4 ГК РФ в 2008 г., также включила пародию в перечень случаев свободного использования.

Все это свидетельствует, что оптимальный баланс постепенно смещается ближе к середине, признавая ценность обеих сторон (пусть и не столь быстро, как хотелось бы). Экономический анализ поддерживает такой умеренный подход. С точки зрения эффективности Калдора–Хикса общество выигрывает, когда оригинальные авторы получают ровно столько контроля, сколько нужно для стимула творить, а все остальное пространство отдано для креативной рекомбинации и инноваций. Избыточный контроль порождает неиспользованные возможности, а избыточная свобода – недоинвестиции в оригинальное творчество.

3. Жесткий и мягкий подходы к охране производных произведений

Следуя изложенным теоретическим позициям, можно очертить два полюса регулирования производных произведений – **жесткий** и **мягкий** подходы. Разумеется, ни одна национальная система не реализует их в чистом виде; везде применяется компромиссная модель, сочетающая элементы обоих и учитывающая правовые и культурные особенности. Тем не менее для аналитических целей полезно противопоставить крайности и рассмотреть их преимущества и издержки.

⁴⁵ В данном случае, переработка произведения фанатами (например, фанфики, фан-арт) и создание каверов (*cover versions*) рассматриваются как однородные ситуации для авторского права, в следующем аспекта: обе формы предполагают использование охраняемого произведения как базы для создания нового объекта, и тем самым затрагивают исключительное право на переработку или аналогичное по содержанию правомочие. И фанатские произведения, и каверы могут создавать положительные внешние эффекты, включая популяризацию оригинала, но также – ущерб правам оригинального автора, если они конкурируют на рынке. В этом смысле, принудительная лицензия по модели *opt out*, (правовой конструкции, при которой правообладатели по умолчанию включены в лицензионную систему (разрешение на использование их произведений предоставляется автоматически), если они заранее не выразили несогласие (не воспользовались возможностью выйти из режима лицензирования) для ограниченного коммерческого использования фанфиков выглядит так же разумно, как и для каверов.

⁴⁶ Bundesverfassungsgericht. Urteil vom 31. Mai 2016 – 1 BvR 1585/13 // BVerfGE. – 2016. – Bd. 142. – S. 74–134. – URL: https://www.bverfg.de/e/rs20160531_1bvr158513.html (дата обращения: 16 мая 2025 г.).

Жесткий подход предполагает режим максимальной защиты интересов автора оригинала. Любые переработки без предварительного разрешения запрещены под угрозой гражданской, а иногда и уголовной ответственности. Количество исключений минимально, и правообладатель сохраняет полный контроль над дальнейшей судьбой произведения и всех его интерпретаций. Это создает монопольную позицию на рынке производных произведений, позволяя автору или правообладателю централизованно контролировать и монетизировать весь существующий спрос, избегая конкуренции со стороны альтернативных версий.

С точки зрения стимулирования творчества такой режим может быть эффективен. Авторы, обладая исключительным контролем над «экосистемой» контента, получают мощный финансовый стимул создавать оригинальные, насыщенные миры. Они могут рассчитывать не только на доход от основной книги или фильма, но и на прибыль от всей окружающей инфраструктуры: экранизаций, сериалов-спин-оффов, театральных постановок, мерчандайзинга, тематических аттракционов и пр. Именно благодаря такому стимулу стали возможны сверхуспешные многослойные проекты – кинематографические вселенные, многотомные саги. Авторы и инвесторы готовы вкладываться в развитие сложных сеттингов и сюжетов, зная, что закон защитит их от несанкционированной эксплуатации. Таким образом, жесткий режим охраны опирается на принцип максимизации авторских стимулов: право на производные произведения рассматривается не как помеха чужому творчеству, а как необходимый инструмент для поощрения инвестиций времени, усилий и капитала в создание сложных культурных продуктов.

Строгая охрана нередко продиктована желанием правообладателя избежать репутационного риска с помощью контроля качества. Официальный владелец истории предпочтет вовсе не иметь чужих сиквелов, чем рискнуть, что кто-то выпу-

стит нечто откровенно плохое под его именем. Но экономически общество теряет разнообразие и количество контента.

Лэндис и Познер также приводят следующие аргументы в пользу наделения автора оригинала правом на производные произведения.

1. Предотвращение задержки публикации оригинала. Без такого права у автора были бы отрицательные стимулы в отношении сроков выпуска произведения. Стремясь максимизировать выгоду, он мог бы откладывать публикацию оригинала до тех пор, пока не создаст основные производные произведения самостоятельно – прежде всего переводы (чтобы не упустить эту нишу). Право на переработки устраняет мотив искусственно задерживать выход новинки.

2. Сокращение транзакционных издержек. Таким образом сокращаются транзакционные издержки, так как концентрируя права в одних руках, мы уменьшаем количество экономических интеракций⁴⁷.

Данные аргументы опираются на предположение (довольно спекулятивное), что авторы создают свои произведения именно с расчетом в будущем самим делать переработки. Без такого права, по этой логике, автор будто бы отказался бы и от создания оригинала. Однако эмпирическая обоснованность этого предположения невелика. Критике его, в частности, подвергает исследовательница Н. Воэгтли (N. A. Voegeli), указывая на слабость тезиса о том, что право на переработки необходимо для стимулирования создания оригиналов⁴⁸.

Она также отмечает, что ожидание дохода от производных произведений актуально лишь для узкого круга авторов, поэтому не может служить универсальным обоснованием широкой правовой охраны. В большинстве случаев авторы не откладывают публикацию оригинала в надежде на будущие производные доходы – это иррационально и экономически невыгодно. Более того, чрезмерно широкая охрана переработок может даже замедлять

⁴⁷ Landes W.M., Posner R.A. An Economic Analysis of Copyright Law // The Journal of Legal Studies. – 1989. – Vol. 18, No. 2. – 353–357 p. См. также: Landes W.M., Posner R.A. The Economic Structure of Intellectual Property Law. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2003. P. 442.

⁴⁸ Voegtli N.A. Rethinking Derivative Rights // Brooklyn Law Review. – 1997. – Vol. 63, No. 4. – P. 1213–1247. – Available at: <https://brooklynworks.brooklaw.edu/blr/vol63/iss4/4>.

выход как оригинальных, так и производных произведений, потому что:

- автор может «сидеть» на правах, выжидая лучших условий для их продажи;

- либо чрезмерно долго дорабатывать оригинал в надежде увеличить его будущую ценность для адаптаций;

- а отсутствие конкуренции на деривативных рынках лишает мотивации к созданию следующего произведения.

Возгтти также указывает, что с транзакционными издержками ситуация схожа: если вторичное произведение (например, перевод) создается независимо, то никаких переговоров не требуется. Иначе говоря, право на переработку само порождает транзакционные издержки, а не экономит их. Эту мысль разделяет Г. Ланни (G.S. Lunney), отмечавший, что чрезмерная охрана может приводить к аллокационной неэффективности: потенциальные создатели производных произведений (переводчики, адаптаторы) могут отказаться от проекта из-за высоких издержек согласования или невозможности получить лицензию⁴⁹.

Однако, строгая охрана предотвращает ситуацию, когда множество конкурирующих производных произведений каннибализируют спрос друг друга. С экономической точки зрения, слишком много схожих продуктов на одном рынке ведет к рассеиванию прибыли между ними, снижая мотивацию каждого участника. Теория распыления ренты (rent dissipation), применяемая в патентном праве, здесь тоже уместна: если разрешить всем свободно снимать фильмы по одному роману, рынок наводнят фильмы-заменители, ни один не соберет большую кассу, инвесторы понесут убытки. Исключительное право на адаптации предотвращает такую конкуренцию, и это может быть экономически выгодно. В литературе отмечается, что ограничение конкуренции в создании адаптаций – не недостаток, а намеренное достоинст-

во системы: оно дает автору контроль и ограничивает выпуск множества похожих работ, которые стали бы близкими заменителями друг друга⁵⁰.

Учитывая это, необходимо различать «комплементарные» (дополняющие) и «субститутивные» (заменяющие) производные произведения. Субститутивные прямо конкурируют с оригиналом на рынке, фактически отнимая у него часть спроса. Комплементарные же могут влиять на рынок оригинала опосредованно и часто наоборот увеличивают интерес к исходному произведению либо вовсе на него не влияют. Эта классификация преимущественно обсуждается в американских судах в контексте доктрины справедливого использования (fair use), поскольку одним из ее ключевых критериев является «влияние такого использования на потенциальный рынок или ценность охраняемого авторским правом произведения»⁵¹. Понимание того, оказывает ли производное произведение субститутивное влияние – снижая спрос на оригинал, или комплементарное – способствуя его популярности, является необходимым для применения данной доктрины. Но даже вне ее такая постановка вопроса показывает, что не все производные произведения являются одинаковыми в экономическом смысле, позволяя нам поставить вопрос, что неодинаковым должен быть и правовой режим таких произведений. К примеру, судья Познер в деле *Ty, Inc. v. Publications International* признал, что нарушение авторского права отсутствует в случае использования фотографий мягких игрушек “Beanie babies” для создания гайда для коллекционеров⁵². Он даже попытался сформулировать указанную разницу «Мы можем сказать, что копирование, которое является комплементарным (точно так же, как гвозди дополняют молоток), будет справедливым использованием, но копирование, что будет субститутивно для оригинального произведения (в той степени, в которой гвозди заменяют винты и болты), не будет подпадать под справедливое использование»⁵³.

⁴⁹ Lunney G.S. Jr. Copyright, Derivative Works, and the Economics of Complements // *Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law*. – 2010. – Vol. 12. – P. 779–857.

⁵⁰ Abramowicz M.A. Theory of Copyright's Derivative Right and Related Doctrines (2005). *Minnesota Law Review*, Vol. 90, No. 2, 2005, GWU Legal Studies Research Paper No. 2013-89, GWU Law School Public Law Research Paper No. 2013-89, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2282610>

⁵¹ The Copyright Act of 1976. October 19, 1976, as Pub. L. No. 94-553, 90 Stat.

⁵² 292 F.3d 512, 517 (7th Cir. 2002)

⁵³ *Ty, Inc. v. Publ'ns Int'l Ltd.*, 292 F.3d 512, 517 (7th Cir. 2002)

С этой точки зрения, экономически мы должны разрешать комплиментарное использование и запрещать субститутивное, ведь в последнем случае при создании производных произведений у правообладателя оригинального произведения нет экономических возможностей не только получить дополнительный доход, но даже возместить те доходы, которые он не получил из-за уменьшения ценности оригинала. В случае комплиментарных произведений из-за повышения спроса на оригинал правообладатель с помощью продажи дополнительных копий или повышения цены в ответ на увеличенный спрос в конце концов может получить такой же доход, как если бы он этого не делал, но получил бы деньги от предоставления лицензии⁵⁴. Противники полной свободы для комплементарных адаптаций⁵⁵ обычно возражают, что четко понять, является ли то или иное произведение комплиментарным или субститутивным, настолько же сложно, как и построить систему авторских прав, гарантирующих достойное вознаграждение авторам без использования критерия максимизации прибыли. Поэтому легче всего оставить этот вопрос на решение самого правообладателя, ведь если комплиментарность производного произведения будет легко доказать, то правообладатель, как разумный экономический агент, всегда будет соглашаться лицензировать такое использование. Проще говоря, от жесткого режима мы ожидаем меньше производных произведений, но, возможно, более концентрированной ценности в каждом из них. Один официальный фильм может собрать \$1 млрд, тогда как десять фанатских фильмов собрали бы по \$100 млн – суммарно то же самое, но издержки производства десяти фильмов выше, чем одного, и прибыль распылена. Таким образом, строгая охрана стремится к снижению избыточного дублирования контента.

Однако подобный аргумент не учитывает прочие транзакционные издержки, описанные выше. Как уже отмечалось, правообладатели далеко не всегда ведут себя как идеальные рациональные агенты, а вычленение бриллианта комплементар-

ности из песка субститутивности потребовало бы от них колоссальных усилий и времени.

Взглянув реалистично – есть все основания полагать, что слишком широкие права контроля у оригинальных авторов скорее приведут к *недопроизводству* производных произведений, чем защитят от их избытка⁵⁶. Жесткая охрана сильно уменьшает число производных произведений, особенно создаваемых независимыми авторами. Многие из них просто не появятся, если правообладатель против или если потенциальные создатели не могут получить разрешение. По экономическим меркам, это потерянный творческий продукт, упущенная возможность увеличить общее благосостояние. Ведь независимые создатели могли бы придумать инновационные подходы, жанровые пародии, нетривиальные продолжения, на которые сам правообладатель не решился бы или попросту не хотел бы, чтобы они увидели свет. Например, запрет на создание фанатских продолжений лишает читательское сообщество множества потенциально интересных историй. Пусть их качество не всегда соответствует профессиональному уровню, но среди них могут оказаться подлинные скрытые жемчужины, которые, в силу юридических ограничений, никогда не будут опубликованы официально.

Таким образом, последствия строгого режима можно суммировать так: он увеличивает доходы и мотивацию оригинальных авторов, предотвращает раннее превращение их произведения в «общественное достояние», и избегает дублирования близких по сути адаптаций (сохраняет концентрацию успеха). Однако за это общество платит определенную цену в виде сокращения объема последующего творческого продукта: многие производные проекты не будут реализованы вовсе или окажутся доступны лишь по высокой цене – через официальные каналы. С точки зрения экономической эффективности такой подход может быть оправдан, если ценность оригинальных произведений, создание которых стимулируется посредством строгого контроля, существенно превышает культурную или социальную ценность

⁵⁴ Lunney G.S. Jr. op. cit. P. 791–792

⁵⁵ В том числе американские суды иногда указывают, что данная разница «не имеет существенного значения» см. Rogers v. Koons, 960 F.2d 301, 307–08 (2d Cir. 1992); D.C. Comics Inc. v. Reel Fantasy, Inc., 696 F.2d 24, 28 (2d Cir. 1982).

⁵⁶ Lunney G.S. op. cit. P. 801

неофициальных любительских работ, доступ к которым ограничивается. Однако если ограничиваемые произведения обладают высокой значимостью и полезностью, жесткий режим регулирования оказывается нерациональным. Иллюстрацией возможных последствий такого подхода могут служить страны с традиционно сильным авторским контролем над адаптациями.

Мягкий подход

Мягкий подход, напротив, основан на широком допущении создания производных произведений без согласия правообладателя. Его последствия – не только резкое увеличение числа новых работ, но и потенциальное уменьшение контроля и доходов авторов оригинальных произведений. Реализоваться мягкий режим может либо через законодательное закрепление широких исключений (пародия, образовательное или личное использование, трансформативное творчество и т.д.), либо через более гибкое распределение прав, учитывающее интересы как авторов оригинала, так и создателей производных работ.

Смягченная охрана снижает барьеры для входа на творческий рынок и открывает новые возможности для начинающих авторов. Если фанат или независимый режиссер знает, что при соблюдении определенных условий он может легально создать свою версию известной истории, то вероятность того, что он возьмется за проект, существенно возрастает. Это поощряет конкуренцию идей и способствует формированию «вторичного» творческого рынка, где оригинальные произведения становятся материалом для новых интерпретаций.

В выигрыше оказывается общество, получая большее разнообразие контента: каждый потребитель может найти что-то на свой вкус – альтернативную концовку, пародию, кроссовер двух миров и многое другое. Цифровая эпоха наглядно продемонстрировала потенциал такой модели: фанатские сообщества создали миллионы произведений, переосмысляя и развивая полюбившиеся вселенные. Большинство этих работ распространяется бесплатно и доступно широкой аудитории, что напрямую увеличивает общее культурное богатство.

Кроме того, более мягкий режим охраны способствует появлению новых оригинальных произведений в будущем. Многие ныне признанные ав-

торы начинали с фанфиков или неофициальных ремейков, используя чужие миры как творческую «песочницу». Такая свобода позволяла им оттачивать писательское мастерство, экспериментировать с формой и содержанием, а порой – создавать принципиально новые жанры. Например, жанры альтернативной истории и литРПГ во многом выросли из любительских онлайн-сообществ, где писатели свободно интерпретировали и продолжали уже существующие сюжеты.

Однако нельзя игнорировать и издержки мягкого режима. Во-первых, авторы оригинальных произведений теряют часть потенциальной прибыли от последующего использования своих произведений. Если любой желающий может бесплатно создавать продолжения или иные производные работы, сам автор лишается возможности монетизировать лицензии на такое использование. Это особенно важно для сложных и трудоемких проектов, окупаемость которых часто зависит от масштабирования успеха через адаптации, экранизации или мерчандайзинг. С экономической точки зрения смягченный режим действительно способствует росту творческой активности: увеличивается общее количество произведений, появляется больше голосов, точек зрения и форматов. Уместна рыночная аналогия: множество мелких производителей конкурируют с одним крупным игроком. В результате общий объем контента растет, но доля «творческого пирога», приходящаяся на автора оригинального произведения, может существенно сократиться.

Во-вторых, чрезмерно свободные переработки могут подрывать коммерческий потенциал оригинала. Если вскоре после выхода популярной книги десятки авторов выложат собственные продолжения бесплатно, часть аудитории удовлетворит интерес этими версиями и может уже не ждать официального сиквела. Эффект замещения становится заметным, когда неофициальные продолжения сопоставимы по качеству с оригиналом. Тем не менее на практике большинство фанатских работ не претендуют на замену оригинала. Они рассчитаны, как правило, на уже существующих поклонников, знакомых с каноном, и служат дополнением, а не альтернативой официальным произведениям. Из этого правила бывают исключения. Самый яркий пример – роман «Пятьдесят оттенков

серого», изначально написанный как фанфик по «Сумеркам». Хотя автор впоследствии изменил имена персонажей и опубликовал текст как самостоятельное произведение, данный случай показывает, что переработка чужого материала может перерасти в полноценное коммерчески успешное произведение.

Мягкий режим порождает и качественно иные риски – прежде всего репутационные и связанные с искажением авторского замысла. При свободной переработке могут появляться интерпретации, которые не просто переосмысливают оригинал, но искажают его, высмеивают или даже используются для унижения личности автора. В таких случаях автор оригинала бессильно защитить свое «детище» от дискредитации или вульгаризации. Эта проблема особенно актуальна для стран континентального права, где личные неимущественные права традиционно защищаются сильнее. Здесь конфликт между экономической свободой создавать производные произведения и правом автора на уважение к целостности и духу своего произведения становится особенно острым.

Тем не менее даже при уменьшении индивидуального дохода автора общее благосостояние общества может возрасти. Дополнительные произведения (включая фанатские и трансформативные) приносят удовольствие миллионам потребителей, зачастую бесплатно повышая потребительский излишек – ключевой показатель с точки зрения общественной пользы. По критерию Калдора–Хикса, если выигрыш новых авторов и аудитории превышает потери оригинального правообладателя, такая модель считается эффективной. Подтверждением этому служит и судебная практика. Так, американский суд разрешил публикацию романа *The Wind Done Gone*, представлявшего собой параллельное и критическое переосмысление сюжета «Унесенных ветром»⁵⁷. Несмотря на обширное заимствование персонажей и сюжетных элементов, суд признал книгу трансформативным произведением, подпадающим под защиту в рамках доктрины справедливого использования. Но-

вый взгляд – через призму опыта чернокожей рабыни – не умалял значения оригинального текста Маргарет Митчелл, но, напротив, предлагал его переосмысление в ином культурном и социальном контексте, тем самым внося вклад в общее культурное наследие⁵⁸.

В целом мягкая охрана ведет к процветанию производных форм, расширяет культурное пространство, усиливает конкуренцию и разнообразие. Но одновременно она может снизить мотивацию авторов к созданию первичных произведений – особенно трудоемких и капиталоемких, которые окупаются лишь при условии монетизации на смежных рынках. Если творцы будут опасаться, что их труд мгновенно станет сырьем для чужих, более выгодных проектов, они могут сократить инвестиции в оригинальное творчество.

Именно поэтому необходим сбалансированный подход. Общество выигрывает от разнообразия и трансформации произведений, но только до тех пор, пока это не разрушает базовую мотивацию творить. Правовая система должна обеспечить такую степень свободы, которая поощряет переработки, не уничтожая при этом стержневую ценность оригинала – ни экономическую, ни личностную.

4. Формула определения сбалансированного подхода к уровню контроля автора за производными произведениями

Экономический анализ помогает сформулировать задачу правового регулирования производных произведений как поиск оптимального баланса между правами (и стимулами) оригинального автора и правами (и возможностями) автора переработки. Идеальный баланс – точка, в которой предельная выгода от дополнительной защиты равна предельному ущербу, наносимому этой защитой. Другими словами, мы хотим защитить оригинал настолько, чтобы он был мотивирован создаваться, но не больше, чем нужно, чтобы не душить дальнейшее творчество. Практическое достижение этого баланса означает, что оригинальный автор должен сохранять достаточную экономическую мотивацию

⁵⁷ *Suntrust Bank v. Houghton Mifflin Co.*, 268 F.3d 1257 (11th Cir. 2001).

⁵⁸ См. подробнее: *Einhorn M.A. Miss Scarlett's License Done Gone!: Parody, Satire, and Economic Reasoning* // *Cardozo Arts and Entertainment Law Journal*. – 2002. – Vol. 20, No. 3. – P. 589–618. – Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=332721>, DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.332721>.

(доход) и творческий контроль, чтобы создавать свои произведения, а общество – получать максимальную отдачу в виде новых оригинальных и производных работ. Ясно, что оптимальный уровень охраны будет различаться для разных видов производных произведений. Например, коммерческие адаптации (фильмы, театральные постановки, коммерческие сиквелы) часто приносят значительную прибыль, и справедливо, чтобы оригинальный автор получал часть этой прибыли через лицензирование. Здесь перевес в сторону права оригинала оправдан: без его согласия такую адаптацию делать нельзя, иначе мы подорвем стимулы создавать оригинальные произведения. С другой стороны, некоммерческие переработки, которые распространяются бесплатно и больше служат культурному обмену (фанфики, фан-арт), несут меньше угрозы доходам автора и часто приносят позитивный внешний эффект. Их чрезмерное запрещение мало что добавит к доходам правообладателя (фанаты все равно не стали бы заключать лицензионные соглашения), но существенно ограничит творчество в обществе. Поэтому оптимальный баланс – разрешать как можно больше не вредящих оригиналу переработок, сохраняя запрет на те, которые прямо конкурируют с оригиналом на рынке.

Следовательно мы можем модифицировать первоначальную модель, введя дополнительные параметры, учитывающие внешние издержки и направленные на **оптимизацию баланса интересов и условия устойчивого дохода правообладателя**, которое ограничивает снижение уровня охраны L таких как:

- трансформативность (T) – мера добавленной ценности переработки;
- замещение (S) – степень рыночного конкурентирования производного произведения с оригиналом;
- транзакционные издержки (τ) – затраты на получение разрешения или координацию;
- механизм централизованного лицензирования (Λ) – степень институциональной доступности переработки без индивидуальных соглашений;
- $R(L)$ – ожидаемый доход автора (правообладателя) при уровне охраны L ;
- $R_{\min}$ – минимально необходимый доход, включающий: C_{fix} – фиксированные издержки на

создание произведения (время, ресурсы, труд); R_{base} – базовый рыночный доход, обеспечивающий автору возможность продолжать профессиональную творческую деятельность (условно: прожиточный минимум + креативная рента).

Таким образом, ограничение на выбор уровня охраны можно записать: $R(L) \geq R_{\min} = C_{\text{fix}} + R_{\text{base}}$, т.е. правообладатель должен получать доход не ниже $R_{\min}$ возмещая фиксированные издержки C_{fix} и обеспечивая себе базовый заработок R_{base} . В результате **оптимальный уровень охраны** определяется решением:

$$L = \operatorname{argmax}_L [B(L, T, \Lambda) - C(L, S, \tau)]$$

при условии $R(L) \geq C_{\text{fix}} + R_{\text{base}}$, где:

– $B(L, T, \Lambda)$ – общественная выгода охраны уровня L , модифицированная с учетом трансформативности производных произведений и институциональной гибкости системы лицензирования. Более трансформативные произведения ($T \uparrow$) и доступность централизованного лицензирования ($\Lambda \uparrow$) увеличивают чистую общественную выгоду;

– $C(L, S, \tau)$ – общественные издержки охраны на уровне L , возрастающие с ростом степени рыночного замещения ($S \uparrow$) и транзакционных издержек ($\tau \uparrow$);

– оптимальный уровень охраны L^* – это такой уровень, при котором разница между общественной выгодой и издержками максимальна, но при этом правообладатель не теряет стимул продолжать создавать произведения;

– как только снижение охраны L начинает подрывать устойчивый доход автора (доход падает ниже $R_{\min}$), дальнейшее снижение становится экономически неэффективным, даже если приносит краткосрочную выгоду потребителям.

Приведем пример применения этой функции:

Допустим, фанат пишет альтернативную версию известного романа – производное произведение, в которой сохраняются персонажи, но сюжет радикально переосмыслен. Он хочет опубликовать ее онлайн бесплатно. Рассмотрим, как с экономической точки зрения оценивается, нужно ли разрешать такую переработку без согласия автора оригинала.

Подставим значения в формулу:

$$W(L, T, S, \tau, \Lambda) = B(L, T, \Lambda) - C(L, S, \tau).$$

Исходные условия:

– **Уровень охраны L** – высокий: право на переработку строго охраняется, требуется разрешение автора.

– **Трансформативность T** – высокая: фанфик представляет собой сатирическую переработку, с добавлением новых смыслов.

– **Замещение S** – низкое: фанфик не конкурирует с оригиналом на рынке, так как распространяется бесплатно и ориентирован на узкую фанатскую аудиторию.

– **Транзакционные издержки τ** – высокие: получить лицензию от правообладателя практически невозможно из-за отсутствия механизма или интереса у правообладателя.

– **Централизованное лицензирование Λ** – отсутствует (0): никакой системы автоматической или коллективной лицензии нет.

Анализ:

– **Выгоды $V(L, T, \Lambda)$** : благодаря высокой трансформативности ($T \uparrow$) произведение несет культурную ценность – расширяет интерпретации, укрепляет сообщество, поддерживает интерес к оригиналу. Но высокая охрана ($L \uparrow$) и отсутствие централизованного механизма ($\Lambda = 0$) ограничивают реализацию этой ценности. Следовательно, V понижается.

– **Издержки $C(L, S, \tau)$** : поскольку замещение низкое ($S \downarrow$), вред рынку оригинала почти отсутствует. Однако транзакционные издержки высоки ($\tau \uparrow$) – получить разрешение сложно, особенно для некоммерческого автора. Это означает, что фактическое блокирование публикации несет существенные общественные издержки (упущенные произведения, снижение культурного разнообразия). Следовательно, C увеличивается.

Вывод:

В данной ситуации:

$W(L, T, S, \tau, \Lambda)$ при $L = \text{высокий} \Rightarrow W$ невысока.

Чтобы **максимизировать W** , необходимо:

– либо **снизить уровень охраны L** для подобных случаев (например, ввести исключение для

трансформативных некоммерческих фанфикшн-произведений),

– либо **ввести систему централизованного лицензирования $\Lambda \uparrow$** – например, автоматическую лицензию для некоммерческого онлайн-фанфикшена с минимальной компенсацией,

– либо **включить такие случаи в доктрину допустимого использования** (как это реализовано в США через fair use).

Из модели следует, что при **высокой трансформативности, низком замещении и высоких транзакционных издержках** жесткая охрана ($L \uparrow$) ведет к **снижению общественного благосостояния**. Более гибкий режим или институциональная альтернатива (коллективное лицензирование) повысили бы W и позволили бы приблизиться к оптимальному уровню охраны L^* .

На практике достижение баланса возможно через точечные инструменты. Во-первых, применение доктрины трансформативности и критерия рыночного замещения помогает отличать производные произведения, которые замещают оригинал на рынке (и наносят автору экономический ущерб), от тех, что создают новую ценность и аудиторию. В последнем случае – например, при создании пародий, критических интерпретаций или альтернативных историй, расширяющих вселенную оригинала, – правовые ограничения должны смягчаться.

Во-вторых, в ситуациях, когда транзакционные издержки получения индивидуального разрешения чрезмерно высоки (ремиксы⁵⁹, каверы, коммерческие публикации фанфиков), экономически рациональным решением станет введение централизованных механизмов лицензирования. Такие механизмы позволяют автоматически предоставить право на переработку при условии выплаты фиксированной компенсации автору оригинала, снижая издержки и неопределенность. В совокупности предложенные меры формируют режим охраны производных произведений, который будет одновременно юридически последовательным и эффективным с точки зрения общественного благосостояния. Он обеспечит баланс:

⁵⁹ См.: Brøvig-Hanssen R., & Jones E. (2021). Remix's retreat? Content moderation, copyright law and mashup music. New Media & Society, 25(6), 1271–1289.

стимулы создавать новые оригинальные произведения сохранятся, но при этом культурное развитие этих произведений (их переработки, продолжения и вариации) не будет неоправданно по-

давляться. Такой подход призван максимально задействовать творческий потенциал общества, не лишая авторов справедливого вознаграждения за их вклад.

Список литературы:

1. *Abramowicz M.A.* Theory of Copyright's Derivative Right and Related Doctrines // *Minnesota Law Review*. – 2005. – Vol. 90, No. 2. – P. 317–406. – Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2282610>.
2. *Arai Y., Kinukawa S.* Copyright Infringement as User Innovation // *Journal of Cultural Economics*. – 2014. – Vol. 38, No. 2. – P. 131–144. DOI: 10.1007/s10824-013-9200-3.
3. *Arrow K.J.* Economic Welfare and the Allocation of Resources for Invention // *Nelson R. R. (ed.). The Rate and Direction of Inventive Activity: Economic and Social Factors*. – Princeton: Princeton University Press, 1962. – P. 609–625. DOI: 10.1515/9781400879762-024
4. *Barker G.R.* The Law and Economics of Copyright Law and Copyright Exceptions, Limitations, and Immunities [Electronic resource]. – Jan. 15, 2019. – Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3315619>, DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3315619>.
5. *Besen S.M.* Private Copying, Reproduction Costs, and the Supply of Intellectual Property // *Information Economics and Policy*. – 1986. – Vol. 2. – P. 5–22.
6. *Brennan T.J.* Harper & Row v. The Nation, Inc.: Copyrightability and Fair Use // *Journal of the Copyright Society of the U.S.A.* – 1986. – Vol. 33. – P. 368–392.
7. *Brøvig-Hanssen R., Jones E.* Remix's retreat? Content moderation, copyright law and mashup music // *New Media & Society*. – 2021. – Vol. 25, No. 6. – P. 1271–1289. – DOI: 10.1177/14614448211026059.
8. *Coase R.H.* The Problem of Social Cost // *Journal of Law and Economics*. – 1960. – Vol. 3. – P. 1–44.
9. *Einhorn M.A.* Miss Scarlett's License Done Gone!: Parody, Satire, and Economic Reasoning // *Cardozo Arts and Entertainment Law Journal*. – 2002. – Vol. 20, No. 3. – P. 589–618. – Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=332721>, DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.332721>.
10. *Elkin-Koren N., Salzberger E.* The Law and Economics of Intellectual Property in the Digital Age: The Limits of Analysis. – London; New York: Routledge, 2013. – 318 p.
11. *Fisher W. T. III.* Reconstructing the Fair Use Doctrine // *Harvard Law Review*. – 1988. – Vol. 101. – P. 1659–1795.
12. *Gordon W.J.* Fair Use as Market Failure: A Structural and Economic Analysis of the Betamax Case and Its Predecessors // *Columbia Law Review*. – 1982. – Vol. 82, No. 8. – P. 1600–1657.
13. *Hadfield G.K.* The Economics of Copyright: A Historical Perspective // *Copyright Law Symposium (ASCAP)*. – 1992. – No. 38. – P. 1–46.
14. *Johnson J.P., Waldman M.* The Limits of Indirect Appropriability in Markets for Copiable Goods // *Review of Economic Research on Copyright Issues*. – 2005. – Vol. 2, No. 1. – P. 19–37. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1144572>.
15. *Johnson W. R.* The Economics of Copying // *Journal of Political Economy*. – 1985. – Vol. 93, No. 1. – P. 158–174. DOI: 10.1016/0167-6245(86)90012-0.
16. *Judge E.F.* Kidnapped and Counterfeit Characters: Eighteenth-Century Fan Fiction, Copyright Law and the Custody of Fictional Characters // *Originality and Intellectual Property in the French and English Enlightenment* / ed. by R. McGinnis. – London; New York: Routledge, 2009. – P. 22–68. – Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1562701>.
17. *Landes W.M., Posner R.A.* *The Economic Structure of Intellectual Property Law*. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2003. P. 442
18. *Landes W. M., Posner R.A.* An Economic Analysis of Copyright Law // *Journal of Legal Studies*. – 1989. – Vol. 18. – P. 325–353.

19. *Liebowitz S.J.* Copying and Indirect Appropriability: Photocopying of Journals // *Journal of Political Economy*. – 1985. – Vol. 93, No. 5. – P. 945–957.
20. *Lunney G.S. Jr.* Copyright, Derivative Works, and the Economics of Complements // *Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law*. – 2010. – Vol. 12, No. 4. – P. 779–857. Available at: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/jetlaw/vol12/iss4/5>.
21. *McLelland M.* The End of Cool Japan: Ethical, Legal, and Cultural Challenges to Japanese Popular Culture. – London: Routledge, 2016. – 240 p.
22. *Mehra S.K.* Copyright and Comics in Japan: Does Law Explain Why All the Cartoons My Kid Watches Are Japanese Imports? // *Rutgers Law Review*. – 2002. – Vol. 55. – P. 155–210. – Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=347620>, DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.347620>.
23. *Merges R.P.* Are You Making Fun of Me? Notes on Market Failure and the Parody Defense of Copyright // *A.I.P.L.A. Quarterly Journal*. – 1993. – Vol. 21. – P. 305–323.
24. *Merges R.P.* Of Property Rules, Coase, and Intellectual Property // *Columbia Law Review*. – 1994. – Vol. 94, No. 8. – P. 2655–2703.
25. *Olah C.* Fanfiction, Graphs, and PageRank [Electronic resource] // colah's blog. – 2014. – URL: <https://colah.github.io/posts/2014-07-FFN-Graphs-Vis/>.
26. *Pauline L.*, Les œuvres transformatrices, cause ou conséquence de la crise du droit d'auteur ? , *Théorème* [Enligne], 34 | 2022, mis en ligne le 04 juin 2024, consulté le 15 avril 2025. URL : <http://journals.openedition.org/theoreme/647>
27. *Plant A.* The Economic Aspects of Copyright in Books // *Economica*. – 1934. – Vol. 1, No. 2. – P. 167–195.
28. *Samuelson P.* Should Economics Play a Role in Copyright Law and Policy? // *University of Ottawa Law & Technology Journal*. – 2003–2004. – Vol. 1. – P. 1–22. – Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=764704>.
29. *Shavell S., van Ypersele T.* Rewards Versus Intellectual Property Rights // *Journal of Law and Economics*. – 2001. – Vol. 44, No. 2. – P. 525–547. DOI: 10.1086/322811.
30. *Silberstein-Bamford F.* “Thank God for Fanfiction”: The Social Value of Amateur Adaptations in the Age of Platform Capitalism // *Journal of Visual Art Practice*. – 2024. – Vol. 23, No. 2. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13614568.2024.2369508>.
31. *Takeyama L.N.* Welfare Implications of Unauthorized Reproduction of Intellectual Property in the Presence of Demand Network Externalities // *Journal of Industrial Economics*. – 1994. – Vol. 42, No. 2. – P. 155–166.
32. *Towse R., Handke C., Stepan P.* The Economics of Copyright Law: A Stocktake of the Literature // *Review of Economic Research on Copyright Issues*. – 2008. – Vol. 5, No. 1. – P. 1–22. – Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1227762>.
33. *Tushnet, R.* Legal Fictions: Copyright, Fan Fiction, and a New Common Law. (1997). Georgetown Law Faculty Publications and Other Works. // 17 Loy. L. A. Ent. L.J. – 1997 г. – С. 651–686
34. *Voegtli N.A.* Rethinking Derivative Rights // *Brooklyn Law Review*. – 1997. – Vol. 63, No. 4. – P. 1213–1247. – Available at: <https://brooklynworks.brooklaw.edu/blr/vol63/iss4/4>.
35. *Yen A.C.* When Authors Won't Sell: Parody, Fair Use, and Efficiency in Copyright Law // *University of Colorado Law Review*. – 1991. – Vol. 62. – P. 79–120.
36. *Капанетов А.Г.* Экономический анализ права: монография. – М.: Статут, 2016. – 528 с.
37. *Кутер, Р.* Право и экономика : учебник / Роберт Кутер, Томас Улен ; пер. с англ. Максима Маркова и Александра Лашева ; под науч. ред. Даниила Раскова при участии Максима Тимофеева ; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М. : Дело, 2018. – X, 786 с.

Научная статья

УДК: 347.77; 347.785

Для цитирования:

Ревинский О.В. Охрана прав на переработку музыкального произведения и компьютерной программы // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Декабрь. № 4 (50). С. 99–106.

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_7

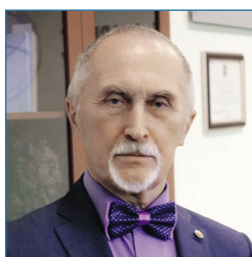
For citation:

Revinskiy O.V. Protection of Rights to Reworking a Musical Work and Computer Program // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. December. N 4 (50). Pp. 99–106. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_7

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_7

Охрана прав на переработку музыкального произведения и компьютерной программы

О.В. Ревинский,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры
Патентного права и правовой охраны средств индивидуализации
Российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС)
Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-2566-8958

В статье исследуется возможность применения понятия «объем охраны» и введенного автором понятия «объем использования», применяемых в патентном праве, к объектам авторского права и смежных прав в случае их переработки. В качестве таких объектов выбраны музыкальные произведения и компьютерные программы. Показана близость этих разнородных объектов при рассмотрении вопроса об их использовании.

Ключевые слова:

объем охраны; объем использования; переработка; музыкальное произведение; компьютерная программа

Вопрос охраны интеллектуальных прав на различные объекты интеллектуальной собственности решается по-разному. По мнению автора, было бы любопытно постараться применить принцип, лежащий в основе правовой охраны по патенту, к охране переработанных произведений.

В патентном праве, где рассматриваются три объекта – изобретение, полезная модель и промышленный образец, существует понятие «объем

охраны». Для изобретений и полезных моделей объем охраны, согласно п. 2 ст. 1354 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), определяется содержащейся в патенте формулой изобретения или формулой полезной модели. Эти формулы представляют собой краткую характеристику тех средств и (или) методов, а, возможно, и условий, которые в своей взаимосвязи обеспечивают достижение технического результата,

на который направлены изобретение или полезная модель, решающие конкретную проблему. Для промышленных образцов объем охраны, согласно п. 3 той же ст. 1354 ГК РФ, задается совокупностью существенных признаков на изображениях внешнего вида того изделия, эстетические особенности которого эти признаки определяют.

Сконцентрируем внимание на технических решениях, т.е. на изобретениях и полезных моделях. В объем их охраны включается совокупность всех признаков, приведенных в соответствующей формуле. Но при проверке использования запатентованного технического решения рассматриваются только признаки из независимого пункта формулы, содержащейся в выданном патенте (для изобретений учитываются еще эквивалентные признаки, т.е. те, которые выполняют функцию, аналогичную функции соответствующего признака, приведенного в формуле изобретения). Это отражено в п. 3 ст. 1358 ГК РФ. Объяснение этому обстоятельству простое: любые изменения признаков, не влияющие на обеспечиваемый изобретением (полезной моделью) результат, не должны помогать в обходе патента.

Именно поэтому «объем использования» для результатов интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере определяется не по всей формуле, а лишь по любому ее независимому пункту. Ведь в независимом пункте формулы признаки, обеспечивающие достижение результата (существенные признаки) указываются, как правило, в обобщенном виде, а в зависимых пунктах формулы эти существенные признаки могут конкретизироваться, тогда объем использования окажется практически равен объему охраны. Но в случае, когда в зависимых пунктах формулы совокупность существенных признаков дополняется какими-то несущественными, объем охраны может оказаться больше объема использования. К примеру, если запатентован двухколесный велосипед, а в зависимых пунктах формулы изобретения приведены разные формы выполнения колес – со спицами или в виде сплошных дисков, то упоминание в независимом пункте признака «колесо»

в принципе охватывает обе таких конструкции. Но если в еще одном зависимом пункте описаны дополнительные съемные колеса, предназначенные для большей устойчивости (как в детских велосипедах), то объем охраны окажется больше объема использования.

Такой объем охраны, расширенный по сравнению с объемом использования за счет зависимых пунктов, обеспечивает патенту запас устойчивости в случае, если конкуренты (которым этот патент мешает и которые не могут его обойти из-за грамотно составленной формулы) попытаются его опротестовать. Обычно это происходит, когда конкурентам удастся найти документ, который оказался неизвестен экспертизе и в котором описаны все признаки из независимого пункта формулы по такому патенту. Тогда коллегия Палаты по патентным спорам на своем заседании может предложить патентообладателю перенести признак из зависимого пункта формулы, отсутствующий в найденном конкурентами документе, в независимый пункт. При этом выданный патент признается недействительным частично, с выдачей нового патента от той же даты, но со скорректированной формулой изобретения. Если же в формуле выданного патента нет зависимых пунктов, откуда можно было бы взять неизвестный (пусть и несущественный) признак, патент будет признан недействительным полностью, т.е. прекратит свое действие¹.

Все сказанное выше служит лишь для более яркой демонстрации отличия патентного права от рассматриваемых далее институтов правовой охраны.

И в авторском праве, и в смежных с авторскими правах понятие «объем охраны» отсутствует. Более того, согласно п. 7 ст. 1259 ГК РФ, авторское право распространяется на любую часть произведения, которая является самостоятельным результатом творческого труда автора и выражена в какой-либо объективной форме. В этом отношении весьма показательна работа программ «Антиплагиат», которые выделяют красным цветом любые незакавыченные и не имеющие сноски

¹ Ревинский О.В. Право промышленной собственности. Курс лекций. (3-е изд., переработанное и дополненное) – М.: Юрсервитум, 2020. – С. 126–127.

выражения, совпадающие с аналогичными кусками уже известного текста². С другой стороны, согласно п. 2 той же ст. 1259 ГК РФ, к объектам авторских прав относятся производные произведения, являющиеся переработкой другого произведения, а также составные произведения, являющиеся результатом творчества по подбору или расположению материала.

В любом случае, хоть выражение «объем охраны» и не упомянуто в Главах 70 и 71 ГК РФ, посвященных, соответственно, авторскому праву и смежным правам, вопрос об этом неизбежно (хотя и подспудно) возникает при анализе переработанных и (или) составных произведений. Но, поскольку понятие «произведение» относится к самым разным объектам в различных областях литературы и искусства (п. 1 ст. 1259 ГК РФ), в данной работе имеет смысл ограничиться лишь некоторыми из них для сравнения с объемом охраны в патентном праве. Наиболее «близкородственными» к изобретениям, очевидно, являются компьютерные программы³ в силу своей явно технической направленности. Кроме того, интересно рассмотреть также переработку в музыкальных произведениях в силу их невербального характера, что отчасти сближает их с компьютерными программами, а также задает особенности их восприятия, не свойственные, к примеру, литературным произведениям.

Сначала рассмотрим нормативную основу. Согласно ст. 1260 ГК РФ:

«1. Переводчику, а также автору иного производного произведения (обработки, экранизации, аранжировки, инсценировки или другого подобного произведения) принадлежат авторские права соответственно на осуществленные перевод и иную переработку другого (оригинального) произведения.

2. Составителю сборника и автору иного составного произведения (антологии, энциклопедии, базы данных, интернет-сайта, атласа или другого подобного произведения) принадлежат авторские права на осуществленные ими подбор или расположение материалов (составительство).

<...>

3. Переводчик, составитель либо иной автор производного или составного произведения осуществляет свои авторские права при условии соблюдения прав авторов произведений, использованных для создания производного или составного произведения.»

Имеет смысл сослаться на следующее определение: «Производное произведение – это произведение, созданное на основе идеи другого (оригинального) произведения, воплощенной теми же средствами (словами, звуками, линиями и т.д.) с использованием произведения (или его частей) путем воспроизведения или публичного исполнения, в том числе созданного творческим трудом, но не охраняемого авторским правом»⁴. Важно подчеркнуть, что в этом определении сделан акцент на использование идеи – т.е. содержания оригинального произведения – с помощью средств, идентичных средствам, которыми выражено это оригинальное произведение. Воспроизведение хотя бы части оригинального произведения необходимо для квалификации нового произведения в качестве производного, иначе новое произведение следовало бы считать не производным, а оригинальным. В целом приведенное определение, на наш взгляд, в точности отражает сущность понятия «производное произведение», в частности, отделяя от этого понятия такие произведения, которые получены путем включения в их состав других произведений или их частей без каких-либо изменений. Такие составные «произведения» следует считать не переработкой, а компиляцией, что

² Отмечены случаи, которые нельзя назвать иначе, чем анекдотическими, когда в дипломных работах студентов нашей академии программой «Антиплагиат» в качестве заимствования выделялись выражения «результат интеллектуальной деятельности».

³ Автор сознательно избегает используемого в ГК РФ выражения «программы для ЭВМ» (кроме случаев цитирования норм) из-за давно устаревшей аббревиатуры ЭВМ, как и выражения «электронные вычислительные машины», введенного в середине прошлого века в СССР по идеологическим соображениям взамен западного слова «компьютер». Подробнее см. Указ. соч. Ревинского О.В. Стр. 108.

⁴ Витко В.С. Комментарий правовых подходов, сформированных Судом по интеллектуальным правам по вопросам производных произведений // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2023. Вып. 3 (41). С. 44–59.

в переводе с латинского *compilatio* означает хищение, накопление выписок⁵.

Перейдем теперь непосредственно к рассмотрению конкретных примеров производных произведений.

Понятно, что в случае музыкальных произведений речь пойдет об обработке, аранжировке и тому подобных действиях. Можно здесь упомянуть и транскрипцию, т.е. «переложение музыкального сочинения для иного (по сравнению с оригиналом) состава исполнителей либо для того же состава с изменением тональности, фактуры и др.»⁶.

Для начала вспомним старый советский кинофильм «Человек-амфибия» 1961 г. В музыке к этому кинофильму, написанной А.П. Петровым, есть песенка о морском дьяволе, мелодию которой сам автор использовал в производном произведении «Юмореска». В этой короткой пьесе исходная, вполне узнаваемая мелодия песни имеет несколько иную оркестровку и исполнение, сходное с джазовой импровизацией, а в некоторых отрывках этой пьесы слышна еще и основная тема подводного мира. Налицо именно производное произведение, интеллектуальные права на которое принадлежат тому же автору, создавшему и оригинальное произведение, подвергнувшееся переработке.

После выхода кинофильма «Человек-амфибия» появилась фантазия на музыку к этому фильму, сочиненная самим автором. Композитор соединил все музыкальные фрагменты в единое целое, кое-где поменяв порядок, в котором эти фрагменты использованы в кинофильме. Таким образом, это новое музыкальное произведение явилось не только переработкой, но и составным произведением, и в этом случае у А.П. Петрова фактически возникло два авторских права – на производное произведение и на составительство.

Еще один пример переработки – оркестровая сюита Г.В. Свиридова, созданная в 1974 г. на

основе музыки к кинофильму «Метель» (1964 г.) по повести А.С. Пушкина. Композитор использовал отдельные музыкальные произведения, звучавшие в кинофильме, объединив их в ином порядке и в оригинальной обработке, что позволило повторить темы первой и второй частей сюиты, соответственно, в последней (девятой) и предпоследней (восьмой) частях. Налицо, таким образом – как и в предыдущем случае – переработка и составительство.

Яркий пример производных музыкальных произведений демонстрирует классический джаз в стиле «свинг». С английского языка слово *swing* переводится как «раскачивание», а исполнение музыкального произведения в этом стиле включает в себя, как правило, основную тему, исполняемую вначале всем оркестром, и последующие сольные импровизации – «раскачивания» – оркестрантов на эту тему с четким ритмическим сопровождением ударных. При этом, по словам известного питерского джазмена Д.С. Голощёкина, «музыка эта прозвучит только сегодня и больше никогда, потому что исполнители импровизируют, а импровизация неповторима»⁷. Получается, что джазмены при каждом исполнении создают новое производное произведение. И нужно еще учитывать, что само по себе каждое исполнение охраняется как объект смежных прав (ст. 1313–1318 ГК РФ).

Можно здесь привести уникальный пример, когда в 1977 г. фирма грамзаписи «Мелодия» выпустила альбом под названием «Джазовые композиции». В каждой из семи записей этого альбома все партии – фортепьяно, ударные, гитара, бас-гитара, контрабас, альт-саксофон, флюгельгорн, конга (джазовый барабан) и клавесин – исполнил один Давид Голощёкин⁸. На эти фонограммы, ранее именовавшиеся записями, смежные права принадлежат фирме «Мелодия» (если распространить нормы ст. 1324 и 1327 ГК РФ назад во времени),

⁵ Большой толковый словарь русского языка / [Электронный ресурс] URL: [https://gramota.ru/poisk?query=компиляция&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=компиляция&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 2 ноября 2025 г.).

⁶ Большая российская энциклопедия / [Электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/c/transkriptsiia-v-muzyke-7ece0e> (дата обращения: 10 октября 2025 г.).

⁷ Фейертаг В.Б. Диалог со свингом. Давид Голощёкин о джазе и о себе. – СПб.: Редакционно-издательский центр «Культ-Информ-Пресс»; Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2009. – С. 283.

⁸ Там же. С. 165–166.

на студии которой эти записи были осуществлены Голощёкиным самостоятельно и всего за 4 дня, но весь букет авторских прав на аранжировки и смежных прав на исполнения, безусловно, принадлежит самому Д.С. Голощёкину, который, кстати и составил порядок следования этих записей.

Еще один пример производного музыкального произведения – знаменитая «Кармен сюита», авторами которой всегда указывают двух композиторов – Жоржа Бизе и Родиона Щедрина. Музыка этого произведения представляет собой как раз упомянутую ранее транскрипцию оперной партитуры. Рассказывал сам композитор: «Слишком прочно связана наша память с музыкальными образами бессмертной оперы. Так пришла мысль о транскрипции <...> Надо было решить, какие инструменты симфонического оркестра смогут достаточно убедительно компенсировать отсутствие человеческих голосов, какие из них ярче всего подчеркнут очевидную хореографичность музыки Бизе. В первом случае эту задачу, на мой взгляд, могли решить струнные инструменты, во втором – ударные <...> Я с искренней увлеченностью работал над партитурой балета. Преклоняясь перед гением Бизе, я старался, чтобы преклонение это всегда было не рабским, но творческим. Хотелось использовать все виртуозные возможности выбранного состава»⁹. Стоит ли говорить, что производное произведение, созданное всего за 20 дней, получилось вполне на уровне оригинального. Об этом лучше всего написал в письме автору великий Дмитрий Шостакович: «Бизе не было бы стыдно за эту переоркестрованную версию»¹⁰.

Сказав о «Кармен-сюите» как о переработке музыки «Кармен», необходимо упомянуть и еще об одной переработке этой музыки. Речь идет об увертюре к опере Ж. Бизе «Кармен» и увертюре-шутке А.Н. Цфасмана, в которой оригинальная увертюра «разбавлена» кусками из песен «Варяг» и «Девка-краса» Н. Богословского («По дороге

пыльной, что легла под уклон...»), а также мотивами русских народных песен и полочки И. Штрауса. Эта шуточная увертюра подпадает под норму о музыкальной пародии (п. 4 ст. 1274 ГК РФ), но на деле-то это, вне всяких сомнений, именно переработка, т.е. производное, да еще и составное произведение.

Обратимся теперь к компьютерным программам. Приводить примеры каких-то переработанных программ вряд ли уместно, потому что компьютерные программы («программы для ЭВМ»), хотя и приравнены в своей охране к литературным произведениям (п. 1 ст. 1259 ГК РФ), но литературой в общепринятом смысле отнюдь не являются. Так что приведение в качестве примера такой переработки исходных текстов какой-либо оригинальной программы и созданной на ее основе производной программы нецелесообразно по меньшей мере по двум причинам: во-первых, такой текст займет слишком много места, а, во-вторых, будет совершенно непонятен подавляющей части читателей. Выше не случайно сказано об исходных текстах, здесь имеется в виду, что такие тексты пишутся в исходных кодах, понятных программистам, но не воспринимаемых компьютерами, для которых требуется перевод исходных кодов в объектные, машиночитаемые коды, представляющие собой наборы нулей и единиц. Поэтому обратимся к судебным решениям по уже рассмотренным делам о нарушении исключительных прав на компьютерные программы, приведенным в Обзоре практики Суда по интеллектуальным правам (СИП)¹¹.

В этом обзоре указаны несколько постановлений СИП, в которых говорится, что вывод об использовании или неиспользовании одной компьютерной программы в составе другой делается при сравнении листингов, т.е. распечаток исходных кодов обеих программ, либо листинга и исполняемой программы на каком-либо машиночитаемом

⁹ Бизе-Щедрин. Балет «Кармен-сюита» / [Электронный ресурс] URL: https://www.belcanto.ru/ballet_carmen.html (дата обращения: 11 октября 2025 г.).

¹⁰ В музее Плисецкой рассказали, как Щедрин создавал музыку (сайт РИА Новости 29 августа 2025 г.) / [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20250829/schedrin-2038336999.html> (дата обращения: 11 октября 2025 г.).

¹¹ Обзор практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при применении норм Гражданского кодекса Российской Федерации о правовой охране программ для ЭВМ и баз данных (утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 18 ноября 2021 г. № СП-21/26) // [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403072019/> (дата обращения: 1 ноября 2025 г.).

носителе. Разумеется, такое сравнение осуществляется соответствующими специалистами, привлекаемыми судом, либо экспертами, назначаемыми судом. При этом в обзоре подчеркивается, что незначительные расхождения между исходными кодами двух компьютерных программ сами по себе не исключают вывод об использовании одной программы в другой. А вот наличие в обеих программах одинаковых ошибок может свидетельствовать о том, что эти ошибки перенесены из одной программы в другую вместе с соответствующим исходным текстом. В то же время сходство или даже совпадение целей и функций обеих компьютерных программ само по себе недостаточно для вывода об использовании одной программы в другой.

Уместно привести следующую цитату из подп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ, названной «Исключительное право на произведение»:

«2. Использованием произведения независимо от того, совершаются ли соответствующие действия в целях извлечения прибыли или без такой цели, считается, в частности:

<...>

9) перевод или другая переработка произведения. При этом под переработкой произведения понимается создание производного произведения (обработки, экранизации, аранжировки, инсценировки и тому подобного). Под переработкой (модификацией) программы для ЭВМ или базы данных понимаются любые их изменения, в том числе перевод такой программы или такой базы данных с одного языка на другой язык, за исключением адаптации, то есть внесения изменений, осуществляемых исключительно в целях функционирования программы для ЭВМ или базы данных на конкретных технических средствах пользователя или под управлением конкретных программ пользователя».

В приведенной норме дано определение понятию «адаптация» – это такие изменения в компьютерной программе, которые необходимы только для того, чтобы эта программа могла работать в конкретном компьютере или была

совместима с конкретными программами (что, по большому счету, одно и то же: конкретные программы используются в конкретном компьютере). Отсюда со всей очевидностью следует, что функционал адаптируемой (и адаптированной) программы не изменяется, поскольку именно выполняемые такой программой функции и нужны пользователю, адаптирующему программу вследствие того, что иначе эта программа не будет работать на его компьютере (в его программной среде). Здесь налицо буквальный смысл термина «адаптация», происходящего от латинского *adaptāre* – приспособлять¹². И это значение в процитированной норме специально исключено из понимания сущности терминов «переработка» и «модификация».

Переработка компьютерной программы может представлять собой, как это прямо указано в подп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ, простой перевод с одного языка программирования на другой, что не затрагивает функционала программы. В более сложном случае переработка может состоять в исправлении выявленных ошибок, для чего в исходный текст программы вносятся соответствующие изменения, опять-таки не влияющие на изначально предусмотренный функционал. Но переработка может заключаться и в такой модификации программы, когда у нее появляются возможности выполнять новые, ранее не запрограммированные функции. Обычно переработке программы, не затрагивающей ее функционала, соответствует изменение последнего цифрового значения в обозначении версии: например, если первоначальная версия была названа, условно, «программа 1.0», то исправленные версии получают названия «программа 1.1», «программа 1.2» и т.д. При изменении же функционала меняется первое цифровое значение: «программа 2.0».

Разумеется, в случае более глубокой переработки, когда на базе одной программы создается новая программа, может поменяться и само название.

В области компьютерного программирования существуют общепотребительные под-

¹² Большая российская энциклопедия / [Электронный ресурс] URL: [https://gramota.ru/poisk?query=адаптация&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=адаптация&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 2 ноября 2025 г.).

программы, применение которых облегчает создание новых программ или баз данных. Например, существуют стандартные программы, представляющие собой приложения, встроенные в операционную систему. Примером может служить известная программа Microsoft PowerPoint, входящая в состав пакета Microsoft Office и позволяющая создавать презентации. Известны также неспецифические блоки – своего рода «кирпичи», пригодные для построения новых программ. Ими могут быть, например: сортировщик данных, балансирующий нагрузки, API – Application Programming Interface (программный интерфейс приложения) и многое другое. С использованием этих «кирпичей» программисты создают свои оригинальные программы, куда входит много других частей, самостоятельно созданных или позаимствованных. Использование стандартных программ или неспецифических блоков (модулей) вряд ли можно отнести к переработке, тогда как заимствование оригинальных частей безусловно входит в понятие «переработка». Можно провести условную параллель с музыкальными произведениями, многие из которых построены с использованием одних и тех же аккордов, но представляют собой совершенно различные опусы. Но вот включение части из одного музыкального произведения в другое уже позволит говорить о переработке.

Такая параллель, тем не менее, не может опровергнуть того факта, что производное музыкальное произведение и производная компьютерная программа имеют мало общего между собой. Поэтому закономерен вопрос: почему автор решил рассматривать их вместе?

Но ведь в данной публикации речь идет об охране прав на переработанные произведения, а вовсе не о сходстве или различии. В соответствии с абз. 3 п. 1 ст. 1229 ГК РФ, использование результата интеллектуальной деятельности без согласия правообладателя является незаконным и влечет законодательно установленную ответственность. Для того, чтобы правообладатель мог обратиться в суд за защитой нарушенного исключительного права, необходимо установить факт использования произведения. А вот в вопросе использования, как это ни покажется странным, музыкальные произ-

ведения и компьютерные программы имеют много общего.

Нотная запись партитуры музыкального произведения и текст компьютерной программы в исходном коде реализуются, как правило, на бумаге. Но такие записи понятны только соответствующим специалистам. Чтобы неспециалисту оценить музыкальное произведение, нужно услышать его исполнение музыкантами или певцами либо воспроизвести для этого сделанную ранее запись (фонограмму), а чтобы оценить компьютерную программу, нужно запустить ее на компьютере. Получается, что использованием и музыкального произведения, и компьютерной программы может стать как их воспроизведение путем копирования соответствующей записи (подп. 1 п. 2 ст. 1270 ГК РФ), так и их исполнение, живое или с помощью технических средств (подп. 6–8 п. 2 ст. 1270 ГК РФ). Отдельным использованием, как уже отмечено, указана переработка произведения (подп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ). Следовательно, объем охраны – если бы существовало такое понятие для объектов авторского права и смежных прав – должен был бы включать в себя все эти виды использования, т.е. как копирование записей, так и исполнение. Причем, учитывая норму из п. 7 ст. 1259 ГК РФ, копирование или исполнение любой оригинальной части произведения тоже считается его использованием. Значит, для производного музыкального произведения копирование даже отрывка партитуры либо исполнение фрагмента музыки попадает в обсуждаемый (пусть и виртуальный) объем охраны. Для компьютерной программы копирование отрывка исходного (и объектного) кода и прогон куска программы, соответствующего этому отрывку, тоже будут считаться использованием этой программы. Разумеется, сложность «натурных испытаний» может оказаться весьма различной: исполнение музыкального отрывка может быть осуществлено без исполнения всего музыкального произведения, тогда как исполнение куска программы может потребовать запуска и прогона всей программы. Но и в том, и в другом случае под использованием следует понимать как буквальное копирование партитуры или листинга, так и реальное исполнение музыки или реальную работу компьютера под управлением программы.

Итак, в патентном праве проверка использования запатентованного изобретения или запатентованной полезной модели представляет собой выявление в реальном продукте или способе признаков, аналогичных (либо эквивалентных – только для изобретения) признакам в независимом пункте формулы по патенту, причем факт использования изобретения или полезной модели устанавливается в случае наличия в оспариваемом объекте всех этих признаков. Условно говоря, об использовании запатентованного технического объекта можно сказать только в случае, когда «объем использования» (введенное здесь автором понятие) оказывается полностью заполненным. В случае же таких объектов авторских прав, как музыкальные произведения и компьютерные программы, проверка использования может проводиться как по текстовому выражению, так и по реальному исполнению, причем необязательно всего музыкального опуса или всей компьютерной программы, потому что совпадение с любым ори-

гинальным отрывком сравниваемого произведения свидетельствует о его использовании. Это означает, что для объектов авторского (и смежного) права предложенный здесь объем использования получается состоящим из двух частей, а реальное использование объекта можно установить даже при неполном заполнении любой из указанных частей этого условного объема использования.

Таким образом, в случае переработки музыкального произведения либо компьютерной программы об использовании в них оригинального произведения можно судить как по наличию в партитуре или в исходном коде отрывка из этого оригинального произведения, так и по исполнению этого отрывка в новом произведении, которое в таком случае как раз и будет считаться переработкой оригинального произведения.

Если изложенное здесь сможет кому-нибудь помочь в доказательстве использования его музыкального произведения либо компьютерной программы, значит, автор статьи достиг своей цели.

Список литературы:

1. *Бизе-Щедрин*. Балет «Кармен-сюита» / [Электронный ресурс] URL: https://www.belcanto.ru/ballet_carmen.html (дата обращения: 11 октября 2025 г.).
2. Большая российская энциклопедия / [Электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/c/transkriptsiiia-v-muzyke-7есе0е> (дата обращения: 10 октября 2025 г.).
3. Большой толковый словарь русского языка / [Электронный ресурс] URL: [https://gramota.ru/poisk?query=компиляция&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=компиляция&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 2 ноября 2025 г.).
4. В музее Плисецкой рассказали, как Щедрин создавал музыку (сайт РИА Новости 29 августа 2025 г.) / [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20250829/schedrin-2038336999.html> (дата обращения: 11 октября 2025 г.).
5. *Витко В.С.* Комментарий правовых подходов, сформированных Судом по интеллектуальным правам по вопросам производных произведений // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2023. Вып. 3 (41). С. 44–59.
6. Обзор практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при применении норм Гражданского кодекса Российской Федерации о правовой охране программ для ЭВМ и баз данных (утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 18 ноября 2021 г. № СП-21/26) // [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403072019/> (дата обращения: 1 ноября 2025 г.).
7. *Ревинский О.В.* Право промышленной собственности. Курс лекций. (3-е изд., переработанное и дополненное) – М.: Юрсервитум, 2020. – 446 с.
8. *Фейертаг В.В.* Диалог со свингом. Давид Голощёкин о джазе и о себе. – СПб.: Редакционно-издательский центр «Культ-Информ-Пресс»; Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2009. – 320 с.

Для цитирования:

Рожкова М.А., Морозюк О.В. «Самоплагиат» как фантом правонарушения // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Декабрь. № 4 (50). С. 107–118.

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_8

For citation:

Rozhkova M.A., Morozyuk O.V. "Self-plagiarism" as a phantom offense // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. December. N 4 (50). Pp. 107–118. (In Russ.).

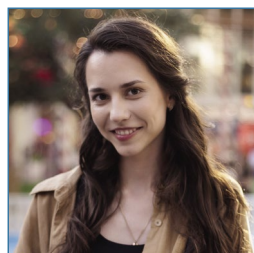
DOI: 10.58741/23134852_2025_4_8

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_8

«Самоплагиат» как фантом правонарушения

М.А. Рожкова,

доктор юридических наук,
президент IP CLUB, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ, профессор Российской государственной академии
интеллектуальной собственности,

О.В. Морозюк,

кандидат юридических наук,
ведущий юрисконсульт управления интеллектуальной
собственности и правового сопровождения цифровых медиа
ООО «Медиа Бизнес Солюшенс», руководитель отдела
международного сотрудничества IP CLUB, член Комитета
по правовым вопросам Координационного центра доменов .RU / .РФ.
ORCID iD: 0000-0002-3957-0241

Статья посвящена анализу понятия «самоплагиата», которое активно используется в академической и издательской практике, но не имеет закрепления в международных актах и национальном законодательстве. Показано, что данный термин не отражает сущности плагиата, поскольку отсутствует ключевой элемент – использование чужого произведения. В юридическом смысле нарушения могут возникать лишь при нарушении исключительных прав, переданных автором, либо при несоблюдении договорных обязательств (например, условий о новизне результата в издательских договорах, грантовых контрактах и трудовых соглашениях).

Особое внимание уделено практике написания диссертационных работ, в которой воспроизведение автором собственных публикаций в тексте диссертации не только допустимо, но и необходимо для подтверждения личного вклада исследователя. Автоматизированные системы проверки «оригинальности» (в частности, «Антиплагиат») искажают оценку допустимых форм самоцитирования, что приводит к необоснованным требованиям переписывать тексты и фактически снижает качество научных работ.

Сделан вывод о том, что термин «самоплагиат» не обладает правовым содержанием и его использование в юридической сфере приводит к подмене реально существующих правонарушений, что способно вызвать правовые коллизии и негативно сказаться на научной деятельности.

Ключевые слова:

плагиат; самоплагиат; авторское право; договорные обязательства; диссертация; самоцитирование

Введение

Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (1886; далее – Бернская конвенция) закрепила возможность свободного использования чужих правомерно обнародованных произведений посредством их цитирования (при условии, что цитирование осуществляется добросовестно и в объеме, оправданном поставленной целью), установив обязанность авторов при таком использовании произведений указывать источник заимствования и имя автора, если оно обозначено (ст. 10). Вследствие этого воспроизведение в своей работе частей чужого произведения без указания его автора и источника заимствования признается правонарушением в сфере авторского права, для обозначения которого в доктринальных источниках используется термин «плагиат» (англ. plagiarism).

Вместе с тем в последние годы в публикациях все чаще употребляется термин «самоплагиат» (англ. self-plagiarism), который традиционно определяется как «повторная публикация самим автором значительных по объему и идентичных (или очень близких) по форме и содержанию научных текстов без указания на то, что эти тексты уже были опубликованы ранее (или одновременно)»¹.

В отличие от плагиата, в отношении которого сформировались две четкие концепции (с позиций академической этики плагиат рассматривается как академическое мошенничество, с позиций права – как нарушение авторских прав на произведение)², «самоплагиат» не получил самостоятельной пра-

вовой квалификации и позиционируется исключительно как относящийся к сфере академической этики.

В этих условиях, несмотря на активное «хождение» рассматриваемого термина в академической среде и применение мер ответственности за «самоплагиат» в виде ретракции научных статей³, данное понятие остается неопределенным с точки зрения права. Такое положение вещей во многом обусловлено тем, что ни международные соглашения в области интеллектуальной собственности, ни национальные законодательства развитых стран не содержат упоминания «самоплагиата» как разновидности плагиата или отдельного правонарушения.

Вместе с тем надо признать, что и термин «плагиат», будучи в первую очередь понятием доктринальным, не употребляется в международных договорах (в том числе Бернской конвенции), да и законодательству большинства зарубежных стран он тоже незнаком.

Указанные обстоятельства предопределяют возникновение целого ряда вопросов: возможно ли говорить о самоплагиате в юридическом смысле или это исключительно категория академической этики? Может ли самоплагиат рассматриваться в качестве правонарушения – и если да, то в каких сферах?

Этим и другим взаимоувязанным вопросам посвящена настоящая статья (вопросы академической и публикационной этики в ее рамках не рассматриваются).

¹ Котляров И.Д. Самоплагиат в научных публикациях // Научная периодика: проблемы и решения. 2011. № 4. С. 7.

² Рожкова М.А. Плагиат и иные виды некорректных заимствований в диссертациях: правовые и этические вопросы [Электронный ресурс] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 33 (сентябрь). С. 124–140. (URL: <http://ipcmagazine.ru/articles/1729246/>).

³ Богустов А.А., Исаева О.В., Рожкова М.А. Плагиат, самоплагиат, ретракция в эру цифровых технологий (реферат международного научного исследования) // Право интеллектуальной собственности Республики Беларусь: история становления и перспективы : сборник статей междунар. науч.-практ. круглого стола, Минск, 19 апреля 2022 г. / БГУ, Юридический фак. – Минск: БГУ, 2023. С. 14–22.

1. «Самоплагиат» не является разновидностью плагиата

В отечественной литературе «самоплагиат» изначально рассматривается с позиций допустимости его квалификации как разновидности плагиата. И хотя учеными высказываются различающиеся мнения, надо отметить, что не только правоведы, но и, в частности, философы обращают внимание как на рассогласованность самого исследуемого термина, так и на отсутствие его упоминания в законодательстве.

Так, Д.А. Алексеева и В.Н. Данилов подвергли критике закрепленное в методических рекомендациях Ассоциации научных редакторов и издателей⁴ (далее – АНРИ) положение, гласящее, что «плагиат в целом включает использование материалов, созданных другими, однако может применяться к случаям дублирования собственных работ исследователя, которые были опубликованы прежде, без ссылки на них»⁵. По этому поводу названные авторы отметили следующее: «Помимо того, что “самоплагиат” невозможно отнести к разновидностям плагиата согласно букве законодательства, понятие “самоплагиат” внутренне противоречиво, так как похищение (plagium) у самого себя невозможно. “Самоплагиат” явно противоречит и традиционному обиходному пониманию плагиата, зафиксированному в толковых словарях...»⁶.

Данную позицию разделяют многие ученые-правоведы. В частности, И.В. Понкин и А.И. Лаптева отмечают: «Лексема “самоплагиат” (“автоплагиат”) – это лишенное смысла окказиональное выражение, оксюморон, поскольку невозможно “присвоить авторство чужой идеи”, если эта идея является своей собственной (а не чужой)»⁷. В.С. Витко подчеркивает: «...использование авто-

ром произведения, на которое ему принадлежит исключительное право или право использования путем воспроизведения и (или) публичного исполнения, в другом своем произведении без указания имени автора, не является нарушением авторских прав на используемое произведение, в том числе права авторства, поскольку права авторства на эти произведения принадлежат одному и тому же автору. Тем самым, в случае, когда автор не указывает своего авторства при воспроизведении созданного его творческим трудом произведения в другом своем произведении, его невозможно упрекнуть в совершении плагиата (самоплагиата) своего же произведения... Принимая во внимание, что понятие «самоплагиат» содержит в себе смысловое расхождение (конфликт), считаем целесообразным отказаться от использования этого термина в научном обороте»⁸. В.Н. Штенников и А.Ю. Зяблова пишут: «...термин “самоплагиат” не корректен и потому должен быть выведен из употребления... Использование термина “самоплагиат” противоречит самой сути интеллектуального права. Запрет на копирование именно тому лицу, которому принадлежат все права на использование произведения, абсурден»⁹.

С учетом изложенного надо констатировать, что термин «самоплагиат» крайне неудачен как со смысловых, так и с содержательных позиций. Но к сожалению, это не препятствует его активному применению на практике.

Под плагиатом в узком (правовом) смысле понимается *заимствование (частей) чужого произведения при создании собственного произведения, осуществленное некорректно – без указания автора и источника заимствования, то есть с нарушением правил цитирования*¹⁰. В свою очередь слово

⁴ Методические рекомендации по подготовке и оформлению научных статей в журналах, индексируемых в международных наукометрических базах данных. М.: Ассоциация научных редакторов и издателей, 2017. 144 с.

⁵ Алексеева Д.А., Данилов В.Н. Проблема плагиата в контексте академической этики // Философия науки и техники. 2020. Т. 25. № 1. С. 56.

⁶ Там же.

⁷ Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Издание 4-е, дополн. и перераб. В двух томах. Том 2: Научные исследования / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2023. С. 141.

⁸ Витко В.С. О содержании понятия «самоплагиат» // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 238 и 241.

⁹ Штенников В.Н., Зяблова А.Ю. Корректность понятия «самоплагиат» // Биржа интеллектуальной собственности. 2014. Т. 8. № 11. С. 14.

¹⁰ Рожкова М.А. Плагиат и иные виды некорректных заимствований в диссертациях: правовые и этические вопросы [Электронный ресурс] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 33 (сентябрь). С. 124–140. (URL: <http://ipcmagazine.ru/articles/1729246/>).

«самоплагиат» применяется для обозначения, казалось бы, аналогичного *заимствования (частей) собственного произведения*¹¹. Иными словами, юристы, проводящие параллели между обозначенными категориями, делают акцент на сходстве ситуаций: и в том, и в другом случае идет заимствование (то есть копирование и воспроизведение) текста без соответствующих ссылок, но в первом случае это чужой авторский текст, а во втором – собственный.

Возможно, в техническом смысле эти ситуации аналогичны – и в том, и в другом случае идет копирование текста из одной работы и воспроизведение его в другой без указаний на это. Однако с юридической точки зрения эти ситуации серьезно различаются. Раскрывая суть данных отличий, надо отметить следующее.

1. Для права интеллектуальной собственности, ставящего во главу угла защиту прав обладателя интеллектуальных прав, принципиальным является прежде всего тот момент, что «интеллектуальная кража» (плагиат) усматривается только в случае неправомерного использования *чужого авторского произведения*. В ситуации воспроизведения автором частей собственного произведения этот ключевой элемент отсутствует (автор не может нарушить свои же интеллектуальные права), что со всей однозначностью и окончательностью исключает «самоплагиат» из числа разновидностей плагиата.

По смыслу подп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ (основанного на упомянутой ст. 10 Бернской конвенции) плагиат есть неисполнение предусмотренной законом обязанности при заимствовании частей чужого произведения указывать имя автора используемого (первоначального) произведения и источник заимствования.

Соответственно, если автор, обладающий всем комплексом интеллектуальных прав на свое произведение, решает задействовать это произведение при создании другого объекта авторских

прав, то говорить о неправомерности его поведения нет никаких оснований: в силу п. 1 ст. 1270 ГК РФ автор вправе использовать произведение в любой форме и любым не противоречащим закону способом (исключительное право на произведение). Более того, правомочие автора использовать принадлежащее ему произведение по собственному усмотрению «составляет содержание права на свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, гарантированную ст. 44 Конституции Российской Федерации»¹².

В качестве примера реализации указанного правомочия можно указать на допустимость неоднократного использования художниками созданных ими произведений, которое именуется «авторским повторением» и отнюдь не порицается. Так, известная картина Сильвестра Щедрина «Замок Святого Ангела» была воспроизведена им 8–10 раз¹³, картина Эдварда Мунка «Крик» – 4 раза с применением разных видов техник и порядка 30 раз в литографиях, раскрашенных вручную¹⁴.

Учитывая, что авторское право не предусматривает специальных изъятий для каких-либо разновидностей произведений, можно сделать общий вывод: *закон не запрещает автору воспроизведение (и иное использование) его первоначального произведения в последующих произведениях, при условии, что автор сохранил за собой исключительное право на это первоначальное произведение*.

2. Ситуация существенно меняется, если автор произвел отчуждение исключительного права на свое произведение другому лицу либо им было создано служебное произведение или по каким-то причинам он утратил исключительное право на это произведение. В таких случаях обладателем исключительного права становится *другое лицо (правообладатель)*, которое в соответствии с п. 1 ст. 1270 ГК РФ приобретает право использовать произведение в любой форме и любым не противоречащим закону способом, а также по своему усмотрению

¹¹ Что предопределяет наличие корня «сам» в слове «самоплагиат» и корня «авто» в слове «автоплагиат», которое нередко упоминается в качестве синонима первого.

¹² Зайцев В.В., Михайлова И.А. Право автора на самоцитирование среди других авторских прав // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 46. No 3. С. 78.

¹³ URL: <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/10646>

¹⁴ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6493424>

может разрешать или запрещать другим лицам такое использование (п. 1 ст. 1229 ГК РФ).

Таким образом, если автор обладает только личными неимущественными правами на произведение, но не сохранил за собой исключительное право, при воспроизведении в своей новой работе частей этого произведения он должен руководствоваться общими положениями авторского права об использовании произведений. То есть по смыслу закона для него недопустимо использовать данное произведение как «свое собственное» – *такое произведение (в контексте его использования) становится для автора «чужим», и воспроизведение частей такого произведения должно осуществляться в соответствии с общими требованиями, установленными законом.*

Изложенный тезис находит подтверждение в целом ряде работ, в которых отмечается обязательность для автора, утратившего исключительное право на первоначальное произведение, оформлять части, воспроизводимые (заимствуемые) из этого произведения, с соблюдением правил цитирования. Так, обобщая выводы Э.П. Гаврилова и Н.В. Козловой, В.С. Витко заключает: «Как видим, по мысли исследователей, правила цитирования подлежат применению во всех случаях, кроме цитирования произведения его автором, при условии обладания им исключительным правом на произведение... правила цитирования подлежат применению не только при цитировании чужих произведений, но и при цитировании автором своего произведения в случае, когда ему не принадлежит исключительное право на это произведение»¹⁵. В развитие сказанного важным представляется замечание В.С. Витко, подчеркнувшего, что от автора не требуется соблюдения правил цитирования не только в ситуации обладания им исключительным правом, но и при на-

личии у него *права использования первоначального произведения*¹⁶.

Тот же подход будет верным в отношении другого правила, закрепленного подп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ и устанавливающего, что цитирование чужого произведения в целях раскрытия творческого замысла автора допускается *в объеме, оправданном целью цитирования*¹⁷. Автор, не обладающий исключительным правом или правом использования собственного (первоначального) произведения, при его воспроизведении в своих последующих работах связан указанным положением об ограничении объема цитирования.

Таким образом, принадлежность не-автору исключительного права на произведение исключает для автора этого произведения возможность по собственному усмотрению воспроизводить части этого объекта в последующих своих работах – это допустимо только при соблюдении обозначенных правил цитирования. Игнорирование этих требований приводит к правонарушению. Причем правильная квалификация правонарушения не позволяет усмотреть здесь «самоплагиат» – речь идет об ординарной ситуации нарушения прав правообладателя, которому принадлежит исключительное право на произведение, охраняемое законом (ст. 1301 ГК РФ)¹⁸, а пикантность ситуации придает то, что это нарушение совершил автор данного произведения. Подобное нарушение имеет место, например, когда писатель, передавший издателю исключительное право на литературное произведение, нелегально воспроизводит части этого произведения в своих последующих публикациях.

2. «Самоплагиат» в контексте договорных обязательств

В данной части статьи речь пойдет об употреблении термина «самоплагиат» для обозначения

¹⁵ Витко В.С. О содержании понятия «самоплагиат» // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 236.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Данное правило предполагает, что цитирование должно иллюстрировать, подтверждать или опровергать заключения автора нового произведения, а не подменять его собственные выводы, что и объясняет запрет на избыточность цитирования, что подтвердил в своем определении Верховный Суд РФ, отметивший: «Цитирование производится для иллюстрации, подтверждения или опровержения высказываний автора, допустимо в указанных в законе целях (научных, критических, информационных целях и в обзорах печати), только из обнародованных произведений и в объеме, оправданном целью цитирования» (определение Верховного Суда РФ от 5 декабря 2003 г. по делу № 78-Г03-77).

¹⁸ Если третье лицо обладает только правом использования произведения на условиях неисключительной лицензии (тогда как исключительное право на произведение сохраняется за его автором), то нет оснований говорить о нарушении исключительного права.

иной категории правонарушений – нарушений условий договоров, в которых прямо или косвенно закреплено требование новизны представляемого результата научных исследований (в частности, издательских соглашений, грантовых контрактов или трудовых договоров с научными сотрудниками).

Следует отметить, что под требованием **новизны** в рассматриваемом контексте подразумевается правило о *недопустимости повторной публикации одного и того же текста* («нигде ни на каком языке»¹⁹). Это правило наиболее прочно закрепились в международных стандартах публикационной этики, которые формируются на основе рекомендаций Комитета по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics; далее – COPE²⁰) и находят отражение в публикационных политиках издателей научных публикаций.

Примечательно, что COPE изначально не поддерживал употребление термина «самоплагиат». Ввиду этого, например, и в аннотации к Руководству по повторному использованию текста для редакторов²¹, да и в самом Руководстве подчеркивается, что проблема, с которой сталкиваются редакторы, представляет собой дублирование текста из ранее опубликованных работ автора, что получило название «повторное использование текста» (англ. text recycling), которое иногда именуется «самоплагиатом». При этом в данном Руководстве указывается на отличие «повторного использования текста» от «избыточной (дублирующей) публикации» (англ. redundant (duplicate) publication), под которой подразумевается более масштабная проблема повторной публикации уже опубликованной статьи.

На последствия несоблюдения требования новизны обращает внимание М.А. Кудинов: «В редакторском сообществе... выработан определен-

ный “алгоритм” действий. Так, в случае выявления случаев “дублирующих публикаций” редакция, как правило, отказывает в публикации, и действует в соответствии “с правилами COPE”... В случае несвоевременного выявления дублирующей публикации возможен отзыв публикации. В частности, в ряде научных журналов... формируются комиссии по публикационной этике, которые и выявляют случаи дублирующих публикаций и принимают решение о ретрагировании (отзыве) этих статей»²².

В свою очередь А.А. Богустов подчеркивает, что ретракция (ретрагирование) статей, которая, как правило, обосновывается мотивами соблюдения академической или публикационной этики, в реальности затрагивает не только авторские, но и иные субъективные права и интересы граждан (в частности, честь, достоинство, деловую репутацию) и вследствие этого не может быть безразличной для права. По мнению ученого, данное обстоятельство уже сегодня привело к тому, что ретракция научных публикаций «начинает рассматриваться как альтернативный способ защиты нарушенных авторских прав»²³. Проведенный анализ процесса ретракции с точки зрения авторского права позволил А.А. Богустову сделать следующий вывод: «...сущностные характеристики ретракции не позволяют признать ее разновидностью отзыва произведения в авторском праве. Более того, ретракция не может быть сведена к какому-либо иному авторско-правовому институту, известному действующему законодательству... Анализ процедуры ретракции позволяет сделать вывод, что ее результатом выступает фактическое признание и защита неких новых, не известных действующему законодательству и не признаваемых теорией субъективных прав (например, право редакции журнала на отзыв произведения, признание его ничтожным и т.п.)»²⁴.

¹⁹ Пункт 4 Положений, разработанных на 2-й Всемирной конференции по вопросам соблюдения добросовестности научных исследований (2nd World Conference on Research Integrity), прошедшей в Сингапуре, 22-24 июля 2010 года // URL: <https://rassep.ru/sovet-po-etike/mezhdunarodnaya-praktika/kodeksy-cope/>

²⁰ URL: <https://publicationethics.org/>

²¹ URL: <https://publicationethics.org/guidance/endorsed-guidance/text-recycling-guidelines-editors>

²² Кудинов М.А. К вопросу об использовании терминов «самоплагиат» и «дублирующие (избыточные) публикации»: содержательные, смысловые и правовые аспекты // International Journal of Humanities and Natural Sciences. Vol. 5-2 (80). 2023. P. 235.

²³ Богустов А.А. Правовые аспекты ретракции // Право цифровой экономики – 2021 (17): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2021. С. 449.

²⁴ Там же. С. 454, 458.

Развивая изложенное, следует признать, что публикационные политики, руководства и декларации, определяющие требования к научным публикациям, отражают лишь позицию организации, их принявшей, и не создают для авторов обязанностей, предусмотренных законом. Вследствие этого запрет «повторного использования текста» и «дублирующей публикации» целесообразно устанавливать иным образом – посредством соответствующего соглашения сторон, то есть с применением договорного инструментария. В такой ситуации *несоблюдение автором соответствующего условия договора будет влечь для него правовые последствия*.

1. Издательская практика традиционно предъявляет требование новизны к публикуемым материалам. Как указывалось выше, оно находит отражение в публикационных политиках и т.п. руководствах редакций журналов, издательств, профессиональных объединений издателей, в которых формулируются правила, нацеленные на ограничение, в идеале – исключение «повторного использования текста» и «дублирующих публикаций», а иногда и положения о порядке ретракции работ нарушителей²⁵. С учетом этого издатель ожидает от автора предоставления нового (ранее не публиковавшегося) текста произведения, не обремененного правами третьих лиц²⁶.

Между тем более результативным будет включение анализируемых требований в явной форме в **издательский договор**: сегодня к типовым положениям издательских договоров нередко относятся гарантии автора, что предлагаемое к публикации произведение ранее нигде не публиковалось и не направлялось в другие издания, что отсутствуют нарушения исключительных прав третьих лиц и т.д. Будучи прямо зафиксированными в договоре, который может иметь конструкцию как договора об отчуждении исключительного права (ст. 1285 ГК РФ), так и лицензионного договора²⁷

(ст. 1286, 1287 ГК РФ), эти гарантии приобретают юридическое значение.

При таких обстоятельствах в ситуации, когда автор под видом новой оригинальной статьи передает издателю практически идентичный текст ранее опубликованной работы без соответствующих указаний, есть все основания для вывода о неисполнении автором договорного обязательства, что вступает в противоречие с положениями ст. 309, 310 ГК РФ и влечет за собой негативные последствия, предусмотренные обязательственным правом.

Таким образом, в рассмотренном случае нет оснований для обращения к использованию термина «самоплагиат» – обозначенное нарушение будет квалифицироваться как нарушение договора.

С учетом сказанного можно наглядно продемонстрировать отличие договорного нарушения от нарушения авторских прав, указанием на которое завершилась первая часть настоящей работы. В упомянутой ситуации – когда автор литературного произведения, передавший издателю (А) исключительное право на него, неправомерно воспроизводит части этого произведения в своих последующих публикациях – имеет место нарушение исключительных прав издателя А. Однако если тот же автор, вопреки условиям договора о предоставлении ранее не публиковавшегося произведения, полностью воспроизводит «старый» текст в своей новой работе, представленной издателю В, то возникает уже нарушение договорных обязательств. Таким образом, в рассматриваемой ситуации имеет место и нарушение исключительных прав издателя А, и нарушение договора, заключенного с издателем В.

2. Особое значение проблема «самоплагиата» приобретает в сфере **грантового финансирования научных исследований**, для которого упоминавшаяся новизна научного результата также является ключевым фактором.

²⁵ В частности, в п. 2.11 Декларации Совета по этике научных публикаций АНРИ рекомендуется на сайте издателя размещать публикационную политику, в которой требуется обозначить «отношение редакции научного журнала к повторной публикации... а также действия авторов, рецензентов и редакции в случае обнаружения совпадений с ранее опубликованными материалами» (URL: <https://rassep.ru/sovet-po-etike/manifesty/deklaratsiya/>).

²⁶ При этом в некоторых случаях издатель может отступать от разработанных им же правил, например, принимая к повторной публикации значимую статью известного научного деятеля, ранее опубликованную в малотиражном издании.

²⁷ См.: Козлова В.Н. Правовая природа издательского лицензионного договора // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 8. С. 91–95.

В юридической литературе отмечается сложность как с определением правовой природы гранта, так и с правовой квалификацией возникающих из грантового контракта отношений, которые в целом характеризуются как частноправовые, но с публично-правовым элементом. Отметивший эти обстоятельства О.В. Белявский пишет: «Договор, регулирующий получение гранта, не охватывается в полной мере ни одним из предусмотренных в Гражданском кодексе РФ... обязательств. В тексте ГК РФ грант не упоминается, но при рассмотрении споров о выплатах, осуществляемых за счет грантов, последние квалифицируются как пожертвование»²⁸. Здесь же указанный автор подчеркивает: «Грантами признаются денежные средства или иное имущество, полученное в соответствии с определенными условиями... Условия предоставления грантов устанавливаются грантодателем, которому в обязательном порядке предоставляется отчет об их целевом использовании»²⁹.

Как правило, научные гранты предоставляются под условием выработки исследователем (грантополучателем) результата, который обладает новизной и научной значимостью, а также создан в период действия гранта и за счет грантового финансирования. В этих условиях передача в качестве результата текста, воспроизводящего ранее опубликованные этим автором работы, должно трактоваться как нарушение условий грантового контракта. Подобная недобросовестность способна повлечь не только прекращение финансирования, но и обязанность грантополучателя возвратить полученные по гранту средства.

Следовательно, и здесь негативные последствия возникают не из-за факта «самоплагиата», а по причине нарушения договорного обязательства.

3. В научных и образовательных организациях вопросы добросовестности при ведении научных исследований и публикации результатов таких исследований также играют значимую роль. Вследствие этого в случае, если публикационная активность сотрудника является частью его трудовых обязанностей (например, для профессорско-пре-

подавательского состава университета), то «дублирующая публикация» дает основания для вывода о ненадлежащем исполнении обязанностей, вытекающих из **трудового договора**.

Резюмируя, можно говорить о том, что в рассмотренных случаях речь идет не о «самоплагиате» как категории академической или публикационной этики, а о нарушении договорных обязательств. Указанное дополнительно подтверждает не только отсутствие необходимости в закреплении категории «самоплагиат» на законодательном уровне, но нецелесообразность его рассмотрения в качестве самостоятельного правонарушения, поскольку существующего инструментария договорного права достаточно для разрешения возникающих вопросов.

3. «Самоплагиат» в диссертационных работах

Еще более дискуссионным является вопрос правомерности воспроизведения собственных ранее опубликованных работ в диссертациях на соискание ученой степени кандидата или доктора наук.

С введением практики обязательного подтверждения «оригинальности» диссертаций с использованием специализированных программ и систем проверки текстовых документов на наличие заимствований (в частности, системы «Антиплагиат», «Рукоконтекст» и проч.) нередко возникают ситуации, когда формально фиксируемый процент «оригинальности» диссертации оказывается ниже реального. Причина этого кроется в том, что автор диссертации зачастую включает в текст своей диссертационной работы свои же публикации по теме исследования – полностью или частично, в неизменном или в незначительно измененном виде. В ходе проверки подобные «включения» выделяются цветом и обозначаются как «самоцитирование» или «самоплагиат», что, по мнению многих коллег, является нарушением и требует обязательного исправления путем ре-райта – переформулирования текста с сохранением его смысла.

²⁸ Белявский О.В. Проблемы правового регулирования грантовой поддержки фундаментальных научных исследований в Российской Федерации // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т. 13. № 4. С. 180.

²⁹ Там же. С. 178–179.

Между тем признание подобных воспроизведений ранее опубликованных работ «самоплагиатом» или иным нарушением, равно как и требование их обязательного «искоренения» из диссертации, видятся некорректным по нескольким причинам.

Предварить последующее изложение надо указанием на необходимость разграничивать понятия «диссертационное исследование» и «диссертационная работа», которые, бесспорно, взаимосвязаны, но не синонимичны. Поясняя, следует отметить, что проводимое соискателем диссертационное исследование подразумевает длительный процесс научной деятельности: сбор и анализ материала, выдвижение гипотез, проведение экспериментов, концептуализацию и проверку теорий, что нацелено на **выработку им новых научных знаний**. Но научное (диссертационное) исследование проводится не одномоментно: это последовательная поступательная научная деятельность, каждый из этапов которой может находить отражение в соответствующих публикациях диссертанта. Причем диссертант не лишен возможности в своих более поздних публикациях отступить от ранее высказанной им точки зрения или корректировать свою позицию в соответствии с более поздними своими исследованиями. Уже по завершении научных исследований, приведших к разрешению поставленной научной задачи, полученные результаты оформляются в форме диссертационной (научно-квалификационной) работы, которая должна отвечать целому ряду формальных требований.

Таким образом, действующий порядок предусматривает двойственное представление результатов диссертационного исследования. Полученные результаты необходимо: (1) **опубликовать в форме статей**; (2) **воспроизвести в самой диссертационной** (научно-квалификационной) **работе**. Это находит легальное подтверждение в указании на то, что «основные научные результаты диссертации должны быть опубликованы в рецензируемых научных изданиях»³⁰. Следовательно, воспроизведение в диссертации ранее опубликованных

собственных работ не только не является нарушением, но, напротив, отвечает формальным требованиям процедуры защиты.

При этом ни одним нормативно-правовым актом не установлен минимальный процент «оригинальности» текста диссертации, равно как и запрет на «самоцитирование» или «самоплагиат», то есть воспроизведение текста собственных статей в диссертационной работе. Подобные требования и запреты (нередко негласно) устанавливаются организациями, на базе которых созданы советы по защите диссертаций. В частности, порог «оригинальности» обычно составляет не менее 70–85%, тогда как «самоцитирование» / «самоплагиат» фактически приравниваются к некорректным заимствованиям (плагиату). При этом не учитывается следующее.

1. Публикация основных результатов диссертационного исследования в рецензируемых изданиях является обязательной для принятия такой диссертации к защите. Количество таких публикаций зависит от отрасли науки: требуется не менее двух-трех статей для кандидата наук и 10–15 – для доктора наук³¹. Объем публикаций определяется требованиями самих журналов и обычно варьируется от 5 до 25 страниц (0,2–1 авторский лист).

Учитывая, что средний объем диссертации составляет 150–180 страниц для кандидатской и 290–350 страниц для докторской работы, воспроизведение в диссертации ранее опубликованных статей с теми же выводами и обоснованием неизбежно снижают формально фиксируемый процент «оригинальности». Программы проверки текста расценивают такие воспроизведения как «самоцитирование», «самоплагиат» или даже некорректные заимствования (например, при смене автором произведения фамилии).

Примечательно, что в юридической литературе «самоплагиат» иногда трактуется как разновидность «самоцитирования», которое подразделяется на несколько разновидностей. В частности, А.В. Кулешова, Ю.В. Чехович и О.С. Беленькая выделяют добросовестное самоцитирование, добро-

³⁰ Положение о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней»). П. 11.

³¹ См.: Там же. П. 13.

совестное самоцитирование в некорректной форме, недобросовестное самоцитирование (самоплагиат), повторную публикацию (перепечатку), дублирующую публикацию и парафраз³². При этом для целей настоящей работы интерес представляют предложенные указанными авторами определения различных видов самоцитирования. Так, добросовестным самоцитированием они предлагают считать «повторное использование автором собственных текстов из более ранних произведений в объеме, оправданном целью цитирования, со ссылкой на первоисточник»³³ (причем корректным такое самоцитирование признается, если первоисточник оформлен «в соответствии с установленными правилами цитирования», а некорректным – если установленные правила цитирования нарушены). В свою очередь «самоплагиатом» называется «повторное использование автором собственных текстов из более ранних произведений без ссылки на источник или в объеме, не оправданном целью цитирования»³⁴.

Между тем квалификация «повторного использования автором собственных текстов» в своей же диссертации в качестве недобросовестного поведения не имеет адекватного обоснования. Как указывалось выше, диссертационные исследования проводятся в течение длительного времени, поэтому в журналах обычно публикуются промежуточные результаты научной деятельности. Эти результаты, содержащие сформулированные выводы и их обоснование, впоследствии объединяются в диссертации либо принимают форму ее отдельного параграфа или раздела. Как обосновано подчеркивают И.В. Понкин и А.И. Лаптева, «метод использования автором своих же научных текстов (в том числе через самоцитирование) не только вполне имеет право на существование и задействование, но и является релевантным и активно применяемым методом сопровождения и обеспечения научного исследования, в том числе юридического»³⁵.

Вследствие сказанного запрет воспроизведения публикаций, фиксирующих результат проводимого диссертационного исследования, в тексте диссертации вменяет автору обязанности, которые вовсе не предусмотрены легальными требованиями к научно-квалификационным работам. Как указывалось выше, автор должен опубликовать основные результаты проводимого исследования в рецензируемых журналах. Но это отнюдь не предполагает, что автор обязан сформулировать одни и те же выводы по-разному – в статьях и в диссертации – искусственно перефразируя текст: описать одно и то же с использованием синонимичной лексики и иных замен синтаксической структуры, не исказив при этом (не умалив и не расширив) первоначальный смысл. Противоположный (ныне существующий) подход фактически вынуждает диссертанта писать две работы идентичного содержания, но разные по форме изложения. Между тем именно включение ранее сформулированных, апробированных и опубликованных выводов в диссертацию в неизменном виде и служит подтверждением личного вклада исследователя в науку, необходимым для допуска к защите.

2. В рамках анализа обозначенной проблемы нельзя обойти вниманием и несовершенство самих программ.

Как справедливо отмечает И.В. Понкин, заложенный в такие программы критерий «самоцитирования» не охватывает всего многообразия его фактических форм, а сводится лишь к фиксации отсылок к собственным публикациям (которые в свою очередь не всегда верно считать «самоцитированием»). Правовед пишет: «...Во многих случаях автор может отсылать к предыдущим этапам и элементам своих исследований, отсылать к своим уже разработанным дефинициям, чтобы не повторяться, и еще десяток случаев»³⁶. В указанных обстоятельствах возникают ситуации, когда автоматическая проверка обозначает такие фраг-

³² См.: Kuleshova A.V., Chekhovich Yu.V., Belenkaya O.S. Walking the razor's edge: how to avoid self-plagiarism when you recycle your texts. Science Editor and Publisher. 2019; 4(1-2):45-51. (In Russ.)

³³ Там же. С. 46.

³⁴ Там же.

³⁵ Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики. С. 140.

³⁶ Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики. С. 159 (автор параграфа – И.В. Понкин).

менты как «совпадения» (неправомерные заимствования), что влечет требование к автору либо переписать их для повышения процента «оригинальности», либо доказать правомерность их воспроизведение в диссертации.

Вместе с тем в Методических рекомендациях по работе с системой «Антиплагиат»³⁷ под **«процентом оригинальности»** понимается *«доля фрагментов текста проверяемого документа, не обнаруженных ни в одном источнике, по которому шла проверка, по отношению к общему объему документа»*³⁸. Иными словами, чем меньше в тексте цитирований и отсылок к ранее опубликованным работам других авторов, тем более «оригинальным» он признается системой. Такой подход со всей очевидностью искажает критерии научности, по сути, вступая в противоречие с общепринятыми принципами научной деятельности.

Диссертация строится на критическом анализе существующих научных работ и опоре на достижения других ученых. Это необходимо, в первую очередь, для подтверждения новизны суждений и предложений диссертанта. Минимизация, а уж тем более отсутствие в диссертации ссылок и цитат из работ других ученых, напротив, свидетельствует о слабом научном уровне работы либо о попытке приписать себе чужие достижения, выдавая переработанные тексты за свои собственные (например, путем перефразирования работ других авторов до такой степени, что система проверки текста на заимствования будет воспринимать такой парафраз как «оригинальный» текст).

Использование автором диссертации собственных публикаций (в том числе созданных в соавторстве) допускается Положением о присуждении научных степеней, которое вменяет автору лишь обязанность отметить такое обстоятельство в диссертации³⁹. Более того, в рекомендациях Высшей аттестационной комиссии прямо подчеркивается, что «определение доли текста диссертации,

воспринятого электронной системой как заимствование и (или) цитирование, при необходимости осуществлять с учетом сопоставления текста автора диссертации с текстами его же ранее опубликованных работ (что нельзя считать неправомерным заимствованием), руководствуясь при этом нормативными положениями законодательства об авторском праве»⁴⁰.

Следовательно, проверка «оригинальности» текста диссертации не должна ограничиваться автоматическими средствами. Учитывая особенности проведения диссертационных исследований в большинстве случаев требуется дополнительный анализ текста диссертаций, позволяющий отличать добросовестное цитирование и «самоцитирование» («самоплагиат») от недобросовестных заимствований. Сегодня же ориентация исключительно на процент «оригинальности», показанный автоматизированной системой, не только приводит к искусственной гонке за цифровыми показателями, но снижает как качество диссертационных работ, так и их ценность для науки.

Резюмируя, следует отметить, что «самоплагиат» не является правонарушением в юридическом смысле и даже в рамках академической этики далеко не всегда рассматривается как недобросовестное поведение. Использование этого термина в юридической сфере ведет к подмене реальных правонарушений (нарушение авторских прав, нарушение договорных обязательств), за которые законом предусмотрена ответственность. В научной же среде непонимание сущности категории «самоплагиат» привело к формированию ложных стандартов, не имеющих легального обоснования: исследователи при подготовке диссертаций обязаны искусственно перефразировать собственные научные результаты и подвергаются необоснованным мерам воздействия при воспроизведении своих ранее опубликованных работ в диссертациях.

³⁷ Методические рекомендации по экспертной оценке оригинальности текстов диссертаций в системе «Антиплагиат» / О.С. Беленькая, И.Б. Стрелкова, О.А. Филиппова, Ю.В. Чехович. – СПб.: Лань, 2021. С. 9.

³⁸ Там же.

³⁹ См.: Положение о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней»). П. 14.

⁴⁰ Рекомендация Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации № 1-пл/5 от 24.06.2021 «Об использовании электронных систем для подтверждения оригинальности диссертационных исследований». П. 2.

Список литературы:

1. Алексеева Д.А., Данилов В.Н. Проблема плагиата в контексте академической этики // *Философия науки и техники*. 2020. Т. 25. № 1. С. 52–64.
2. Белявский О.В. Проблемы правового регулирования грантовой поддержки фундаментальных научных исследований в Российской Федерации // *Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2018. Т. 13. № 4. С. 170–189.
3. Бозустов А.А. Правовые аспекты ретракции // *Право цифровой экономики – 2021 (17): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2021. С. 448–461. (URL: https://rozhkova.com/books_text/2021-17-pce.pdf).*
4. Бозустов А.А., Исаева О.В., Рожкова М.А. Плагиат, самоплагиат, ретракция в эру цифровых технологий (реферат международного научного исследования) // *Право интеллектуальной собственности Республики Беларусь: история становления и перспективы : сборник статей междунар. науч.-практ. круглого стола, Минск, 19 апреля 2022 г. / БГУ, Юридический фак. – Минск: БГУ, 2023. С. 14–22.*
5. Витко В.С. О содержании понятия «самоплагиат» // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 467. С. 235–243. DOI: 10.17223/15617793/467/29.
6. Зайцев В.В., Михайлова И.А. Право автора на самоцитирование среди других авторских прав // *Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property)*. 2023. Т. 46. No 3. С. 76–83 (DOI: 10.17323/tis.2023.17803)
7. Методические рекомендации по экспертной оценке оригинальности текстов диссертаций в системе «Антиплагиат» / О.С. Беленькая, И.Б. Стрелкова, О.А. Филиппова, Ю.В. Чехович. – СПб.: Лань, 2021. – 92 с.
8. Козлова В.Н. Правовая природа издательского лицензионного договора // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2018. № 8. С. 91–95.
9. Котляров И.Д. Самоплагиат в научных публикациях // *Научная периодика: проблемы и решения*. 2011. № 4. С. 6–12.
10. Кудинов М.А. К вопросу об использовании терминов «самоплагиат» и «дублирующие (избыточные) публикации»: содержательные, смысловые и правовые аспекты // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. Vol. 5-2 (80). 2023. P. 232–238.
11. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Издание 4-е, дополн. и перераб. В двух томах. Том 2: Научные исследования / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2023. (Серия: «Методология и онтология исследований») – 640 с.
12. Рожкова М.А. Плагиат и иные виды некорректных заимствований в диссертациях: правовые и этические вопросы [Электронный ресурс] // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2021. № 33 (сентябрь). С. 124–140. (URL: <http://ipcmagazine.ru/articles/1729246/>)
13. Kuleshova A.V., Chekhovich Yu.V., Belenkaya O.S. Walking the razor's edge: how to avoid self-plagiarism when you recycle your texts. *Science Editor and Publisher*. 2019; 4(1-2):45-51. (In Russ.)
14. Штенников В.Н., Зяблова А.Ю. Корректность понятия «самоплагиат» // *Биржа интеллектуальной собственности*. 2014. Т. 8. № 11. С. 13–14.

Научная статья
УДК 347.4

Для цитирования:

Пуляева Е.В. Особенности правового режима оговорок об исключении и ограничении ответственности за нарушение обязательств в сфере информационных технологий // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Декабрь. № 4 (50). С. 119–128.

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_9

For citation:

Pulyaeva E.V. Features of the legal regime of reservations on exclusion and limitation of liability for violation of obligations in the field of information technology // Zhurnal Suda po intellektual'ny'm pravam. 2025. December. N 4 (50). Pp. 119–128. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_9

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_9

Особенности правового режима оговорок об исключении и ограничении ответственности за нарушение обязательств в сфере информационных технологий

Е.В. Пуляева,

кандидат юридических наук,
заместитель директора Центра религии и права НИУ «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия.

ORCID 0009-0003-3294-6749, SPIN –код автора в РИНЦ: 2040-5886

В статье рассматриваются практические вопросы применения условий договоров в сфере информационных технологий, предусматривающих исключение и ограничение ответственности за нарушение обязательств. Приводятся примеры влияния специфики информационных технологий на договорно-правовые конструкции и используемые в них оговорки, исследуются используемые в практике условия, исключające или ограничивающие отдельные виды убытков, размер неустойки за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору в сфере информационных технологий.

Ключевые слова:

договор в сфере информационных технологий; принцип «as is»; потребительская ценность; ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора; оговорки об исключении и ограничении ответственности за нарушение обязательств

Предисловие

Современное развитие информационных технологий оказывает значительное влияние на договорно-правовые отношения. Как следствие, стремительно растет число гражданско-правовых договоров, в предмет которых входят информационные технологии. Последние, в свою очередь, неизбежно оказывают определенное влияние на используемые договорно-правовые конструкции. Одним из острых вопросов, находящимся в практической плоскости, является правовой режим оговорок об исключении и ограничении ответственности за нарушение обязательств, вытекающих из договоров в сфере информационных технологий. Такие условия, именуемые оговорками, являются инструментом распределения рисков в договоре, связанных с использованием сложных технологических решений, отчасти определяют стоимость договора и позволяют минимизировать потенциальные убытки.

Кроме того, работоспособность технологии часто зависит от совместимости с иными технологиями, что придает особую актуальность для использования оговорок об исключении или ограничении ответственности в договорах на разработку программного обеспечения, его внедрение и сопровождение, использование интернет-сервисов в лицензионных договорах, как наиболее распространенных среди договоров в сфере информационных технологий.

1. Понятие и причины появления оговорок об исключении и ограничении ответственности за нарушение обязательств в сфере информационных технологий

По своей сути оговорки об исключении и ограничении ответственности за нарушение обязательств представляют собой условия, предусматривающие: 1) полное или с ограниченным характером освобождение от ответственности; 2) вследствие нарушения обязательства из договора в виде неисполнения или ненадлежащего его исполне-

ния; 3) в противовес правилам общего характера, предусмотренным законодательством и применимым к такому договору; 4) допущенного в силу неосторожности.

Указание на неосторожность обусловлено действием общих правил о ничтожности соглашений, в которые включена оговорка об устранении или ограничении ответственности за действия или бездействия, которые совершены умышленно. В отечественной судебной практике¹ сформулирована позиция, что лицо, нарушившее обязательство, должно доказать отсутствие умысла и в дополнение к этому представить доказательства, которые будут подтверждать, что лицо проявляло в момент исполнения обязательства заботу и осмотрительность. Достаточным считается минимальная степень их проявления.

Каких-либо подходов к исключению данного понимания из сферы действия договоров в сфере информационных технологий не предпринято. Вместе с тем потенциальная возможность наличия ошибок в программном продукте обусловлена массой факторов, в числе которых его техническая сложность, зависимость работоспособности технологии от совместимости с иными технологиями и прочие. Как верно подмечено, если, игнорируя техническую сторону вопроса, привлекать к ответственности разработчиков и в целом правообладателей программного обеспечения, то это может сильно отрицательно сказаться на динамике российской ИТ-индустрии².

В силу указанного в мировой практике в отношении программного обеспечения используется принцип предоставления на условиях «как есть» («as is»). Этот принцип означает, что в отношении программы не предоставляется никаких гарантий в отношении безошибочной и бесперебойной ее работы или работы отдельных ее компонентов, функций. В судебной практике отмечается, что несмотря на отсутствие нормативного закрепления принципа «as is», его применение возможно на основании п. 1 ст. 5 ГК РФ, как обычай делового оборота³.

¹ Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 7 от 24 марта 2016 г. «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

² См.: Савельев А.И. Закон и код: регулирование качества программного обеспечения, предоставляемого по лицензии и разрабатываемого на заказ // Закон. 2024. № 6. С. 139.

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 мая 2024 г. № C01-377/2024 по делу № A40-100154/2023.

Прежде чем перейти к анализу правоприменительной практики принципа «as is» и его влиянии практику оговорок об исключении и ограничении ответственности за нарушение обязательств в сфере информационных технологий, коснемся причин появления рассматриваемых оговорок.

Во многих случаях условия об ограничении ответственности можно рассматривать как составляющую условий договора. Такая постановка вопроса проистекает из экономического анализа права, где цена договора складывается в том числе из того, как распределяются риски в договоре. Положения договора обуславливают его цену и оговорки, таким образом приобретают экономическое значение.

Так, известный представитель одной из школ экономического анализа права О. Уильямсон писал, что изменения в обязательствах из договоров в сторону ограничительного характера ответственности оказывают влияние на расходы по договору, именно их транзакционными издержками, которые обуславливают выбор сторонами контракта определенной структуры управления такими расходами (транзакциями)⁴. Ричард Познер, сформулировавший в 1970-е гг. основные задачи «Экономики права», говорил о зависимости цены договора от того объема действий, который сторона должна произвести по договору, подразумевая, тем самым, что и случаи, когда сторона не несет вовсе или в полной мере ответственность вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения договора, взаимобусловлены стоимостью договора⁵.

Таким образом подчеркивается значимость условий, влияющих на объем ответственности сторон по договору, которые в свою очередь также влияют на стоимость товара. Представители экономической теории права прямо подчеркивают взаимосвязь условий об ограничении или исключении ответственности с ценой договора или иными составляющими, влияющими на цену договора⁶.

Стоит отметить и коррелирующую с указанной позицией, присутствующую в праве позицию о необходимости баланса в договоре⁷. Согласно указанной позиции, сбалансированный договор предполагает пропорциональный объем прав, обязанностей и ответственности сторон в договоре. В случае его дисбаланса стороны берут на себя соответствующие риски, что обуславливает влияние на цену договора.

Для сферы информационных технологий передаваемый товар, право по договору или оказываемая услуга связаны с использованием технологически сложного объекта. Это значит, что, например, исполнитель не может отвечать за бесперебойный характер его работы. Отсюда для договоров в сфере информационных технологий явствует необходимость включения в договор таких условий, которые будут ограничивать ответственность исполнителя. При этом данная конструкция позволит стимулировать гражданский оборот информационных технологий, а также интерес к их развитию и внедрению.

Многие ИТ-компании прибегают к закреплению принципа «as is» в том или ином варианте в предлагаемых ими офертах. Такой подход имеет практическое объяснение, связанное с технической сложностью в принципе программного обеспечения и многообразными нюансами внедрения, совместимости программных продуктов и т.д. Также нередко «коробочное решение», удовлетворяющее рынок своей базовой функциональностью, дорабатывается под эксклюзивные нужды клиента (заказчика), которое зачастую недоступно остальным потребителям и контрагентам продукта, что нарушает принципы обратной совместимости. Например, достаточно часто на практике встречаются случаи, когда программное обеспечение для одного клиента не может быть интегрировано без доработок с программным обеспечением этого же разработчика другим клиентом в силу

⁴ Williamson O.E. Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete Structural Alternatives // Administrative Science Quarterly. 1991. Vol. 36. No 2. P. 269–296.

⁵ Posner R.A. The Law and Economics Movement // American Economic Review. 1987. Vol. 77. No 2. P. 1–13.

⁶ Бальсевич А. Экономика права: предпосылки возникновения и история развития // <https://institutiones.com/theories/1025-ekonomika-prava.html> (дата обращения 25 января 2025 г.).

⁷ См. например: Богданова Е.Е. Тенденции развития гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств: проблемы и перспективы // Lex russica. 2017. № 5. С. 24–37.

эксклюзивности используемых версий таких продуктов у каждого.

В сфере программного обеспечения в виде процессинговых решений по учету и обработке финансовых операций, совершенных с использованием банковских карт, эта проблема носит особо острый характер, поэтому обычаем делового оборота в общемировой практике является сертификация друг у друга разработчиками используемых ими протоколов межхостовых соединений процессинговых решений. Сертификацию предваряет обмен информацией об изменении протоколов межхостовых соединений, что также осуществляется и в последующем в целях обеспечения работоспособности таких соединений. Однако в практике встречаются сложности в таком обмене информацией, в том числе в целях создания препятствий для миграции компаний-клиентов на процессинговые решения иных разработчиков и «затягивания», таким образом, клиентов на использование только предлагаемого определенным разработчиком и поставщиком процессингового решения. В таком примере применение принципа «as is» позволяет снять с себя риски поставщикам процессинговых решений, которые устанавливаются взамен другого.

2. Правовые подходы к применению принципа «as is» и потребительской ценности программного обеспечения

Использование принципа «as is» не носит безусловный характер, и судебная практика движется по пути его использования в случае установления потребительской ценности спорного программного обеспечения.

Потребительская ценность, в свою очередь, констатируется на основе установления судом функциональных характеристик программного обеспечения, предусмотренных договором⁸.

Например, если разработанное ответчиком программное обеспечение может быть применено не только к продукции фирмы-заказчика, но и к иной контрольно-измерительной аппаратуре и аппаратным комплексам, то такое программное обеспечение имеет потребительскую ценность⁹. В приводимом примере суд подчеркнул в целом работоспособность программного обеспечения и нацеленность на решение необходимых задач. В отношении отдельных замечаний заказчика к программному продукту суд отметил, что они не существенны – не могут влиять на его функциональность и не снижают его ценность для пользователя.

Соответственно примеры, когда потребительская ценность не была констатирована судом, связаны, например, с тем, что результат работ не соответствует требованиям контракта к результату, а именно, отсутствует новая (модернизированная) информационная система, с помощью которой возможно решать задачи предприятия¹⁰; представленная документация, сопровождающая программу, не является самодостаточной и не охватывает все циклы работ программы, заявленные в техническом задании к программе¹¹. В деле, где предметом спора являлась разработка сценария видеоигры об отсутствии потребительской ценности, свидетельствовало отсутствие у игры, которая хоть и работоспособна, важного для заказчика функционала, оговариваемого сторонами: монетизации игры¹².

При оценке недостатков работ по созданию сайта в Интернете в судебной практике на ответственность недостатков, например, указывает тот факт, что верстка сайта неадаптивная (что может вызывать заведомо плохое впечатление у клиентов), элементы и блоки сайта на некоторых устройствах и разрешениях сайта не соответствуют

⁸ См. например: постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30 июня 2023 г. № Ф06-3834/2023 по делу № А49-2750/2022.

⁹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 сентября 2024 г. № Ф07-10193/2024 по делу № А56-22933/2022.

¹⁰ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 5 октября 2022 г. № 09АП-63141/2022 по делу № А40-53801/2021.

¹¹ См. например: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 5 октября 2022 г. № 09АП-63141/2022 по делу № А40-53801/2021.

¹² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 3 октября 2024 г. № Ф07-13105/2024 г. по делу № А56-110773/2022.

обозначенным в техническом задании принципам¹³. Для подобных выводов суда значение также имело то, что такой сайт предназначался для интернет-магазина, осуществляющего розничные и оптовые продажи, с оплатой товаров с использованием функционала сайта.

Есть ряд факторов, которые *сами по себе* не рассматриваются как свидетельство некачественности выполненных работ. Среди них – неработоспособность лицензионных ключей в отсутствие факта их оплаты, при условии, если договором предусмотрено, что лицензионные ключи подлежат передаче после оплаты произведенных работ¹⁴; переписка сторон о некачественной разработке программного продукта; сбой в работе только в одном сегменте системы, которые могут быть устранены и их появление может быть связано с использованием системы с нарушением правил ее функционирования¹⁵.

Объем аргументов, свидетельствующих о потребительской ценности программного обеспечения, сильно разнится от ситуации к ситуации. Однако следует отметить, что в основном потребительская ценность констатируется исходя из формальных оснований, а именно отсутствия фактов направления исполнителю отказов в приемке работ с обоснованием причин (как необходимый первоначальный этап)¹⁶. Соответственно наличие замечаний на этапе приемки результатов работ, как правило, является необходимым фактором для подтверждения отсутствия потребительской ценности.

Огромное значение для квалификации потребительской ценности программы имеют экспертные выводы. Как правило, выводы о недостатках в созданном программном обеспечении подкрепляются результатами экспертиз. Так, например, суд принял во внимание доводы эксперта об отсутствии сопроводительной документации,

поясняющей правила работы программы как необходимой для установления ее потребительской ценности и без которой функционирование программы невозможно¹⁷.

В ситуации, когда заказчик выступает истцом, бремя доказывания потребительской ценности ложится на ответчика. В отсутствие должной аргументации с его стороны и экспертных выводов в его пользу суду сложно установить потребительскую ценность, и он может положить в основу судебного решения аргументы истца о наличии ошибок в программе. Последние, в свою очередь, вполне возможно могут быть связаны с неправильной эксплуатацией программы, использованием ее с несовместимым с программой иным программным обеспечением и прочее.

В судебной практике есть подобные примеры¹⁸, когда в рамках рассматриваемого дела не проводилась компьютерно-техническая экспертиза программного продукта для подтверждения наличия в ней серьезных ошибок, влияющих на ее потребительскую ценность. Таким образом, в основу доказательственной базы были положены аргументы заказчика об имеющихся недостатках. Однако при этом также суд отметил, что если лицом, участвующим в деле, не заявлено ходатайство о назначении экспертизы, то суд не может ее назначить по собственной инициативе. В судах нижестоящих инстанций стороны о проведении судебной экспертизы также не заявляли. При таких обстоятельствах спор подлежал рассмотрению арбитражным судом по имеющимся в деле доказательствам (ст. 9, 41, 65 и 82 АПК РФ). Таким образом, отсутствие экспертизы и каких-либо иных обстоятельств, доказывающих, что произведенная работа по созданию сайта обладала потребительской ценностью, предрешило вывод суда об ее отсутствии. Тогда как в случае проведения судебной

¹³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12 декабря 2022 г. № Ф09-8112/22 по делу № А47-3119/2020.

¹⁴ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 24 мая 2024 г. № Ф03-1417/2024 по делу № А73-7450/2022.

¹⁵ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30 июня 2023 г. № Ф06-3834/2023 по делу № А49-2750/2022.

¹⁶ См. например: постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30 июня 2023 г. № Ф06-3834/2023 по делу № А49-2750/2022, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.10.2024 г. № Ф09-5322/24 по делу № А76-25599/2023.

¹⁷ См. например: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22 августа 2023 г. № 09АП-48338/2023 по делу № А40-126660/2021.

¹⁸ См. например: постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 1 августа 2024 г. № Ф08-4922/2024 по делу № А53-27241/2023.

экспертизы или хотя бы представления заключения эксперта в пользу потребительской ценности программы вывод мог бы быть другой.

В судебной практике отсутствие потребительской ценности, в основном, все-таки явствует из заключений экспертов, которые соотносили требования из договоров, касающихся функциональных характеристик программного обеспечения, с имеющимся результатом функционирования, представленного программного продукта. Отсутствие таких востребованных характеристик, влияющих на функциональность продукта, как адаптивная версия сайта, функция монетизации либо вообще отсутствие модернизированной работоспособной версии информационной системы, позволяет суду констатировать отсутствие потребительской ценности в программном обеспечении.

Таким образом, 1) экспертные выводы играют существенную роль в решении вопроса о наличии потребительской ценности программы; 2) отсутствие определенного договором результата функционирования программного обеспечения, приводит, как правило, к тому, что его потребительская ценность не будет установлена.

Однако отдельной спецификой в этой связи обладают договоры продвижения сайта в сети Интернет, созданные по модели оказания услуг. Особенность составляет то, что если положение договора о его предмете сформулировано с использованием таких характеристик, которые не предусматривались законодателем при конструировании нормативных предписаний о договоре оказания услуг, а именно – говорят о достижении результата оказания услуг; то можно ли квалифицировать их достижение как необходимое условие для выполнения договора? И соответственно, если описанный результат оказания услуг не достигнут, то можно ли считать это ненадлежащим исполнением договора?

На этот счет в судебной практике складывается позиция, что обязательства можно считать выполненными, если исполнитель совершил преду-

смотренные договором действия или цикл действий. Например, если договор предполагает продвижение сайта, то суть его составляют именно действия, направленные на продвижение сайта в сети Интернет. Согласно известной конституционно-правовой позиции¹⁹, законодатель исчерпывающим образом в отношении договора оказания услуг определил такое существенное его условие, как предмет, и не включил в него достижение результата.

Таким образом, включение в договор в качестве предмета совершения определенного действия или цикла действий (деятельности) обосновано объективными причинами, а именно отсутствием гарантий достижения определенного результата работ (даже в рамках одного типа услуг). Однако указание на то, к какому результату должны привести эти действия, уже недопустимо. Отсюда, в рамках договора на продвижение сайта в судебной практике указывается на неправомерность претензий о низких параметрах продвижения сайта, если все необходимые действия для этого исполнителем были сделаны²⁰. Таким образом, в договоре возмездного оказания услуг стороны, могут свободно определять его цену, сроки исполнения, порядок и размер оплаты, но в отношении предмета договора связаны указанным подходом законодателя и его конституционно-правовым толкованием, а достижение описанного договором результата оказания услуг не может являться правомерным требованием для данного вида договоров в сфере информационных технологий.

В договорах же подрядного типа, например, на разработку интернет-портала, себя проявляет противоположный подход: критерии достижения результата работ в договоре описываются и требуют подтверждения. Так, суд указал на специфичность результата работ в виде интернет-портала и сделал на основе этого вывод, что его работоспособность требует подтверждения²¹.

На значимость факта достижения результата для договоров подряда указывает и то обстоятельство,

¹⁹ Изложена в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 23 января 2007 г. № 1-П.

²⁰ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 28 июля 2020 г. № Ф10-2637/2020 по делу № А68-6780/2019.

²¹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15 января 2018 г. № Ф03-5139/2017 по делу № А51-8101/2017.

что в судебной практике встречаются и такие случаи, когда существенные недостатки в программном обеспечении были доказаны при наличии приемки результата без замечаний и использовании программного решения в течение двух лет после этого. Основу доказательственной базы в этом конкретном случае составляли помимо прочего: 1) требования заказчика, в течение всего срока использования устранить недостатки и указание на их существенность; 2) экспертное заключение, которым было установлено, что: а) доработанный программный продукт не соответствует условиям договора, б) программное обеспечение не может быть использовано в деятельности компании; в) наличие несоответствий/ошибок в модулях обмена данными с иным программным обеспечением заказчика; г) исполнителем предпринимались попытки устранения недостатков функционирования программного продукта, которые не привели к устранению имеющихся проблем²².

Однако в установлении потребительской ценности в договорах в сфере информационных технологий, сконструированных по модели договора подряда или поставки и договора оказания услуг, имеется существенная разница. Она проявляется в том, что, предоставляя программное обеспечение «as is», в том виде, в котором программа рассчитана на среднего ее потребителя («коробочное решение»), в ней заложен определенный набор возможностей и функций, который требует адаптации под индивидуальные требования ее пользователей. «Коробочное решение» считается предоставленным, его можно использовать в том виде и с теми функциями, на которые оно статистически рассчитано. При этом само по себе оно не позволяет достичь необходимых результатов для конкретного заказчика. В такой ситуации оговорки об исключении ответственности за поставку программного продукта, не отвечающего индивидуальным потребностям заказчика, работать не будут. Отсюда разграничение факта поставки программного обеспечения, как надлежаще выполненного, и дальнейшей адаптации его под конкретные бизнес-процессы имеет важное

практическое значение, обуславливающее потенциальную применимость оговорок.

В договорах по модели оказания услуг (облачные сервисы, создание и продвижение сайтов, техническая поддержка и т.п.) в силу отсутствия законодательных требований к результату оказания услуг, само по себе доказывание ненадлежащего исполнения договора по этому основанию затруднительно. Однако чтобы исполнителю возместить произведенные затраты, в условиях одностороннего отказа от договора со стороны заказчика перед исполнителем встает задача доказать произведенный объем действий. Учитывая, что основная их часть может быть связана с консультированием, что составляет определенную сложность. Однако если договор включает как производство работ, так и оказание услуг, например, поставка программного обеспечения, его внедрение и техническое сопровождение; то практическое значение приобретают оговорки, согласно которым при досрочном расторжении договора заказчик лишен возможности ссылаться на отсутствие потребительской ценности фактически выполненных работ или заданий на том лишь основании, что задание выполнено не в полном объеме к моменту расторжения.

Определенные нюансы в применении оговорок об ограничении ответственности возникают в зависимости и от субъектного состава договора. В договорах на приобретение пользователем цифрового контента, как услуги, цифровые платформы, исключая свою ответственность за невозможность получения пользователем контента по не зависящим от них причинам, уже входят в противоречие с общими правилами, действующими в отношениях с потребителями о качестве оказываемых услуг, а также нарушают принцип справедливого баланса интересов сторон. В отношении лицензионных договоров положения о защите прав потребителей не применимы, хотя фактически заказчик уверенно мог бы рассматриваться в качестве потребителя. Отсюда огромное количество договоров ИТ-компаний о предоставлении сервисов сконструировано именно по модели лицензионного договора.

²² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12 января 2024 г. № Ф05-32262/2023 по делу № А40-158466/2022.

3. Правовой режим оговорок, исключаящих или ограничивающих отдельные виды убытков, размер неустойки за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору в сфере информационных технологий

Предусмотренные гражданским законодательством общие правила для применения оговорок, в том числе в отношении отдельных видов договоров и их субъектного состава, обуславливают активный поиск в правоприменительной практике таких вариантов оговорок, которые будут являться правомерными. В этой связи одним из основных концептуально возникающих вопросов в этой связи является вопрос о том, какой характер носят сформулированные правила относительно оговорок: императивный или диспозитивный, и насколько цели законодательного регулирования того или иного вида договора могут оказывать влияние на возможность использования оговорки с целью учета специфики информационных технологий.

Согласно сформировавшейся судебной позиции²³, если в нормативном предписании отсутствует прямо указанный запрет на включение в соглашение сторон таких условий договора, которые отличаются от содержащегося в ней правила, такая норма считается диспозитивной. Указанная позиция согласуется с пониманием принципа диспозитивности, заложенным в Модельном акте европейского законодательства о принципах и модельных правилах европейского частного права (DCFR, ст. (II) 1:102)²⁴, согласно которому диспозитивность презюмируется. Поэтому не требуется каждый раз доказывать диспозитивность той или иной нормы. Однако в российской судебной практике указанное понимание принципа диспозитивности также дополняется тем обстоятельством, что учитывать также необходимо и цели законодательного регулирования соответствующего вида договора, и направлены ли нормы были на защиту определенных законных интересов, подлежащих охране. Если отличное регулирование, содержащее-

ся в соглашении сторон, нарушает указанные интересы, то такое положение договора может быть признано «недопустимым». Отсюда использование того или иного варианта оговорки об ограничении ответственности всегда требует учета двух условий: 1) отсутствие законодательного запрета для использования ограничивающей ответственность оговорки; 2) соответствие оговорки цели законодательного регулирования соответствующего вида договора, ее направленность на защиту законных интересов сторон договора.

В практике, используемые в отношении условий об ответственности оговорки, достаточно разнообразны и в основном связаны:

1) с условиями, представляющими собой отказ от гарантий, на основе принципа «as is» («как есть»);

2) признанием потребительской ценности произведенной работы, если заказчик досрочно расторгает договор;

3) условиями компенсационного характера – вместо признания нарушения в отношении сниженных параметров оказания услуг взамен предусматривается продление доступа, предоставление бонусов и т.п.

При этом в целях правовой квалификации указанных условий, с учетом выполнения при этом ряда необходимых обстоятельств, возможно прибегать к их оценке в качестве:

– альтернативного способа исполнения обязательства (ст. 308.1 ГК РФ), применяя положение об альтернативности не только в отношении предмета договора, но и применительно ко времени, месту исполнения обязательства и иным обстоятельствам;

– изменения условий договора (ст. 451 ГК РФ) с признанием сторонами определенных обстоятельств в качестве существенно изменяющихся;

– штрафной или зачетной неустойки, без формального признания нарушения обязательств (ст. 394 ГК РФ): в зависимости от того, предусмотрена ли соглашением возможность взыскания

²³ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» (абз. 1 и 3 п. 4).

²⁴ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full Edition / Ed. by C. von Bar and E. Clive. 2009. P. 131. // <http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/60427/1/50.pdf> (дата обращения 15 марта 2025 г.).

убытков, и если предусмотрена, то, как правило, в сумме все требования не могут превышать определенной соглашением денежной суммы;

– оговорок, вытекающих из свободы договора в соответствии с п. 4 ст. 421 ГК РФ;

4) отказ от взимания платы за не оказанные или ненадлежащим образом оказанные услуги. Указанное условие возможно квалифицировать, при соблюдении определенных условий, в качестве:

– зачета встречных требований без формального признания нарушения обязательств (ст. 410 ГК РФ). Таким образом, в договоре стороны оговаривают свое заявление о зачете требований в случае просрочки исполнения обязательства;

– условий, вытекающих из свободы договора;

– отказа от встречного исполнения, в том случае если одна сторона не исполнила обязательство, то вторая – реализует право не осуществлять встречное исполнение (не уплачивать вознаграждение) (ст. 328 ГК РФ).

Используемые в практике оговорки, исключающие отдельные виды убытков за нарушение обязательств по договору, можно разделить на следующие виды:

1) ограничение ответственности только реальным ущербом, исключая упущенную выгоду. Общие правила о возмещении убытков, из которых следует, что возмещению подлежит только тот ущерб, который прямо следует из нарушения обязательства по договору, в практике последовательно применяются. Однако исключение упущенной выгоды имеет практическое значение, ввиду того, что контрагент не лишен права претендовать на ее возмещение при условии, если докажет ее реальность и причинно-следственную связь с ненадлежащим исполнением договора;

2) ограничение размера подлежащих возмещению требований определенной суммой. Маркетплейсы и иные цифровые сервисы часто включают в договоры условия, ограничивающие размер ответственности перед потребителями. Однако потребитель вправе доказывать, что реальный

ущерб превышает установленный лимит. Кроме того, такие ограничительные условия могут быть признаны ничтожными на основе применения принципов защиты слабой стороны в договоре. В связи с этим такие положения чаще работают на стадии досудебного урегулирования спора в расчете на прекращение дальнейших претензий со стороны потребителя до суда.

В отношении используемых в практике условий об ограничении ответственности в отношении неустойки можно выделить следующие варианты:

1) не предусмотрено взыскание неустойки;

2) неустойка ограничена общим размером, в пределах которого она может быть взыскана. При этом неустойка предусматривается, как одновременно, так и по отдельности:

а) за нарушение срока выполнения работ по договору;

б) за нарушение срока оплаты работ по договору, за исключением авансовых платежей.

При этом положения договора об исключительной неустойке, ограничивающие таким образом ответственность должника по сравнению с действующими законодательными гарантиями, могут быть признаны ничтожными (например, в отношении потребителей – пользователей интернет-сервисами), в том числе, если будут присутствовать признаки злоупотребления правом и поведение сторон будет носить непоследовательный характер²⁵.

Указанные положения приобретают свою специфику в лицензионных договорах на предоставление права использования на программное обеспечение, где оплата по договору, как правило, является условием для предоставления лицензионных ключей. Соответственно неработоспособность лицензионного программного продукта, в отсутствие факта его оплаты, не может свидетельствовать о ненадлежащем исполнении договора и правомерности взыскания неустойки и, соответственно признания условий, ограничивающих неустойку, недействительными.

²⁵ См. например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31 марта 2022 г. по делу № 305-ЭС21-24306, А40-78186/2020, постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 октября 2023 г. № Ф05-24157/2023 по делу № А40-199215/2022.

В отношении договоров на предоставление сертификатов на техническую поддержку программного обеспечения, оказываемую в течение определенного срока, особенностью, отражающейся на правомерности взыскания неустойки, является работоспособность указанных сертификатов у конечных их пользователей в соответствующий период и оказание, таким образом, технической поддержки. Сама по себе поставка работоспособного сертификата не исключает выполнение обязательств, касающихся его работоспособности в течение всего срока действия, согласно договору технической поддержки. Отсюда следует невозможность взыскания неустойки за указанный период, лишает смысла сам договор на поставку сертификата технической поддержки, цель которого

состоит именно в получении технической поддержки в течение определенного договором периода времени²⁶.

Приведенные выводы позволяют говорить о существенном влиянии специфики информационных технологий на потребность в использовании оговорок, исключающих или ограничивающих ответственность за нарушение обязательств в договорах, в указанной сфере. Вместе с тем общие правила, действующие в отношении оговорок, часто входят в противоречие со спецификой информационных технологий. Однако в судебной практике тенденции учета специфики информационных технологий прослеживаются сквозь призму учета обычаев делового оборота (принцип «as is»), применения принципа свободы договора и других.

Список литературы:

1. Бальсевич А. Экономика права: предпосылки возникновения и история развития // <https://institutiones.com/theories/1025-ekonomika-prava.html> (дата обращения 25 января 2025 г.).
2. Богданова Е.Е. Тенденции развития гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств: проблемы и перспективы // *Lex russica*. 2017. № 5. С. 24–37.
3. Савельев А.И. Закон и код: регулирование качества программного обеспечения, предоставляемого по лицензии и разрабатываемого на заказ // *Закон*. 2024. № 6. С. 139.
4. Williamson O.E. Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete Structural Alternatives // *Administrative Science Quarterly*. 1991. Vol. 36. No 2. P. 269–296.
5. Posner R.A. The Law and Economics Movement // *American Economic Review*. 1987. Vol. 77. No 2. P. 1–13.
6. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full Edition / Ed. by C. von Bar and E. Clive. 2009. P. 131. // <http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/60427/1/50.pdf> (дата обращения 15 марта 2025 г.).

²⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 июля 2024 г. № Ф05-14648/2024 по делу № А40-145049/2023.

Научная статья
УДК 347.1

Для цитирования:

Балашова А.И. Вторичные и дополнительные патенты, зависимые изобретения: соотношение понятий и правовых режимов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Декабрь. № 4 (50). С. 129–149.

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_10

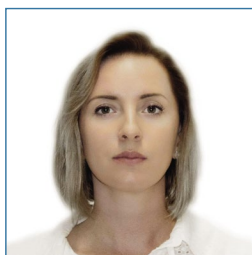
For citation:

Balashova A.I. Secondary patents and patents of addition, dependent inventions: the correlation between concepts and legal regimes // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. December. N 4 (50). Pp. 129–149. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_10

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_10

Вторичные и дополнительные патенты, зависимые изобретения: соотношение понятий и правовых режимов

А.И. Балашова,

кандидат юридических наук,

преподаватель кафедры интеллектуальных прав

Московского государственного юридического университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Российская Федерация

ORCID ID: 0000-0003-3592-5057; SPIN-код: 8711-7222

В статье предпринята попытка комплексно исследовать понятия «вторичный патент» («вторичное изобретение»), «дополнительный патент», «зависимое изобретение» в историческом и сравнительно-правовом аспектах, определить соотношение данных понятий и правовых режимов соответствующих изобретений, выявить точки пересечения в современном российском правовом регулировании и практике его применения и проанализировать соответствующую проблематику. Исследована эволюция правовой охраны зависимых (дополнительных) изобретений, правового механизма продления срока действия патента и появление дополнительных патентов в современном значении в отечественном праве. Проанализированы подходы к правовой охране зависимых изобретений, выдаче дополнительных патентов, а также охранных документов при продлении правовой охраны изобретений в зарубежных юрисдикциях. Рассмотрено соотношение зависимых и вторичных изобретений в современном российском праве и практике его применения, определены точки пересечения и проблематика в ситуациях, когда патент на вторичное изобретение приобретается на имя патентообладателя основного изобретения и на имя

третьего лица. Определено соотношение вторичных и дополнительных патентов и правовых режимов охраняемых такими патентами объектов, обозначена и рассмотрена проблематика выдачи дополнительных патентов на вторичные изобретения, в том числе с учетом допустимости множественности дополнительных патентов.

Ключевые слова:

вторичный патент; вторичное изобретение; дополнительный патент; зависимое изобретение; исключительное право; патент; патентное озеленение; принудительная лицензия

Значение срока действия исключительного права не одинаково для изобретений в разных областях техники. В сфере фармацевтики продолжительность патентной монополии, обеспеченной одним или несколькими патентами, имеет принципиально важное значение, поэтому патентообладатели стремятся использовать все предусмотренные и не противоречащие действующему законодательству средства, позволяющие как можно дольше удерживать контроль над разработкой. К числу таких средств относят патентование вторичных, зависимых изобретений и получение дополнительного патента.

Семантическая близость слов «вторичный» и «дополнительный» может привести к мысли о родстве, если не о тождестве, понятий вторичного и дополнительного патента и правовых режимов изобретений, удостоверенных такими патентами. Однако это не так, и в современном российском праве существует четкая граница между этими понятиями. В то же время соотношение понятий вторичного и зависимого изобретения представляется не таким однозначным. В настоящей статье предпринята попытка комплексно исследовать все три обозначенные понятия в историческом и сравнительно-правовом аспектах, а также найти некоторые точки пересечения в современном российском правовом регулировании и практике его применения и проанализировать соответствующую проблематику.

Эволюция правовой охраны зависимых (дополнительных) изобретений в отечественном праве

Впервые нормы об особенностях правовой охраны зависимых (дополнительных) изобретений появились в Положении о привилегиях от 22 ноября 1833 г. отечественного права (далее – Положение 1833 г.)¹.

Допускалась выдача привилегии на изменение и усовершенствования уже существующих изобретений, но не на всякие, а имеющие **существенный характер**: «§ 30. Если получивший привилегию на открытие, изобретение или нововведение, сделает в нем какое-либо **существенное изменение или усовершенствование, с важными приспособлениями или изменениями в производстве** (выделено мной – А.Б.), то может взять и на сие привилегию; но во всяком случае обязан объявить о том Департаменту, из которого привилегия ему выдана, с ясным описанием, в чем именно состоит сие усовершенствование».

Условия получения и действия привилегии на изменение или усовершенствование отличались в зависимости от того, на чье имя она испрашивалась – обладателя основной привилегии или третьего лица, при этом в обоих случаях такая привилегия была привязана к основной привилегии по сроку действия.

В первом случае срок действия привилегии на изменение или усовершенствование должен был быть короче срока действия основной привилегии, однако не было сказано, на сколько². Выдача

¹ Положение о привилегиях от 22 ноября 1833 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 8. Отд. 1. № 6588. Санкт-Петербург, 1834. С. 691–696.

² «Чтобы на усовершенствования, самим изобретателем сделанные, срок привилегии назначаем был сокращеннее, чем на самое изобретение» (§ 32 Положения о привилегиях от 22 ноября 1833 г.).

привилегии на изменение или усовершенствование не продлевала срока действия основной привилегии³.

Во втором случае срок действия привилегии на изменение или усовершенствование должен был быть короче срока действия основной привилегии как минимум в два раза⁴ и выдача такой привилегии была обусловлена заключением соглашения с обладателем основной привилегии, пока она была действующей⁵.

Последним дореволюционный подход существенно отличается от современного, в соответствии с которым получение согласия обладателя первоначального патента требуется для использования зависимого изобретения, но не для его патентования.

В Положении о привилегиях на изобретения и усовершенствования от 20 мая 1896 г. (далее – Положение 1896 г.)⁶ привилегии на изменения и усовершенствования именовались **дополнительными**, и было конкретизировано их содержание: «27. До прекращения действия привилегии, получивший ее может ... просить о выдаче ему **дополнительной привилегии для расширения объема выданной ранее привилегии путем прибавления новых частей или присоединения указаний о практическом применении изобретения или усовершенствования** (выделено мной – А.Б.). Срок действия дополнительной привилегии оканчивается со сроком действия первоначальной привилегии». Названное Положение допускало также выдачу привилегии на изобретение или усовершенствование, дополняющее или изменяющее выданную привилегию, третьему лицу на общем основании по истечении

года со дня публикации о выдаче первой привилегии, без условия о получении соглашения обладателя основной привилегии. Наряду с этим было предусмотрено, что «*изобретатель или его правопреемники и лицо, получившее привилегию на дополнение или изменение его изобретения или усовершенствования, не могут пользоваться этим изменением или дополнением иначе, как **по взаимному соглашению***» (выделено мной, – А.Б.) (п. 28).

Как отмечал А.А. Пиленко, «условием выдачи дополнительного или зависимого патента является наличие патентоспособного изобретения ... разница же между дополнительными и зависимыми привилегиями заключается только в их носителе: первые выдаются тому же лицу, которому выдан и основной патент; вторые – третьим лицам»⁷.

Постановление о патентах на изобретения, введенное в действие Постановлением ЦИК и СНК СССР от 12 сентября 1924 г. (далее – Положение 1924 г.)⁸, несмотря на принципиально новую идеологическую основу, в исследуемой части содержало в целом сходные положения. Термин «дополнительная привилегия» был заменен термином «**дополнительный патент**», и было конкретизировано его соотношение с основным патентом: во-первых, было указано, что если нет иного соглашения, дополнительный патент переходит к правопреемнику по основному патенту в качестве принадлежности последнего без особого вознаграждения; во-вторых, было установлено, что признание основного патента ничтожным по причинам, не затрагивающим дополнительного патента, не влечет недействительности дополнительного патента, и в этом случае обладатель последнего

³ «Чтобы действие таковой привилегии было независимо от той, которая выдана на главное изобретение, так, что срок сей последней не может продолжаться, хотя бы привилегия, на усовершенствование выданная, и не окончилась» (Там же).

⁴ «Чтобы на усовершенствования, другим лицом сделанные, срок привилегии назначаем был не более, как в половину того, каким пользовался сам изобретатель» (Там же).

⁵ «Если в том изобретении, на которое привилегия выдана одному лицу, сделано будет какое-либо усовершенствование другим лицом, то на усовершенствование сие не может быть выдана особая привилегия сему последнему, разве он предварительно докажет, что сделал соглашение с хозяином первой привилегии об употреблении им остальных частей предмета; но с истечением срока первой привилегии может быть выдана особая привилегия на усовершенствованную часть первого изобретения» (§ 31 Положения о привилегиях от 22 ноября 1833 г.).

⁶ Положение о привилегиях на изобретения и усовершенствования от 20 мая 1896 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. 16. Отд. 1. № 12965. Санкт-Петербург, 1899. С. 453–458.

⁷ Пиленко А.А. Право изобретателя: (Привилегии на изобретения и их защита в рус. и междунар. праве): Историко-догмат. исслед. Т. 1-2 / Ал. Пиленко, прив.-доц. СПб. ун-та. Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1902-1903. 2 т.; 24. Т. 2. 1903. С. 111–112.

⁸ Постановление ЦИК и СНК СССР от 12 сентября 1924 г. «О введении в действие Постановления о патентах на изобретения» // Собрание законодательства СССР. 1924. № 9. Ст. 97.

мог ходатайствовать о превращении дополнительного патента в самостоятельный (п. 13).

Положение об изобретениях и технических усовершенствованиях, утв. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 9 апреля 1931 г. № 3/256 (далее – Положение 1931 г.)⁹, Положение об изобретениях и технических усовершенствованиях, утв. Постановлением СНК СССР 5 марта 1941 г. № 448 (далее – Положение 1941 г.)¹⁰, Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утв. Постановлением Совета Министров СССР от 24 апреля 1959 г. № 435 (далее – Положение 1959 г.)¹¹, Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утв. Постановлением Совета Министров СССР от 21 августа 1973 г. № 584 (далее – Положение 1973 г.)¹² содержали разделы, посвященные дополнительным изобретениям, которые могли охраняться как патентами, так и авторскими свидетельствами.

Согласно названным положениям, изобретение считается **дополнительным**, если оно является усовершенствованием другого изобретения (основного), на которое ранее было выдано авторское свидетельство или патент, и без применения основного изобретения не может быть использовано.

Понятие «**усовершенствование**» трактовалось следующим образом: «Изменение или дополнение, вносимые в основное изобретение, должны обладать тем свойством, что достигаемый благодаря совместному применению основного и дополнительного изобретений технический эффект по сравнению с тем, который давало использование лишь одного основного изобретения, должен получаться либо “с меньшей затратой сил”, либо

при условиях, “более достойных и адекватных человеческой природе”»¹³.

Вид охранного документа на **дополнительное изобретение** и его правовой режим зависели от вида охранного документа на основное изобретение:

1) если на основное изобретение было выдано авторское свидетельство, то на дополняющее его изобретение выдавалось **зависимое авторское свидетельство** (если со дня выдачи основного авторского свидетельства¹⁴ прошло не более 15 лет; в противном случае изобретение считалось самостоятельным), при этом заявка дополнительного изобретения, сделанная автором основного изобретения до истечения четырех месяцев¹⁵ со дня выдачи ему основного авторского свидетельства¹⁶, пользовалась преимуществом перед заявкой на такое же изобретение, сделанной в течение этого срока другим лицом;

2) если основное изобретение охранялось патентом, то на дополнительное изобретение выдавался по выбору заявителя **зависимый патент или зависимое авторское свидетельство**, при этом осуществление дополнительного изобретения допускалось лишь по соглашению с обладателем патента на основное изобретение¹⁷.

Соотношение основного и зависимого патента (авторского свидетельства) по Положениям 1931 г., 1941 г. и 1959 г. определялось следующим образом:

1) зависимый патент выдается на срок действия основного патента;

2) если по причинам, не затрагивающим дополнительного изобретения, прекратится действие основного авторского свидетельства (или основного патента), то зависимое авторское

⁹ Постановление ЦИК и СНК СССР от 9 апреля 1931 г. № 3/256 «О введении в действие Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях» // Собрание законодательства СССР. 1931. № 21. Ст. 180.

¹⁰ Постановление СНК СССР от 5 марта 1941 г. № 448 «Об утверждении Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях и о порядке финансирования затрат по изобретательству, техническим усовершенствованиям и рационализаторским предложениям» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1941. № 9. Ст. 150.

¹¹ Постановление Совмина СССР от 24 апреля 1959 г. № 435 «Об утверждении Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях и Инструкции о вознаграждении за открытия, изобретения и рационализаторские предложения» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1959. № 9. Ст. 59.

¹² Постановление Совмина СССР от 21 августа 1973 г. № 584 «Об утверждении Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1973. № 19. Ст. 109.

¹³ Райгородский Н. А. Изобретательское право СССР / Общ. ред.: И.Б. Новицкий, Е.А. Флейшиц. М.: Госюриздат, 1949. С. 109.

¹⁴ По Положению 1973 г. – с даты подачи заявки.

¹⁵ По Положениям 1959 г. и 1973 г. – до истечения шести месяцев.

¹⁶ По Положениям 1959 г. и 1973 г. – со дня публикации сведений о выдаче основного авторского свидетельства.

¹⁷ По Положению 1959 г. – за исключением случаев использования изобретений, имеющих особо существенное значение для государства, на основании решения Совета Министров СССР.

свидетельство (или зависимый патент) приравнивается к самостоятельному; при этом зависимый патент сохраняет силу лишь на тот срок, на который был выдан основной патент.

Во всем остальном зависимый патент приравнивался к самостоятельному.

Положением 1973 г. было устранено правило о том, что зависимый патент действует в течение срока действия основного патента, в том числе в случаях аннулирования или досрочного прекращения действия основного патента. Срок действия зависимого патента определялся по общему правилу и составлял 15 лет со дня подачи заявки.

Патентный закон Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3517-1 (далее – Патентный закон РФ)¹⁸ в первой редакции не содержал положений, касающихся дополнительных или зависимых изобретений. В статье 10 названного Закона предусматривалось право патентообладателя, который не может использовать собственное изобретение, полезную модель, промышленный образец, не нарушая при этом прав другого патентообладателя, требовать заключения лицензионного договора; однако такие объекты не были поименованы как зависимые или дополнительные. В 2003 г. в данную норму были внесены изменения, предусматривавшие в указанной ситуации выдачу принудительной лицензии в порядке и при соблюдении условий, приближенных к предусмотренным действующим законодательством.

В первой редакции части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹⁹ была предусмотрена норма о предоставлении принудительной лицензии в целях использования зависимого изобретения (п. 2 ст. 1362), в которой было использовано словосочетание «**зависимое изобретение**», однако статья, определяющая понятие и правовой режим таких изобретений (ст. 1358.1), в этой и нескольких последующих редакциях отсутствовала и появилась в ГК РФ лишь в 2014 г., и с этого времени изменений не претерпевала.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что в отечественном правовом регулировании в течение почти всего времени его становления и развития термины «**зависимый**» и «**дополнительный**» употреблялись как **синонимы** в отношении охранных документов (привилегий, авторских свидетельств, патентов) и охраняемых ими изобретений, которые представляли собой усовершенствования других охраняемых изобретений.

В качестве **основных черт правового режима зависимых (дополнительных) изобретений** в историческом контексте можно выделить следующие:

1) охранный документ на зависимое (дополнительное) изобретение может быть получен как правообладателем основного изобретения, так и любым другим лицом;

2) правообладателю основного изобретения предоставляется преимущество в регистрации зависимого (дополнительного) изобретения (Положения 1896 г., 1924 г., 1931 г., 1941 г., 1959 г., 1973 г.);

3) срок правовой охраны зависимого (дополнительного) изобретения не превышает срока правовой охраны основного изобретения (Положения 1833 г., 1896 г., 1924 г., 1931 г., 1941 г., 1959 г.);

4) использование зависимого (дополнительного) изобретения обусловлено получением согласия правообладателя основного изобретения;

5) зависимое (дополнительное) изобретение может не следовать судьбе основного изобретения (Положения 1924 г., 1931 г., 1941 г., 1959 г., 1973 г.).

Эволюция правового механизма продления срока действия патента и появление дополнительных патентов в современном значении в отечественном праве

В Положении 1924 г. впервые в отечественном праве появилась норма о продлении срока действия патента на срок до пяти лет в случае наступления «**непреодолимых препятствий к осуществлению патента**», наличие которых должно было быть подтверждено надлежащими доказательствами

¹⁸ Патентный закон Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3517-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 42. Ст. 2319.

¹⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

(ст. 17)²⁰. Последующие акты советского периода и первые редакции Патентного закона РФ норм о продлении срока действия патента не содержали.

В 2003 г. в Патентный закон РФ были внесены изменения, которыми в отечественное право был введен правовой механизм продления срока действия патента на изобретение, относящееся к лекарственному средству, пестициду или агрохимикату. Необходимость данных преобразований обоснована тем, что для вывода перечисленных продуктов на рынок требуется прохождение обязательных и длительных разрешительных процедур (например, процедура государственной регистрации лекарственных средств), что сокращает экономически эффективный срок действия патента, а обозначенный правовой механизм позволяет компенсировать патентообладателю вынужденные временные потери.

В абзаце 2 п. 3 ст. 3 Патентного закона РФ в редакции 2003 г. было закреплено, что срок действия патента на изобретение, относящееся к лекарственному средству, пестициду или агрохимикату, для применения которых требуется получение в установленном законом порядке разрешения, продлевается на срок, исчисляемый с даты подачи заявки на изобретение до даты получения первого такого разрешения на применение, за выче-

том пяти лет. При этом выдача дополнительного охранного документа предусмотрена не была, запись о продлении срока действия патента на изобретение вносилась в патент²¹.

С незначительными изменениями редакционного характера данная норма была перенесена в часть четвертую ГК РФ, и в 2008 г. был принят подзаконный нормативный акт²², которым предусматривалось, что патентообладателю выдается *приложение к патенту* с записью о продлении срока действия исключительного права на соответствующее изобретение.

В 2014 г. в п. 2 и 4 ст. 1363 ГК РФ были внесены вступившие в силу с 1 января 2015 г. изменения, которые существенно трансформировали исследуемый правовой механизм, в том числе в части оформления охранного документа. Так, было установлено, что при продлении срока действия исключительного права выдается **дополнительный патент** с формулой, содержащей совокупность признаков запатентованного изобретения и характеризующей продукт, на применение которого получено разрешение. В последующие годы были разработаны подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие порядок выдачи и действия дополнительного патента²³.

²⁰ «Патент выдается сроком на 15 лет со дня его опубликования (ст. 40), при чем действие его распространяется также на период времени со дня выдачи заявочного свидетельства до дня опубликования патента. В случае наступления в течение этого срока непреодолимых препятствий к осуществлению патента, Комитет по Делах Изобретений по ходатайству о том со стороны патентообладателя и по представлении им надлежащих доказательств может соответственно продлить срок действия патента, но не более, как на 5 лет, о чем публикуется особо» (Ст. 17 Положения 1924 г.).

²¹ Приказ Российского агентства по патентам и товарным знакам от 22 апреля 2003 г. № 55 «О Порядке продления срока действия патента Российской Федерации на изобретение, относящееся к лекарственному средству, пестициду или агрохимикату» // Российская газета. № 89. 14 мая 2003 г.

²² Приказ Минобрнауки РФ от 29 октября 2008 г. № 322 «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам государственной функции по осуществлению в установленном порядке продления срока действия патента на изобретение, относящееся к средствам, для применения которых требуется получение разрешения уполномоченного на это органа в соответствии с законодательством Российской Федерации, срока действия патента на промышленный образец, свидетельства (патента) на полезную модель, свидетельства о регистрации товарного знака, знака обслуживания, свидетельства на право пользования наименованием места происхождения товара, а также восстановления действия патента на изобретение, полезную модель, промышленный образец, прекращенного в связи с неуплатой в установленный срок пошлины за поддержание его в силе» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 26. 29 июня 2009 г.

²³ Приказ Минэкономразвития России от 3 ноября 2015 г. № 810 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по продлению срока действия исключительного права на изобретение и удостоверяющего это право патента» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 4 августа 2025 г.) (утратил силу); Приказ Роспатента от 2 ноября 2021 г. № 180 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по продлению срока действия исключительного права на изобретение и удостоверяющего это право патента» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 4 августа 2025 г.) (далее – Регламент № 180); Приказ Минэкономразвития России от 3 ноября 2015 г. № 809 «Об утверждении Порядка выдачи и действия дополнительного патента на изобретение, продления срока действия патента на изобретение» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 4 августа 2025 г.) (далее – Порядок № 809).

Последние изменения в ст. 1363 ГК РФ, а именно в п. 5, были внесены в 2022 г. в связи с уточнением оснований и порядка оспаривания продления срока действия исключительного права на изобретение и действия удостоверяющего его дополнительного патента²⁴.

Таким образом, в результате трансформации правового механизма продления срока действия патента на изобретение в современном российском праве понятие «**дополнительный патент**» стало использоваться для обозначения охранного документа, удостоверяющего право на изобретение, правовая охрана которого продлена, а не на изобретение, представляющее собой усовершенствование другого изобретения, как это было ранее.

Дополнительные патенты и зависимые изобретения в зарубежных юрисдикциях

Современные зарубежные правовые порядки по-разному подходят к формату правовой охраны изобретений, которые представляют собой модификации и усовершенствования других изобретений.

В отдельных юрисдикциях прямо закреплено, что патентование таких изобретений осуществляется без каких-либо особенностей. В законе **Египта**²⁵ подчеркнуто, что на модификации, усовер-

шенствования и дополнения к ранее запатентованному изобретению, при условии соответствия критериям новизны, изобретательского уровня и промышленной применимости, выдаются независимые патенты тому лицу, которое обладает правами на такие модификацию, усовершенствование или дополнение. Сходным образом в законодательстве **Объединенных Арабских Эмиратов**²⁶ предусмотрено, что патент выдается отдельно на любое новое применение, модификацию, усовершенствование или дополнение, относящиеся к ранее запатентованному изобретению, если они соответствуют установленным в законе условиям.

Патентным законом **Канады**²⁷ предусмотрено, что любое лицо, создавшее какое-либо усовершенствование любого запатентованного изобретения, может получить патент на это усовершенствование, но при этом оно не получает права изготавливать, продавать или использовать оригинальное изобретение, равно как и патент на оригинальное изобретение не предоставляет права изготавливать, продавать или использовать запатентованное усовершенствование (ст. 32).

Во многих правовых порядках, например, в Китае²⁸, Дании²⁹, Германии³⁰, Венгрии³¹, Казахстане³², Намибии³³, Молдове³⁴, Руанде³⁵, Саудовской

²⁴ См. подробнее о значении, эволюции и содержании правового механизма продления срока правовой охраны изобретения: Продление патентов на лекарственные средства: регулирование и практика применения / Л.А. Новоселова, А.В. Андреев, А.И. Балашова, Е.В. Гюльбасарова. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2024. С. 124–246.

²⁵ Law No. 82 of 2002 on the Protection of Intellectual Property Rights (amended up to Law No. 178 of 2020) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22066> (дата обращения: 5 августа 2025 г.).

²⁶ Federal Law No. 11 of 2021 on the Regulation and Protection of Industrial Property Rights [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21253> (дата обращения: 5 августа 2025 г.).

²⁷ Patent Act (R.S.C., 1985, c. P-4) amended up to June 30, 2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22425> (дата обращения: 5 августа 2025 г.).

²⁸ Patent Law of the People's Republic of China (amended up to October 17, 2020) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21027> (дата обращения: 5 августа 2025 г.).

²⁹ The Consolidate Patents Act (Consolidate Act No. 90 of January 29, 2019) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/18698> (дата обращения: 5 августа 2025 г.).

³⁰ Patent Act (as amended up to Act of 30 August 2021) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21386> (дата обращения: 5 августа 2025 г.).

³¹ Act No. XXXIII of 1995 on the Protection of Inventions by Patents (consolidated text of March 1, 2025) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/23171> (дата обращения: 5 августа 2025 г.).

³² Патентный закон Республики Казахстан № 427 от 16.07.1999 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22339> (дата обращения: 5 августа 2025 г.).

³³ Industrial Property Act, 2012 (Act No. 1 of 2012) (Amended by Act No. 8 of 2016) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21942> (дата обращения: 5 августа 2025 г.).

³⁴ Закон № 50-XVI от 07.03.2008 г. «Об охране изобретений» (с изменениями, внесенными Законом № 98 от 27.04.2023 г.) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22011> (дата обращения: 5 августа 2025 г.).

³⁵ Law No. 055/2024 of 20/06/2024 on the Protection of Intellectual Property [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22672> (дата обращения: 5 августа 2025 г.).

Аравии³⁶, Швейцарии³⁷, Узбекистане³⁸, не закреплены понятия и особенности правового режима дополнительных или зависимых изобретений, за исключением положения о возможности выдачи принудительной лицензии в целях использования зависимого изобретения. Следует отметить, что в соответствующих нормах законов некоторых перечисленных и других государств зависимые изобретения не именуются таковыми. Это, вероятно, связано с тем, что в ст. 31 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) от 15 апреля 1994 г.³⁹ используются словосочетания «первый патент» и «второй патент» и не используется термин «зависимое изобретение».

Соответственно, патентование усовершенствований и модификаций изобретений в таких юрисдикциях осуществляется на общих основаниях при условии соответствия всем условиям патентоспособности, в том числе изобретательскому уровню, и таким изобретениям предоставляется полноценная правовая охрана, дополненная возможностью получения принудительной лицензии на основное изобретение при соблюдении установленных условий.

В некоторых юрисдикциях закреплены специальные правовые режимы изобретений, представляющих собой модификации и усовершенствования других охраняемых изобретений.

В Патентном законе Австралии⁴⁰ предусмотрена выдача **дополнительных патентов** – *patents of addition* – на усовершенствование и модификации основного изобретения (ст. 80–87). Заявка на такой патент может быть подана обладателем патента или заявки на основное изобретение. Экспертиза по заявке на дополнительный патент

проводится не ранее экспертизы по заявке на основное изобретение, и дополнительный патент не может быть выдан ранее патента на основное изобретение. По заявлению патентообладателя основного изобретения, которому также принадлежит независимый патент на усовершенствование или модификацию, такой независимый патент может быть аннулирован, и вместо него может быть выдан дополнительный патент.

Срок действия дополнительного патента по общему правилу определяется сроком действия патента на основное изобретение, при этом он может быть продлен, даже если не продлен срок действия основного патента, и в этом случае с момента истечения срока действия последнего дополнительный патент становится независимым. В обратной ситуации дополнительный патент прекращает свое действие с истечением срока действия основного патента в непродленной части.

В случае если патент на основное изобретение признается недействительным, дополнительный патент становится независимым, если иное не предписано соответствующим судебным или административным решением. Действует такой независимый патент в течение неистекшего срока действия патента на основное изобретение. Дополнительный патент не может быть признан недействительным только потому что с учетом публикации и использования основного патента не имеет в заявленной части изобретательского уровня (ст. 25).

В Патентном законе Индии⁴¹ предусмотрены весьма сходные положения (ст. 54–56) о выдаче **дополнительных патентов** (*patents of addition*). В статье 56 названного Закона более подробно по

³⁶ Law on Patents, Layout-Designs of Integrated Circuits, Plant Varieties, and Industrial Designs (issued by Royal Decree No. M/27 of 29 Jumada al-Ula 1425 AH (July 17, 2004), amended up to Royal Decree No. M/45 dated 10 Rabi' al-Awwal 1445 AH (September 25, 2023)) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/23123> (дата обращения: 5 августа 2025 г.).

³⁷ Federal Act of June 25, 1954, on Patents for Inventions (status as of April 1, 2019) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/18795> (дата обращения: 5 августа 2025 г.).

³⁸ Law on Inventions, Utility Models and Industrial Designs Law No. 397-II of August 29, 2002, amended up to Law No. LRU-908 of February 15, 2024 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22558> (дата обращения: 5 августа 2025 г.).

³⁹ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (Заклучено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818–2849.

⁴⁰ Patents Act 1990 (consolidated as of August 26, 2021) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21497> (дата обращения: 5 августа 2025 г.).

⁴¹ The Patents Act, 1970 (Act No. 39 of 1970, amended up to Act No. 18 of 2023) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22960> (дата обращения: 6 августа 2025 г.).

сравнению с австралийским законом изложены положения о том, что в выдаче дополнительного патента не может быть отказано и таковой не может быть отозван или признан недействительным только на том основании, что полное описание заявленного изобретения не содержит изобретательского уровня с учетом какой-либо публикации или использования основного изобретения или любого его усовершенствования или модификации; действительность дополнительного патента не может быть поставлена под сомнение на том основании, что изобретение должно быть предметом независимого патента. При определении новизны изобретения, раскрытого в полном описании к заявке на дополнительный патент, следует также учитывать полное описание к основному изобретению.

Положения, аналогичные приведенным положениям законодательства Австралии и Индии, закреплены в отношении **дополнительных патентов (patents of addition)** в ст. 106–111 Патентного закона Новой Зеландии⁴².

Сходные положения предусмотрены и Патентным законом **Израиля**⁴³ – патентообладатель вправе запросить выдачу **дополнительного патента (patent of addition)** на усовершенствование или модификацию изобретения, даже если такое усовершенствование или модификация не обладает изобретательским уровнем по отношению к основному изобретению или другим дополнительным патентам. Особенностью в данной юрисдикции является то, что если лицо подает несколько заявок, оно вправе выбрать, по какой из них будет выдан патент на основное изобретение, а по всем другим запросить выдачу дополнительных патентов; при этом дата подачи заявки на основное изобретение должна предшествовать датам подачи заявок на дополнительные патенты. Такие патенты действуют столько же, сколько действует патент на основное изобретение, и, так же как в приведенных выше юрисдикциях, пошлина за поддержание их в силе не уплачивается. Патентный закон Израиля

также допускает преобразование дополнительного патента в основной патент в случае признания последнего недействительным.

Законом о промышленной собственности **Бразилии**⁴⁴ предусмотрена возможность получения **свидетельства о дополнительной охране изобретения (certificate of addition of invention)**. Такое свидетельство может быть выдано по ходатайству заявителя по заявке на выдачу патента или патентообладателя для охраны улучшений и усовершенствований основного изобретения даже в случае отсутствия изобретательского уровня, но при условии единства изобретательского замысла. Заявка на свидетельство о дополнительной охране публикуется немедленно после публикации заявки на изобретение. В процессе рассмотрения заявки на свидетельство о дополнительной охране заявитель может ходатайствовать о ее преобразовании в заявку на выдачу патента на изобретение с сохранением даты подачи. Свидетельства о дополнительной охране носят акцессорный характер по отношению к основному патенту, имеют тот же срок действия и следуют его правовой судьбе. При рассмотрении вопроса о признании патента недействительным патентообладатель может ходатайствовать о том, чтобы объект свидетельства о дополнительной охране был проанализирован на предмет возможности сохранения его правовой охраны с тем же сроком действия патента (ст. 76–77).

Если обобщить приведенные данные, можно подытожить, что в зарубежной практике **дополнительный патент (patent of addition)** – это охранный документ, который выдается на модификацию или усовершенствование изобретения, и правовой режим охраняемого им объекта характеризуется следующими чертами:

1) дополнительный патент выдается правообладателю основного изобретения;

2) к объекту по заявке на дополнительный патент предъявляются сниженные требования в отношении изобретательского уровня;

⁴² Patents Act 2013 (Act No. 68 of 2013, consolidated January 24, 2023) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22423> (дата обращения: 6 августа 2025 г.).

⁴³ Patent Law, 5727-1967 amended up to 5774-2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/15167> (дата обращения: 6 августа 2025 г.).

⁴⁴ Law No. 9.279 of May 14, 1996 (Law on Industrial Property, as amended up to Law No. 14.200 of September 2, 2021) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21166> (дата обращения: 5 августа 2025 г.).

3) дополнительный патент привязан по сроку действия к основному и не облагается пошлиной за поддержание в силе;

4) дополнительный патент может быть преобразован в основной, в том числе в случае признания основного патента недействительным.

Таким образом, дополнительный патент не тождествен по правовому значению зависимому патенту прежде всего потому, что выдается только правообладателю основного изобретения, в то же время обозначение зависимого патента как такового имеет значение, только в случае если он выдан иному лицу, поскольку такие характерные черты правового режима зависимого изобретения, как необходимость получения согласия правообладателя основного изобретения для использования зависимого и возможность получения принудительной лицензии в случае его отсутствия утрачивают свое значение при совпадении патентообладателей основного и зависимого изобретения в одном лице.

Охранные документы, выдаваемые при продлении правовой охраны изобретений, в зарубежных юрисдикциях

Подход к выдаче охранного документа при продлении правовой охраны изобретений, связанном с прохождением разрешительных процедур, необходимых для вывода продукта на рынок, и наименование такого охранного документа в зарубежных юрисдикциях отличается в зависимости от избранной модели соответствующего правового механизма.

В государствах, следующих *модели продления срока действия патента (patent term extension, PTE), или американской модели*, как правило, не выдается отдельный охранный документ на изобретение, срок правовой охраны которого продлен (США, Австралия, Япония, Сингапур, Бруней, Ки-

тай, Южная Корея, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Бахрейн). Может выдаваться сертификат о продлении, который является частью патента (например, в США⁴⁵).

В государствах, следующих *модели выдачи дополнительного охранного документа, или европейской модели*, наиболее распространена выдача документа, именуемого свидетельством о дополнительной охране (*supplementary protection certificate*). Выдача такого документа на основании единого регулирования на европейском уровне осуществляется во всех государствах – членах Европейского союза, а также в государствах, входящих в Европейскую ассоциацию свободной торговли, иных европейских государствах (Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия), а также в Канаде. В русскоязычной версии закона Молдовы⁴⁶ дополнительный охранный документ именуется дополнительным свидетельством об охране, Армении⁴⁷ – сертификатом дополнительной охраны, что является вариациями перевода на русский язык термина «supplementary protection certificate». В Израиле охранный документ поименован как распоряжение о продлении (extension order).

Таким образом, для зарубежных юрисдикций не характерно использование наименования «дополнительный патент» в отношении охранных документов, выдаваемых при продлении правовой охраны изобретений⁴⁸.

Зависимые и вторичные изобретения в современном российском праве и практике его применения: точки пересечения и некоторые проблемные вопросы.

Из содержания ст. 1358.1 ГК РФ можно вывести **понятие зависимого изобретения** – это изобретение, использование которого в продукте или способе невозможно без использования охраняемого патентом и имеющего более ранний

⁴⁵ United States Code, Title 35 – Patents (35 U.S.C., amended up to Public Law No. 117-328) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22357> (дата обращения: 8 августа 2025 г.).

⁴⁶ Law No. 50 of March 7, 2008, on the Protection of Inventions (as amended up to Law No. 98 of April 27, 2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22011> (дата обращения: 8 августа 2025 г.).

⁴⁷ Закон Республики Армения «О патентах», принят 03.03.2021. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=173454> (дата обращения: 8 августа 2025 г.).

⁴⁸ См. подробнее об американской и европейской моделях: Продление патентов на лекарственные средства: регулирование и практика применения / Л. А. Новоселова, А. В. Андреев, А. И. Балашова, Е. В. Гюльбасарова. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Перспект», 2024. С. 136–161.

приоритет другого изобретения или полезной модели, в том числе:

1) изобретение, охраняемое в виде применения по определенному назначению запатентованного продукта;

2) изобретение, относящееся к продукту или способу, формула которого отличается от формулы запатентованного изобретения или полезной модели только назначением.

В абзаце 2 п. 125 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴⁹, разъяснено, что если в независимом пункте формулы патента ответчика, помимо всех признаков независимого пункта формулы патента истца (для изобретений также эквивалентных), имеются и иные признаки, то изобретение, полезная модель или промышленный образец ответчика с учетом п. 1 ст. 1358.1 ГК РФ являются зависимыми.

Закон не содержит каких-либо особенностей патентования зависимых изобретений, в том числе в части ограничений по кругу заявителей или предоставления преимуществ патентообладателю основного изобретения (полезной модели).

Соответственно, патент на зависимое изобретение может быть получен на равных основаниях патентообладателем основного изобретения (полезной модели), и в этой ситуации такая существенная особенность правового режима зависимого изобретения как необходимость получения согласия патентообладателя другого объекта для использования утрачивает смысл: одно и то же лицо становится обладателем нескольких взаимосвязанных патентов.

Патент на зависимое изобретение может также быть беспрепятственно получен третьим лицом, поскольку необходимость испрашивания

разрешения патентообладателя основного изобретения (полезной модели) возникает лишь на стадии использования зависимого изобретения, но не на стадии его патентования. При соблюдении условий, предусмотренных п. 2 ст. 1362 ГК РФ, отсутствие согласия патентообладателя основного изобретения (полезной модели) может быть преодолено получением принудительной лицензии.

Понятия «вторичное изобретение» и «вторичный патент» в законодательстве не закреплены, однако широко используются в доктрине⁵⁰ и правореализационной практике для обозначения патентов на изобретения, представляющие собой несущественные усовершенствования или модификации запатентованных изобретений, прежде всего в области фармацевтики. По мнению А.В. Залесова, к вторичным патентам следует отнести только «патенты, формулы которых в качестве отличительных признаков независимых пунктов указывают следующие свойства препарата: дозировка активного вещества, предпочтительные фармацевтические формы, состав вспомогательных веществ, свойства чистоты субстанции и т.п. в отношении уже известных препаратов»⁵¹.

Для определения соотношения понятий «зависимое изобретение» и «вторичное изобретение» можно обратить внимание, во-первых, на временные параметры приобретения и действия их правовой охраны и, во-вторых, на круг возможных патентообладателей и объектов, и рассмотреть следующие ситуации.

1. Ситуация, в которой патент на вторичное изобретение приобретает на имя патентообладателя изобретения по основному патенту.

Данная ситуация связывается, как правило, со стратегией **патентного «озеленения»**⁵², направ-

⁴⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 96. 06.05.2019.

⁵⁰ См. например: *Заварзина Н.В.* Патентование фармацевтических изобретений: проблемные аспекты // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 1(35). С. 103–109; *Ворожевич А.С.* Вторичные патенты на лекарственные препараты: нужно ли ограничить их выдачу? // Закон. 2016. № 9. С. 117–130; *Залесов А.В.* Особенности применения российской патентной системы в области фармацевтики // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018. № 9. С. 2–10.

⁵¹ *Залесов А.В.* Указ. соч.

⁵² См. например: *Ворожевич А.С.* Стратегии «патентного озеленения» (patent evergreening) на фармацевтическом рынке: симптомы, механизмы борьбы // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : Сборник материалов VIII Международного юридического форума (IP Форума), Москва, 14–15 февраля 2020 года. Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2020. С. 145–150; *Орлова А.И.* Патентные стратегии в фармацевтике: «патентное озеленение» // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 26. С. 83–89.

ленной на продление патентной монополии за счет того, что заявка на вторичный патент подается позднее заявки на основное изобретение, часто – ближе к концу срока действия патента на основное изобретение. Таким образом, поскольку режим зависимого изобретения действует только в период действия правовой охраны основного изобретения, в этот период вторичное изобретение одновременно является и зависимым, однако данное обстоятельство, как уже отмечено выше, не имеет значения при совпадении патентообладателей по основному и зависимому патентам в одном лице. После истечения срока действия основного патента, первоначальная разработка с учетом усовершенствования или модификации охраняется самостоятельным вторичным патентом в течение всего срока его действия без каких-либо особенностей правового режима, что и обеспечивает патентообладателю продление патентной монополии.

Проблема патентного «озеленения» в фармацевтике получила широкое обсуждение в отечественном правовом поле, в том числе в официальных документах, поскольку затрудняет выход дженериковых лекарственных средств на рынок. Так, в Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года⁵³ борьба с «озеленением» патентов отмечена в числе направлений совершенствования нормативного правового регулирования обращения лекарственных средств. До принятия названной Стратегии

проблема патентного «озеленения» обозначалась в Плане мероприятий (дорожной карте) «Развитие конкуренции в здравоохранении», утвержденном распоряжением Правительства Российской Федерации от 12.01.2018 № 9-р⁵⁴ в связи с необходимостью уточнения условий патентоспособности изобретения в отношении патентования любого нового свойства или нового применения известного действующего вещества лекарственного препарата, решения вопросов патентования модификаций существующих лекарственных препаратов, в том числе новых показаний к применению, терапевтических методов, комбинаций действующих веществ, лекарственных форм, способов производства.

Следовательно, проблему патентного «озеленения» предлагалось решать через ограничение возможности патентования вторичных изобретений, что и было частично реализовано на уровне подзаконных актов:

1) в 2018 г.⁵⁵ в действовавшие на тот момент Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации изобретений, и их форм, Требования к документам заявки на выдачу патента на изобретение, утв. Приказом Минэкономразвития России от 25 мая 2016 г. № 316 (далее – Правила и Требования № 316)⁵⁶, были внесены изменения, согласно которым при характеристике фармацевтической композиции в формуле изобретения и в разделе

⁵³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 июня 2023 г. № 1495-р «Об утверждении Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 26. Ст. 4827.

⁵⁴ Распоряжение Правительства РФ от 12 января 2018 г. № 9-р «О плане мероприятий («дорожной карте») «Развитие конкуренции в здравоохранении» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 4. Ст. 663.

⁵⁵ Приказ Министерства экономического развития РФ от 1 октября 2018 г. № 527 «О внесении изменений в Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации изобретений, и их формы и Требования к документам заявки на выдачу патента на изобретение, утвержденные приказом Минэкономразвития России от 25 мая 2016 г. № 316» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 9 августа 2025 г.).

⁵⁶ Приказ Министерства экономического развития РФ от 25 мая 2016 г. № 316 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации изобретений, и их форм, Требований к документам заявки на выдачу патента на изобретение, Составов сведений о заявке на выдачу патента на изобретение, публикуемых в официальном бюллетене Федеральной службы по интеллектуальной собственности, Порядка проведения информационного поиска при проведении экспертизы по существу по заявке на выдачу патента на изобретение и представления отчета о нем, Порядка и сроков информирования заявителя о результатах проведения информационного поиска по заявке на выдачу патента на изобретение и публикации отчета о таком поиске, Порядка и условий проведения информационного поиска по заявке на выдачу патента на изобретение по ходатайству заявителя или третьих лиц и предоставления сведений о его результатах, Составов сведений о выдаче патента на изобретение, публикуемых в официальном бюллетене Федеральной службы по интеллектуальной собственности, Составов сведений, указываемых в патенте на изобретение, формы патента на изобретение» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 9 августа 2025 г.).

описания изобретения «Раскрытие сущности изобретения» не допускается использование признаков, относящихся к способу лечения или профилактики заболевания (например, указание доз, условий или режимов применения композиции или лекарственных средств, полученных на ее основе), и названные признаки не учитываются при определении новизны и изобретательского уровня изобретения (п. 70, 76 Правил, п. 39, 53 Требований);

2) в 2021 г.⁵⁷ п. 77 Правил № 316 был дополнен абзацем, согласно которому не признаются соответствующими условию изобретательского уровня изобретения, основанные, в частности на создании химического соединения, являющегося формой известного химического соединения (в частности, изомером, стереоизомером, энантиомером, аморфной или кристаллической формой) или его производным (в частности, солью, сольватом, гидратом, комплексным соединением или эфиром), если такое соединение не проявляет новых по сравнению с известным соединением свойств в качественном или количественном отношении, не следующих для специалиста явным образом из уровня техники, а в п. 47 Требований № 316 была закреплена обязанность заявителя приводить в описании такого изобретения сведения о его новых по сравнению с известным соединением свойствах в качественном или количественном отношении, не следующих для специалиста явным образом из уровня техники, а также сведения, достоверно подтверждающие проявление таких новых свойств, в том числе данные, подтверждающие пригодность определенной формы или производного известного химического соединения для профилактики, диагностики и (или) лече-

ния указанного заболевания или состояния людей либо животных.

Аналогичные положения закреплены и в актуальных Правилах составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации изобретений, Требованиях к документам заявки на выдачу патента на изобретение, утв. Приказом Министерства экономического развития РФ от 21 февраля 2023 г. № 107 «О государственной регистрации изобретений» (далее – Правила № 107).⁵⁸

Закрепление особенностей патентования вторичных изобретений, в том числе в части определения соответствия условию изобретательского уровня, представляется правильным подходом к политике противодействия стратегии патентного «озеленения», но не единственно возможным и не исключающим все риски и негативные последствия вторичного патентования.

Прежде всего следует принимать во внимание **сложность методологии проверки исследуемых изобретений на соответствие условию патентоспособности «изобретательский уровень»**. В качестве иллюстрации могут служить принятые в 2024 г.⁵⁹ судебные акты Суда по интеллектуальным правам (далее – СИП), в которых рассмотрен вопрос патентоспособности новых форм известных химических соединений.

В постановлениях президиума СИП от 19 января 2024 г. по делу № СИП-877/2022⁶⁰ и от 22 января 2024 г. по делу № СИП-96/2022⁶¹ суд отметил специфику полиморфизма веществ, которая исключает возможность применения стандартной методологии⁶² оценки изобретательского уровня

⁵⁷ Приказ Министерства экономического развития РФ от 31 марта 2021 г. № 155 «О внесении изменений в Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации изобретений, и их формы и Требования к документам заявки на выдачу патента на изобретение, утвержденные приказом Минэкономразвития России от 25 мая 2016 г. № 316» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 9 августа 2025 г.).

⁵⁸ Приказ Министерства экономического развития РФ от 21 февраля 2023 г. № 107 «О государственной регистрации изобретений» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 9 августа 2025 г.).

⁵⁹ Нормативной базой для оценки патентоспособности изобретений во приведенных делах с учетом дат подачи заявок служили Правила № 316 в редакции, действовавшей до внесения изменений 2021 г.

⁶⁰ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 19 января 2024 г. по делу № СИП-877/2022 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/527618fd-9c49-464f-ad16-36e769a59368> (дата обращения: 9 августа 2025 г.).

⁶¹ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 22 января 2024 г. по делу № СИП-96/2022 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6a4640a4-0d55-46f8-aa76-0a56990bceb7> (дата обращения: 9 августа 2025 г.).

⁶² Имеется в виду п. 76 Правил № 316. В действующих Правилах № 107 это п. 81.

для новых кристаллических форм известного вещества по сравнению с самим известным веществом, поскольку применение такой методологии всегда будет означать соответствие новой формы условию патентоспособности «изобретательский уровень» в силу того, что в уровне техники невозможно отыскать кристалл, характеризующийся тем же расположением пиков на порошковой рентгеновской дифрактограмме. Обратный подход – учет в качестве известного признака того обстоятельства, что различные вещества могут обладать свойством полиморфизма, и известности методик получения новых кристаллических форм – ведет к иной крайности: принципиальной невозможности получения патентов на новые кристаллические формы известных веществ.

Президиум СИП указал на то, что процесс поиска конкретной кристаллической формы может быть как направленным на решение конкретной технической задачи, так и не связанным с таковой, а, например, вызванным лишь желанием получить зависимый патент от патента на само вещество. Кроме того, суд отметил и тот факт, что перебор различных полиморфных кристаллических форм вещества может быть рутинной задачей для специалиста в области фармацевтики.

Исходя из этого, президиум СИП заключил, что проверка новой кристаллической формы на соответствие условию охраноспособности «изобретательский уровень» включает в себя анализ, в числе прочего:

- известности (или очевидности для специалиста) полиморфизма конкретного вещества (а не полиморфизма в целом как явления);
- известности (или очевидности для специалиста), в том числе стандартности, методов получения конкретной кристаллической формы конкретного вещества;
- неожиданности для специалиста конкретного изменения физико-химических свойств, эффекта (неожиданности технического результата) в сравнении с известными формами конкретного вещества.

Аналогичный подход изложен и в постановлении президиума СИП от 17 декабря 2024 г. по делу № СИП-1013/2023⁶³.

Можно заметить, что спорные изобретения в делах № СИП-96/2022 и № СИП-877/2022 вполне могут быть отнесены к рассматриваемым сквозь призму стратегии «патентного озеленения» вторичным изобретениям:

1) в деле СИП-96/2022 спорная заявка № 2018142490 (РСТ/CN2017/083631) была подана 9 мая 2017 г. компанией ANACOR PHARMACEUTICALS, INC., при этом патент, в котором раскрыта твердая форма кризаборол и являющийся ближайшим аналогом заявленного изобретения – CN 101420854 (дата подачи заявки – 16 февраля 2007 г.), принадлежит той же компании;

2) в деле СИП-877/2022 спорная заявка № 2020113141 (РСТ/IB2018/057735) была подана 4 октября 2018 г. компанией PFIZER INC., при этом патент, из которого известны кристаллические формы гидрата свободного основания лорлатиниба и являющийся ближайшим аналогом заявленного изобретения – WO 2014207606 A1 (дата подачи заявки – 17 июня 2014 г.), принадлежит той же компании.

Также можно отметить, что в деле № СИП-96/2022 в качестве новых свойств новой формы химического соединения «кризаборол», используемого для лечения дерматита и псориаза, рассматривались хорошая стабильность, низкое влагопоглощение, равномерное распределение частиц по размерам и растворимость, соответствующая медицинским требованиям; в деле СИП-877/2022 в качестве новых свойств новой кристаллической формы «Форма 24» гидрата свободного основания лорлатиниба, используемого для лечения рака, названы улучшенная физическая стабильность в композициях на водной основе и улучшенные свойства гигроскопичности и термической стабильности. В то же время из позиций сторон и исследованных судом источников в рамках названных дел усматривается, что в целом процесс поиска новых форм соединений ориентирован именно на улучшение таких свойств, как стабильность, гигроскопичность, растворимость, биодоступность.

⁶³ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 17 декабря 2024 г. по делу № СИП-1013/2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/912813dc-b4d1-4c55-84e5-76ebd3841ec0> (дата обращения: 9 августа 2025 г.).

Таким образом, даже с учетом уже сформированного и обоснованного подхода к определению изобретательского уровня обозначенных изобретений, квалификация поиска новой формы вещества в качестве творческой изобретательской деятельности и неожиданность полученного результата остаются спорными. То же самое можно сказать и о деятельности по созданию вторичных изобретений других видов, таких, как новые дозировки или способы доставки активных ингредиентов лекарственных средств.

Можно дополнить изложенное также тем, что даже в случае, если процесс создания вторичного изобретения, в частности, новой формы известного вещества носит творческий изобретательский характер, представляется, что такая деятельность несопоставима по временным, организационным, материальным издержкам и умственным усилиям процессу получения нового вещества. При этом **на вторичное изобретение выдается самостоятельный патент с полноценным сроком действия**, зависимость которого от основного в случае совпадения патентообладателей в одном лице существенной роли не играет.

С учетом приведенных в настоящем исследовании данных о правовых режимах дополнительных (зависимых) изобретений в истории отечественного права и о дополнительных патентах (patents of addition) в зарубежной практике можно de lege ferenda рассмотреть либо дальнейшее развитие правового режима зависимого изобретения, либо разработку отдельного правового режима **дополнительного (вторичного) изобретения** (при условии переименования дополнительного патента по п. 2 ст. 1363 ГК РФ с целью исключения смешения), основываясь на следующих чертах описанных выше правовых режимов:

1) возможность регистрации дополнительного (вторичного) изобретения предоставляется патентообладателю основного изобретения;

2) к дополнительному (вторичному) изобретению предъявляются сниженные требования в отношении изобретательского уровня;

3) срок действия патента на дополнительное (вторичное) изобретение определяется сроком действия основного патента и не облагается пошлиной за поддержание в силе;

4) возможность параллельной подачи заявок и последующего выбора между патентом на основное или дополнительное (вторичное) изобретение и преобразования одного в другой в том числе в случае признания второго патента недействительным.

При таком подходе при наличии сомнений в возможности получить самостоятельный патент на вторичное изобретение у патентообладателя основного изобретения будет альтернативная возможность обеспечить его правовую охрану в режиме дополнительного (вторичного) изобретения, однако без эффекта «озеленения».

2. Ситуация, в которой патент на вторичное изобретение приобретается на имя лица, отличного от патентообладателя по основному патенту.

Данная ситуация является не только возможной, но и довольно распространенной. По данным некоторых исследований большинство вторичных патентов в фармацевтической сфере принадлежит именно дженериковым компаниям, а не компаниям-оригинаторам, являющимся разработчиками активных ингредиентов лекарственных средств⁶⁴. Такая патентная активность является весьма своеобразной формой патентного «озеленения», когда не компания-оригинатор стремится продлить срок своего монопольного положения на рынке за счет приобретения вторичных патентов, а дженериковая или иная компания стремится за счет таких патентов эту монополию обойти или «перехватить» после истечения срока действия основного патента. Первое вполне возможно осуществить с учетом того, в период действия основного патента вторичный патент является зависимым, и в целях использования охраняемого таким патентом зависимого изобретения существует возможность получения принудительной лицензии.

⁶⁴ Christie, Andrew F. and Dent, Chris and Studdert, David. Evidence of 'Evergreening' in Secondary Patenting of Blockbuster Drugs (October 18, 2021) // Melbourne University Law Review, Vol. 44, No. 2, 2020, U of Melbourne Legal Studies Research Paper No. 945. P. 13–14.

Опасения по поводу внедрения недобросовестной практики приобретения вторичных патентов с целью дальнейшего получения принудительных лицензий высказывались В.Ю. Джермакяном⁶⁵. Представляется, что данные опасения не лишены обоснованности и возникновение подобных ситуаций вероятно, однако анализ практики применения положений п. 2 ст. 1362 ГК РФ по состоянию на текущий момент не дает оснований для вывода об их массовом характере.

Так, в деле № А40-166505/2017 рассматривались требования ООО «Натива» о признании изобретения по патенту РФ № 2567535 зависимым от принадлежащего компаниям Sugen LLC и PHARMACIA & UPJOHN COMPANY LLC евразийского патента № 005996. При рассмотрении дела было установлено, что спорным евразийским патентом охраняется вещество «сунитиниб», в том числе в форме сунитиниба малата, а патентом ООО «Натива» – его кристаллическая модификация, характеризующаяся определенным набором межплоскостных расстояний и соответствующих им интенсивностей.

В качестве обстоятельств, свидетельствующих о том, что изобретение по патенту ООО «Натива» является важным техническим достижением, суды приняли сведения о скорости появления действующего вещества в крови кроликов и то, что сунитиниб может демонстрировать полиморфизм⁶⁶.

Последнее в свете приведенной выше методологии экспертизы вторичных изобретений, представляющих собой новые формы веществ, само по себе не свидетельствует не только о важности технического достижения, но и о соответствии такого изобретения условию изобретательского уровня. Более того, решением Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатента)

от 25 июня 2021 г., оставленным в силе решением СИП от 9 декабря 2021 г. по делу № СИП-923/2021⁶⁷, патент РФ № 2567535 признан полностью недействительным по причине несоответствия изобретения условиям патентоспособности «новизна» и «промышленная применимость», а также несоблюдения требования раскрытия сущности изобретения с полнотой, достаточной для осуществления специалистом в данной области техники. Впоследствии решение суда первой инстанции по делу № А40-166505/2017, которым были удовлетворены требования о выдаче принудительной лицензии, было пересмотрено по новым обстоятельствам и в удовлетворении данных требований было отказано⁶⁸.

Ситуация, в которой одно и то же изобретение в рамках одного дела было признано важным техническим достижением, а в рамках другого – непатентоспособным, приводит к мысли об актуальности проблемы разработки **методологии и критериев, позволяющих отнести зависимое изобретение к важным техническим достижениям**. По мнению автора данной статьи, положения п. 2 ст. 1362 ГК РФ могут быть истолкованы таким образом, что важность технического достижения должна устанавливаться не сама по себе, а по отношению к основному изобретению. Например, если основное изобретение представляет собой химическое соединение, которое может применяться в качестве лекарственного средства для лечения онкозаболеваний, а зависимое – новую форму такого химического соединения, применяемую в тех же целях, то в такой ситуации сама по себе возможность обозначенного применения не свидетельствует о важности технического достижения – зависимого изобретения. Наличие у новой формы новых свойств, относимых к характеристикам стабильности, гигроскопичности, растворимости

⁶⁵ Джермакян В.Ю. Комментарий к главе 72 «Патентное право» Гражданского кодекса РФ (4-е издание, переработанное и дополненное). Специально для системы ГАРАНТ, 2015 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 10 августа 2025 г.).

⁶⁶ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29 октября 2019 г. по делу № А40-166505/2017 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3a0440d1-5ba5-4049-ac4c-7be5b9edc09c> (дата обращения: 10 августа 2025 г.).

⁶⁷ Решение Суда по интеллектуальным правам от 09 декабря 2021 г. по делу № СИП-923/2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/f1716ae5-6749-46b8-9cda-105d12d9d67c> (дата обращения: 10 августа 2025 г.).

⁶⁸ Решение Арбитражного суда города Москвы от 17 июня 2022 г. по делу № А40-166505/2017, оставленное без изменения постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 3 октября 2022 г. по тому же делу [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3a0440d1-5ba5-4049-ac4c-7be5b9edc09c> (дата обращения: 10 августа 2025 г.).

и др., как указано выше, могут, но не обязательно свидетельствуют о ее патентоспособности. Поэтому вряд ли можно говорить о важности такого технического достижения по отношению к самому химическому соединению, если новая форма существенно не превосходит по своим характеристикам основное изобретение. По мнению А.С. Ворожевич, к таким характеристикам могут быть отнесены терапевтическая эффективность и безопасность⁶⁹. Данные критерии безусловно имеют существенное значение для изобретений в области фармацевтики, однако более универсальным представляется критерий технического результата, и именно он может быть положен в основу методологии определения важности технического достижения.

В этом смысле может быть проведено разграничение между «классическим» вторичным изобретением, представляющим собой несущественное усовершенствование или модификацию другого изобретения, и зависимым изобретением по п. 2 ст. 1362 ГК РФ, которое хоть и основано на ином изобретении, но существенно его превосходит по достигаемому техническому результату.

Возвращаясь к вопросу **о добросовестности цели патентования зависимых изобретений третьими лицами**, отметим, что в приведенном примере цель истребования принудительной лицензии на стадии патентования спорного зависимого изобретения едва ли может быть усмотрена в связи со следующим. Требования о выдаче принудительной лицензии были заявлены ООО «Натива» как встречные по отношению к требованиям компаний Sugen LLC и PHARMACIA & UPJOHN COMPANY LLC по иску, поданному в суд 04 сентября 2017 г. При этом ООО «Натива», не являясь первоначальным патентообладателем спорного зависимого изобретения по патенту РФ № 2567535, приобрело исключительное право на него по договору об отчуждении исключительного права, заключенному 9 февраля 2018 г. и предъявило встречное исковое заявление 27 февраля 2018 г. Цель приобретения исключительного права в дан-

ных обстоятельствах более чем очевидна. Вместе с тем первоначальный патентообладатель, получив патент РФ № 2567535 в 2015 г., требований о выдаче принудительной лицензии не предъявлял, поэтому нет оснований рассуждать о добросовестности цели такого патентования.

В то же время в текущей судебной практике лицами, участвующими в деле, высказываются доводы о недобросовестности цели патентования зависимого изобретения. Так, в рамках дела № СИП-1284/2024 об оспаривании евразийского патента на группу изобретений ЕА № 040996 компания AstraZeneca AB заявляла такие доводы, ссылаясь на параллельное судебное разбирательство о предоставлении принудительной лицензии на евразийский патент, которым охраняется действующее вещество осимертиниб, и на выводы Роспатента об отсутствии каких-либо улучшенных свойств у кристаллической формы осимертиниба мезилата по спорному патенту ЕА № 040996. Поскольку на момент подготовки настоящей статьи (август 2025 г.) разбирательство по требованиям о предоставлении принудительной лицензии не завершено, а срок обжалования судебного акта по делу № СИП-1284/2024 не истек, говорить о каких-либо выводах преждевременно, однако сама проблематика учета обстоятельств, связанных с добросовестностью патентования зависимого изобретения, на стадии патентования, оспаривания патента и рассмотрения требований о выдаче принудительной лицензии представляется актуальной и заслуживающей отдельного исследования.

Подводя итог рассуждениям о соотношении понятий зависимого и вторичного изобретения, можно сделать вывод о том, что они являются близкими по содержанию и пересекающимися, но не тождественными.

Так, **вторичное изобретение** представляет собой усовершенствование или модификацию другого изобретения, отвечает признакам **зависимого изобретения**, но является таковым лишь в период действия патента на основное изобретение, после чего охраняется полноценным само-

⁶⁹ Ворожевич А.С. Принудительное лицензирование в пользу правообладателей зависимых фармацевтических изобретений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, № 1. С. 73–98.

стоятельным патентом без каких-либо изъятий и особенностей.

Вместе с тем не каждое зависимое изобретение может быть отнесено к категории вторичных. Например, в приведенном В.И. Елисеевым примере «зависимым будет признано также изобретение-устройство, конструктивные элементы которого выполнены из охраняемого патентом материала»⁷⁰. Наряду с этим и зависимое изобретение, полностью отвечающее условиям, определенным в п. 2 ст. 1362 ГК РФ, и существенно превосходящее основное изобретение, вряд ли может быть отнесено к категории вторичных.

Вторичные и дополнительные патенты в современном российском праве и практике его применения: точки пересечения и некоторые проблемные вопросы

В предыдущем разделе рассмотрены понятия зависимого и вторичного изобретения и их соотношение. Также в данной работе приведены данные, свидетельствующие о том, что в истории отечественного права существовала практика выдачи дополнительных патентов на изобретения, соотносимые с категорией вторичных изобретений (усовершенствования и модификации существующих изобретений), и сходная практика – выдачи дополнительных патентов (*patents of addition*) на вторичные изобретения – существует в некоторых зарубежных правовых системах современности.

Однако в современном российском правовом порядке дополнительный патент имеет совершенно иное правовое значение, для него предусмотрены иные основания и порядок выдачи, сущность и правовой режим охраняемого им объекта.

Дополнительный патент выдается на основании п. 2 ст. 1363 ГК РФ в результате реализации предусмотренного данной нормой правового механизма продления срока действия исключительного права на изобретение, относящееся к такому продукту, как лекарственное средство, пестицид или агрохимикат, для применения которых тре-

буется получение в установленном законом порядке разрешения, и удостоверяющего такое право патента.

Причина введения данного механизма в отечественное право и сходных механизмов в зарубежные правовые порядки обозначена выше – это необходимость компенсировать патентообладателю временные потери, связанные с прохождением необходимых для вывода продукта на рынок разрешительных процедур и сокращающие экономически эффективный срок действия патента.

Следовательно, введение такого механизма имеет первоочередной целью стимулирование деятельности по обеспечению коммерциализации запатентованных объектов, а не изобретательской деятельности, в том числе по созданию вторичных изобретений. Между тем такая изобретательская деятельность может и зачастую осуществляется как на стадии патентования основного изобретения, так и на стадии прохождения разрешительных процедур для вывода его на рынок, в связи с чем может возникать путаница в отношении объекта, в отношении которого возможна выдача дополнительного патента в конкретной ситуации.

В этом смысле необходимо обратиться к предусмотренным действующим законодательством (ГК РФ, Порядок № 809, Регламент № 180) условиям выдачи дополнительного патента. Важнейшим условием является следующее: изобретение должно относиться к такому продукту, как лекарственное средство, пестицид или агрохимикат, на применение которого получено первое разрешение. При этом на основании абз. 5 п. 2 ст. 1363 ГК РФ дополнительный патент выдается с формулой, содержащей совокупность признаков запатентованного изобретения, характеризующую продукт, на применение которого получено разрешение.

Таким образом, формула дополнительного патента должна не только характеризовать продукт, на применение которого получено разрешение, но и охватываться формулой изобретения по

⁷⁰ Елисеев В.И. Правовая охрана зависимых объектов патентных прав // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1(47). С. 91–102.

основному патенту, и названный продукт также должен подпадать под объем правовой охраны изобретения по основному патенту.

Указанное исключает возможность включения в формулу дополнительного патента признаков, отсутствующих в формуле изобретения по основному патенту и обеспечения тем самым правовой охраны вторичного изобретения только за счет дополнительного патента.

Поскольку в лекарственном средстве действующее вещество зачастую используется в виде конкретной формы (изомеры, стереоизомеры, энантиомеры, аморфные и кристаллические формы) или производного (соли, сольваты, гидраты, комплексные соединения), в то время как объем охраны по основному патенту распространяется на само вещество, широкое обсуждение в доктрине и правоприменительной практике получила «проблема соли». В рамках данной проблематики обсуждаются вопросы о возможности выдать дополнительный патент на основании разрешения на применение вещества в виде конкретной формы или производного и об ограничении формулы такого дополнительного патента конкретной формой или производным.

В деле СИП-740/2018⁷¹ президиум СИП указал, что для того, чтобы определить, подпадает ли конкретное лекарственное средство под формулу изобретения, охарактеризованную в общем виде, должно быть в совокупности установлено следующее:

- конкретное вещество (каждый компонент комбинации), на применение которого было получено разрешение, фактически подпадает под общую формулу, охарактеризованную в патенте;
- это конкретное вещество (или каждый компонент комбинации) было прямо раскрыто в описании к патенту как подпадающее под общую формулу, охарактеризованную в патенте, либо *специалист в соответствующей области, исходя из описания к патенту и уровня техники на дату приоритета патента, мог определить, что это конкретное вещество (или каждый ком-*

понент комбинации) подпадает под общую формулу, охарактеризованную в патенте (выделено мной – А.Б.).

Последнее утверждение в соотношении с приведенными выше рассуждениями о методологии проверки вторичных изобретений на предмет соответствия условию изобретательского уровня приводит к выводу о том, что дополнительный патент не может быть выдан в отношении такой формы или производного запатентованного химического соединения, которая отвечает признакам патентоспособного вторичного изобретения и не пользуется правовой охраной как таковая. О.А. Городов, комментируя выводы СИП по делу СИП-740/2018, отмечает, что дополнительный патент может быть выдан «не только в отношении активного ингредиента, который был разрешен к применению, но также и в отношении его производных, которые предполагаются эквивалентными»⁷².

Таким образом, **объект охраны по дополнительному патенту не может обладать свойствами новизны и изобретательского уровня по отношению к изобретению, охраняемому основным патентом**, и, соответственно, являться вторичным изобретением по отношению к нему. Следовательно, **патентная охрана вторичного изобретения только дополнительным патентом невозможна**.

Из этого вывода возникает следующий вопрос: **может ли быть продлен срок действия патента на вторичное изобретение, охраняемое самостоятельным патентом, иными словами – можно ли выдать дополнительный патент ко вторичному патенту?** Возникает вопрос и о множественности продлений: патентообладатель может сначала получить первый патент, охраняющий вещество, являющееся активным ингредиентом лекарственного средства, испросить продление срока действия такого патента на основании первого разрешения на применение соответствующего продукта, а затем получить вторичный патент, которым будет охраняться новая форма вещества

⁷¹ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 04 июня 2020 г. по делу/ № СИП-740/2018. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/87aасас4-323е-432f-b5сb-bc35d67bf93b> (дата обращения: 10 августа 2025 г.).

⁷² Комментарии к избранным судебным актам Суда по интеллектуальным правам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 2 (40). С. 8–48 (автор комментария – О.А. Городов).

по первичному патенту, и испрашивать продление срока действия вторичного патента на основании разрешения на применение продукта в такой новой форме.

В европейской практике вопрос о возможности выдачи свидетельства дополнительной охраны к основному патенту, которым охраняется новая форма вещества – активного ингредиента, в отношении которого уже было выдано свидетельство дополнительной охраны, разрешен отрицательно, поскольку в соответствии с европейским подходом «продукт» означает активный ингредиент или комбинацию активных ингредиентов лекарственного средства, соответственно, в качестве первого разрешения на применение продукта может рассматриваться только разрешение на применение активного ингредиента, но не его формы.

Соответствующая правовая позиция сформулирована Европейским судом в решении от 21 марта 2019 г. по делу № C-443/2017⁷³, которое отмечено в российской доктрине⁷⁴, в том числе как способное оказать влияние и на российскую судебную практику⁷⁵.

В решении от 9 июля 2020 г. по делу № C-673/18⁷⁶ Европейский суд пришел к выводу о том, что разрешение на размещение на рынке не может рассматриваться как первое и в том случае, если оно распространяется на новое терапевтическое применение активного ингредиента или комбинации активных ингредиентов и этот активный ингредиент или комбинация уже были предметом разрешения на размещение на рынке для другого терапевтического применения⁷⁷.

В действующем российском законодательстве и правоприменительной практике отсутствуют соответствующее определение и толкование понятия первого разрешения на применение продукта, скорее можно говорить о полностью противоположном подходе⁷⁸. В таких обстоятельствах, при соблюдении всех предусмотренных законодательством условий срок действия вторичного патента может быть продлен, и к такому патенту может быть выдан дополнительный патент.

Более того, с учетом отсутствия ограничений в отношении продления срока действия нескольких патентов на основании одного разрешения на применение, не исключена и ситуация выдачи двух дополнительных патентов к патентам на основное и вторичное изобретение на основании одного и того же разрешения, в том числе в той ситуации, когда вторичный патент выдан с нарушением требований законодательства, однако, не признан в установленном порядке недействительным.

Автор данной работы, отстаивающий позицию о необходимости ограничения множественности дополнительных патентов, обозначенные подходы отечественного законодателя и правоприменителя не поддерживает и полагает, что в обозначенном в документах стратегического характера дальнейшем совершенствовании правового регулирования отношений в сфере правовой охраны фармацевтических изобретений эта проблематика должна быть учтена, а нормативно-правовое регулирование и правоприменительная практика соответствующим образом скорректированы.

⁷³ Judgment of the Court (Fourth Chamber) of 21 March 2019 *Abraxis Bioscience LLC v Comptroller General of Patents*. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-443/17&language=en> (дата обращения: 10 августа 2025 г.).

⁷⁴ Залесов А.В. Правовая природа продления монопольного патентного права на лекарственное средство.

⁷⁵ Куминова А.А. Европейский суд вынес прецедентное решение по вопросу продления фармацевтических патентов, которое может иметь последствия и в России / А.А. Куминова, Б.А. Малахов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 61–62.

⁷⁶ Judgment of the Court (Grand Chamber) of 9 July 2020. *Santen SAS v Directeur général de l'Institut national de la propriété industrielle*. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=535105E5F6CC653C15531C2B1981C167?text=&docid=228371&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1481104> (дата обращения: 10 августа 2025 г.).

⁷⁷ Обзор данного решения см.: Малахов Б.А. Европейский суд продолжает ограничивать продление фармацевтических патентов / Б.А. Малахов, А.А. Куминова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 3 (29). С. 111–112.

⁷⁸ Решение Суда по интеллектуальным правам от 03.06.2022 по делу № СИП-1131/2021. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/98765aeb-9aff-4a58-a022-b799e36831d4> (дата обращения: 10 августа 2025 г.).

Список литературы:

1. *Ворожевич А.С.* Вторичные патенты на лекарственные препараты: нужно ли ограничить их выдачу? // Закон. – 2016. – № 9. – С. 117–130.
2. *Ворожевич А.С.* Принудительное лицензирование в пользу правообладателей зависимых фармацевтических изобретений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, № 1. – С. 73–98.
3. *Ворожевич А.С.* Стратегии «патентного озеленения» (patent evergreening) на фармацевтическом рынке: симптомы, механизмы борьбы // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : Сборник материалов VIII Международного юридического форума (IP Форума), Москва, 14–15 февраля 2020 года. – Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2020. – С. 145–150.
4. *Джермакян В.Ю.* Комментарий к главе 72 «Патентное право» Гражданского кодекса РФ (4-е издание, переработанное и дополненное). Специально для системы ГАРАНТ, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Гарант».
5. *Елисеев В.И.* Правовая охрана зависимых объектов патентных прав / В. И. Елисеев // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 1(47). – С. 91–102.
6. *Заварзина Н.В.* Патентование фармацевтических изобретений: проблемные аспекты // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – № 1(35). – С. 103–109.
7. *Залесов А.В.* Особенности применения российской патентной системы в области фармацевтики // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2018. – № 9. – С. 2–10.
8. *Орлова А.И.* Патентные стратегии в фармацевтике: «патентное озеленение» // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2019. – № 26. – С. 83–89.
9. *Пиленко А.А.* Право изобретателя : (Привилегии на изобретения и их защита в рус. и междунар. праве) : Историко-догмат. исслед. Т. 1-2 / Ал. Пиленко, прив.-доц. Спб. ун-та. – Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1902-1903. – 2 т.; 24. Т. 2. – 1903. – 392 с.
10. Продление патентов на лекарственные средства: регулирование и практика применения / *Л.А. Новоселова, А.В. Андреев, А.И. Балашова, Е.В. Гюльбасарова.* – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Перспект», 2024. – 304 с.
11. *Райгородский Н.А.* Изобретательское право СССР / Н.А. Райгородский ; Общ. ред.: И.Б. Новицкий, Е.А. Флейшиц. – Москва : Госюриздат, 1949. – 272 с.
12. *Christie, Andrew F. and Dent, Chris and Studdert, David.* Evidence of ‘Evergreening’ in Secondary Patenting of Blockbuster Drugs (October 18, 2021) // Melbourne University Law Review. – Vol. 44, No. 2, 2020, U of Melbourne Legal Studies Research Paper No. 945. – P. 13–14.

Научная статья
УДК 347.2

Для цитирования:

Павлова Е.А., Калятин В.О., Кольздорф М.А., Корнеев В.А., Новоселова Л.А., Радецкая М.В., Спиридонова Н.Б., Туркина А.Е. Концепция внесения изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации в отношении товарных знаков // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Декабрь. № 4 (50). С. 150–173.

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_11

For citation:

Pavlova E.A., Kalyatin V.O., Kol'zdorf M.A., Korneev V.A., Novoselova L.A., Radetskaya M.V., Spiridonova N.B., Turkina A.E. The concept of amending Part Four of the Civil Code of the Russian Federation in relation to trademarks // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. December. N 4 (50). Pp. 150–173. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_11

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_11

Концепция внесения изменений в часть четвертую гражданского кодекса российской федерации в отношении товарных знаков¹

Е.А. Павлова,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник отдела законодательства об интеллектуальных правах, заведующая кафедрой интеллектуальных прав
ФГБНУ «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации»
г. Москва, Россия
ID РИНЦ 836392

В.О. Калятин,

кандидат юридических наук, доцент,
консультант отдела законодательства об интеллектуальных правах, профессор кафедры интеллектуальных прав
ФГБНУ «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации»
г. Москва, Россия
ID РИНЦ 336250

М.А. Кольздорф,

магистр частного права (РШЧП) и LL.M. (Свободный университет Берлина), LL.M. IP law (MIPLC),
консультант отдела законодательства об интеллектуальных правах ФГБНУ «Исследовательский центр
частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации»
г. Москва, Россия
ID РИНЦ 1035397

¹ Настоящее исследование подготовлено в рамках выполнения государственного задания, утвержденного федеральному государственному бюджетному научному учреждению «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации» (номер научно-исследовательской работы в ЕГИСУ НИОКТР 122032400076-1).

В.А. Корнеев,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры интеллектуальных прав ФГБНУ «Исследовательский центр частного права
имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации»

г. Москва, Россия

ID РИНЦ 943269

Л.А. Новоселова,

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой финансовых сделок и новых технологий в праве ФГБНУ «Исследовательский центр
частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации»

г. Москва, Россия

ID РИНЦ 660573

М.В. Радецкая,

кандидат юридических наук,
консультант отдела законодательства об интеллектуальных правах, доцент кафедры интеллектуальных прав
ФГБНУ «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации»

г. Москва, Россия

ID РИНЦ 889190

Н.Б. Спиридонова,

кандидат юридических наук,
консультант отдела законодательства об интеллектуальных правах ФГБНУ «Исследовательский центр
частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации»

г. Москва, Россия

А.Е. Туркина,

магистр частного права,
консультант отдела законодательства об интеллектуальных правах ФГБНУ «Исследовательский центр
частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации»

г. Москва, Россия

ID РИНЦ 1150437

В статье излагается концепция совершенствования части четвертой ГК РФ, разработанная авторами на основе анализа действующего законодательства РФ о товарных знаках (знаках обслуживания) и проблем, возникающих в правоприменительной практике. Концепция содержит предложения по внесению изменений в ряд статей главы 69 и параграфа 2 главы 76 ГК РФ, направленных на уточнение оснований для отказа в государственной регистрации, изменения объема и прекращения правовой охраны товарного знака; предложения по пересмотру положений, касающихся правовой охраны общеизвестных в РФ товарных знаков; предложения по введению в параграф 2 главы 76 ГК РФ положений о свободном использовании товарных знаков.

Ключевые слова:

интеллектуальная собственность; средства индивидуализации; интеллектуальные права; товарные знаки; знаки обслуживания; исключительное право; общеизвестные товарные знаки

Введение

Закрепленные в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) действующие правила о правовой охране товарных знаков (знаков обслуживания) в целом соответствуют современным требованиям, закрепленным на уровне меж-

дународных договоров, в которых участвует Российская Федерация.

После распада Советского Союза бывшие союзные республики должны были разрабатывать собственное законодательство о товарных знаках, поскольку в СССР в данной сфере правового

регулирования действовала союзная компетенция. В Российской Федерации таким актом стал Закон от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров». В 2008 году он утратил силу, и его заменил параграф 2 главы 76 «Право на средства индивидуализации лиц, товаров, работ, услуг и предприятий» раздела VII ГК РФ, в котором содержатся положения, посвященные исключительным правам на товарные знаки и знаки обслуживания. В тот момент содержание норм ГК РФ, посвященных товарным знакам, в значительной мере являлось воспроизведением положений Закона 1992 года.

В дальнейшем, как и другие разделы ГК РФ, положения о товарных знаках неоднократно подвергались изменениям, которые были вызваны как развитием гражданского оборота в нашей стране, общими тенденциями научно-технического развития общества, так и присоединением Российской Федерации к международным соглашениям, а также необходимостью решать проблемы, возникающие в процессе правоприменения.

Так, Федеральным законом от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ² в главу 76 был внесен целый ряд изменений, направленных на совершенствование процедуры регистрации товарных знаков (ст. 1483, 1486, 1489, 1490–1505), а также уточнение оснований прекращения действия правовой охраны, предоставляемой товарным знакам (ст. 1512–1514)³. Эти изменения были внесены по инициативе Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатента) с целью учесть ряд накопленных практикой предложений по совершенствованию процедуры регистрации и по признанию недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку.

Федеральным законом от 1 июля 2017 г. № 147-ФЗ⁴ в общие положения главы 69 ГК РФ (ст. 1252) были внесены изменения, направленные на установление правил соблюдения претензионного порядка до предъявления владельцем исключительного права искового требования в арбитражный суд. Одновременно в п. 1 ст. 1486 ГК РФ были внесены изменения, касающиеся досудебного порядка урегулирования споров, возникающих в связи с неиспользованием товарного знака правообладателем. В этом случае изменения отражали накопленную судами практику разрешения судебных споров, были направлены на снижение нагрузки на суды. Несмотря на принятие указанных мер, в дальнейшем ряд вопросов потребовал дополнительных разъяснений, которые были сделаны в п. 163–168 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10)⁵.

В связи с введением в часть четвертую ГК РФ наряду с наименованием места происхождения товара нового средства индивидуализации – географического указания – и присоединением Российской Федерации в 2021 году к Женевскому акту Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях (далее – Женевский акт Лиссабонского соглашения)⁶ в 2022 году были внесены изменения как в положения главы 76 ГК РФ о географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров, так и в правила о товарных знаках, обусловленные необходимостью имплементировать в российское законодательство положения Женевского акта Лиссабонского соглашения.

² Федеральный закон от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2014. № 11, ст. 1100.

³ Павлова Е.А. Актуальные проблемы совершенствования части четвертой ГК РФ // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 139–163.

⁴ Федеральный закон от 1 июля 2017 г. № 147-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1252 и 1486 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 4 и 99 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». СЗ РФ. 2017. № 27. Ст. 3944.

⁵ Постановление Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

⁶ Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 450-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Женевскому акту Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях» // СПС «Гарант».

Одним из таких вопросов являлось использование географических указаний и наименований мест происхождения товаров в товарных знаках. С учетом норм Женевского акта Лиссабонского соглашения (п. 2 ст. 11) в ситуации, в которой необходимо установить вероятность смешения географического указания (наименования места происхождения товара) с более поздним товарным знаком, критерий вероятности смешения только на основе сходства был заменен на критерий имитации по результатам сравнения обозначений. При этом для случаев регистрации товарных знаков в отношении однородных (подп. 1 п. 7 ст. 1483 ГК РФ) и неоднородных (подп. 2 п. 7 ст. 1483 ГК РФ) товаров были закреплены различные подходы. Следует отметить, что п. 7 ст. 1483 ГК РФ до этого был изменен Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 230-ФЗ⁷, но всего через три года его редакция вновь была изменена⁸.

Еще одним существенным изменением в правовом регулировании товарных знаков стало то, что Федеральным законом от 28 июня 2022 г. № 193-ФЗ были отменены все ограничения в отношении возможных обладателей исключительного права на товарный знак (знак обслуживания)⁹. До принятия этого закона правообладателями могли быть только юридические лица и индивидуальные предприниматели, поскольку товарный знак индивидуализирует товары, а знак обслуживания – услуги, которые всегда являются результатом предпринимательской деятельности. Статья 1478 ГК РФ, посвященная обладателям исключительного права на товарный знак, была признана утратившей силу, изменения были внесены и в ряд других статей ГК РФ.

Этим был подведен итог доктринальной дискуссии о необходимости отмены соответствующих ограничений, которая продолжалась достаточно долго¹⁰. Основной причиной изменений послужило появление в российском законодательстве категории самозанятых граждан, которые могут вести предпринимательскую деятельность, хотя и не имеют статуса индивидуальных предпринимателей. Возникавшие в судебной практике споры о принадлежности прав на товарные знаки, перешедших по наследству к лицам, не являющимся индивидуальными предпринимателями, к моменту принятия федерального закона уже получили разъяснение в п. 85 постановления Пленума ВС РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (в редакции п. 182 постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10). Необходимо также учитывать, что согласно ст. 2 Договора о товарных знаках ЕАЭС заявителем может выступать как юридическое, так и физическое лицо¹¹.

В целом общую направленность изменений в параграфе 2 главы 76 ГК РФ в последнее время «можно охарактеризовать как шаги к дальнейшей коммерциализации товарных знаков»¹².

Большую роль в определении подходов к разрешению спорных ситуаций в случаях нарушения исключительных прав на товарные знаки, недобросовестной конкуренции, признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку и т.п. играют высшие суды Российской Федерации.

ВС РФ и Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее – ВАС РФ) неоднократно высказывались по вопросам, связанным с охраной исключительных прав на товарные знаки как

⁷ Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 230-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СЗ РФ. 2019. № 30, т. 4132.

⁸ Федеральный закон от 28 мая 2022 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 22, ст. 3536.

⁹ Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 193-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

¹⁰ Корнеев В.А. Исключительное право на товарный знак – право только предпринимателей? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 26. декабрь 2019. С. 100–105.

¹¹ Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза (подписан в г. Москве 3 февраля 2020 г.) // СПС «Гарант».

¹² Павлова Е.А. Четвертая часть ГК в процессе изменений (2014–2022) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 2 (40). С. 82–83.

до принятия четвертой части ГК РФ, так и в последующий период.

Важную роль сыграли информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29 июля 1997 г. № 19 «Обзор практики разрешения споров, связанных с защитой прав на товарный знак» и информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13 декабря 2007 г. № 122 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с применением законодательства об интеллектуальной собственности» и другие¹³.

В совместном постановлении Пленума ВС РФ № 5 и Пленума ВАС РФ № 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой ГК РФ» были сделаны хоть и немногочисленные (п. 62 и 63), но принципиально важные разъяснения в отношении товарных знаков.

В решении ряда спорных вопросов, касающихся правовой охраны товарных знаков, очень большую роль сыграло постановление Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10. В нем товарным знакам были посвящены уже не 2, а 22 пункта. ВС РФ высказался по многим спорным вопросам, в целом ряде случаев поддержав практику Суда по интеллектуальным правам, которая обобщается им в справках и обзорах.

15 ноября 2023 г. Президиум ВС РФ утвердил «Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков», в котором рассматриваются проблемы злоупотребления правом и оценки действий правообладателя.

Суд по интеллектуальным правам (далее – СИП) неоднократно обобщал судебную практику по спорным вопросам защиты прав на товарные знаки. В частности, 24 октября 2022 г. он выпустил Обзор, посвященный анализу практики СИП по вопросам использования товарного знака для

целей, не связанных с индивидуализацией товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей¹⁴. В нем определены правовые позиции, например, по вопросам, в каких случаях использование товарного знака не может считаться честным и (или) добросовестным либо соответствующим эквивалентным принципам, в частности, когда третье лицо в результате использования обозначения необоснованно извлекает преимущества за счет различительной способности или репутации товарного знака, а также если использование дискредитирует или порочит товарный знак либо наносит ущерб его репутации¹⁵.

Вопросы правовой охраны товарных знаков несколько раз были предметом рассмотрения Конституционного суда Российской Федерации. Так, в 2019 году по запросу СИП Конституционный суд Российской Федерации проанализировал конституционность подп. 3 п. 6 ст. 1483 ГК РФ, а также ст. 1508 ГК РФ. Конституционный суд Российской Федерации признал запрос СИП не подлежащим дальнейшему рассмотрению, а ст. 1483 и 1508 ГК РФ соответствующими Конституции Российской Федерации, при этом он сделал ряд важных для охраны общеизвестных товарных знаков выводов¹⁶, по сути подтвердив, что у Роспатента существует лишь функция констатации существования общеизвестного товарного знака.

Приведенная краткая общая характеристика действующего в Российской Федерации законодательства о товарных знаках, а также практики и разъяснений высших судов Российской Федерации показывает достаточно высокий уровень разработанности вопросов, связанных с регистрацией и использованием товарных знаков, защитой исключительных прав на них. В то же время целый ряд проблем, связанных с правовой охраной товарных знаков, еще не урегулирован. К таким проблемам можно отнести вопросы дальнейшего

¹³ См. также: постановление Президиума ВАС РФ от 6 апреля 2004 г. № 14685/03, постановление Президиума ВАС РФ от 1 марта 2011 г. № 14503/10, постановление Президиума ВАС РФ от 17 сентября 2013 г. № 5793/13.

¹⁴ Обзор практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам использования товарного знака для целей, не связанных с индивидуализацией товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей (утвержден постановлением президиума СИП от 24 октября 2022 г. № СП-21/24).

¹⁵ Пункт 5 Обзора практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам использования товарного знака для целей, не связанных с индивидуализацией товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей (утвержден постановлением президиума СИП от 24 октября 2022 г. № СП-21/24).

¹⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 сентября 2019 г. № 2145-О.

совершенствования перечня оснований для отказа в государственной регистрации товарных знаков. Весьма острыми остаются вопросы, связанные с правовой охраной общеизвестных товарных знаков, со случаями досрочного прекращения правовой охраны товарных знаков (в том числе признания недействительным предоставления им правовой охраны). Не решен в российском законодательстве вопрос о пределах действия исключительного права на товарный знак, что вызывает достаточно много судебных споров. Предложения по решению перечисленных проблем содержатся в концепции совершенствования законодательства о правовой охране товарных знаков, составляющей основное содержание данной статьи.

I. Использование официальных символов, изображений, наименований и отличительных знаков

В настоящее время ограничения использования официальных символов, изображений, наименований и отличительных знаков в промышленных образцах и средствах индивидуализации содержатся в разрозненных статьях части четвертой ГК РФ.

Широкий запрет в отношении использования указанных объектов в промышленных образцах и средствах индивидуализации установлен в ст. 1231.1 ГК РФ на основе положений ст. 6ter Парижской конвенции об охране промышленной собственности 1883 г.¹⁷ (далее – Парижская конвенция) и направлен на обеспечение контроля государства и других названных в этой норме субъектов за использованием официальных символов и наименований, а также на предотвращение заблуждения об их связи с источником происхождения товаров и услуг. Вместе с тем данный перечень является неполным. Применительно к отдельным средствам индивидуализации аналогичные по своей природе ограничения закреплены в отдельных главах, однако оснований распространять такие ограничения только на эти средства индивидуализации не имеется, они должны распростра-

няться на все средства индивидуализации и промышленные образцы.

В отношении фирменных наименований ограничения установлены в ст. 1473 ГК РФ, в которой в подп. 1 п. 4 установлен запрет на использование в фирменном наименовании полных или сокращенных наименований иностранных государств, в подп. 2 п. 4 – официальных наименований федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Кроме того, в этом средстве индивидуализации ограничено использование наименований Россия и Российская Федерация (только с согласия, выдаваемого в установленном Правительством Российской Федерации порядке, см. абз. 8 п. 4 ст. 1473 ГК РФ).

Касательно товарных знаков в п. 4 ст. 1483 ГК РФ содержится запрет на регистрацию в качестве товарных знаков обозначений, тождественных или сходных до степени смешения с официальными наименованиями и изображениями особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации либо объектов всемирного культурного или природного наследия без согласия собственников или уполномоченных ими лиц. Такого рода объекты на практике могут быть включены не только в товарные знаки, но и в коммерческие обозначения, промышленные образцы, в фирменные наименования.

С учетом изложенного представляется разумным соединить запреты на использование такого рода объектов в одной норме и распространить на все средства индивидуализации и промышленные образцы.

Кроме того, видится целесообразным дополнить ст. 1231.1 ГК РФ положением о запрете использования не только наименований иностранных государств, как это сейчас предусмотрено для фирменных наименований, но и флагов, гербов, других символов и знаков иностранных государств, чтобы не создавать впечатление у потребителей о происхождении товаров из определенной

¹⁷ Парижская конвенция по охране промышленной собственности (Париж, 20 марта 1883 г.) (пересмотрена в Брюсселе 14 декабря 1900 г., в Вашингтоне 2 июня 1911 г., в Гааге 6 ноября 1925 г., в Лондоне 2 июня 1934 г., в Лиссабоне 31 октября 1958 г. и в Стокгольме 14 июля 1967 г. и изменена 2 октября 1979 г.). Конвенция вступила в силу для СССР 1 июля 1965 г. (Ведомости ВС СССР. 1968. № 40, ст. 363).

страны и об определенном качестве этих товаров (при этом такой запрет не исключает возможности указания действительного места производства товаров), а также о запрете использования наименования федеральной территории «Сириус», на которой действуют органы публичной власти, не являющиеся федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления (соответственно, на их наименования не распространяется вышеуказанный запрет), но выполняющие часть их функций (ст. 2 и 8 Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 437 «О федеральной территории «Сириус»»¹⁸).

Соответственно, названные ограничения подлежат исключению из норм отдельных глав части четвертой ГК РФ в отношении конкретных средств индивидуализации.

II. Товарный знак: основания для отказа в государственной регистрации, изменение объема и прекращение правовой охраны

1. Пункт 6 ст. 1252 ГК РФ посвящен так называемому «принципу старшинства», позволяющему определить, что из нескольких тождественных или сходных до степени смешения средств индивидуализации (а также промышленных образцов), принадлежащих разным лицам, преимуществом пользуется то из них, на которое исключительное право возникло раньше. Данный принцип необходим для того, чтобы в спорных случаях исключить опасность введения в заблуждение потребителей и контрагентов таких лиц, поскольку владелец «старшего» права может потребовать признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку, признания недействительным патента на промышленный образец, полного или частичного запрета использования фирменного наименования либо коммерческого обозначения.

В п. 162 постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 подробно изложена пози-

ция, состоящая в том, что степень сходства обозначений влияет на вероятность их смешения.

Данное разделение понятий «сходство» и «смешение» направлено на то, чтобы избежать неправильного толкования, что есть две степени сходства обозначений: до степени смешения и не до степени смешения. В действительности степень сходства обозначения может варьироваться от низкой до высокой, и эта степень является одним из обстоятельств, от которых зависит вывод о вероятности смешения обозначений наряду с однородностью товаров и иными обстоятельствами при их доказанности (известность товарного знака, степень внимательности потребителей и др., см. п. 162 постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10). При отсутствии возможности определить степень сходства обозначений (от низкой до высокой) суды при установлении хоть какого-то сходства обозначений и однородности товаров вынуждены делать вывод о наличии вероятности смешения. Установление степени сходства обозначений позволяет учесть всю совокупность обстоятельств и при наличии невысокой степени сходства признать вероятность смешения отсутствующей.

Данный подход к разделению понятий «сходство» и «смешение» соответствует положению п. 3 ст. 1484 ГК РФ¹⁹, которое устанавливает, какие действия представляют собой нарушение исключительного права на товарный знак.

В связи с этим предлагается уточнить редакцию п. 6 ст. 1252 ГК РФ, разделив понятия «сходство» и «смешение», а также провести данное разделение понятий и в иных нормах части четвертой ГК РФ, в которых используется термин «сходные до степени смешения».

2. В настоящее время все основания для отказа в регистрации товарных знаков определены в ст. 1483 ГК РФ. Однако некоторые случаи, в которых регистрация товарного знака не должна производиться и которые встречаются на практике (например, регистрация тождественных товарных знаков в отношении идентичных товаров на имя

¹⁸ СПС «Гарант».

¹⁹ «Никто не вправе использовать без разрешения правообладателя сходные с его товарным знаком обозначения в отношении товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, или однородных товаров, если в результате такого использования возникнет вероятность смешения».

одного лица), в указанной статье ГК РФ не учтены. В целом ряде случаев недостаточно ясные и четкие формулировки содержащихся в ней положений приводят к их неоднозначному толкованию на практике.

Данные обстоятельства порождают необходимость устранения пробелов регулирования и уточнения действующих положений закона.

2.1. В частности, действующая редакция п. 1 ст. 1483 ГК РФ вызывает сомнения в том, являются ли указанные в ней основания для отказа в регистрации товарного знака самостоятельными. Данный вопрос имеет принципиальное значение, поскольку возражение против товарного знака рассматривается Роспатентом только по тому основанию, которое заявлено. Таким образом, если регистрация товарного знака оспаривается ввиду того, что обозначение не обладает различительной способностью, то наличие указанных в подп. 1–4 п. 1 ст. 1483 ГК РФ оснований не проверяется.

Предлагается разделить п. 1 ст. 1483 ГК РФ на два самостоятельных пункта с тем, чтобы критерий отсутствия различительной способности обозначения рассматривался отдельно от критериев, связанных с наличием в обозначении только элементов определенных видов. Такой подход соответствует устоявшейся судебной практике²⁰.

2.2. Целесообразно ввести новое основание отказа в регистрации товарного знака, которое вытекает из абзаца шестого п. 1 ст. 1483 ГК РФ в действующей редакции, но в результате толкований приобрело в судебной практике более развернутую формулировку²¹. Таким образом, предлагается установить, что в качестве товарного знака не допускается государственная регистрация обозначения, состоящего в том числе из элементов, указанных в предыдущих подпунктах п. 1 ст. 1483 ГК РФ, если эти элементы: 1) занимают в обозначении доминирующее положение; 2) включены в него как неохраняемые.

2.3. С учетом увеличения количества споров, вызванных регистрацией товарных знаков с включением в их состав героев народного творчества (фольклора)²², необходимо урегулировать данную ситуацию в ст. 1483 ГК РФ, ограничив возможность получения исключительных прав на такие объекты.

2.4. Из действующей редакции подп. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ, запрещающей регистрацию обозначений, которые представляют собой или содержат элементы, являющиеся ложными или способными ввести в заблуждение, следует исключить указание на ложные обозначения, поскольку разграничение ложных и способных ввести в заблуждение обозначений практически невозможно, а «ложность» обозначения фактически охватывается его способностью ввести в заблуждение.

Предлагается также разделить подп. 1 и 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ на два пункта (3 и 3.1), поскольку содержащиеся в них основания в действительности носят самостоятельный характер.

2.5. Поскольку в подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ в качестве одного из оснований оспаривания и признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку предусмотрен случай признания в установленном порядке действий правообладателя, связанных с предоставлением правовой охраны товарному знаку, злоупотреблением или недобросовестной конкуренцией, целесообразно предусмотреть в ст. 1483 ГК РФ основание для отказа в государственной регистрации товарного знака, которое коррелировало бы с этим основанием оспаривания регистрации. Такое дополнение может способствовать урегулированию ситуации, когда до принятия решения о регистрации товарного знака компетентным органом действия заявителя по подаче заявки на регистрацию товарного знака признаны недобросовестной конкуренцией²³.

²⁰ См.: постановления президиума СИП от 5 февраля 2018 г. по делу № СИП-325/2017, от 28 апреля 2018 г. по делу № СИП-324/2017, также п. 1.1 Информационной справки, подготовленной по результатам анализа и обобщения судебной практики Суда по интеллектуальным правам в качестве суда первой и кассационной инстанций с учетом практики Верховного Суда Российской Федерации по вопросам, возникающим при применении положений пунктов 1 и 3 статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации.

²¹ См.: постановление президиума СИП от 25 февраля 2019 г. по делу № СИП-376/2018.

²² См.: дела № А65-35354/2024, № А65-35730/2024, № А65-2399/2025, № СИП-544/2017.

²³ См.: постановление президиума СИП от 30 сентября 2022 г. по делу № СИП-1370/2021.

2.6. На практике встречаются случаи, когда возникает вопрос об основаниях отказа в регистрации на имя одного лица тождественных товарных знаков в отношении идентичных товаров. Государственная регистрация двух тождественных товарных знаков противоречит природе исключительного права, так как не может быть двух или трех одинаковых по содержанию исключительных прав на одно и то же средство индивидуализации, даже если речь идет об одном правообладателе, поскольку в таком случае право перестает быть исключительным. Повторное предоставление исключительного права на тот же самый объект правовой охраны противоречит самому характеру признания прав, поскольку для наделения носителя какими-либо правами достаточно один раз зафиксировать соответствующий правовой факт. В действующем законодательстве данное обстоятельство не названо в качестве основания для отказа в регистрации, однако на практике оно им признается и обосновывается противоречием общественным интересам²⁴.

Вместе с тем целесообразно предусмотреть соответствующее самостоятельное основание для отказа в государственной регистрации товарного знака.

2.7. Пункт 6 ст. 1483 ГК РФ, посвященный случаям тождества или сходства до степени смешения заявленных обозначений с товарными знаками других лиц, предлагается дополнить некоторыми положениями, выработанными в процессе практического применения.

Так, целесообразно скорректировать положения п. 6 ст. 1483 ГК РФ в части запрета регистрации товарных знаков не только в отношении однородных, но и идентичных товаров.

Как и в отношении п. 6 ст. 1252 ГК РФ предлагается выделить «вероятность смешения» как отдельное условие с учетом разъяснений п. 162 постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 (такое же изменение следует внести в п. 8 ст. 1483 ГК РФ).

Кроме того, предлагается дополнить п. 6 ст. 1483 ГК РФ подпунктом 4, согласно которому

не допускается регистрация в качестве товарных знаков обозначений, тождественных или сходных с обозначениями, ставшими до даты подачи заявки на регистрацию товарного знака известными потребителям в результате их использования иным лицом в отношении товаров, для которых испрашивается регистрация, или однородных им. В настоящее время в России охрана предоставляется только зарегистрированным товарным знакам, но на практике часто лица осуществляют деятельность с использованием различных обозначений, не регистрируя их в качестве таковых (например, в качестве названия премии за какие-то достижения и т.п.). Соответственно, правом на регистрацию таких обозначений должно обладать именно то лицо (лица), благодаря деятельности которого оно стало известно, иные лица могут регистрировать такой товарный знак только при наличии их согласия. В настоящее время данный запрет в ГК РФ прямо не установлен, но выводится Роспатентом из п. 3 ст. 1483 ГК РФ²⁵. Вместе с тем такое смешение оснований видится некорректным, поскольку п. 3 ст. 1483 ГК РФ в действующей редакции предусматривает абсолютное основание для отказа в регистрации товарных знаков и не предполагает возможности предоставления согласия на регистрацию такого обозначения заинтересованным лицам.

2.8. Из пункта 8 ст. 1483 ГК РФ в действующей редакции предлагается исключить упоминание о селекционных достижениях, которые следует вынести в отдельный пункт ст. 1483 ГК РФ в связи с существенными различиями между этими видами объектов охраны. В то же время пункт 8 названной статьи ГК РФ логично было бы дополнить указанием на наименования некоммерческих организаций, поскольку их смешение с товарными знаками также возможно и, как следует из п. 147 постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10, права на такие наименования также подлежат защите. Одновременно целесообразно исключить упоминание элементов наименований, поскольку отказ в государственной регистрации обозначений, включающих иные охраняемые

²⁴ См.: постановления президиума СИП от 13 июня 2017 г. по делу № СИП-658/2016, от 2 мая 2017 г. по делу № СИП-711/2016.

²⁵ В частности, постановление президиума СИП от 29 октября 2018 г. по делу № СИП-176/2018.

средства индивидуализации, предусмотрен в п. 10 ст. 1483 ГК РФ в действующей редакции.

2.9. Подпункт 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ в действующей редакции устанавливает правило о том, что не могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков обозначения, тождественные «названию известного в Российской Федерации на дату подачи заявки на государственную регистрацию товарного знака (ст. 1492 ГК РФ) произведения науки, литературы или искусства, персонажу или цитате из такого произведения, произведению искусства или его фрагменту, без согласия правообладателя, если права на соответствующее произведение возникли ранее даты приоритета регистрируемого товарного знака». Соответствующие положения применяются также в отношении обозначений, сходных до степени смешения с указанными в нем объектами.

Данная норма неоднократно вызывала сложности в практике применения, что отразилось в разъяснениях, данных в ч. V «Подпункт 1 пункта 9 статьи 1483 ГК РФ» Обзора практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам, связанным с применением пунктов 2, 4, 5, 8 и 9 статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации, утвержденного постановлением президиума СИП от 20 февраля 2020 г.

В частности, вызывал споры вопрос об определении известности произведения в Российской Федерации в случае использования части произведения. Президиумом СИП было разъяснено, что судам необходимо учитывать «ассоциативные связи, возникающие у современных российских потребителей – адресатов конкретных товаров или услуг в отношении конкретного спорного обозначения»²⁶.

Ссылаясь на конкретное постановление президиума СИП от 28 января 2019 г. по делу № СИП-199/2018, президиум СИП разъяснил, что «сам по себе факт публикации литературного произведения без доказательств приобретения соответствующих материальных носителей каким-либо существенным числом потребителей данных услуг

(или иных доказательств осведомленности потребителей о произведении) не свидетельствует об известности произведения (а соответственно, о вероятности возникновения каких-либо ассоциативных связей в отношении этого произведения)».

В названном Обзоре также отмечено, что толкование известности произведения применительно к подп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ не тождественно толкованию «общедоступности сведений», включаемых в уровень техники для целей определения охраноспособности изобретений, полезных моделей и промышленных образцов (пункт 2 статьи 1350, пункт 2 статьи 1351, пункт 2 статьи 1352 ГК РФ)».

В п. 81 постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 разъясняется, что авторское право с учетом п. 7 ст. 1259 ГК РФ распространяется на любые части произведений при соблюдении следующих условий в совокупности:

- 1) они сохраняют свою узнаваемость как часть конкретного произведения при их использовании отдельно от всего произведения в целом;
- 2) такие части сами по себе, отдельно от всего произведения в целом, могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора и выражены в объективной форме.

При этом к частям произведения могут быть отнесены в числе прочего название произведения, его персонажи, отрывки текста (абзацы, главы и т.п.), отрывки аудиовизуального произведения (в том числе его отдельные кадры), подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

Охрана и защита части произведения как самостоятельного результата интеллектуальной деятельности осуществляются лишь в случае, если такая часть используется в отрыве от всего произведения в целом.

Указанные разъяснения высших судов широко применяются на практике, тем не менее по-прежнему возможны сложности в толковании того, что

²⁶ См.: постановления президиума СИП от 23 марта 2015 г. по делу № СИП-546/2014, от 3 апреля 2015 г. по делу № СИП-547/2014, от 3 апреля 2015 г. по делу № СИП-548/2014, от 1 февраля 2016 г. по делу № СИП-383/2015, от 24 марта 2016 г. по делу № СИП-311/2015, от 16 февраля 2017 г. по делу № СИП-415/2016, от 19 марта 2018 г. по делу № СИП-384/2017, от 23 июля 2018 г. по делу № СИП-627/2017 и др.

в конкретных случаях следует понимать под известностью произведения в смысле положений подп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ.

В связи с этим представляется целесообразным уйти в формулировке данной нормы от критерия «известности произведения в Российской Федерации», сделав акцент на ассоциативных связях потребителей с таким произведением. Это позволит при рассмотрении споров исходить из наличия (или отсутствия) таких ассоциативных связей (которые безусловно возникают только в отношении известных потребителю произведений), что больше соответствует сути этого основания для отказа в регистрации.

В действующей норме содержится указание на то, что использование произведения или его части в названных случаях возможно только с согласия правообладателя. Из буквального толкования следует, что зарегистрировать товарный знак с использованием чужого произведения или его части возможно лишь в период действия исключительного права, до его перехода в общественное достояние, поскольку после этого правообладатель утрачивает контроль над использованием (кроме защиты личных неимущественных прав). Переход произведения в общественное достояние позволяет использовать его любому лицу без согласия правообладателя и без выплаты вознаграждения (п. 2 ст. 1282 ГК РФ).

При этом возможны ситуации, в которых переход в общественное достояние происходит до истечения срока действия исключительного права (например, если у автора отсутствуют наследники) либо в которых неизвестно к кому обращаться за получением согласия (если речь идет об орфанном произведении, автор или иной правообладатель которого неизвестен либо не известно его место нахождения). Наконец, произведение может быть не просто известным публике, а широко известным, даже знаменитым, но уже перешедшим в общественное достояние. И вряд ли было бы правильно предоставлять кому-либо монопольное право даже на часть такого произведения после перехода произведения в общественное достояние. В противном случае теряется смысл перехо-

да произведения в общественное достояние. Если любое лицо сможет зарегистрировать произведение в качестве товарного знака, оно сможет запретить его использование всем другим. Если правообладателем товарного знака станет прежний правообладатель произведения, то за счет такой регистрации он фактически продлит свою «монополию» путем приобретения другого режима охраны, если правообладателем товарного знака станет иное лицо – оно получит необоснованные преимущества от использования чужого известного произведения, нарушая при этом общественные интересы.

2.10. Подпункт 2 п. 9 ст. 1483 ГК РФ включает положения, касающиеся использования в товарном знаке имени, псевдонима, производного от них обозначения, портрета или факсимиле лица, известного в России на дату подачи заявления.

Предлагается распространить данное ограничение не только на лиц, известных в Российской Федерации, но на любых лиц, если в результате государственной регистрации соответствующего товарного знака у потребителей может возникнуть ассоциативная связь с таким лицом, поскольку любое лицо вправе защищать свое имя, псевдоним, изображение (портрет предлагается заменить на изображение со ссылкой на ст. 152.1 ГК РФ) или подпись (факсимиле).

С учетом того что действующая редакция подп. 2 п. 9 ст. 1483 ГК РФ в части указания возможности предоставления согласия на регистрацию товарного знака наследниками соответствующего лица, чье имя используется, порождает многочисленные споры о том, переход по наследству какого имущества дает возможность давать указанное согласие и оспаривать регистрацию²⁷, предлагается изменить редакцию таким образом, что названные действия могут осуществляться с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей соответствующего лица (п. 1 ст. 152.1 ГК РФ). После смерти указанных лиц регистрация таких обозначений в качестве товарных знаков не допускается.

2.11. Пункт 9 ст. 1483 ГК РФ предлагается дополнить новым подпунктом, содержащим усло-

²⁷ См.: постановление президиума СИП от 24 апреля 2015 г. по делу № СИП-734/2014.

вие о том, что использование названия коллектива исполнителей в качестве товарного знака допускается только с согласия руководителя коллектива или членов такого коллектива. Это касается прежде всего названий музыкальных коллективов (музыкальных групп), которые не всегда регистрируются в качестве товарного знака. В то же время иные лица, в том числе имевшие когда-то отношение к таким группам (например, их бывшие участники), пытаются зарегистрировать такое наименование в качестве товарного знака на свое имя. При этом положения п. 3 ст. 1483 ГК РФ в действующей редакции, устанавливающие абсолютное основание для отказа в регистрации товарного знака и направленные на предотвращение введения в заблуждение потребителей, не могут служить основанием для аннулирования правовой охраны товарного знака, воспроизводящего название творческого коллектива исполнителей, по возражению одного из лиц, имеющих отношение к деятельности указанного коллектива, в случае регистрации такого товарного знака другим из таких лиц²⁸.

2.12. Содержание подп. 3 п. 9 ст. 1483 ГК РФ в действующей редакции касается промышленных образцов и знаков соответствия. Предлагается дополнить его указанием на то, что запрет на регистрацию товарного знака действует, только если противопоставленный ему промышленный образец зарегистрирован для изделий, имеющих сходное назначение или представляющих собой назначение промышленного образца²⁹. Данное изменение обусловлено тем, что названная нор-

ма направлена на защиту исключительного права на промышленный образец (постановление президиума СИП от 12 апреля 2024 г. по делу № СИП-720/2023). В отличие от некоторых других юрисдикций, в Российской Федерации охрана промышленного образца ограничена изделиями сходного назначения (абз. 4 п. 3 ст. 1358 ГК РФ³⁰). В связи с этим правообладатель промышленного образца вправе запрещать использование промышленного образца, в том числе в товарном знаке, только в случае его использования в отношении изделий сходного назначения. Рассматриваемое изменение направлено на внесение ясности в регулирование, поскольку подп. 3 п. 9 ст. 1483 ГК РФ в действующей редакции не уточняет, в отношении каких товаров не допустима регистрация товарного знака по этому основанию, учитывает сложившуюся судебную практику.

В этом подпункте ГК РФ следует также предусмотреть возможность устранения указанного ограничения путем представления согласия обладателя прав на промышленный образец (по аналогии с другими случаями, предусмотренными в п. 9 ст. 1483 ГК РФ).

Кроме того, целесообразно добавить положение о том, что после перехода промышленного образца в общественное достояние (ст. 1364 ГК РФ) регистрация таких обозначений в качестве товарных знаков не допускается по причинам, которые обозначены выше применительно к производствам.

3. Согласно п. 1 ст. 1505 ГК РФ Роспатент вносит по заявлению правообладателя в Государственный

²⁸ Постановление президиума СИП от 22 октября 2018 г. по делу № СИП-43/2018.

²⁹ См.: постановление президиума СИП от 12 апреля 2024 г. по делу № СИП-720/2023.

³⁰ Согласно абзацу 4 п. 3 ст. 1358 ГК РФ промышленный образец признается использованным в изделии, если это изделие содержит все существенные признаки промышленного образца или совокупность признаков, производящую на информированного потребителя такое же общее впечатление, какое производит запатентованный промышленный образец, при условии, что изделия имеют сходное назначение.

В статьях Регламента № 6/2002 Совета Европейского союза «О промышленных образцах Европейского Сообщества об условиях охраны, объеме прав (оценке нарушения) и о способах использования» (принят в г. Брюсселе 12 декабря 2001 г.) нет указания на то, что изделия, к которым применены сравниваемые промышленные образцы, должны быть одного назначения, класса международной классификации Локарно. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:32002R0006> (дата обращения: 15 ноября 2025 г.). В ст. 36 названного Регламента указано, что информация о классе изделия не имеет значения для определения объема права (нарушения права) на промышленный образец как таковой. Из ранних решений национальных судов стран Европейского союза по этому вопросу можно привести постановление Верховного суда Великобритании: «Заявка на зарегистрированный промышленный образец Сообщества должна содержать указание на изделие, в котором или на котором промышленный образец планируется применить (ст. 36 (2)). Вместе с тем, после регистрации промышленного образца, он охраняется не только в отношении изделий, указанных в заявке, но также в отношении всех изделий, в которых промышленный образец используется (ст. 10)». (*Green Lane Products Ltd v PMS International Group Ltd and others* [2007] EWHC 1712 (Pat), п. 12).

реестр товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации (далее – Государственный реестр) и в выданное свидетельство на товарный знак изменения, относящиеся к сведениям о регистрации товарного знака, в том числе о правообладателе, его наименовании, имени, месте нахождения или месте жительства, об адресе для переписки, изменения, связанные с сокращением перечня товаров и услуг, для индивидуализации которых зарегистрирован товарный знак, изменения отдельных элементов товарного знака, не меняющие его существа, а также изменения для исправления очевидных и технических ошибок.

Таким образом, положения п. 1 ст. 1505 ГК РФ позволяют Роспатенту на основании заявления правообладателя вносить в Государственный реестр изменения отдельных элементов товарного знака, не меняющие его существа.

В настоящее время данная норма порождает проблемы при ее применении на практике, вызванные неопределенностью и размытостью используемых понятий, возможностью их произвольного толкования Роспатентом. Внесение изменений в зарегистрированный товарный знак может затрагивать права обладателей исключительных прав на иные товарные знаки и иных участников гражданского оборота, так как в случае изменения объема охраны зарегистрированного товарного знака другие обозначения могут оказаться сходными с этим товарным знаком. Возможность внесения данных изменений не обеспечивает публичную достоверность сведений в Государственном реестре и устойчивость гражданского оборота в целом³¹.

Попытка устранить такую неопределенность предпринята в Обзоре судебной практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам определения существенности изменений товарных зна-

ков (обозначений), утвержденном постановлением президиума СИП от 26 июля 2024 г. № СП-22/15. Как следует из данных разъяснений, внесение изменений в зарегистрированный товарный знак по инициативе правообладателя ограничено лишь случаями юридического тождества товарных знаков.

Именно такой подход существует в других правовых системах. К примеру, в Европейском союзе перечень случаев допустимого изменения зарегистрированных товарных знаков ограничен. В соответствии со ст. 54 Регламента № 2017/1001 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О товарном знаке Европейского союза (кодификация)»³² (принят в г. Страсбурге 14 июня 2017 г.) (далее – Регламент № 2017/1001) и частью Е раздела 1 п. 2.1 Руководства по товарным знакам Ведомства интеллектуальной собственности Европейского союза уже зарегистрированный товарный знак может быть изменен только в части имени и (или) адреса обладателя товарного знака при условии, что это изменение существенно не влияет на идентичность первоначально зарегистрированного товарного знака³³. Смысл ст. 54 (2) Регламента № 2017/1001 заключается в том, чтобы исключить любое изменение зарегистрированного товарного знака, которое могло бы повлиять на объем его охраны, чтобы права третьих лиц не были затронуты. В законодательстве Германии также предусмотрена только возможность внесения изменений, касающихся исправления языковых, орфографических ошибок и явных неточностей, т.е. возможность внесения изменений в зарегистрированный товарный знак ограничена (ст. 39, 45 Закона об охране товарных знаков и иных обозначений от 25 октября 1994 г.³⁴).

В целях снижения правовой неопределенности представляется возможным внести изменения

³¹ Конституционный Суд Российской Федерации отметил в п. 3 постановления от 3 июля 2018 г. № 28-П, что государственная регистрация товарных знаков направлена на защиту прав их обладателей и иных лиц, обеспечивая публичность и достоверность сведений, вносимых в Государственный реестр.

³² Regulation (EU) 2017/1001 of the European Parliament and of the Council of 14 June 2017 on the European Union trade mark (codification). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18298> (дата обращения: 15 ноября 2025 г.).

³³ Руководство по товарным знакам Бюро интеллектуальной собственности Европейского союза (EUIPO Trade mark Guidelines). URL: <https://guidelines.euipo.europa.eu/1803468/1786447/trade-mark-guidelines/2-1-general-principles> (дата обращения: 15 ноября 2025 г.).

³⁴ Gesetz über den Schutz von Marken und sonstigen Kennzeichen. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/markeng/> (дата обращения: 15 ноября 2025 г.).

в п. 1 ст. 1505 ГК РФ и ограничить возможность внесения изменений в зарегистрированный товарный знак только случаями исправления очевидных и технических ошибок. Это не препятствует правообладателю использовать товарные знаки с незначительными изменениями, так как согласно п. 2 ст. 1486 ГК РФ для целей сохранения правовой охраны товарного знака допускается использование товарного знака с изменением его отдельных элементов, не меняющим существа товарного знака и не ограничивающим охрану, предоставленную товарному знаку. Он также вправе регистрировать иные товарные знаки с внесенными изменениями.

4. В силу подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ предоставление правовой охраны товарному знаку может быть оспорено и признано недействительным полностью в течение всего срока действия правовой охраны, если правовая охрана была ему предоставлена на имя агента или представителя лица, которое является обладателем этого исключительного права в одном из государств-участников Парижской конвенции, с нарушением требований данной Конвенции.

Как выявлено судебной практикой, норма подп. 5 п. 2 ст. 1512 ГК РФ не соответствует норме ст. 6*septies* Парижской конвенции, на которой она основана, поскольку связывает ее применение со статусом агента не у правообладателя, а у заявителя.

Кроме того, в данной норме отсутствует «справедливый срок» для оспаривания предоставления правовой охраны товарному знаку, о котором говорит Парижская конвенция и который целесообразно ввести в целях правовой определенности и разумного ограничения возможностей иностранных правообладателей по оспариванию российских товарных знаков.

Равным образом данная норма не соотносится с товарами, для индивидуализации которых зарегистрирован товарный знак принципала. В этом смысле данная норма также дает избыточную защиту иностранцам.

5. В силу п. 1 ст. 1513 ГК РФ «предоставление правовой охраны товарному знаку может быть

оспорено по основаниям и в сроки, которые предусмотрены статьей 1512 настоящего Кодекса, путем подачи возражения против такого предоставления в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности».

Таким образом, в настоящее время охрану товарного знака можно оспорить только путем подачи возражения в Роспатент независимо от оснований оспаривания (п. 1 ст. 1513 ГК РФ). Напрямую в суд обратиться нельзя, можно только оспорить в последующем решение Роспатента в суде (п. 4 ст. 1513 ГК РФ).

Вместе с тем к компетенции Роспатента не отнесено рассмотрение споров об авторстве, поэтому фактически рассмотрение возражений в связи с противопоставлением объектов авторского права (подп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ) осуществляется патентным ведомством формально: Роспатент констатирует наличие спора об авторстве и отказывает в удовлетворении возражения, и лишь суд при рассмотрении жалобы на такой отказ фактически рассматривает соответствующий спор. При таких обстоятельствах стадия рассмотрения спора в Роспатенте является бессмысленной и избыточной, что требует внесения изменений в ст. 1512 и 1513 ГК РФ.

6. Одно из оснований оспаривания охраны товарного знака согласно подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ составляет ситуация, в которой «действия правообладателя, связанные с предоставлением правовой охраны товарному знаку или сходному с ним до степени смешения другому товарному знаку, признаны в установленном порядке злоупотреблением правом либо недобросовестной конкуренцией».

Проблема состоит в том, что в данном случае Роспатент не может самостоятельно решить вопрос о злоупотреблении правом или недобросовестной конкуренции, поскольку это не входит в его компетенцию³⁵. В связи с этим лицо должно вначале обратиться в антимонопольный орган или суд для установления факта злоупотребления правом или акта недобросовестной конкуренции.

Вместе с тем лицо не может обратиться в суд с заявлением о признании действий

³⁵ Постановления президиума СИП от 29 мая 2020 г. по делу № СИП-457/2019, от 25 июня 2021 г. по делу № СИП-924/2019.

злоупотреблением правом. Согласно п. 170 постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «законом не установлено специального порядка признания действий правообладателя, связанных с государственной регистрацией товарного знака, злоупотреблением правом. Возможность заявления отдельного требования о признании таких действий злоупотреблением правом законом не предусмотрена». С учетом этого лицо вынуждено вначале обращаться с возражением в Роспатент. Роспатент отказывает в удовлетворении возражения, так как не может проверить факт злоупотребления правом, и только при оспаривании решения Роспатента в суде лицо доказывает наличие злоупотребления правом (см. п. 171 постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10). Если судом будет установлено злоупотребление правом в действиях лица по регистрации спорного товарного знака, суд отменит решение Роспатента (хотя Роспатент не принимал незаконного решения, он просто не вправе был рассматривать этот вопрос).

Названную процедуру можно было бы упростить, предоставив лицу возможность напрямую обращаться в суд при оспаривании предоставления охраны товарному знаку ввиду злоупотребления правом. Для этого требуется внести изменения в п. 1 ст. 1513 ГК РФ, а также скорректировать само основание в подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ.

Аналогичным образом необходимо обеспечить возможность оспаривания в суде регистрации товарного знака на основании того, что действия правообладателя являются актом недобросовестной конкуренции. В настоящий момент заинтересованное лицо может обратиться в СИП с требованием о признании действий правообладателя по регистрации товарного знака актом недобросовестной конкуренции. В случае удовлетворения данного требования лицо должно обратиться в Роспатент с возражением, приложив решение суда. Роспатент не вправе пересматривать решение суда и обязан его исполнять в силу ст. 16 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ). В такой ситуации представляется целесообразным упростить процедуру оспаривания регистрации товарного знака ввиду недобросовестности правообладателя путем прямого обращения в суд с исковым заявлени-

ем об оспаривании регистрации товарного знака, обоснованного тем, что действия правообладателя представляют собой акт недобросовестной конкуренции.

7. В действующей редакции ст. 1514 ГК РФ возможность досрочного прекращения правовой охраны товарного знака по основаниям, предусмотренным подп. 5 п. 1 указанной статьи ГК РФ, не учитывает интересов кредиторов правообладателя в случае, если последний находится в состоянии банкротства.

Досрочное прекращение правовой охраны товарного знака умаляет интересы кредиторов, которые в противном случае могли бы получить возмещение за счет реализации исключительного права на товарный знак.

В настоящее время действующее регулирование не ограничивает возможность досрочного прекращения правовой охраны товарного знака по подп. 5 п. 1 ст. 1514 ГК РФ, согласно которому основанием для прекращения правовой охраны товарного знака является отказ правообладателя от права на товарный знак, даже если правообладатель находится в банкротстве.

Необходимо закрепить общее правило о том, что по указанному основанию не допускается прекращение правовой охраны товарного знака вплоть до завершения дела о банкротстве.

Если признается общеизвестным товарным знаком обозначение, не охраняемое на территории Российской Федерации, то его охрана в качестве общеизвестного товарного знака не может быть досрочно прекращена ввиду неиспользования по основаниям, предусмотренным ст. 1486 ГК РФ, поскольку такие обозначения могут не использоваться на территории России, но быть известным российскому потребителю, в силу чего и признаются общеизвестными.

III. Общеизвестный товарный знак

1. Правовая охрана общеизвестных товарных знаков введена в Российской Федерации с 2002 года (глава 2.1 Закона Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»). До этого общеизвестные знаки охранялись на основании ст. 6bis Парижской конвенции.

В настоящее время в соответствии с ГК РФ общеизвестными могут быть признаны три вида обозначений: 1) товарные знаки, охраняемые на территории Российской Федерации в силу их регистрации; 2) товарные знаки, охраняемые на территории Российской Федерации в силу международных договоров³⁶; 3) обозначения, которые используются в качестве товарных знаков, но не имеют правовой охраны на территории Российской Федерации.

Указанные выше обозначения могут быть признаны общеизвестным в Российской Федерации товарным знаком, если товарный знак или обозначение «в результате интенсивного использования стали на указанную в заявлении дату широко известны в Российской Федерации среди соответствующих потребителей в отношении товаров заявителя» (п. 1 ст. 1508 ГК РФ).

Общеизвестному товарному знаку предоставляется правовая охрана, предусмотренная ГК РФ для товарного знака, что означает признание исключительного права на общеизвестный товарный знак (п. 2 ст. 1508 ГК РФ).

Правовая охрана общеизвестного товарного знака действует бессрочно, а также распространяется на товары, неоднородные с теми, в отношении которых он признан общеизвестным, если использование другим лицом этого товарного знака в отношении указанных товаров будет ассоциироваться у потребителей с обладателем исключительного права на общеизвестный товарный знак и может ущемить законные интересы такого обладателя (п. 3 ст. 1508 ГК РФ).

Таким образом, предоставляемая общеизвестным товарным знакам охрана носит более широкий характер, чем охрана предоставляемая обычным товарным знакам. Характерной чертой такой охраны является и то, что она распространяется не только на товарные знаки, получившие государственную регистрацию в установленном порядке,

но и на обозначения, которые не охраняются в Российской Федерации в качестве товарных знаков.

Действующее регулирование в целом соответствует требованиям п. 2 и 3 ст. 16 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности³⁷ (далее – Соглашение ТРИПС) и ст. 6bis Парижской конвенции.

2. Вместе с тем наличие двух различных типов обозначений, которые в равной степени могут быть признаны общеизвестными товарными знаками в ситуации, когда по действующему российскому законодательству для получения правовой охраны товарный знак должен быть обязательно зарегистрирован в установленном порядке в патентном ведомстве (Роспатент), создает в ряде случаев проблемы, которые требуют внесения изменений как в общие подходы к регулированию данного института, так и в конкретные действующие нормы закона.

Необходимо учитывать, что если для зарегистрированных в установленном порядке товарных знаков признание их общеизвестными товарными знаками влечет за собой некий более высокий уровень охраны, позволяющий распространять такую охрану в том числе на товары, неоднородные с теми, в отношении которых они признаны общеизвестными, то для обозначений, не охраняемых на территории Российской Федерации, получение статуса общеизвестного товарного знака является способом защиты от регистрации и использования товарного знака, которые могут вызвать смешение с этим знаком, известным в Российской Федерации, несмотря на то, что он не охраняется в Российской Федерации в силу регистрации (см. ст. 6bis Парижской конвенции).

Различия между двумя видами обозначений, охраняемых в качестве общеизвестных товарных знаков, должны получить в ГК РФ более четкое регулирование. Кроме того, необходимо ответить на вопрос о том, возможно ли признание товарных

³⁶ Мадридское соглашение о международной регистрации знаков от 14 апреля 1891 г. URL: https://www.wipo.int/ru/web/treaties/registration/madrid_protocol/index (дата обращения: 15 ноября 2025 г.) и Протокол к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков от 27 июня 1989 г., который вступил в силу для Российской Федерации 10 июня 1997 г. URL: https://www.wipo.int/ru/web/treaties/registration/madrid_protocol/index (дата обращения: 15 ноября 2025 г.).

³⁷ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности. Является неотъемлемой частью Марракешского соглашения о создании Всемирной торговой организации (Марракеш, 15 апреля 1994 г.). Соглашение вступило в силу для Российской Федерации 22 августа 2012 г. // СЗ РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818–2849.

знаков и неохраняемых обозначений общеизвестными товарными знаками помимо процедуры предоставления правовой охраны общеизвестному товарному знаку Роспатентом (ст. 1509 ГК РФ).

3. Существующая система предоставления правовой охраны общеизвестному знаку Роспатентом, хотя и может быть сохранена, но нуждается в ряде изменений.

3.1. В настоящее время обозначение, которое ранее уже получило государственную регистрацию как товарный знак, может быть в установленном порядке признано общеизвестным товарным знаком, в результате чего возникает как бы два самостоятельных объекта, две записи в реестрах, два свидетельства. Так, в суде, когда защищается общеизвестный товарный знак, правообладатель ссылается на наличие у него двух товарных знаков: обычного (который сохраняет свое действие) и общеизвестного. В случае если правовая охрана общеизвестного товарного знака будет прекращена (п. 2 ст. 1514 ГК РФ), правовая охрана прежнего товарного знака правообладателя будет продолжаться.

Как представляется, следует более четко указать, что признание общеизвестным товарным знаком существующего товарного знака не является созданием нового средства индивидуализации, а лишь повышает уровень его охраны.

3.2. Иная ситуация складывается с обозначениями, которые не охраняются в Российской Федерации. Если обладатель прав на такое обозначение хочет получить в Роспатенте его правовую охрану в качестве общеизвестного товарного знака, то представляется необходимым обеспечить проверку соответствия такого знака требованиям ст. 1483 ГК РФ. Это возможно путем какого-то более упрощенного прохождения экспертизы заявленного обозначения (ст. 1499 ГК РФ). Лишь после этого такое обозначение может быть признано общеизвестным товарным знаком. Вместе с тем необходимо учитывать, что в случае, если правообладатель не хочет осуществлять использование такого обозначения на территории Российской

Федерации, то в отношении такого обозначения не должны действовать положения ст. 1486 ГК РФ о последствиях неиспользования товарного знака (подп. 3 п. 1 и п. 2 ст. 1514 ГК РФ).

3.3. В настоящее время в соответствии с п. 2 и 3 ст. 1509 ГК РФ общеизвестный товарный знак вносится в Перечень общеизвестных в Российской Федерации товарных знаков и на него выдается свидетельство.

В большинстве стран отсутствуют специальные реестры общеизвестных знаков, а в тех странах, которые их ведут (Индия, Австралия, Япония), существуют, как правило, и другие способы признания знаков общеизвестными³⁸. Представляется, что нет необходимости вести специальный перечень общеизвестных знаков: сведения об общеизвестных товарных знаках могут быть включены в Государственный реестр.

Сведения из действующего Перечня общеизвестных в Российской Федерации товарных знаков могут быть перенесены в Государственный реестр (для этого может быть установлен переходный период). В отношении обозначений, которые не охраняются как товарные знаки, но были признаны общеизвестными товарными знаками, сведения также могут быть перенесены в Государственный реестр. При этом такие общеизвестные товарные знаки могут оспариваться (в том числе и по основаниям, предусмотренным ст. 1483 ГК РФ).

3.4. Следует также определить, кто именно может обращаться в Роспатент за признанием товарного знака (обозначения) общеизвестным. Представляется, что это всегда должен быть обладатель исключительного права на товарный знак или лицо, в результате использования которым неохраняемое обозначение приобрело известность, либо управомоченное ими лицо.

3.5. В настоящее время заявитель сам выбирает дату, с которой товарный знак (обозначение) будет признан общеизвестным. При этом заявитель должен подтвердить общеизвестность знака и на указанную им дату, и на момент обращения в Роспатент (определение Конституционного

³⁸ Hiroko Onishi. Well-Known Trade Mark Protection: Confusion in EU and Japan, UNIVERSITY OF SOUTHAMPTON FACULTY OF LAW, ARTS & SOCIAL SCIENCES, 2009, P. 217; Bebbler J., Sgourakis C., Catania S. Protecting well-known brands: utility of defensive trade mark registrations URL: <https://www.corrs.com.au/insights/protecting-well-known-brands-utility-of-defensive-trade-mark-registrations> (дата обращения: 15 ноября 2025 г.).

Суда Российской Федерации от 19 сентября 2019 г. № 2145-О³⁹).

Такая ретроактивная процедура признания прав на общеизвестный товарный знак может ущемлять интересы третьих лиц, которые полагались на сведения реестра (например, лицо использовало для неоднородных товаров сходное обозначение, которое в последующем признано общеизвестным с обратной силой; правообладатель общеизвестного знака может предъявить требование о нарушении согласно п. 3 ст. 1508 ГК РФ).

Представляется, что в целях стабильности гражданского оборота следует проверять наличие признаков общеизвестности только на момент обращения в Роспатент и предоставлять охрану общеизвестному товарному знаку на будущее (за исключением случаев нарушения исключительного права, когда общеизвестность должна оцениваться на дату предполагаемого нарушения).

3.6. Следует пересмотреть основания для оспаривания общеизвестного товарного знака и, возможно, расширить их перечень. Очевидно, нужно предусмотреть возможность обращения заинтересованных лиц с заявлением о прекращении правовой охраны общеизвестного товарного знака в случае утраты им признаков, установленных абзацем первым п. 1 ст. 1508 ГК РФ (в настоящее время согласно п. 2 ст. 1514 ГК РФ это возможно только по решению Роспатента).

Целесообразно также указать, что в случае признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку или в случае прекращения правовой охраны товарного знака, признанного общеизвестным, автоматически должна прекращаться и правовая охрана общеизвестного товарного знака.

Поскольку у общеизвестного товарного знака особый статус, можно также предложить ввести платеж за поддержание этого статуса (например, один раз в десять лет). Такой платеж решит также проблему наличия в реестре общеизвестных то-

варных знаков обозначений, которые более не используются и не известны (но и не оспариваются, поскольку никому не нужны).

4. Важным является вопрос о том, может ли обратиться в суд за защитой своих прав обладатель исключительного права на товарный знак или обладатель обозначения, не охраняемого в Российской Федерации, которые не получили в Роспатенте правовой охраны своего знака или обозначения в качестве общеизвестного товарного знака, но считают, что эти знак или обозначение обладают признаками общеизвестности.

Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 19 сентября 2019 г. № 2145-О указал, что «общеизвестность товарного знака (используемого в качестве товарного знака обозначения) является фактом объективной действительности и процедура признания такого товарного знака (обозначения) общеизвестным товарным знаком имеет целью подтверждение или опровержение данного факта, а не его возникновение»⁴⁰.

Таким образом, если включение обозначения в реестр в качестве общеизвестного знака является доказательством его общеизвестности, то отсутствие соответствующей записи в реестре не должно служить основанием для выводов об отсутствии признаков общеизвестности у соответствующего обозначения.

Представляется, что истец, обращающийся в суд за защитой своих прав, может представить доказательства того, что его товарный знак или неохраняемое обозначение соответствует признакам общеизвестного товарного знака, а суд, разрешая спор, может вынести решение о признании его таковым. Вместе с тем решение суда по частному спору, в котором суд констатировал общеизвестность конкретного товарного знака, с учетом норм и принципов процессуального законодательства не будет иметь преюдициального значения для лиц, не участвующих в этом споре, и его выводы не должны являться основанием для предоставления

³⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 сентября 2019 г. № 2145-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности подпункта 3 пункта 6 статьи 1483 и статьи 1508 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

⁴⁰ Пункт 3.2. определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 сентября 2019 г. № 2145-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности подпункта 3 пункта 6 статьи 1483 и статьи 1508 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

Роспатентом правовой охраны общеизвестному товарному знаку (и для внесения записи в соответствующий реестр). В следующем споре правообладателю придется вновь доказывать в суде общеизвестность своего товарного знака (обозначения). Вместе с тем с учетом ч. 1 ст. 16 АПК РФ, правовых позиций высших судебных инстанций⁴¹ установленные в этом деле обстоятельства будут приниматься во внимание судом, рассматривающим второе дело. В случае если суд, рассматривающий второе дело, придет к иным выводам, он должен мотивировать такой вывод.

В суде общеизвестность может устанавливаться на момент предполагаемого нарушения, поэтому истец должен будет доказать наличие признаков общеизвестного товарного знака у его обозначения именно на этот момент.

5. Еще один важный вопрос связан с тем, может ли обладатель товарного знака (неохраняемого обозначения), не признанного общеизвестным, но обладающего по его мнению признаками общеизвестности, обратиться в Роспатент для оспаривания поданной заявки на товарный знак или в целях признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку.

В настоящее время содержание подп. 4 п. 1 ст. 1512 ГК РФ, согласно которому может быть признано недействительным предоставление правовой охраны товарному знаку с более поздним приоритетом по отношению к признанному общеизвестным зарегистрированному товарному знаку, противоречит п. 3 ст. 1508 ГК РФ, в котором предусмотрено, что при определенных условиях правовая охрана общеизвестного товарного знака распространяется на товары, неоднородные с теми, в отношении которых он признан общеизвестным.

Противоречие состоит в том, что если общая норма п. 3 ст. 1508 ГК РФ предполагает возможность расширенной охраны любого общеизвестного товарного знака, то норма, на основании которой можно признать регистрацию товарного

знака недействительной (при этом со ссылкой именно на п. 3 ст. 1508 ГК РФ), предоставляет такую возможность только в случае его совпадения с зарегистрированным товарным знаком, признанным общеизвестным. Так же сформулирована и норма подп. 3 п. 6 ст. 1483 ГК РФ, согласно которой может быть отказано в регистрации товарного знака, тождественного или сходного до степени смешения с товарным знаком другого лица, признанным в установленном порядке общеизвестным товарным знаком.

В результате получается, что не охраняемые в Российской Федерации обозначения, несмотря на то что они признаны в установленном порядке общеизвестными товарными знаками и внесены в Перечень общеизвестных в Российской Федерации товарных знаков, не могут быть противопоставлены заявке на товарный знак и не могут послужить основанием для признания предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным (даже в отношении однородных товаров).

Можно исходить из того, что подобное регулирование предполагает, что для обозначений, признанных общеизвестными товарными знаками, возможно лишь применение мер защиты от нарушений, связанных с использованием тождественных или сходных с ними до степени смешения товарных знаков, хотя это и не выглядит справедливым, поскольку неохраняемое обозначение уже получило статус общеизвестного товарного знака, который должен давать правообладателям равные возможности по защите их интересов. Однако проблема представляется несколько шире, если учесть, что возможности обращения в Роспатент для признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку или для оспаривания поданной заявки по указанным выше основаниям будет лишен и обладатель прав на товарный знак, который еще не признан общеизвестным.

⁴¹ Пункт 2 постановления Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств», п. 16.2 постановления Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях», п. 4 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

Представляется, что справедливым было бы решение, в соответствии с которым правообладатели товарных знаков и неохраняемых обозначений, признанных общеизвестными товарными знаками и внесенных Роспатентом в Перечень общеизвестных в Российской Федерации товарных знаков, пользовались одинаковыми правами в отношении применения положений подп. 4 п. 1 ст. 1512 ГК РФ, а также подп. 3 п. 6 ст. 1483 ГК РФ.

Также целесообразно было бы в отношении товарных знаков и обозначений, которые не признаны общеизвестными товарными знаками, но обладают признаками общеизвестности, допустить возможность обращаться в Роспатент в соответствии с установленной процедурой для оспаривания поданной заявки на товарный знак по основаниям, предусмотренным подп. 3 п. 6 ст. 1483 ГК РФ, или для признания товарного знака недействительным согласно подп. 4 п. 1 ст. 1512 ГК РФ, с тем чтобы Роспатент в ходе рассмотрения соответствующих заявлений имел возможность признать такие обозначения общеизвестными. В подобных случаях, как и при рассмотрении вопросов об общеизвестности обозначений в суде, решение Роспатента по конкретному спору также не должно являться основанием для признания товарного знака (неохраняемого обозначения) общеизвестным, хотя может быть признано в дальнейшем одним из доказательств наличия признаков общеизвестности в случае последующего обращения такого лица за предоставлением правовой охраны общеизвестному товарному знаку.

6. Одним из наиболее спорных вопросов в практике применения действующих норм ГК РФ об общеизвестном товарном знаке является вопрос о том, нужно ли для признания обозначения общеизвестным проверять известность изготовителя товара или правообладателя.

Согласно п. 1 ст. 1508 ГК РФ общеизвестным может быть признан товарный знак или обозначение, если в результате интенсивного использования они стали широко известны в Российской Федерации среди соответствующих потребителей

в отношении «товаров заявителя». На этом основании Роспатент требует устанавливать ассоциативную связь между товарным знаком и его правообладателем или изготовителем товаров, на которых товарный знак размещен⁴², и часто отказывает в признании товарного знака (обозначения) общеизвестным по причине того, что у потребителей такие ассоциации не возникают (например, потребители узнают обозначение, ассоциируют его с товаром, но не могут назвать изготовителя товара или правообладателя товарного знака).

Следует отметить, что ни в ст. 6bis Парижской конвенции, ни в п. 2 и 3 ст. 16 Соглашения ТРИПС упоминания о правообладателе (либо изготовителе товара) не подразумевают необходимости проверять ассоциации потребителей с ним. Согласно ст. 1477 ГК РФ товарный знак является средством индивидуализации товаров, а не их изготовителей.

В судебной практике отмечается, что «общеизвестным товарным знаком является товарный знак либо обозначение, известный большей части тех лиц, которые вовлечены в производство или использование соответствующих товаров, и который очевидным образом ассоциируется с такими товарами как происходящими из определенного источника»⁴³. В п. 6 Обзора практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам правовой охраны общеизвестных товарных знаков, утвержденного постановлением президиума СИП от 26 августа 2022 г. № СП-21/18, отмечено со ссылкой на соответствующую судебную практику, что для признания товарного знака общеизвестным не требуется устанавливать известность заявителя.

Необходимо более четко определить в законе, что в целях признания товарного знака (обозначения) общеизвестным товарным знаком следует проверять известность самого обозначения, а не известность изготовителя.

IV. Случаи свободного использования товарного знака

В ст. 17 Соглашения ТРИПС предусмотрена возможность установления странами-членами

⁴² Пункт 3.6 Рекомендаций Роспатента по проведению опроса потребителей по вопросу общеизвестности товарного знака в Российской Федерации (утверждены приказом Роспатента от 1 июня 2001 г. № 74 (ред. от 2 апреля 2004 г.)) // СПС «Гарант».

⁴³ Постановление президиума СИП от 11 декабря 2014 г. № С01-785/2014 по делу № СИП-35/2014.

таких исключений из прав, предоставляемых товарным знаком, как «добросовестное использование описательных терминов, при условии, что такие исключения учитывают законные интересы владельца товарного знака и третьих лиц».

Однако при включении соответствующих положений в главу 69 ГК РФ была использована их усеченная формулировка, согласно которой ограничения исключительных прав на товарные знаки «устанавливаются в отдельных случаях при условии, что такие ограничения учитывают законные интересы правообладателей и третьих лиц» (абз. 5 п. 5 ст. 1229 ГК РФ). Таким образом, ст. 1229 ГК РФ предусматривает возможность установления ограничений исключительного права на товарный знак, но только в самом общем виде.

В параграфе 2 главы 76 ГК РФ, посвященном товарным знакам и знакам обслуживания, упомянут единственный случай, который может быть отнесен к ограничениям исключительного права, – исчерпание исключительного права на товарный знак, в соответствии с которым не является нарушением исключительного права на товарный знак использование товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия (ст. 1487 ГК РФ).

Вместе с тем судебная практика показывает, что отсутствие каких-либо иных случаев ограничения исключительного права на товарный знак в ГК РФ влечет за собой достаточно большое количество споров между правообладателями и третьими лицами, пытающимися использовать зарегистрированные товарные знаки в случаях, которые не являются угрозой для выполнения такой функции товарного знака как индивидуализация товаров конкретного производителя, или даже просто использовать слова, зарегистрированные в качестве товарных знаков, в их общеупотребимом значении. При этом в ряде подобных случаев действия правообладателей по защите своего исключительного права если и не выглядят как злоупотребление правом, то по крайней мере ограничивают

возможности действующих добросовестно третьих лиц в совершении необходимых для них действий⁴⁴.

Поскольку ст. 1487 ГК РФ является фактически единственным случаем свободного использования товарного знака, установленным в части четвертой ГК РФ, суды вынуждены расширительно ее толковать для разрешения указанных споров.

Один из первых таких споров был рассмотрен ВАС РФ (постановление Президиума ВАС РФ от 6 апреля 2004 г. № 14685/03). По обстоятельствам данного дела организация использовала товарный знак известной автомобильной компании для рекламирования своих услуг по ремонту и обслуживанию автомобилей. ВАС РФ высказал по этому делу позицию, которая в последующем была отражена в п. 31 постановления Пленума ВАС РФ от 8 октября 2012 г. № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе»: третьи лица могут также использовать чужой товарный знак в рекламе своей торговой деятельности по реализации товара, правомерно введенного в гражданский оборот, в обслуживающей и иной деятельности в отношении этого товара, если потребитель воспринимает такую рекламу как рекламу независимого услугодателя. Примечательно, что исходя из буквального прочтения данной позиции для использования товарного знака в отношении услуг, связанных с товарами под этим товарным знаком, товары должны быть правомерно введены в оборот (т.е. необходимо исчерпание прав по основаниям, предусмотренным ст. 1487 ГК РФ). Вместе с тем при оказании услуг невозможно это проверить, поэтому лицо, оказывающее услуги, не обязано доказывать правомерность введения товаров в оборот и принцип исчерпания прав в данном случае не применим.

Другой случай, вызывающий на практике споры, связан с использованием слов, зарегистрированных в качестве товарного знака, в общеупотребимом значении. Один из первых таких споров, в котором руководитель организации-ответчика ссылаясь в интервью на обозна-

⁴⁴ См., например: постановления СИП от 13 февраля 2024 г. по делу № А62-8681/2021, от 10 февраля 2021 г. по делу № А63-8862/2020, от 5 сентября 2017 г. по делу № А45-18024/2015.

чение, зарегистрированное в качестве товарного знака на имя третьего лица, также был рассмотрен ВАС РФ, который решил, что по смыслу положений п. 2 ст. 1484 ГК РФ словесное упоминание чужого товарного знака не является использованием этого знака (постановление Президиума ВАС РФ от 1 декабря 2009 г. № 10852/09 по делу № А45-15761/2008-8/270).

Результатом рассмотрения последнего дела явилась сформировавшаяся судебная практика, которая получила свое выражение в формулировке абзаца первого п. 157 постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10, согласно которому «использованием товарного знака признается его использование для целей индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей» (с учетом положений п. 1 ст. 1477 и ст. 1484 ГК РФ). В связи с этим в постановлении делается вывод о том, что «употребление слов (в том числе имен нарицательных), зарегистрированных в качестве словесных товарных знаков, не является использованием товарного знака, если оно осуществляется в общеупотребительном значении, не для целей индивидуализации конкретного товара, работы или услуги (в том числе способами, перечисленными в пункте 2 статьи 1484 ГК РФ), например, в письменных публикациях или устной речи».

Таким образом, по сути, ВС РФ разъяснил, что регистрация слова в качестве товарного знака не позволяет правообладателю контролировать использование этого слова в его общеупотребительном значении не в качестве средства индивидуализации товаров, т.е. у правообладателя нет монополии на определенные слова, которые зарегистрированы как товарные знаки⁴⁵.

В иностранном законодательстве можно встретить более подробное регулирование случаев, в которых действие исключительного права на товарный знак ограничивается. Наиболее ярким примером является ст. 14 Регламента № 2017/1001, в которой названы случаи, когда «правообладатель товарного знака ЕС не вправе

запрещать третьей стороне использовать в ходе торговли:

- имя или адрес третьего лица, если это третье лицо является физическим лицом;
- обозначения, которые не обладают различительной способностью или которые касаются вида, качества, количества, назначения, стоимости, географического происхождения, времени производства товара или оказания услуги либо других характеристик товара или услуги;
- товарный знак ЕС с целью идентификации или ссылки на товары или услуги как происходящие от правообладателя этого товарного знака, в частности, когда использование этого товарного знака необходимо для указания на назначение товара или услуги, в частности в качестве аксессуаров или запасных частей.

Указанное положение применяется только в том случае, если использование, осуществляемое третьим лицом, соответствует добросовестной практике в промышленных или коммерческих делах».

Судебная практика зарубежных судов показывает также, что выделяются несколько категорий случаев использования охраняемых товарных знаков третьими лицами, в которых такое использование допускается и не признается нарушением прав на товарный знак. Так, в судебной практике Европейского союза сформировались категории: 1) демонстрация совместимости и предназначенности одного товара для другого; 2) описание собственного товара или услуги; 3) сравнительная реклама; 4) использование в целях пародии; 5) использование в объектах авторских прав.

Случаи свободного использования товарного знака по праву Европейского союза объединяет общая идея о том, что третьи лица могут получить защиту от требований правообладателя, если используют товарный знак не с целью индивидуализировать свои товары или услуги, а с целью описательного или информационного использования.

Признаваемые в практике российских судов случаи допустимого использования обозначений,

⁴⁵ См. например: *Таболо М.В.* Функции товарного знака // Современное право. 2018. № 5; *Мотылькова А.В.* Проблемы правовой охраны товарного знака в законодательстве Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 37; *Бобров М.Е.* Средства индивидуализации товаров, работ и услуг как объекты интеллектуальных прав: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 18.

зарегистрированных в качестве товарных знаков, во многом схожи со случаями допустимого использования, признаваемыми в иностранных юрисдикциях. Обобщению судебной практики по таким делам был посвящен Обзор практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам использования товарного знака для целей, не связанных с индивидуализацией товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, утвержденный постановлением президиума СИП от 24 октября 2022 г. № СП-21/24.

В частности, в этом Обзоре были сделаны выводы о том, что:

1) не является использованием товарного знака употребление слова, зарегистрированного в качестве товарного знака, в общеупотребимом значении, признание данного факта не влияет на охрану товарного знака и не является основанием для ее аннулирования;

2) не является нарушением указание товарного знака в информационных целях, в частности для информирования о расположении в торговом центре магазинов, специализирующихся на продаже товаров, маркируемых этим товарным знаком;

3) с учетом ст. 1487 ГК РФ допускается использование товарного знака, в том числе на интернет-сайте, для предложения к продаже товаров, вводимых в оборот самим правообладателем или третьими лицами с его согласия;

4) показ товарного знака в художественном фильме не в целях рекламы не является использованием товарного знака по смыслу положений ст. 1484 ГК РФ и не приводит к нарушению исключительного права на него, если при этом не создается риск смешения.

СИП также обратил внимание судов на то, что для применения положений абзаца второго п. 157 постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 им необходимо установить, «использовано слово в качестве товарного знака или для описания товаров и/или услуг, предлагаемых ответчиком, с учетом возможного восприятия его потребителями». При этом им также «следует учитывать, каким образом использовано обозначение,

в частности его расположение, размер, контекст, указание собственного товарного знака наряду со спорным обозначением».

Также СИП указал в названном Обзоре, что размещение товарного знака на упаковке товаров, по общему правилу, свидетельствует о его использовании для целей индивидуализации товаров (с учетом подп. 1 п. 2 ст. 1484 ГК РФ). В то же время иное может следовать из обстоятельств дела. Поэтому «при определении того, использован товарный знак для целей индивидуализации или для иных целей, следует учитывать, каким образом размещено спорное обозначение, размер, контекст (например, указание на назначение товара, совместимость и т.п.), указание собственных товарных знаков для индивидуализации товаров наряду со спорным обозначением, принятые в отношении определенных видов товаров способы маркировки, а также общепризнанные правила и практику в соответствующей отрасли, возможное восприятие потребителями спорного обозначения и риск введения их в заблуждение в отношении связи ответчика с правообладателем товарного знака».

Таким образом, можно сделать общий вывод, что введение ограничений исключительного права на товарный знак допустимо и применяется фактически в российской судебной практике, поэтому целесообразно введение в параграф 2 главы 76 ГК РФ специальной нормы о допустимых видах и пределах таких ограничений. При этом, бесспорно, следует признать необходимость учета того, что «свободное использование не должно позволять третьим лицам необоснованно извлекать преимущества из репутации товарных знаков, а также вводить потребителей в заблуждение»⁴⁶.

Закрепление в законе случаев свободного использования позволит внести правовую определенность как для правообладателей, чтобы определить границы их исключительных прав, так и для пользователей, обеспечит установление баланса интересов правообладателей в сохранении контроля над использованием его товарного знака и общества в получении информации о товаре.

⁴⁶ Кольцдорф М.А. Проблемы разграничения правомерного и неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 15. март 2017 г. С. 65–71.

Список литературы:

1. *Bebber J., Sgourakis C., Catania S.* Protecting well-known brands: utility of defensive trade mark registrations. URL: <https://www.corr.com.au/insights/protecting-well-known-brands-utility-of-defensive-trade-mark-registrations> (дата обращения: 15 ноября 2025 г.).
2. *Бобров М.Е.* Средства индивидуализации товаров, работ и услуг как объекты интеллектуальных прав: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 206 с.
3. *Кольцдорф М.А.* Проблемы разграничения правомерного и неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 15. март 2017. С. 65–71.
4. *Корнеев В.А.* Исключительное право на товарный знак – право только предпринимателей? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 26. декабрь 2019. С. 100–105.
5. *Мотылькова А.В.* Проблемы правовой охраны товарного знака в законодательстве Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 208 с.
6. *Павлова Е.А.* Актуальные проблемы совершенствования части четвертой ГК РФ // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 139–163.
7. *Павлова Е.А.* Четвертая часть ГК в процессе изменений (2014–2022). Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 2 (40). С. 82–83.
8. *Таболо М.В.* Функции товарного знака // Современное право. 2018. № 5. С. 138–144.
9. *Hiroko Onishi.* Well-Known Trade Mark Protection: Confusion in EU and Japan, UNIVERSITY OF SOUTHAMPTON FACULTY OF LAW, ARTS & SOCIAL SCIENCES, 2009. 352 p.

Научная статья
УДК 347.77

Для цитирования:

Батищев И.Р. Злоупотребление правом при приобретении исключительного права на товарный знак // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Декабрь. № 4 (50). С. 174–190.

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_12

For citation:

Batishchev I.R. Abuse of right in acquiring exclusive right to a trademark // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. December. N 4 (50). Pp. 174–190. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_12

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_12

Злоупотребление правом при приобретении исключительного права на товарный знак

И.Р. Батищев,

аспирант 2 курса обучения кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева,
патентный поверенный № 2730

г. Екатеринбург, Россия

ORCID: 0009-0003-5271-5796

Author ID: 1307269

Статья посвящена явлению злоупотребления правом при приобретении исключительного права на товарный знак. В работе освещается вопрос оправданности применения доктрины злоупотребления правом к действиям, связанным с предоставлением правовой охраны товарному знаку. На основе изучения научной литературы, а также регистрационной и судебной практики определяются наиболее типичные случаи злоупотребления правом при регистрации товарного знака. Анализируются предусмотренные в российском правовом порядке механизмы противодействия злоупотреблению правом при регистрации товарного знака. Автором определены недостатки в действующем механизме противодействия обозначенному виду злоупотребления правом и предложены пути его совершенствования.

Ключевые слова:

злоупотребление правом; интеллектуальные права; товарный знак; заявка на регистрацию товарного знака; недобросовестная регистрация товарного знака; передача товарного знака

Введение

С каждым годом число действующих товарных знаков увеличивается. В 2024 г. в Российской Федерации было заявлено на регистрацию 137 тысяч товарных знаков, что на 12% больше по сравнению с показателями 2023 г.¹. С развитием рынка, а также увеличением числа регистрируемых товарных знаков повышается и число спорных ситуаций, отдельной категорией которых являются ситуации злоупотребления правом при приобретении исключительных прав на товарные знаки.

В настоящей статье анализируются теоретические основы и правоприменительная практика по квалификации действий, связанных с предоставлением правовой охраны товарному знаку, злоупотреблением правом, а также предлагаются варианты совершенствования механизма противодействия данной категории злоупотреблений в целях обеспечения интересов добросовестных предпринимателей.

1. Допустимость квалификации действий по приобретению исключительного права на товарный знак в качестве злоупотребления правом

Согласно пункту 1 ст. 10 Гражданского кодекса РФ² (далее – ГК РФ), не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

В соответствии с классическим определением, сформулированным В.П. Грибановым, «злоупотребление правом есть особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным ли-

цом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения»³.

По действующему российскому законодательству (подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ)⁴ предоставление правовой охраны товарному знаку может быть оспорено, если действия, связанные с приобретением исключительного права на товарный знак, признаны в установленном порядке недобросовестной конкуренцией или злоупотреблением правом. Как видно, данная норма предусматривает два основания оспаривания товарного знака (злоупотребление правом и недобросовестная конкуренция). Хотя эти основания часто смешиваются⁵, настоящая статья посвящена именно случаям злоупотребления правом, а обращение к институту недобросовестной конкуренции происходит по мере необходимости.

Исключительное право возникает после государственной регистрации товарного знака (п. 1 ст. 1232, п. 1 ст. 1484 ГК РФ). Соответственно, в период ведения делопроизводства по регистрации товарного знака и тем более до подачи заявки на регистрацию исключительное право отсутствует. Такой подход, как известно, соответствует принципу *first to file*, согласно которому государственная регистрация товарного знака, а не его использование, выступает юридическим фактом, обуславливающим его правовую охрану⁶. Этот принцип обладает рядом преимуществ, однако он же в определенной степени обуславливает саму возможность злоупотребления при приобретении исключительного права на товарный знак⁷. В этом контексте следует положительно рассматривать позицию части российских исследователей о том,

¹ 137 тысяч товарных знаков: рекорд русских предпринимателей в 2024 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/19-02-2025-137-tysyach-tovarnyh-znakov-rekord-russkih-predprinimateley-v-2024-godu> (дата обращения: 9 сентября 2025 г.).

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // Российская газета. 8 декабря 1994 г. № 238–239.

³ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 3-е изд., испр. М.: Статут, 2022. С. 65.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4: Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 г.) // Российская газета. 22 декабря 2006 г. № 289.

⁵ Ворожевич А.С., Козлова Н.В. Недобросовестная конкуренция или злоупотребление правом при регистрации товарного знака: проблемы квалификации и способы защиты // Lex russica. 2017. № 5. С. 80.

⁶ Кожемякин Д.В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук, 2017. С. 110.

⁷ Adashov Khojiboy. Priority rights in trademarks: analysis of the 'first-to-use' and 'first-to-file' principles // Web of Scientists and Scholars: Journal of Multidisciplinary Research. 2025. Vol. 3. № 6. P. 300.

что необходимым условием для получения товарным знаком правовой охраны является его использование⁸.

Как следует из представленного выше определения, злоупотребление правом возможно только при наличии определенного права. Отсюда возникает вопрос: насколько корректно говорить о злоупотреблении правом при подаче заявки, учитывая отсутствие исключительного права до момента регистрации? А.С. Ворожевич и Н.В. Козлова указывают: «Между тем нельзя игнорировать тот факт, что на момент регистрации товарного знака исключительного права еще нет... В таком случае оправданным необходимо признать подход западных правовых порядков, выделяющих в качестве самостоятельного основания для оспаривания регистрации ее недобросовестность»⁹. Такой подход видится обоснованным, при этом автор настоящей работы считает нужным отметить следующее.

Для российского гражданского права имеет правовое значение период формирования юридического состава, обуславливающего возникновение субъективного исключительного права на товарный знак. Так, ст. 1492–1507 ГК РФ посвящены государственной регистрации товарного знака, в период которой и формируется исключительное право. В пункте 3 ст. 1497 ГК РФ упоминается право на регистрацию товарного знака, которое, как следует из содержания статьи, можно передать другому лицу. Думается, что оно является самостоятельным гражданским правом. Сама по себе возможность подать заявку на регистрацию определенного обозначения в качестве товарного знака проистекает из правоспособности того или иного лица. Вместе с тем после подачи заявления на регистрацию товарного знака возникает отдельное право, именуемое в российском законодательстве правом на регистрацию товарного знака. Данное право обладает имущественной ценностью и является оборотоспособным, что подтвержда-

ет, в частности, приведенная далее судебная практика. Первоначальным обладателем этого права выступает лицо, подавшее заявку на регистрацию, однако в дальнейшем это право может перейти к другому лицу.

Квалификация права на регистрацию товарного знака в качестве самостоятельного имущественного права обуславливает, в частности, применение к нему правил ГК РФ о сделках. Имущественный характер такого права, как представляется, определяется следующими факторами. Во-первых, приоритет товарного знака устанавливается по дате подачи заявки на регистрацию товарного знака (п. 1 ст. 1494 ГК РФ). В условиях действия принципа старшинства более ранний приоритет регистрируемого обозначения создает для заявителя преимущество в отношении сходных до степени смешения или тождественных средств индивидуализации¹⁰. Также из подп. 1 п. 6 ст. 1483 ГК РФ следует, что регистрации товарных знаков могут препятствовать, в том числе, только поданные на регистрацию (т.е. еще не зарегистрированные) обозначения. Обладатели прав на регистрацию таких обозначений могут совершить сделку по предоставлению письма-согласия на возмездных началах. То есть данное право способно в определенной степени удовлетворять имущественный интерес его обладателя. Во-вторых, как будет показано далее, данное право способно к участию в гражданском обороте, что также традиционно рассматривается как признак имущественных прав¹¹.

В контексте рассматриваемого вопроса интерес представляет практика Суда по интеллектуальным правам. В деле № А12-4262/2014 рассматривался иск о признании передачи прав на регистрацию товарных знаков недействительными сделками и применении последствий недействительности сделок. Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении иска и определили действия по смене заявителя

⁸ Михайлова Д.В. Условия охраноспособности и объем правовой охраны товарных знаков и знаков обслуживания в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук, 2025. С. 10.

⁹ Ворожевич А.С., Козлова Н.В. Указ. соч. С. 81.

¹⁰ Подробнее о принципе старшинства см.: Сергеев А.П. Принцип старшинства при столкновении сходных до степени смешения средств индивидуализации, принадлежащих разным лицам // Закон. 2021. № 7. С. 117–124.

¹¹ Яковлев А.С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика. М.: «Ось-98». 2005. С. 55.

как административно-правовые, а также отметили, что заявка на регистрацию товарного знака не является самостоятельным объектом гражданских прав, в связи с чем не может быть предметом гражданско-правовой сделки. Суд по интеллектуальным правам оставил решение по делу без изменений, однако отметил следующее:

1) между истцом и ответчиком фактически была заключена сделка, в результате которой права по заявке на государственную регистрацию товарного знака перешли от ответчика к истцу. Данный вид сделки не предусмотрен законом, однако и не противоречит ему;

2) предметом спорной сделки являлась не сама заявка на регистрацию товарного знака, а имущественное право на регистрацию конкретного товарного знака с соответствующей датой приоритета, возникшее в связи с подачей такой заявки и принадлежащее ее заявителю. При этом такое имущественное право относится к объектам гражданских прав и может свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому¹².

Правила о сделках были применены к передаче прав на регистрацию товарных знаков и в других делах, например, в деле № А05-4469/2016¹³. Соответственно, в судебной практике представлена позиция, совпадающая с точкой зрения автора о том, что право на регистрацию товарного знака – это самостоятельное имущественное право.

Право на регистрацию товарного знака обладает общими чертами с правом на получение патента (ст. 1357 ГК РФ). Отметим, что единства во мнении о юридической природе права на получение патента среди исследователей не наблюдается, однако многие рассматривают его в качестве самостоятельного гражданского права¹⁴.

Таким образом, право на регистрацию товарного знака является самостоятельным гражданским правом. Действия по приобретению исключительного права на товарный знак, связанные

с подачей заявки и продолжением делопроизводства, охватываются данным правом, следовательно, применение к таким действиям доктрины злоупотребления правом оправданно.

2. Распространенные ситуации злоупотребления при приобретении исключительного права на товарный знак.

В силу динамичности и сложности гражданского оборота перечень случаев злоупотребления правом, в том числе при приобретении исключительного права на товарный знак, является открытым и в будущем может пополниться новыми вариантами злоупотреблений. Тем не менее обращение к литературе, посвященной рассматриваемому явлению¹⁵, регистрационной и правоприменительной практике показывает, что случаи злоупотреблений такого рода встречаются достаточно часто и среди них можно выделить по крайней мере несколько наиболее распространенных.

1. Приобретение исключительного права на тождественное или сходное до степени смешения с известным товарным знаком обозначение в отношении неоднородных товаров и/или услуг с целью паразитирования на репутации популярного обозначения.

Характерный признак этого состава злоупотребления правом – наличие широко известного «старшего» товарного знака, зарегистрированного в отношении неоднородных товаров и (или) услуг. Широко известный товарный знак в данном случае не означает общеизвестный товарный знак по смыслу ст. 1508 ГК РФ. В отношении общеизвестных товарных знаков этот состав злоупотребления правом представляется неактуальным в связи с тем, что правовая охрана общеизвестного товарного знака распространяется также на товары, неоднородные с теми, в отношении которых он признан общеизвестным, если использование другим лицом этого товарного знака в отношении

¹² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17 декабря 2014 г. по делу № А12-4262/2014.

¹³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11 апреля 2017 г. по делу № А05-4469/2016.

¹⁴ См.: Обзор позиций о юридической природе права на получение патента в статье Городова О.А. О признаках злоупотребления патентными правами // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1. С. 46–51.

¹⁵ Ворожьевич А.С., Козлова Н.В. Указ. соч. С. 71; Зацепина Н.С. Злоупотребление правом при подаче заявок на регистрацию товарного знака: скрытые проблемы и классификация // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 210–211.

указанных товаров будет ассоциироваться у потребителей с обладателем исключительного права на общеизвестный товарный знак и может ущемить законные интересы такого обладателя (п. 3 ст. 1508 ГК РФ). Соответственно, попытки регистрации сходных до степени смешения или же тождественных с общеизвестным товарным знаком обозначений могут пресекаться на основании подп. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ (введение в заблуждение потребителя относительно изготовителя товара), что и происходит на практике¹⁶. Ссылка на злоупотребление правом в данном случае избыточна.

Суд по интеллектуальным правам назвал недобросовестность в форме паразитирования на чужой репутации самостоятельным составом злоупотребления правом¹⁷. В практике данного суда закреплена позиция о том, что «для установления в действиях правообладателя недобросовестности в форме “паразитирования на чужой репутации” необходимо установить широкую известность товарного знака, обуславливающую сложившуюся его деловую репутацию, а также умысел заявителя на получение необоснованного преимущества именно за счет использования сложившейся деловой репутации известного бренда»¹⁸. Случаи паразитирования на чужой репутации отмечаются и в литературе: «В свое время был зарегистрирован товарный знак и выпущено пиво Windows 99»¹⁹. Как видно, рассматриваемый вариант недобросовестного поведения возможен только в отношении известных обозначений, использование которых даже в отношении неоднородных товаров

способно создать преимущества недобросовестному лицу. Подобного рода недобросовестность может проявляться в том числе при попытке регистрации не всего товарного знака, а только его сильного элемента, обладающего широкой известностью²⁰.

На практике доказать такую разновидность недобросовестности достаточно сложно²¹. Часто с позицией судов об отсутствии паразитирования такого рода можно согласиться, однако важно помнить, что в тех случаях, когда паразитирование на чужой репутации все же происходит, оно способно приводить в том числе к ослаблению, «размытию» товарного знака. Доктрина «размытия» товарного знака восходит к трудам Фрэнка Шехтера. Данная доктрина предполагает снабжение правообладателя товарного знака при определенных условиях инструментами защиты его уникальности, одним из принципов сохранения которой является недопущение использования товарного знака, в том числе в отношении неоднородных товаров²². При этом такой вариант недобросовестного поведения как минимум не всегда может быть предотвращен с помощью института недобросовестной конкуренции, поскольку, с одной стороны, «ослабление» товарного знака не требует демонстрации факта вероятного введения в заблуждение или конкуренции между сторонами²³, а с другой стороны, наличие конкурентных отношений является необходимым элементом состава недобросовестной конкуренции²⁴.

2. Регистрация обозначения, введенного или планируемого к вводу в гражданский оборот, но

¹⁶ См., например: Заключение по результатам рассмотрения возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку по свидетельству № 867634 [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.fips.ru/ofpstorage/Doc/PPS/2024/12.06.2024/2024B00476.pdf> (дата обращения: 10 сентября 2025 г.).

¹⁷ Беднарж В.А., Салдаева Д.С. Злоупотребление правом при регистрации товарного знака // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 5 (160). С. 115.

¹⁸ См., например: Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 05 ноября 2014 г. по делу № СИП-317/2014.

¹⁹ Андрощук Г.А. Недобросовестность при регистрации товарных знаков: доктрина и практика // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 11. С. 102.

²⁰ Пункт 7 Обзора судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г.).

²¹ См., например: Решение Суда по интеллектуальным правам от 14 февраля 2017 г. по делу № СИП-681/2016; Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 11 октября 2018 г. по делу № СИП-22/2017.

²² Frank I. Schechter. The rational basis of trademark protection // Harvard Law Review. 1927. Vol. 40. № 6. P. 831.

²³ Андрощук Г.А. Указ. соч. С. 105.

²⁴ Решение Суда по интеллектуальным правам от 26 сентября 2017 г. по делу № СИП-131/2017; пункт 12 Обзора судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г.).

ранее не зарегистрированного в качестве товарного знака.

Эта ситуация может возникать, например, при корпоративном конфликте, когда один из партнеров, прекращая участие в совместном бизнесе, регистрирует в качестве товарного знака обозначение, которое до этого использовалось в рамках совместного бизнеса. То же самое может произойти при конфликте с бывшим супругом или сотрудником. Н.Л. Рассомагина так описывает подобную ситуацию: «Когда какое-либо обозначение длительный период использовалось разными лицами для индивидуализации товаров и приобрело известность среди потребителей за счет активного использования, а впоследствии было зарегистрировано в качестве товарного знака на одно из них, либо даже на лицо, не имевшее отношения к использованию этого обозначения, которое начало осуществлять действия по вытеснению иных лиц, использующих такое обозначение, с рынка определенного товара, или действия по недопущению таких лиц на этот рынок»²⁵.

На практике такая разновидность злоупотребления правом происходила и в случае регистрации товарного знака, широко используемого за рубежом. Как правило, в таком случае обозначение на территории РФ регистрируется в момент, когда зарубежный товар либо еще не введен в гражданский оборот в РФ официально, но известен за рубежом, либо начал импортироваться относительно недавно, и можно ожидать его распространение в РФ в ближайшее время. Так, в 1990 и 2000-е гг. активно регистрировать в качестве товарных знаков обозначения компаний, которые на момент регистрации товарных знаков еще не успели официально «выйти» на российский рынок, но при этом были уже широко известны за рубежом²⁶. Третьи лица, ожидая, что иностранные производители все же захотят ввести товары в гражданский оборот в РФ, регистрировали обозначения без намерения

производить товары или оказывать услуги под соответствующими товарными знаками, но с намерением в дальнейшем извлечь выгоду из таких регистраций, например, путем возмездного отчуждения этих товарных знаков производителям товаров.

Широкая известность российским потребителям наименования, используемого другими лицами, имеет значение, однако не играет ключевую роль в рамках данного состава злоупотребления правом: «Недобросовестность при получении правовой охраны может иметь место не только тогда, когда ранее использовавшееся другим лицом (лицами) обозначение является известным, но и когда оно таковым не является. В этом случае умысел правообладателя при получении правовой охраны товарного знака может заключаться в стремлении перехватить процесс формирования репутации тождественного (сходного) обозначения, начатый ранее другим лицом или лицами»²⁷.

3. Аккумуляция товарных знаков в целях предъявления исков о нарушении исключительных прав или возмездного отчуждения исключительных прав на товарные знаки.

Эта широко распространенная в российском гражданском обороте практика получила название «троллинг» по аналогии с «патентным троллингом»²⁸. Смысл этого явления в том, что лицо регистрирует товарные знаки без цели их дальнейшего использования, рассчитывая получить прибыль от отчуждения прав на такие обозначения иным лицам или от подачи иска о нарушении прав²⁹. Довольно часто лица, аккумуляющие товарные знаки, выбирают для регистрации общераспространенные слова, что повышает число потенциально заинтересованных в таких обозначениях лиц, а также повышает вероятность обнаружения предпринимателя, который уже использует в своей деятельности такое обозначение (например, «сказка», «принцесса», «облако» и пр.).

²⁵ Рассомагина Н.Л. Как признать недействительной правовую охрану товарного знака, зарегистрированного недобросовестно // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. № 15. С. 77.

²⁶ Товарный знак № 256495 «Forbes Russia»; товарный знак № 129526 «PURINA».

²⁷ Голофаев В.В. Пределы осуществления права на защиту товарного знака. Злоупотребление правом на защиту товарного знака // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 20. С. 46.

²⁸ Патентный троллинг: как ему противостоять [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/story/255877/> (дата обращения: 7 сентября 2025 г.).

²⁹ Права на товарный знак: монография / Отв. ред. Л.А. Новоселова. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2025. С. 7.

Само по себе неиспользование правообладателем товарного знака, в том числе осуществляющего действия по «аккумуляции» товарных знаков, не свидетельствует о злоупотреблении правом или недобросовестной конкуренции, на что множество раз указывал Суд по интеллектуальным правам³⁰. Для признания таких действий злоупотреблением правом необходимо также установить, что цель регистрации и использования товарного знака противоречит основной функции товарного знака, состоящей в индивидуализации товаров правообладателя³¹. Такая позиция поддерживается и современными исследователями: «Практика аккумуляции товарных знаков без их использования противоречит основной функции товарного знака, состоящей в индивидуализации товаров правообладателя»³². При данном варианте злоупотребления правом особенно важно обращать внимание на последующее поведение правообладателя, которое может подтверждать либо опровергать добросовестность заявителя на момент подачи заявки³³.

4. Регистрация товарного знака, содержащего обозначение, сходное с товарным знаком, ранее принадлежавшим тому же лицу, правовая охрана которого была досрочно прекращена в связи с неиспользованием (ст. 1486 ГК РФ)³⁴.

Часто к досрочному прекращению правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием обращаются лица, желающие использовать такое же или сходное обозначение в своей предпринимательской деятельности. Правообладатель неиспользуемого товарного знака может опередить заинтересованное лицо, подав заявку на регистрацию тождественного или сходного обозначения раньше него, тем самым заблокировав заинтере-

сованному лицу возможность зарегистрировать свое обозначение в качестве товарного знака.

Такие действия представляют собой злоупотребление правом, поскольку направлены на преодоление вступившего в силу решения суда о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака, а также на создание препятствий в использовании обозначения заинтересованным лицом.

5. Подача заявки на регистрацию тождественного или сходного до степени смешения с чужим товарным знаком обозначения в целях блокирования регистрации добросовестным правообладателем новых товарных знаков.

Эту проблему рассматривает Н.С. Зацепина, формулируя ее следующим образом: «Подача заявки на регистрацию (без получения правовой охраны заявленного на регистрацию обозначения) тождественного или сходного до степени смешения обозначения с уже зарегистрированным и используемым обозначением, для блокировки регистрации добросовестным правообладателем новых товарных знаков»³⁵. В действительности эта проблема не исчерпывается данным случаем. Довольно часто заявки без цели получения правовой охраны для заявленного на регистрацию обозначения подают в отношении общераспространенных слов сразу по всем классам Международной классификации товаров и услуг, причем совершенно необязательно, чтобы существовал ранее зарегистрированный товарный знак, правообладателю которого может понадобиться новый товарный знак.

Государственные пошлины за рассмотрение таких заявок не уплачиваются, и эти заявки просто числятся в Реестре заявок на регистрацию товарного знака и знака обслуживания РФ, пока не будут

³⁰ См., например: Пункт 7 Справки по вопросам недобросовестного поведения, в том числе конкуренции, по приобретению и использованию средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (утв. Постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 21 марта 2014 г. № СИП-21/2); Решение Суда по интеллектуальным правам от 17 февраля 2022 г. по делу № СИП-927/2021; Решение Суда по интеллектуальным правам от 29 августа 2022 г. по делу № СИП-158/2022.

³¹ Пункт 7 Справки по вопросам недобросовестного поведения, в том числе конкуренции, по приобретению и использованию средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (утв. Постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 21 марта 2014 г. № СИП-21/2).

³² Айрапетов Н.А. Принцип добросовестности и требование о злоупотреблении правом при регистрации товарного знака // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 1. С. 97.

³³ Определение Верховного суда РФ от 30 июня 2023 г. по делу № А11-417/2019.

³⁴ Пункт 6 Обзора судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г.).

³⁵ Зацепина Н.С. Указ. соч. С. 210–211.

признаны отозванными в связи с неуплатной государственной пошлины. Нередко до или сразу после признания заявки отозванной лицо, подающее заявку без цели государственной регистрации товарного знака, подает новую аналогичную заявку, что может продолжаться достаточно продолжительное время. Такие заявки фактически блокируют всем другим лицам возможность регистрации тождественных или сходных обозначений в качестве товарных знаков, вынуждая их обращаться к подавшему заявку лицу и договариваться с ним о возмездной передаче права на заявку либо об отзыве заявки на возмездной основе.

Ключевым признаком всех приведенных выше случаев злоупотреблений выступает то, что действия правообладателя, связанные с предоставлением правовой охраны товарному знаку, не направлены на достижение основной функции товарного знака, состоящей в индивидуализации товаров правообладателя, а преследует иные цели, обычно связанные с извлечением финансовой или репутационной выгоды за счет третьих лиц, использующих тождественные или сходные с товарным знаком обозначения, или заинтересованных в их регистрации в качестве товарного знака. При этом перечень обстоятельств, необходимых для квалификации действий как недобросовестных, может отличаться в зависимости от того, о каком из указанных случаев идет речь.

3. Существующие способы противодействия злоупотреблению правом при приобретении исключительного права на товарный знак

Обратимся к предусмотренным в законодательстве способам противодействия рассматриваемым злоупотреблениям. Основной из них был упомянут ранее и содержится в подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ – признание предоставления правовой охраны товарному знаку недействительной полностью или частично в связи с тем, что действия правообладателя, связанные с предоставлением правовой охраны товарному знаку или сходному с ним до степени смешения другому товарному

знаку, признаны в установленном порядке злоупотреблением правом либо недобросовестной конкуренцией.

Законодательство не предоставляет Роспатенту право самостоятельно устанавливать в действиях правообладателей признаки злоупотребления правом, это находится в компетенции арбитражных судов³⁶. Для успешного оспаривания предоставления правовой охраны товарному знаку на основании подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ необходимо, чтобы до подачи соответствующего возражения в Роспатент «действия правообладателя, связанные с предоставлением правовой охраны товарному знаку или сходному с ним до степени смешения другому товарному знаку, были признаны в установленном порядке злоупотреблением правом либо недобросовестной конкуренцией»³⁷. Соответственно, в рамках этой процедуры необходимо пройти два этапа: первый – в арбитражном суде, второй – в Роспатенте, причем Роспатент выполняет по большей части формальную функцию, обеспечивая признание недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку на основании установленного судом и уже не требующего доказывания факта злоупотребления правом со стороны правообладателя.

Подача самостоятельных исков о признании действий участников гражданского оборота злоупотреблением правом в РФ не допускается (п. 170 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса РФ»), поэтому для установления факта злоупотребления правом со стороны правообладателя необходимо либо подать возражение против предоставления правовой охраны товарному знаку в Роспатент и в дальнейшем устанавливать недобросовестность правообладателя при оспаривании решения Роспатента в суде (п. 171 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса РФ»), либо дождаться предъявления недобросовестным правообладателем иска к лицу, желающему

³⁶ См., например: Заключение по результатам рассмотрения возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку по свидетельству № 753317 [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.fips.ru/ofpstorage/Doc/PPS/2024/30.03.2024/2023B01185.pdf> (дата обращения: 6 сентября 2025 г.).

³⁷ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 29 мая 2020 г. по делу № СИП-457/2019.

оспорить предоставление правовой охраны товарному знаку.

Необходимость поучаствовать сначала в судебном разбирательстве, а затем в административной процедуре в Роспатенте, либо наоборот, значительно увеличивает сроки признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку, что может, во-первых, негативно сказываться на предпринимательской деятельности лица, против которого были направлены действия недобросовестного правообладателя, во-вторых, способствует увеличению периода времени, в течение которого правообладатель может продолжать злоупотреблять правом на товарный знак. Последовательно рассмотрим два данных варианта оспаривания недобросовестно зарегистрированных товарных знаков.

Вариант признания недействительным недобросовестно зарегистрированного товарного знака при оспаривании решения Роспатента предлагается в том числе в академической литературе³⁸. С практической точки зрения в целом этот вариант допустим и реализуем, так как может в итоге привести к желаемому результату – признанию действий правообладателя по приобретению права на товарный знак злоупотреблением правом. Однако такую практику нельзя признать положительной и эффективной. Фактически в данном случае речь идет о подаче в Роспатент необоснованного возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку, которое нужно лишь для того, чтобы возник судебный спор с участием недобросовестного правообладателя. Роспатент вынужден рассматривать такие возражения, что приводит к безосновательному увеличению нагрузки на него.

Вариант оспаривания недобросовестно зарегистрированного товарного знака после спора о нарушении права на товарный знак также обладает недостатками. Так, в случае регистрации известного товарного знака в отношении иного

класса товаров у недобросовестного правообладателя может не быть оснований для инициирования судебного спора, в рамках которого возможно установление злоупотребления правом. Добросовестный же правообладатель заинтересован в следующем: «В кратчайшие сроки оспорить недобросовестную регистрацию товарного знака, не дожидаясь, пока правообладатель сам начнет использовать спорный знак»³⁹. При этом лицо, фактически использующее обозначение, лишено возможности регистрации, т.к. уже зарегистрирован товарный знак недобросовестного лица. Следовательно, уже сам факт регистрации такого товарного знака (в отсутствие предъявления иска правообладателем) может приводить к причинению вреда интересам добросовестного лица. Проблема осложняется тем, что «между приобретением исключительного права на товарный знак и совершением действий, в которых проявляется изначально существовавшая цель такого приобретения; по использованию этого права способом, влекущим негативные последствия для субъектов предпринимательской деятельности, являющихся конкурентами правообладателя; может проходить достаточно большой промежуток времени (месяца, годы, а иногда и десятилетия)»⁴⁰. Помимо этого причинение вреда в таких случаях происходит и на этапе предъявления исков правообладателем.

В случае с подачей заявок на регистрацию товарных знаков для блокировки регистрации товарных знаков добросовестными участниками правоотношений, то есть без цели получения правовой охраны заявленного на регистрацию обозначения, ситуация еще сложнее. Поскольку такие заявки на регистрацию товарных знаков никогда не будут зарегистрированы, применить к ним подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ не представляется возможным. Добросовестный субъект предпринимательской деятельности, заинтересованный в регистрации обозначения в качестве товарного знака, может лишь подать заявку на регистрацию товарного знака

³⁸ Кашаров З.А., Гапураева Э.Н. Вопросы квалификации действий по приобретению и использованию исключительного права на товарный знак в качестве недобросовестной конкуренции или злоупотребления правом // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2 (32). С. 159–160.

³⁹ Ворожевич А.С., Козлова Н.В. Указ. соч. С. 74.

⁴⁰ Корнеев В.А., Рассомагина Н.Л. О недобросовестности при приобретении и (или) использовании прав на товарный знак // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2015. № 8. С. 35.

и ждать, пока препятствующие регистрации заявки недобросовестного лица будут признаны отозванными, либо договариваться с недобросовестным лицом об условиях передачи права на заявку или ее отзыва. Первый вариант длителен, а второй вынуждает платить деньги недобросовестному участнику гражданского оборота, что само по себе не является заслуживающей поддержки коммерческой практикой. Эффективный правовой механизм противодействия такой злоупотребительной практике в настоящий момент в законодательстве РФ отсутствует.

При регистрации в качестве товарного знака обозначения, широко используемого, но ранее не зарегистрированного конкурентами, в большинстве случаев возможно признание действий правообладателя по приобретению и использованию исключительного права на товарный знак актом недобросовестной конкуренции. Однако установить в действиях правообладателя акт недобросовестной конкуренции можно не всегда. Так, злоупотребление правом может происходить в форме паразитирования на репутации популярного бренда или аккумуляирования товарных знаков для последующего предъявления исков. Обращение к институту недобросовестной конкуренции в обоих случаях может быть неэффективным в связи с тем, что такие правообладатели обычно не используют товарные знаки. Паразитирование на репутации осуществляется в том числе в сферах, отличных от сферы использования известного бренда. В таких случаях отсутствует один из ключевых признаков недобросовестной конкуренции, а именно конкурентные отношения⁴¹. Как верно отмечают А.С. Ворожевич, Н.В. Козлова: «В данном случае можно вести речь о злоупотреблении исключительным правом на товарный знак»⁴².

Пример ситуации отсутствия конкуренции приводит Н.Л. Рассомагина: «Когда иностранный производитель какого-либо товара реализует этот товар на территории Российской Федерации через дилера, при этом не регистрирует на территории

Российской Федерации обозначение, используемое для маркировки этого товара, в качестве товарного знака. Зачастую происходит так, что недобросовестный дилер сам приобретает исключительное право на такое обозначение, а впоследствии запрещает иным лицам экспорт такого товара на территорию Российской Федерации»⁴³. Иностранному производителю приходится обращаться в Роспатент с возражением против предоставления правовой охраны такому товарному знаку на основании любого из подпунктов п. 2 ст. 1512 ГК РФ, кроме подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ. В частности, возражение может быть основано на том, что правовая охрана товарному знаку была предоставлена с нарушением требований подп. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ, и товарный знак способен ввести потребителя в заблуждение относительно товара, его изготовителя или места производства. Для успешного применения подп. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ необходимо доказать значительный уровень известности обозначения – такой, при котором потребители при восприятии услуг, индивидуализированных спорным товарным знаком, будут введены в заблуждение, полагая, что услуги оказываются иным лицом, длительное время до даты приоритета спорного товарного знака использующим сходное с ним обозначение для индивидуализации однородных услуг⁴⁴. Чаще всего сделать это не удастся, а Роспатент отказывает в удовлетворении возражения. И только при оспаривании в суде отказа в удовлетворении возражения могут быть рассмотрены и приняты во внимание доводы о злоупотреблении правом со стороны правообладателя товарного знака.

Стоит обратить внимание и на саму процедуру оспаривания товарного знака в Роспатенте. Рассмотрение возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку на основании подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ осуществляется с соблюдением Правил рассмотрения и разрешения федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности споров в админи-

⁴¹ Корнеев В.А., Рассомагина Н.Л. Указ. соч. С. 31.

⁴² Ворожевич А.С., Козлова Н.В. Указ. соч. С. 77.

⁴³ Рассомагина Н.Л. Указ. соч. С. 86.

⁴⁴ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 22 декабря 2022 г. по делу № СИП-388/2022.

стративном порядке⁴⁵, в частности, после поступления возражения в Роспатент правообладатель вправе представить отзыв на него, затем проводится по меньшей мере одно заседание коллегии по рассмотрению возражения, формулируется заключение коллегии, после чего руководитель Роспатента или уполномоченное им лицо принимает решение об удовлетворении возражения полностью или частично или об отказе в удовлетворении возражения. Эта процедура может занимать около 4–6 месяцев, но в случае со злоупотреблением правом признание предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным по сути формально и, как правило, не требует разрешения каких-либо существенных правовых вопросов, поскольку злоупотребление правом со стороны правообладателя товарного знака уже установлено вступившим в законную силу решением суда и им же обуславливается заинтересованность в оспаривании регистрации⁴⁶. В связи с этим вызывает сомнение необходимость рассмотрения возражения, поданного на основании подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ, в порядке Правил рассмотрения и разрешения федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности споров в административном порядке.

С точки зрения распределения компетенции между арбитражными судами и Роспатентом очевидно, что признание предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным осуществляет именно Роспатент. Однако в случае с оспариванием по подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ длительная процедура, предполагающая проведение заседания коллегии, представляется излишней. Поскольку спор в данном случае фактически от-

сутствует (т.к. уже был разрешен в суде, где каждая из сторон имела возможность представить свои доводы и доказательства в их подтверждение), целесообразно было бы изменить порядок рассмотрения таких возражений с тем, чтобы прекращение правовой охраны товарного знака в данном случае осуществлялось на основании решения Роспатента, принятого по заявлению заинтересованного лица без проведения заседаний коллегии или по меньшей мере в более сжатые сроки.

Признание предоставления правовой охраны недействительным по подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ могло бы осуществляться в рамках процедуры, похожей на процедуру прекращения правовой охраны товарного знака на основании принятого по заявлению любого лица решения Роспатента о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с прекращением юридического лица – правообладателя или со смертью гражданина-правообладателя, если отсутствуют основания для универсального правопреемства. Согласно Административному регламенту Роспатента, утвержденному Приказом Роспатента от 7 августа 2020 г. № 111⁴⁷, эта процедура включает несколько этапов: 1) подача соответствующего заявления любым лицом; 2) направление правообладателю (его правопреемнику) уведомления о поступлении заявления; 3) рассмотрение ответа правообладателя (его правопреемника) на уведомление о поступлении заявления. В случае, если действия правообладателя, связанные с предоставлением правовой охраны товарному знаку или сходному с ним до степени смешения другому товарному знаку, уже признаны арбитражным судом злоупотреблением правом, подобный

⁴⁵ Правила рассмотрения и разрешения федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности споров в административном порядке, утвержденные Приказом Минобрнауки России № 644, Минэкономразвития России № 261 от 30 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565058256> (дата обращения: 7 сентября 2025 г.).

⁴⁶ См., например: Заключение по результатам рассмотрения возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку по свидетельству № 709206 [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.fips.ru/ofpstorage/Doc/PPS/2023/29.04.2023/2023B00210.pdf> (дата обращения: 8 сентября 2025 г.).

⁴⁷ Приказ Роспатента от 7 августа 2020 г. № 111 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по досрочному прекращению правовой охраны товарного знака, знака обслуживания, общеизвестного товарного знака, товарного знака, знака обслуживания, охраняемого на территории Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации, действия исключительного права на географическое указание или наименование места происхождения товара по заявлению любого лица, кроме правообладателя, в связи с прекращением юридического лица – правообладателя или регистрацией прекращения гражданином деятельности в качестве индивидуального предпринимателя – правообладателя или смерти гражданина» (Зарегистрировано в Минюсте России 15 сентября 2020 г. № 59846).

порядок может быть эффективным, поскольку предполагает меньше действий как от правообладателя и его процессуального оппонента, так и от самого Роспатента.

Отметим также, что в настоящий момент подать возражение на основании подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ может только заинтересованное лицо. В связи с этим возможна ситуация, когда приобретение права на товарный знак признано судом злоупотреблением правом, но в удовлетворении возражения о признании предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным заявителю будет отказано, даже если подает такое возражение то же лицо, которое участвовало в судебном споре с правообладателем. Например, в рамках судебного дела № А56-99346/2017⁴⁸ вступившими в силу судебными актами было установлено, что действия общества-1 по приобретению права на товарный знак без реального намерения его использовать в своей коммерческой деятельности в совокупности с предъявлением иска к обществу-2, которое длительное время использует спорное обозначение для индивидуализации товаров и услуг, не являющихся однородными тем товарам и услугам, для которых зарегистрирован спорный товарный знак, являются злоупотреблением правом. В дальнейшем Роспатент отказал в удовлетворении возражения общества-2 против предоставления правовой охраны товарному знаку общества-1, приобретение права на который было признано судом злоупотреблением правом, в связи с отсутствием у общества-2 заинтересованности лица, подавшего возражение, в оспаривании товарного знака (поскольку суды не сочли хозяйственную деятельность лица, подавшего возражение, однородной каким-либо услугам, указанным в перечне оспариваемого товарного знака)⁴⁹. В результате право на товарный знак, приобретение которого было признано судом злоупотреблением правом, не было признано недействительным на основании подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ, правовая охрана товарного знака была оставлена в силе.

В контексте этого судебного дела представляется значимым вопрос о том, насколько оправданна сама допустимость оставления правовой охраны товарного знака, действия по приобретению права на который были признаны судом злоупотреблением правом. Как указал Верховный Суд РФ в п. 3 Обзора судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков, оценка судом действий правообладателя в качестве злоупотребления правом (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 15 ноября 2023 г.) по отношению к одним лицам не означает, что и по отношению к другим лицам данный правообладатель является недобросовестным. До тех пор, пока на основании возражения правовая охрана не будет прекращена, исключительное право на такой товарный знак действует в отношении третьих лиц без ограничений, а в отношении тех лиц, по отношению к которым установлена недобросовестность – с учетом установленного факта недобросовестности.

Однако в случае со злоупотреблением правом при регистрации товарного знака не всегда можно говорить о злоупотреблении по отношению к какому-то конкретному лицу. Например, злоупотребление правом в ситуации аккумуляции товарных знаков, регистрации в качестве товарных знаков общераспространенных слов не направлено на определенного субъекта. При признании такой регистрации недобросовестной «дефектным» представляется само право на товарный знак. С этой точки зрения было бы целесообразно трактовать понятие заинтересованного лица достаточно широко.

В то же время возможно, что лицо, недобросовестно зарегистрировавшее товарный знак, со временем действительно начнет вести предпринимательскую деятельность с использованием данного товарного знака. В таких случаях можно усмотреть образование достойного защиты интереса. Обстоятельства, при которых защита интересов такого

⁴⁸ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27 февраля 2019 г. по делу № А56-99346/2017.

⁴⁹ Заключение по результатам рассмотрения возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку по свидетельству № 293888 [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.fips.ru/ofpstorage/Doc/PPS/2020/13.03.2020/2019%D0%9202380.pdf> (дата обращения: 3 сентября 2025 г.).

правообладателя все же была бы возможной, предлагаются в литературе⁵⁰.

В контексте противодействия недобросовестным регистрациям стоит упомянуть возможность досрочного прекращения охраны товарного знака в связи с неиспользованием (ст. 1486 ГК РФ). Однако этот способ также не выглядит достаточно эффективным с учетом того, что иск о досрочном прекращении охраны можно подать не ранее чем через 3 года с даты государственной регистрации товарного знака.

Таким образом, предусмотренные законодательством в настоящий момент способы противодействия злоупотреблению правом при совершении действий правообладателя, связанных с предоставлением правовой охраны товарному знаку или сходному с ним до степени смешения другому товарному знаку, недостаточно эффективны, а в некоторых случаях вообще неприменимы. Как справедливо отметил В.А. Хохлов, «в идеале было бы верным в самом законе предусмотреть механизмы, исключаящие ситуации, когда бы стремление стать правообладателем оказывалось предосудительным, а акт регистрации должен сводить к минимуму потенциально возможные споры (а не порождать новые)»⁵¹.

4. Совершенствование механизма противодействия злоупотреблению правом при приобретении исключительного права на товарный знак

Для противодействия злоупотреблению правом при регистрации товарного знака были бы полезны следующие инструменты.

1. Иск о признании действий по приобретению исключительного права на товарный знак злоупотреблением правом.

Как было указано ранее, подача самостоятельных исков о признании действий по приобретению исключительного права на товарный знак злоупотреблением правом сегодня в России не допускается. В судебной практике закреплена позиция о том, что законом не установлено специального порядка признания действий правообладателя, связанных с государственной регистрацией товарного знака, злоупотреблением правом⁵². Однако представители научного сообщества неоднократно указывали на целесообразность закрепления в российской судебной практике подхода о допустимости предъявления самостоятельного требования о квалификации действий по регистрации товарного знака в качестве злоупотребления правом⁵³.

Данный вопрос рассматривался на заседании Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам, состоявшемся 27 декабря 2013 г. Из протокола заседания следует, что почти все участники дискуссии были согласны с тем, что суд может рассматривать самостоятельные требования к правообладателю о признании действий последнего по регистрации товарного знака злоупотреблением правом⁵⁴. За теоретическую возможность предъявления таких исков высказались В.В. Байбак, Ю.Н. Адреев, М.А. Рожкова, Г.В. Разумова, Д.В. Мурзин, Л.Н. Линник, Н.И. Левченко. Среди основных аргументов в пользу возможности предъявления таких исков называли тот факт, что в ст. 12 ГК РФ содержится открытый перечень способов защиты гражданских прав, а также то, что раз суд может устанавливать факт недобросовестной конкуренции, то он может по «прямому» иску устанавливать и факт злоупотребления правом. Н.И. Левченко также отмечала: «Таким способом, по существу, можно заставить “работать” соответствующий подпункт статьи 1512 ГК РФ»⁵⁵.

⁵⁰ Гафуров Р.Ф. Конвалидация товарных знаков // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 1А-2А. С. 258–263.

⁵¹ Хохлов В.А. Вопросы злоупотребления правом при осуществлении интеллектуальных прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3 (98). С. 37.

⁵² См., например: Решение Суда по интеллектуальным правам от 31 января 2022 г. по делу № СИП-96/2021; Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 19 февраля 2024 г. по делу № СИП-564/2023.

⁵³ Айрапетов Н.А. Указ. соч. С. 99; Ворожеевич А.С., Козлова Н.В. Указ. соч. С. 81.

⁵⁴ Протокол № 1 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 27 декабря 2013 года [Электронный ресурс] // URL: <https://ipcmagazine.ru/court/1729481/> (дата обращения: 29 августа 2025 г.).

⁵⁵ Там же.

В.А. Хохлов, напротив, указал следующее: «Отказ в удовлетворении подобных требований должен следовать не потому, что такой иск не назван в ст. 12 ГК РФ, а потому, что это вообще не способ защиты»⁵⁶.

Автору настоящей статьи близка позиция о целесообразности допущения возможности заявления самостоятельного требования о признании действий по регистрации товарного знака злоупотреблением правом. Такое требование позволило бы упростить и ускорить применение подп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ в тех случаях, когда злоупотребивший правом правообладатель не предъявляет иски к третьим лицам и (или) не использует товарный знак для индивидуализации товаров и услуг. Заинтересованным лицам не приходилось бы провоцировать недобросовестного правообладателя на инициацию судебного спора или подавать в Роспатент возражение против предоставления товарному знаку правовой охраны при отсутствии у Роспатента возможности его рассмотрения с одной лишь целью в дальнейшем оспорить отказ в суде, где и рассмотреть вопрос о злоупотреблении правом.

Можно предположить, что возможность предъявления такого иска приведет к необоснованному увеличению нагрузки на арбитражные суды, поскольку это требование могут начать массово использовать как способ давления на добросовестных участников гражданского оборота. Однако этот риск представляется небольшим в том числе потому, что допускается возможность самостоятельного предъявления иска о признании действий хозяйствующего субъекта актом недобросовестной конкуренции (п. 61 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного зако-

нодательства»), и это не порождает значительных проблем такого рода. Кроме того, как было отмечено ранее, сегодня суды могут рассматривать иски с самостоятельным требованием о признании действий по приобретению товарного знака актом недобросовестной конкуренции, и это также не порождает такой проблемы.

Конечно, заявляя такое требование, истец должен обосновать свою заинтересованность. Возможность предъявления такого иска была бы полезна, если товарный знак уже зарегистрирован. При этом само по себе допущение предъявления самостоятельного требования о признании действий по регистрации товарного знака злоупотреблением правом не будет эффективным способом защиты для случаев, когда товарный знак находится в процессе регистрации или когда его регистрация недобросовестным заявителем вообще не планируется и используется с целью блокирования возможности регистрации более поздних заявок.

2. Корректировка сроков уплаты государственной пошлины за регистрацию товарных знаков.

Уплата пошлины за регистрацию заявки на регистрацию товарного знака, знака обслуживания и принятие решения по заявке на товарный знак по результатам формальной экспертизы производится в течение двух месяцев со дня направления (выставления) Роспатентом уведомляющего документа о начислении соответствующей пошлины⁵⁷. Для уплаты пошлины может быть предоставлен дополнительный срок, равный одному месяцу со дня истечения названного выше двухмесячного срока⁵⁸. Только по истечении этих сроков заявка на товарный знак признается отозванной. Еще недавно срок для оплаты пошлин был существенно длиннее⁵⁹.

⁵⁶ Хохлов В.А. Указ. соч. С. 37.

⁵⁷ Пункт 8 Положения о патентных и иных пошлинах за совершение юридически значимых действий, связанных с патентом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, с государственной регистрацией товарного знака и знака обслуживания, с государственной регистрацией и предоставлением исключительного права на географическое указание, наименование места происхождения товара, а также с государственной регистрацией отчуждения исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, залога исключительного права, предоставления права использования такого результата или такого средства по договору, перехода исключительного права на такой результат или такое средство без договора, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 10 декабря 2008 г. № 941 (далее – Положение о пошлинах).

⁵⁸ Пункт 11 Положения о пошлинах.

⁵⁹ Патентные и иные пошлины: изменение с 5 октября 2024 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/26518/> (дата обращения: 12 сентября 2025 г.).

Корректировка сроков уплаты пошлин способствовала бы борьбе со злоупотреблением путем подачи «блокирующей» заявки на регистрацию. Как справедливо указывает Н.С. Зацепина: «Для решения проблемы необходимо разработать взвешенную систему со сбалансированными пошлинами, при которой ни “висячие” заявки не будут блокировать добросовестные заявки, ни, при этом, не будет утяжеления делопроизводства и бюрократии при регистрации товарных знаков добросовестными заявителями – правообладателями»⁶⁰. В.А. Беднарж, Д. С. Салдаева также придерживаются мнения о целесообразности сокращения периода уплаты пошлины⁶¹.

Такие предложения представляются обоснованными. Например, можно было бы сократить срок уплаты пошлин до 2–3 недель с даты подачи заявки или вовсе сделать обязательным условием для регистрации заявки на товарный знак представление доказательств уплаты пошлины. Такой вариант не утяжелит делопроизводство, но увеличит издержки недобросовестных лиц, массово подающих заявки на товарный знак без целей регистрации, и, вероятно, снизит их активность.

3. Передача исключительного права на недобросовестно зарегистрированный товарный знак.

Злоупотребление при получении исключительного права на товарный знак может быть осложнено подачей третьими лицами заявок на регистрацию в качестве товарных знаков тождественных или сходных до степени смешения обозначений в период действия недобросовестной регистрации и до ее оспаривания. В результате даже если предоставление правовой охраны товарному знаку будет успешно оспорено, у оспарившего товарный знак лица может отсутствовать возможность зарегистрировать собственный товарный знак. Потребуется оспаривать предоставление правовой охраны другим товарным знакам, если они будут зарегистрированы, либо дожидаться, пока в регистрации будет отказано или

заявки будут признаны отозванными, либо получать письма-согласия. На это могут уйти длительное время и значительные средства.

Для таких случаев целесообразно предусмотреть в законодательстве возможность принудительной передачи исключительного права на недобросовестно зарегистрированный товарный знак к добросовестному лицу, использующему такое обозначение.

Подобный механизм известен во французском законодательстве: «С момента вступления в силу французского Закона от 04.01.1991 г., закрепившего приведенную редакцию статей L.712-6 Кодекса интеллектуальной собственности, жертва мошеннической заявки на товарный знак имеет выбор между иском об аннулировании заявки в силу концепции *fraus omnia corrumpit* (“мошенничество развращает все”) и иском о виндикации в соответствии со статьей L.712-6. Последняя, будучи калькой нормы, действующей для патентов (ст. L.611-8), позволяет истцу требовать замены узурпатора на себя (т.е. самому стать заявителем), а также приобрести право приоритета на заявку о регистрации»⁶².

В статье L.712-6 Кодекса интеллектуальной собственности Франции речь идет об аналоге виндикации, а в рамках российского законодательства можно провести аналогию с последствиями нарушения, например, ст. 21 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁶³, которой предусматривается преимущественное право покупки доли. Заинтересованному и добросовестному участнику гражданского оборота может быть передано исключительное право на товарный знак. Также может быть рассмотрено применение данного механизма к товарным знакам, находящимся в процессе регистрации.

Безусловно, использование такого механизма должно производиться аккуратно. Так, важно не допустить передачу исключительного права или права на регистрацию товарного знака лицу, не

⁶⁰ Зацепина Н. С. Указ. соч. С. 210.

⁶¹ Беднарж В. А., Салдаева Д. С. Указ. соч. С. 118.

⁶² Васильева Т.В. Некоторые размышления о защите интеллектуальных прав от узурпации третьими лицами (на примере России и Франции) // Закон. 2017. № 1. С. 102.

⁶³ Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Российская газета. 17 февраля 1998 г. № 30.

связанному с данным обозначением. Для снижения этого риска можно предусмотреть необходимость при рассмотрении таких требований определять вероятность случайности выбора для регистрации именно такого обозначения, устанавливать осведомленность правообладателя об использовании иным лицом этого обозначения. Такой механизм также не должен допускать введение потребителя в заблуждение относительно товара или услуги, лица, изготавливающего товар или оказывающего услугу, а также места производства товара или места оказания услуги.

В 2023 г. патентное ведомство Китайской Народной Республики представило для обсуждения проект поправок к закону о товарных знаках⁶⁴. Среди прочего данный проект предусматривает создание механизма принудительной передачи недобросовестно зарегистрированных товарных знаков. Отмечается, что предлагаемый механизм требует доработок, однако эта инициатива все же встречает поддержку среди китайских юристов⁶⁵.

Этот способ защиты, однако, не подойдет для противодействия недобросовестным лицам, аккумулирующим товарные знаки, поскольку недобросовестные правообладатели, как правило, регистрируют в качестве товарных знаков общеупотребительные слова. В отношении таких обозначений проблематично будет определить лицо, которому справедливо будет передать исключительное пра-

во на товарный знак, поскольку может быть много лиц, использующих тождественное или сходные обозначения на территории РФ.

Заключение

По итогам рассмотрения явления недобросовестности при приобретении исключительного права на товарный знак необходимо отметить, что с точки зрения теоретико-правовых представлений применение доктрины злоупотребления правом в данном случае является оправданным в связи с существованием отдельного гражданского права на регистрацию товарного знака.

Действующее законодательное регулирование и правоприменительные подходы не позволяют в полной мере эффективно противодействовать рассмотренным злоупотреблениям. Более эффективному противодействию злоупотреблениям при приобретении исключительного права на товарный знак могли бы способствовать следующие меры: во-первых, возможность подачи самостоятельных исков о признании действий по приобретению исключительного права на товарный знак злоупотреблением правом; во-вторых, уменьшение сроков, предоставляемых для уплаты государственных пошлин; в-третьих, формирование механизма принудительной передачи права на недобросовестно зарегистрированный товарный знак.

Список литературы:

1. Андрощук Г.А. Недобросовестность при регистрации товарных знаков: доктрина и практика // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 11. С. 102–106.
2. Айрапетов Н.А. Принцип добросовестности и требование о злоупотреблении правом при регистрации товарного знака // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 1. С. 93–99.
3. Беднарж В.А., Салдаева Д.С. Злоупотребление правом при регистрации товарного знака // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 5 (160). С. 113–119.
4. Васильева Т.В. Некоторые размышления о защите интеллектуальных прав от узурпации третьими лицами (на примере России и Франции) // Закон. 2017. № 1. С. 97–105.
5. Ворожевич А.С., Козлова Н.В. Недобросовестная конкуренция или злоупотребление правом при регистрации товарного знака: проблемы квалификации и способы защиты // Lex russica. 2017. № 5. С. 70–82.

⁶⁴ Проект поправок к закону о товарных знаках Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // URL: https://www.cnipa.gov.cn/art/2023/1/13/art_75_181410.html (дата обращения: 12 сентября 2025 г.).

⁶⁵ Yu Xiaotian. Optimization and improvement of the compulsory transfer system of registered trademarks. Comments on the relevant provisions of the Revised Draft of the Trademark Law (Draft for Comment) // International Journal of Frontiers in Sociology. 2024. Vol. 6. Issue 6. P. 1–8.

6. Гафуров Р.Ф. Конвалидация товарных знаков // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 1А-2А. С. 258–263.
7. Голофаев В.В. Пределы осуществления права на защиту товарного знака. Злоупотребление правом на защиту товарного знака // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 20. С. 40–53.
8. Городов О.А. О признаках злоупотребления патентными правами // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1. С. 46–51.
9. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. 3-е изд., испр. М.: Статут, 2022. 414 с.
10. Зацепина Н.С. Злоупотребление правом при подаче заявок на регистрацию товарного знака: скрытые проблемы и классификация // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 210–214.
11. Кашаров З.А., Гапураева Э.Н. Вопросы квалификации действий по приобретению и использованию исключительного права на товарный знак в качестве недобросовестной конкуренции или злоупотребления правом // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2 (32). С. 142–160.
12. Кожемякин Д.В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук, 2017. 199 с.
13. Корнеев В.А., Рассомагина Н.Л. О недобросовестности при приобретении и (или) использовании прав на товарный знак // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2015. № 8. С. 29–38.
14. Михайлова Д.В. Условия охраноспособности и объем правовой охраны товарных знаков и знаков обслуживания в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук, 2025. 205 с.
15. Права на товарный знак: монография / Отв. ред. Л.А. Новоселова. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2025. 144 с.
16. Рассомагина Н.Л. Как признать недействительной правовую охрану товарного знака, зарегистрированного недобросовестно // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. № 15. С. 77–87.
17. Сергеев А.П. Принцип старшинства при столкновении сходных до степени смешения средств индивидуализации, принадлежащих разным лицам // Закон. 2021. № 7. С. 117–124.
18. Хохлов В.А. Вопросы злоупотребления правом при осуществлении интеллектуальных прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3 (98). С. 34–39.
19. Яковлев А.С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика. М.: «Ось-98». 2005. 192 с.
20. Adashov Khojiboy Priority rights in trademarks: analysis of the ‘first-to-use’ and ‘first-to-file’ principles // Web of Scientists and Scholars: Journal of Multidisciplinary Research. 2025. Vol. 3. № 6. P. 294–302.
21. Frank I. Schechter. The rational basis of trademark protection // Harvard Law Review. 1927. Vol. 40. № 6. P. 813–833.
22. Yu Xiaotian. Optimization and improvement of the compulsory transfer system of registered trademarks. Comments on the relevant provisions of the Revised Draft of the Trademark Law (Draft for Comment) // International Journal of Frontiers in Sociology. 2024. Vol. 6. Issue 6. P. 1–8.

Научная статья
УДК 347.77

Для цитирования:

Туркина А.Е. Сертификационные знаки за рубежом и в России: соотношение с институтами географического указания и наименования места происхождения товара // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Декабрь. № 4 (50). С. 191–197.

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_13

For citation:

Turkina A.E. Certification marks abroad and in Russia: correlation with the institutions of geographical indications and protected designation of origin // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. December. N 4 (50). Pp. 191–197. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_13

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_13

Сертификационные знаки за рубежом и в России: соотношение с институтами географического указания и наименования места происхождения товара¹

А.Е. Туркина,

магистр частного права, консультант отдела законодательства
об интеллектуальных правах Исследовательского центра частного права
имени С.С. Алексеева при Президенте РФ

Автор рассматривает механизмы регулирования использования сертификационных знаков за рубежом и в России и их соотношение с географическими указаниями и наименованиями мест происхождения товаров ввиду выявленных при анализе судебной практики проблем применения норм о географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров².

Ключевые слова:

сертификационный знак; знак соответствия; географические указания; наименования мест происхождения товара; региональные бренды

¹ Настоящее исследование подготовлено в рамках выполнения государственного задания, утвержденного федеральному государственному бюджетному научному учреждению «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации» (номер научно-исследовательской работы в ЕГИСУ НИОКТР 123021600224-7).

² См. подробнее: Радецкая М.В., Туркина А.Е. Правоприменительная практика по вопросам защиты географического указания и наименования места происхождения товара: анализ проблем и возможные пути их решения (часть 2) // Журнал СИП. Электронный ресурс: <https://ipcmagazine.ru/articles/1800527/>. Там же (часть 1). Электронный ресурс: <https://ipcmagazine.ru/articles/1797696/>

В обобщенном виде сертификационный знак можно определить как обозначение, гарантирующее потребителям соответствие маркированного им товара требованиям к качеству, способу или месту производства, которые установлены правообладателем знака и зафиксированы в реестре знаков.

В правопорядках, предоставляющих правовую охрану таким обозначениям³, сертификационный знак обычно определяется юридическим составом, включающим структуру знака, общие характеристики маркируемых товаров и (или) услуг, подтверждающую соответствие этим характеристикам функцию знака, принцип неиспользования знака правообладателем и принцип разделения статуса правообладателя и пользователя товарного знака. Выполняемая сертификационным знаком функция аналогична по существу функции средств индивидуализации.

Среди подтверждаемых сертификационным знаком характеристик товаров и (или) услуг в исследованных правопорядках называются качество, материал, состав, способ создания и т.д. Некоторые юрисдикции также придают сертификационному знаку функцию подтверждения места происхождения товара. В частности, ст. 28 Директивы ЕС № 2015/2436 от 16 декабря 2015 г. допускает регистрацию топонимов в качестве сертификационных знаков при условии, что правообладатель не будет наделен правом запрещать использование такого знака лицам, использующим его в добросовестных коммерческих практиках, в частности, лицам, которые вправе использовать географическое указание (далее – ГУ).

Право на сертификационный знак предоставляет своему обладателю (которым ни в одной из исследованных юрисдикций не может выступать физическое лицо⁴) правомочие разрешать исполь-

зование сертификационного знака третьими лицами, чьи товары или услуги соответствуют установленным в правилах использования (сформулированных правообладателем и зафиксированных в реестре знаков) характеристикам. Этими же правилами, которые можно квалифицировать как договор присоединения, определяются отношения между правообладателем знака и множеством его пользователей. Разработка правил пользования осуществляется потенциальным правообладателем, который должен учитывать предусмотренные законом требования. Среди таких требований обычно устанавливаются: (i) характеристики, стандарты качества или технические показатели, соответствие которым товара подтверждает нанесенный на него сертификационный знак; (ii) условия использования знака; (iii) меры контроля за соответствием маркируемых товаров охраняемым характеристикам.

Вместе с тем устанавливаются и правила для правообладателя (сертифицирующего органа), а также правила осуществления сертификационной деятельности (порядок предоставления права использования знака). При этом некоторые правопорядки предусматривают привилегии для «публичных» правообладателей – например, в виде бессрочной охраны знака. Вышеупомянутый принцип неиспользования знака правообладателем, зафиксированный во всех рассмотренных юрисдикциях, запрещает правообладателю заниматься производством или продажей товаров, в отношении которых зарегистрирован сертификационный знак, с целью обеспечить непредвзятость правообладателя при выдаче разрешений и контроле надлежащего использования знака.

Распоряжение правом на сертификационный знак подвергается значительным ограничениям. Некоторые правопорядки в принципе исключают

³ См. например: п. 3 ст. 5 Протокола о гармонизации норм об интеллектуальной собственности МЕРКОСУР (в состав МЕРКОСУР входят Аргентина, Бразилия, Уругвай, Парагвай), ст. 185–186 Решения № 486 Комиссии Андского сообщества (в состав Андского сообщества входят Боливия, Колумбия, Эквадор, Перу), ст. 23 Закона о товарных знаках Канады, Закон Аргентины о товарных знаках № 22.362, ст. 123 Закона Бразилии о промышленной собственности № 9.279, ст. 4 Закона Гватемалы о промышленной собственности, ст. 70 Закона Доминиканы о промышленной собственности, ст. 2 Закона Коста-Рики о товарных и иных отличительных знаках № 7978, ст. 183 Закона Мексики об охране промышленной собственности, ст. 2 Закона Никарагуа о товарных и иных отличительных знаках, гл. 13 Закона Парагвая о товарных знаках, ст. 80 Законодательного Декрета Перу № 1075, ст. 2 Закона Сальвадора о товарных и иных отличительных знаках, ст. 44 Закона Уругвая о товарных знаках № 17011, ст. 23 bis В Закона Чили о промышленной собственности № 19.039.

⁴ Аналогичная норма действует в Российской Федерации (п. 2 ст. 21 Закона о техническом регулировании).

возможность распоряжения таким правом, в то время как другие требуют для него соблюдения дополнительных условий.

Несмотря на то, что сертификационный знак обладает самостоятельным правовым режимом, в рассмотренных зарубежных правовых порядках он одновременно остается одной из разновидностей товарного знака, посвященные которому нормы распространяются на сертификационный знак в части, неурегулированной специальными нормами. Примечательно различие последствий неиспользования сертификационных и товарных знаков. Если для товарных знаков последствием, одинаковым для большинства стран мира, будет возможность требовать прекращения правовой охраны, то неиспользование сертификационного знака в отношении части товаров и услуг, для которых он зарегистрирован, не может служить основанием для прекращения его правовой охраны.

Вместе с тем, помимо применимых к сертификационным знакам общих оснований прекращения правовой охраны, установленных для товарных знаков, предусматриваются, как правило, дополнительные основания прекращения правовой охраны, к каковым, в частности, относятся: (i) нарушение правил использования сертификационного знака, которое вводит потребителя в заблуждение; (ii) непринятие мер по контролю за соблюдением правил использования знака; (iii) утрата способности подтверждать соответствие товаров или услуг, для которых был зарегистрирован знак, охраняемым характеристикам; (iv) произвольный отказ в использовании сертификационного знака при условии соблюдения потенциальным пользователем всех условий, изложенных в правилах пользования.

В Китае в рамках закона о товарных знаках географические указания не регистрируются как таковые – закон предусматривает их регистрацию

в качестве коллективных (заявитель – ассоциация производителей) и сертификационных (заявитель – сертифицирующий орган или учреждение) знаков⁵.

Сертификационные знаки администрируются как на национальном, так и на местном уровнях. На местном уровне провинциальные органы контроля качества отвечают за предварительную экспертизу заявок в отношении регистрации сертификационных знаков, рассмотрение заявок на использование знаков производителями, назначение инспекционных учреждений, расследование и наказание незаконных действий.

Сам владелец знака не вправе использовать его, а производители приобретают такое право в порядке, описанном в регламенте использования сертификационного знака, после чего владелец знака выдает им разрешения и уведомляет об этом факте Бюро по товарным знакам, которое публикует эту информацию⁶.

Владелец сертификационного знака несет ответственность за ненадлежащий контроль за использованием знака, причинивший ущерб потребителю; неуведомление Бюро товарных знаков о предоставлении права использования знака; нарушение процедуры предоставления права использования знака; использование знака им самим. Указанные нарушения влекут наложение на владельца сертификационного знака уполномоченным в сфере промышленности и торговли органом штрафа в размере трехкратной суммы неправомерно полученного дохода, но не более 30 тысяч юаней, а при отсутствии дохода – в размере 10 тысяч юаней⁷.

Ущерб, причиненный нарушением права на использование знака, взыскивается отдельно в рамках гражданского процесса⁸.

В США раздел 4 Закона о товарных знаках 1946 года (также известного как Lanham Act)⁹ предусматривает охрану географических указаний

⁵ Art. 3 of the Trademark Law of the People's Republic of China / URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/579989>; Measures for the Registration and Administration of Collective Marks and Certification Marks / URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/475170>

⁶ Art. 15–20 of the Measures for the Registration and Administration of Collective Marks and Certification Marks. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/475170>

⁷ Art. 21–22. Ibid.

⁸ Art. 60 of the Trademark Law of the People's Republic of China / URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/579989>

⁹ 15 U.S.C. § 1054 / URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/1054>

в качестве сертификационных и коллективных знаков, указывающих на региональное происхождение. По существу, в США коллективный знак сводится к обозначению членства в ассоциации, а сертификационный – к гарантии одобрения товара владельцем регистрации¹⁰. И, хотя подавляющее большинство географических указаний охраняются в соответствии с разделом 4, они также могут быть защищены как товарные знаки при условии подтверждения в заявке приобретенных в результате использования различительных свойств. Такой способ предоставления охраны позволяет сохранять в качестве общеупотребимых в США те наименования, которые в других странах являются охраняемыми и доступными лишь тем производителям, которые соответствуют установленным при регистрации наименования требованиям¹¹.

Под «сертификационным знаком» понимается любое слово, название, символ, устройство или любая их комбинация, используемые лицом, не являющимся его владельцем, или которые владелец имеет добросовестное намерение разрешить лицу, не являющемуся владельцем, использовать в торговле и подает заявку на регистрацию для подтверждения регионального или иного происхождения, материала, способа изготовления, качества, точности или других характеристик товара или услуги, или того, что товар создается или услуга оказывается членами союза или другой организации.

Владелец сертификационного знака не должен самостоятельно заниматься производством товаров или оказанием услуг, к которым относится знак; его основная функция и задача – контроль соблюдения условий маркировки данным знаком и недопущение перехода его в область общеупотребимых слов. Бюро по патентам и товарным знакам США в связи с этим разъясняет, что владельцем сертификационного знака обычно является государственный орган или уполномоченная правительством организация, поскольку таковые в наибольшей степени способны, с одной сторо-

ны, осуществлять необходимый контроль, чтобы гарантировать, что все соответствующие условиям использования знака стороны могут свободно использовать знак, а с другой стороны – препятствовать использованию, являющемуся ненадлежащим или иным образом наносящим ущерб сертификационному знаку¹².

Правообладатель сертификационного знака вправе обратиться с иском к любому лицу, которое копирует или имитирует знак и использует в торговле, либо наносит такую копию или имитацию на этикетки, знаки, принты, упаковки, обертки, сосуда или рекламные объявления. Помимо судебного запрета правообладатель вправе потребовать при наличии вины нарушителя выплатить компенсацию в размере причиненных нарушением убытков или полученного нарушителем от неправомерного использования дохода (15 U.S.C. §1114); изъятия (15 U.S.C. §1116) или уничтожения (15 U.S.C. §1118) контрафактных этикеток, знаков, принтов, упаковок, оберток, сосудов, а также штампов, блоков, станков, пластин или других инструментов, используемых для нарушения, независимо от наличия вины нарушителя.

В Сингапуре с заключением Соглашения о свободной торговле между ЕС и Сингапуром законодательство поменялось – вступившей в силу 01.04.2019 редакцией Закона «О географических обозначениях» и принятыми в его развитие Правилами о географических обозначениях установлен порядок регистрации и создан реестр географических указаний. Хотя по общему правилу теперь регистрация географических указаний в качестве товарных знаков не допускается¹³, возможна регистрация коллективных (заявитель – ассоциация производителей) и сертификационных (заявитель – сертифицирующие орган или учреждение) знаков, при регистрации которых устанавливаются требования, соответствие которым позволяет лицу использовать такой знак¹⁴.

Закон Бразилии о промышленной собственности предусматривает, что в режиме товарных

¹⁰ Callmann R. The Technical Trade-Marks of the Lanham Act. New York Law Review. 1950. No. 25. P. 308.

¹¹ URL: <https://www.uspto.gov/ip-policy/trademark-policy/geographical-indications#:~:text=What%20are%20>

¹² Там же.

¹³ Section 7 of the Trade Marks Act (Chapter 332) / URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/581741>

¹⁴ Schedules 1-2 of the Trade Marks Act (Chapter 332) / URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/581741>

знаков регистрируются и охраняются сертификационные и коллективные знаки. Под сертификационными знаками понимаются такие, которые подтверждают соответствие товара стандартам, установленным в отношении его качества, сырья, материалов и методов производства¹⁵.

Заявку на регистрацию сертификационного знака может подать только лицо, не имеющее прямого коммерческого или производственного интереса в отношении товара или услуги, в отношении которых регистрируется сертификационный знак¹⁶.

В Австралии Закон о товарных знаках 1995 года предусматривает регистрацию коллективных и сертификационных знаков.

Владелец сертификационного знака вправе использовать его наравне с теми лицами, которым он предоставил разрешение на использование в соответствии с правилами использования, текст которых подается на регистрацию вместе со знаком¹⁷.

Зарегистрированное в качестве сертификационного знака географическое наименование может использоваться любым производителем без какой-либо авторизации или контроля со стороны владельца регистрации в рамках указания на товарах, что они произведены в обозначаемом таким наименованием месте, т.е. регистрация географического наименования в качестве сертификационного знака не позволяет гарантировать, что только соответствующие установленным стандартам товары будут нести на себе информацию об определенном месте происхождения¹⁸.

Примечательно, что австралийское регулирование не устанавливает ни стандартов производства, ни условия о производстве товара (всех его компонентов) в пределах зоны, обозначаемой наносимым на товар географическим указанием¹⁹.

Изучение правового регулирования использования сертификационных знаков в зарубежных странах неизбежно выявляет сходство конструкции сертификационного знака с конструкцией ГУ и наименований мест происхождения товаров (далее – НМПТ). Неслучайно ряд юрисдикций не выделяют ГУ и НМПТ в качестве самостоятельных объектов, а охраняют указание на место происхождения товара в рамках режима сертификационных или коллективных знаков.

Таким образом, сертификационные знаки в ряде правовых порядков получили гражданско-правовую охрану как вид товарных знаков, в то время как другие правовые порядки пошли по пути их публично-правовой охраны.

В России во многом аналогичным сертификационным знакам режимом обладают знаки соответствия, регулирование которых преимущественно сосредоточено в Федеральном законе от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (далее – Закон о техрегулировании), то есть используется публично-правовая модель их охраны.

Согласно абз. 3 п. 1 ст. 1 указанного закона он регулирует в том числе отношения, возникающие при применении и исполнении на добровольной основе требований к продукции, процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, а также к выполнению работ или оказанию услуг в целях добровольного подтверждения соответствия.

Абзац 8 статьи 2 Закона о техрегулировании определяет знак соответствия как обозначение, служащее для информирования приобретателей, в том числе потребителей, о соответствии объекта сертификации требованиям системы добровольной сертификации. Помимо знака соответствия

¹⁵ Art. 123 of the Law No. 9.279 of May 14, 1996 (Law on Industrial Property). URL: <https://www.gov.br/inpi/pt-br/servicos/marcas/arquivos/protocolo-de-madri/lpi-trad-pms-rev-pms.pdf>

¹⁶ Par. 3 Art. 128 of the Law No. 9.279 of May 14, 1996 (Law on Industrial Property). URL: <https://www.gov.br/inpi/pt-br/servicos/marcas/arquivos/protocolo-de-madri/lpi-trad-pms-rev-pms.pdf>

¹⁷ Sections 171-173 of the Trade Marks Act 1995. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/553811>

¹⁸ Van Caenegem W., Cleary J., Drahos P. Pride and Profit: Geographical Indications as Regional Development Tools in Australia. *Journal of Economic and Social Policy*. 2014. No. 16. Article 5. P. 11. URL: https://www.researchgate.net/publication/274638862_Pride_and_Profit_Geographical_Indications_as_Regional_Development_Tools_in_Australia

¹⁹ Van Caenegem W., Cleary J., Drahos P. Pride and Profit. Ibid. P. 16.

существует также знак обращения на рынке – обозначение, служащее для информирования приобретателей, в том числе потребителей, о соответствии выпускаемой в обращение продукции требованиям технических регламентов. В настоящий момент используются два знака обращения продукции на рынке – единый знак обращения на рынке (буквы ЕАС в центре квадрата)²⁰ и российский знак обращения на рынке (комбинация букв «Т», «Р» и «С»)²¹.

В соответствии с п. 2 ст. 21 Закона о техническом регулировании система добровольной сертификации может быть создана юридическим лицом и (или) индивидуальным предпринимателем или несколькими юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями. Лицо или лица, создавшие систему добровольной сертификации, устанавливают перечень объектов, подлежащих сертификации, и их характеристик, на соответствие которым осуществляется добровольная сертификация, правила выполнения предусмотренных данной системой добровольной сертификации работ и порядок их оплаты, определяют участников данной системы добровольной сертификации. Системой добровольной сертификации может предусматриваться применение знака соответствия.

Согласно п. 2.2 ГОСТ Р 40.101-95 знак соответствия должен обладать изобразительным отличием, исключающим его смешение со знаками соответствия других систем сертификации и иными знаками, применение которых предусмотрено законодательством Российской Федерации. В качестве знака соответствия не может использоваться товарный знак или знак обслуживания юридического лица, организующего систему сертификации.

Анализ приведенных норм позволяет прийти к выводу, что в России знак соответствия в значительной мере дублирует средства индивидуализации: совпадение предлагаемого к регистрации знака соответствия с товарным знаком, знаком

обслуживания, ГУ или НМПТ не указано ни в одном нормативном акте как основание для отказа в регистрации системы добровольной сертификации, то есть практически не предусмотрены меры, защищающие от такого дублирования.

В этом же контексте нельзя не упомянуть выявленные в ходе анализа Единого реестра зарегистрированных систем добровольной сертификации Российской Федерации случаи регистрации для систем добровольной сертификации наименований, имитирующих ГУ и НМПТ²². Системы сертификации, например, «Сделано в Москве» или «Сделано в Башкортостане» демонстрируют желание лиц, регистрирующих системы добровольной сертификации, использовать последние в том числе как способ обозначить место происхождения определенного товара, что явным образом пересекается с функциями ГУ и НМПТ, но без установленных законом жестких требований к их использованию, поскольку лицо, зарегистрировавшее систему добровольной сертификации и знак соответствия как элемент этой системы, произвольно определяет правила его использования.

Также обращают на себя внимание случаи регистрации для систем добровольной сертификации обозначений, имитирующих официальные наименования (в т.ч. органов государственной власти)²³. Подобный выбор обозначения не может не наводить на мысль о намерении ввести в заблуждение как потребителей, так и профессиональных участников рынка.

Ввиду вышесказанного видится крайне желательным расширить перечень случаев, в которых знак соответствия не может быть зарегистрирован. В частности, если он содержит упоминание географических обозначений.

Принимая во внимание изначально не индивидуальный, а коллективный характер ГУ и НМПТ, а также лежащую в их основе связь с определенной территорией, одним из возможных решений обозначенной проблемы видится сохранение

²⁰ Утв. Решением Комиссии Таможенного союза от 15 июля 2011 г. № 711.

²¹ Утв. Постановлением Правительства РФ от 19 ноября 2003 г. № 696.

²² См. например, РОСС RU.31685.04РЭЦО, РОСС RU.32564.04СДЛО, РОСС RU.И2702.04МЭЦО, РОСС RU.32689.04СВБ0, РОСС RU.И3036.04СМК0, РОСС RU.32538.04КА30, РОСС RU.А1128.04СНД2, РОСС RU.И1866.04ЯКУ0, РОСС RU.31872.04СВК0, РОСС RU.А1520.04ИЖЖ0, РОСС RU.32371.04АТЛ0.

²³ РОСС RU.31976.04ЦЭК0, РОСС RU.31927.04ИКМ0, РОСС RU.31545.04ИЗЕ0, РОСС RU.32920.04ДЭЖ0, РОСС RU.32913.04ФРТ0.

регистрации ГУ и НМПТ на федеральном уровне, с предоставлением права на подачу заявок на регистрацию ГУ и НМПТ общественным организациям (ассоциациям производителей).

Данные организации могут быть наделены правомочием по определению требований к продукции, предоставлению права использования и пресечения нарушений в использовании ГУ и НМПТ. Подобный механизм сейчас отчасти реализован в деятельности Федеральной саморегулируемой организации «Ассоциация виноградарей и виноделов России», которая наделена функциями определения обозначаемых ГУ и НМПТ географических зон, установления дополнительных стандартов качества продукции, создания оценивающих продукцию дегустационных комиссий, выдачи сертификатов качества

(ст. 9, ст. 17 Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 468-ФЗ «О виноградарстве и виноделии в РФ»), осуществление которых является частью комплекса мер, составляющих Российскую национальную систему защиты винодельческой продукции по географическому указанию и наименованию места происхождения (ст. 29–32 указанного федерального закона).

Видятся также заслуживающими внимания выявленные в ходе проведения исследования механизмы отнесения предварительной экспертизы заявок на регистрацию ГУ и НМПТ на региональный уровень, а также введение ответственности как производителей, так и ассоциации производителей (в случае, если она администрирует использование ГУ и НМПТ) за качество продукции, выпускаемой под соответствующим обозначением.

Список литературы:

1. Радецкая М.В., Туркина А.Е. Правоприменительная практика по вопросам защиты географического указания и наименования места происхождения товара: анализ проблем и возможные пути их решения (часть 1) // Журнал СИП. Электронный ресурс: <https://ipcmagazine.ru/articles/1797696/>
2. Радецкая М.В., Туркина А.Е. Правоприменительная практика по вопросам защиты географического указания и наименования места происхождения товара: анализ проблем и возможные пути их решения (часть 2) // Журнал СИП. Электронный ресурс: <https://ipcmagazine.ru/articles/1800527/>
3. Callmann R. The Technical Trade-Marks of the Lanham Act. New York Law Review. 1950. No. 25. P. 308.
4. Van Caenegem W., Cleary J., Drahos P. Pride and Profit: Geographical Indications as Regional Development Tools in Australia. Journal of Economic and Social Policy. 2014. No. 16. Article 5. P. 11. URL: https://www.researchgate.net/publication/274638862_Pride_and_Profit_Geographical_Indications_as_Regional_Development_Tools_in_Australia

Научная статья
УДК 001: 347.78

Для цитирования:

Булат Р.Е. Тенденции в разработке единых подходов к соблюдению авторских прав и оценке этичности научных публикаций // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Декабрь. № 4 (50). С. 198–219.

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_14

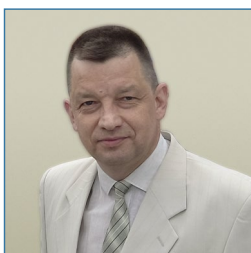
For citation:

Bulat R.E. Trends in developing unified approaches to assessing the ethicality of scientific publications // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2025. December. N 4 (50). Pp. 198–219. (In Russ.).

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_14

DOI: 10.58741/23134852_2025_4_14

Тенденции в разработке единых подходов к соблюдению авторских прав и оценке этичности научных публикаций

Р.Е. Булат,

доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры педагогики и педагогических технологий,
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, г. Пушкин, Россия,
ORCID ID: 0000-0002-2652-6380,
Author ID: 538057

Целью статьи является научное обоснование необходимости разработки единых подходов к оценке этичности научных публикаций на основе унификации критериев. Актуальность исследования обусловлена растущим влиянием ИИ-технологий на научно-творческую деятельность, что требует решения существующих проблем до принятия новых административных механизмов регулирования. Методология исследования включает аналитический обзор нормативно-правовой базы, сравнительный анализ научных публикаций и критический анализ правил для авторов и других аспектов публикационной этики в 19 рецензируемых журналах (из «Белого списка» по тематике «Народное образование. Педагогика»). Результаты исследования позволили выявить отсутствие терминологического единообразия (47 единиц в интерпретациях ключевых понятий: плагиат, заимствование, оригинальность и др.), что приводит к неоднозначности критериев оценки на разных этапах публикационного цикла, обнаружить различия в оценке самостоятельности и научной значимости, зафиксировать рост преобладания критерия «оригинальность» над теоретической и практической ценностью исследования по мере снижения категории научных изданий. На основе полученных данных в качестве выводов исследования представлены рекомендации по разработке методологических основ единых подходов к оценке этичности научных публикаций.

При этом консолидация усилий всех участников научно-издательского процесса рассматривается как основа преобразования «этики запретов» в «этику возможностей». Предлагаемое решение позволит устранить терминологические противоречия путем унификации ключевых понятий и их нормативного закрепления в качестве обязательных стандартов.

Ключевые слова:

научные базы данных; наукометрические показатели; научная этика; оригинальность текста; ответственность за плагиат; редакционная политика журналов

Введение

Актуальность научного обоснования подготовки и реализации новых административных решений в области оценки применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в научных и квалификационных работах подтверждается ростом дискуссии и публикационной активности в данной сфере¹. При этом мнения ученых сходятся, как минимум, в одном – в неминимости дальнейшего все более прогрессирующего влияния ИИ-технологий на научно-творческую деятельность. Однако это влияние неоднозначно: наряду с новыми возможностями возникают и серьезные риски. Озабоченность негативными последствиями ИИ-технологий отмечается на высших структурных уровнях российской науки, в том числе в докладах РАН: «Чат-боты стали рассматриваться недобросовестными авторами как инструмент быстрой генерации научного или учебного текста, гарантированно проходящего “проверку на плагиат”» [1]. В связи с этим ректор МГПУ И.М. Реморенко отмечает: «Чтобы не допускать плагиата, создавать тексты честно, аргументировано излагать выводы, нужны общие правила использования ИИ»².

Наряду с этим, на организованной АО «Антиплагиат» совместно с Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ) конференции О.В. Молчанова подтвердила, что редакторы и издатели сталкиваются с необходимостью разработки четких критериев для работы с ИИ-текстами, и отметила, что большинство журналов все еще не регу-

лируют использование ИИ, но треть из них уже отклоняет материалы при выявлении таких текстов. В своем выступлении³ она привела данные опроса (март, 2025), согласно которому 55% редакторов сталкивались с использованием ИИ авторами, 74% журналов не отразили отношение к ИИ в редакционной политике, 38,8% редакций отказывали в публикации по причине генерации текста ИИ и 63,7% редакторов сами не применяют ИИ в работе.

При этом дискуссия не ограничивается только вопросами регулирования: некоторые эксперты предлагают пересмотреть сам подход к оценке научных работ. Так, высказываются мнения вплоть до изменения предмета оценки: «Авторство от производства контента будет смещаться в сторону постановки задач для ИИ, а уникальность текстов будет связываться с уникальностью поставленной задачи перед ИИ по его производству» [10]. Данное мнение основывается на том, что в России в настоящее время технологии ИИ не обладают правосубъектностью. Поэтому в научной среде продолжают дискуссии о признании их субъектом авторского права, а проблему установления права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием ИИ, еще только предстоит решить.

Вместе с тем наша позиция состоит в том, что корректировка подходов к оценке этичности научных и квалификационных работ не приведет к значимым улучшениям, если административные

¹ Доклад: «2024 Влияние искусственного интеллекта на образование, АНО «Цифровая экономика». С. 19. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/method/Report_II_education_2024.pdf / (дата обращения: 25 марта 2025).

² МГПУ разрешил студентам использовать технологии ИИ при подготовке ВКР // РИА Новости. 31.08.2023. URL: <https://ria.ru/20230831/mgpu-1893301317.html> (дата обращения: 5 февраля 2025 г.).

³ Молчанова О.В. Генеративный ИИ в научных публикациях: первый опыт регулирования и контроля. URL: <https://drive.google.com/drive/folders/1hPxTYTU0dJNee3zqcWIOxcZBcmoIbPc7> (дата обращения: 15 апреля 2025 г.).

решения не будут основаны на анализе сложившихся системных противоречий как в критериях оценки, так и в институциональных затруднениях. Актуальность этих решений была подчеркнута на самом высоком уровне: по итогам встречи с участниками III Конгресса молодых ученых Президент РФ В.В. Путин поручил⁴ разработать подходы к проведению независимой этической оценки результатов научной и инновационной деятельности.

Важнейшим шагом в этом направлении, на наш взгляд, должна стать унификация и стандартизация понятийного аппарата. Как справедливо отмечает В.А. Тимофеева, «*феномен научно-квалификационного творчества заключается в одновременном требовании широкого корректного заимствования и категорической недопустимости некорректных плагиаризмов*» [20]. Однако реалии последних лет показывают, что данное утверждение приобрело иную трактовку: вторая составляющая данного тезиса на практике заменена на «*недопустимость низкой доли оригинального текста*». Фактически мерилom этики и добросовестности на этапе приема научных и квалификационных работ стало формальное соответствие установленному минимальному порогу доли оригинальности текста.

Подобные искажения стали следствием неопределенности понятийного аппарата в данной области знаний. Существующие трактовки различий между «*плагиатом*», «*неправомерным цитированием*», «*совпадениями*», «*заимствованиями*», «*контрафактом*», «*нарушением авторских прав*», «*мошенничеством*», «*жульничеством*», «*пиратством*» и другими понятиями настолько расплывчаты и неоднозначны, что зачастую сами понятия применяются как синонимы.

Ситуация дополнительно осложняется попытками разработки отдельных правил для различных направлений науки: медицины, технических

наук и других. В этой связи мы поддерживаем позицию М. Воронцовой, отметившей, что «*дискуссия должна идти среди экспертов из разных областей*»⁵. При этом бесспорно, что этические принципы исследований должны носить международный характер и быть согласованными с соответствующими международными документами, включая рекомендации Комитета по публикационной этике (COPE)⁶, ресурсов по издательской этике (PERK)⁷ и других [21].

Вместе с тем до сих пор на федеральном уровне не установлены четкие нормативные требования к неотъемлемой составляющей научных исследований – критическому обзору литературы и сравнительному анализу научных достижений в исследуемой области. Эти процессы, невозможные без цитирования (включая самоцитирование), остаются юридически не регламентированными в количественном эквиваленте. Существующие нормативные правовые акты ограничиваются отсылками к локальным нормативным актам организаций, что создает правовую неопределенность. Показательно, что даже декларация Совета по этике научных публикаций АНРИ все еще опубликована только в статусе проекта⁸, что подчеркивает незавершенность нормативного регулирования в этой сфере.

Сложившаяся ситуация обуславливает сохраняющуюся актуальность научного обоснования и разработки предложений по совершенствованию критериев оценки этичности научных работ. Особую значимость приобретают исследования, направленные на выработку единых стандартов в этой области. Поэтому в качестве цели предлагаемого исследования мы определили выявление современных тенденций в оценке этичности научных работ с последующей разработкой рекомендаций по формированию унифицированных

⁴ Путин поручил разработать подходы к этической оценке результатов научной деятельности // ТАСС. 26 января 2024 г. URL: https://nauka.tass.ru/nauka/19823629?ysclid=m7kfvtD0c9424379930&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 15 апреля 2025 г.).

⁵ Воронцова М. Эксперт призвала выработать принципы научной этики в России. URL: <https://ria.ru/20231130/etika-1912902807.html> (дата обращения: 15 апреля 2025 г.).

⁶ The membership organisation for publication ethics. URL: <https://publicationethics.org/> (дата обращения: 3 марта 2025 г.).

⁷ Набор ресурсов по издательской этике (PERK) для редакторов. URL: <https://www.elsevier.com/editor/perk> (дата обращения: 3 марта 2025 г.).

⁸ Декларация Совета по этике научных публикаций АНРИ (2-я редакция, май 2024 г.) (проект). URL: <https://rassep.ru/sovet-po-etike/manifesty/deklaratsiya/> (дата обращения: 3 марта 2025 г.).

подходов. Для достижения поставленной цели предусмотрено решение следующих ключевых задач:

- систематизация основных направлений оценки этичности научных работ, что позволит создать концептуальную основу для дальнейшего анализа;
- критический анализ применяемых подходов, включая выявление преимуществ и недостатков существующих критериев этичности научных работ по каждому из выделенных направлений;
- определение ключевых предпосылок и наиболее существенных затруднений, возникающих при разработке унифицированных подходов к оценке этичности научных работ.

1. Методы

Для достижения цели и решения поставленных задач исследование проводилось в несколько этапов с использованием аналитических и сравнительных методов: на первом этапе выполнен аналитический обзор законодательной базы и нормативных правовых актов, а также проведен сравнительный анализ результатов научных работ в исследуемой области. На втором этапе осуществлен критический анализ публикационной этики 19 рецензируемых журналов из «Белого списка» (тематика «Народное образование. Педагогика»), включая правила для авторов и требований к рецензентам и редакторам. На третьем этапе проведен сравнительный анализ выявленных в научной литературе тенденций в оценке этичности научных работ и практик, применяемых издательствами. На заключительном этапе разработаны рекомендации по унификации подходов к оценке этичности научных работ.

2. Теоретическая часть исследования

Предварительные результаты анализа научных работ и нормативных правовых актов, полученные на первом (теоретическом) этапе исследования, свидетельствуют, что проблематика изучается на междисциплинарном уровне, охватывая три ключевых направления:

- 1) проблемы присвоения авторства (*плагиат*) и незаконного использования объектов авторского или смежных прав;
- 2) вопросы неправомерного *заимствования* материалов или отдельных результатов при самостоя-

тельном написании научных и квалификационных работ, содержащих новые научные результаты;

- 3) нарушения норм *научной этики и публикационной культуры* в условиях возрастающей значимости *публикационных и цитатных индексов* ученых.

Необходимость комплексного решения накопившихся вопросов подчеркивается С.В. Кабышевым, которым выделяется актуальный методологический аспект в развитии законодательства: «*Обеспечение сбалансированного сочетания юридических и этических начал в правовом режиме организации научной деятельности*». Поэтому мы считаем целесообразным рассмотреть каждое направление отдельно, а далее – обобщить полученные результаты [9].

1. Основным понятием *первого направления* выступает «авторское право», регулирующее отношения между создателем научной работы, обладателем авторства и правообладателями. Примечательно, что ст. 146 УК РФ использует в качестве критерия присвоения авторства (плагиата) понятие «ущерб» с градацией: «*крупный ущерб*», «*в крупном размере*», «*в особо крупном размере*». Эти категории получили конкретные количественные показатели в Федеральном законе от 12 июня 2024 г. N 133-ФЗ.

Более детальное понимание вопроса дает ст. 1228 ГК РФ, различающая «*исключительное право*» (которое может передаваться) и «*право авторства*» (носящее неотчуждаемый характер). Это разграничение подчеркивает принципиальную важность указания автора при использовании научных результатов, а не на издательство, типографию, источник или форму публикации. Однако ст. 1274 ГК РФ применяет понятие «*цитирование*», которое допускается «*с обязательным указанием имени автора, произведение которого используется, и источника заимствования*», создавая определенную двойственность в требованиях: обязательным является ссылка как на автора, так и на носитель информации.

Значительный вклад в понимание этих правовых коллизий внес С.П. Гришаев [7], проанализировавший соотношение понятий «*плагиат*» и «*авторское право*» со ссылкой на п. 5 ст. 1259 ГК РФ и п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14. Его исследование выявило такие важные нюансы, как: возможность независи-

мого создания идентичных работ разными авторами; ограниченность правовой охраны (не распространяется на идеи и методы); необходимость четкого разграничения терминологии. Поэтому мы поддерживаем выводы С.П. Гришаева о необходимости строгого разделения понятий: «Нарушение авторского права» (юридическая категория); «научная этика» (этическая категория); «плагиат» и «заимствование» (различающиеся по степени и характеру использования чужого материала).

Развивая анализ правовых аспектов авторства, следует подчеркнуть, что согласно ст. 1267 ГК РФ защита авторства, имени автора и неприкосновенности произведения носит бессрочный характер. При этом, как устанавливает ст. 1281 ГК РФ, факт нарушения исключительного права может быть зафиксирован в течение всей жизни автора (именно создателя, а не правообладателя) и семидесяти лет после его смерти. Это положение создает важную правовую дихотомию: бессрочная защита личных неимущественных прав автора и ограниченный срок защиты имущественных прав.

Особого внимания заслуживает уголовно-правовой аспект проблемы. Установленный ст. 146 УК РФ состав плагиата содержит два принципиальных признака: наличие крупного ущерба, а также то, что потерпевшим должен быть именно автор или правообладатель. Примечательно, что данная норма не учитывает возможный ущерб другим субъектам (научному сообществу, работодателям или государству), что существенно сужает сферу ее применения. Такой подход вызывает закономерные вопросы о достаточности исключительно правовых механизмов защиты научной деятельности.

По всей вероятности, именно эта ограниченность правового регулирования побудила М.А. Рожкову [15] предложить дополнительный – этический – подход к рассмотрению проблемы. Однако, как справедливо отмечает сам автор, в области академической этики все еще отсутствуют единые стандарты и четкие критерии оценки. Поэтому, особо подчеркивая необходимость четкого разграничения между *правовыми нарушениями*

(плагиат в уголовно-правовом смысле) и *этическими нарушениями* (недобросовестные заимствования, манипуляции с цитированием и др.), в контексте нашего исследования целесообразно рассмотреть этический аспект через призму ранее выделенных направлений (правомерного заимствования и публикационной этики), поскольку они:

- охватывают случаи, не подпадающие под действие уголовного права;
- позволяют учесть интересы более широкого круга заинтересованных сторон;
- дают возможность выработать более гибкие критерии оценки научных работ.

При этом мы особо подчеркиваем необходимость четкого разграничения между *правовыми нарушениями* (плагиат в уголовно-правовом смысле) и *этическими нарушениями* (недобросовестные заимствования, манипуляции с цитированием и др.).

2. Второе направление научных исследований по изучаемой нами проблеме связано с такими требованиями Порядка присуждения ученых степеней, как:

- самостоятельное написание диссертации,
- наличие новых научных результатов и положений;
- обязанность ссылаться на автора и/или источник *заимствования* материалов или отдельных результатов⁹.

Анализ Порядка¹⁰ показал, что в документе отсутствует четкое сопоставление значимости первых двух требований по отношению к третьей, что создает правовую неопределенность. Формально это означает, что *любая (даже минимальная) доля заимствований без ссылок может стать основанием отказа в ученой степени, невзирая даже на революционный уровень новизны научных результатов, полученных самостоятельно*. Парадоксально, но забытая ссылка на публикацию с общеизвестным фактом (например, на закон притяжения Луны) может перевесить значимые научные достижения (научную новизну и самостоятельность) автора в той или иной области исследований (например, в области прилунения космического корабля).

⁹ Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. N 842 «О порядке присуждения ученых степеней». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201310010030> (дата обращения: 3 марта 2025 г.).

¹⁰ Там же [см. 9]

Дополнительную сложность создает отсутствие нормативно установленных границ для доли текста научных и квалификационных работ, содержащей основные результаты, ранее опубликованные в рецензируемых журналах. Это приводит к тому, что каждый диссертационный совет самостоятельно интерпретирует противоречие между «самоцитированием» и нормативно не установленной дефиницией «оригинальность» текста. Как справедливо отмечает С.Ю. Гореликов [4], на практике от диссертанта требуют «*тотальной оригинальности*», достичь которую «без заимствований» из собственных работ технически не представляется возможным. Автор делает важный вывод о подмене научного исследования «бесполезным перефразированием» собственных публикаций. Аналогичную проблему анализируют эксперты¹¹, подчеркивая необходимость согласования позиций ВАК и диссертационных советов по вопросу самоцитирования и его влияния на показатель оригинальности и потребности в юридическом закреплении решения вопроса о признании/непризнании «самоцитирования» дополнением к «оригинальности», а не снижающим его фактором.

Особую проблему представляет отсутствие в Порядке присуждения ученых степеней связи между понятием «заимствование» и установленными в ГК РФ категориями «*исключительное право*» и «*право авторства*». Более того, при требовании сравнивать предлагаемые решения в той или иной области знаний с уже известными, Порядок не применяет юридически корректное понятие «*цитирование*» из ГК РФ.

Значимый аспект проблемы поднимает П.А. Астафичев [2], обращая внимание на срок «ретроактивного лишения ученых степеней». Автор выявляет противоречие: если гражданское законодательство направлено на будущее – защищает права автора бессрочно (включая 70 лет после смерти), то лишение степени за заимствования направлено на прошлое – возможно лишь в течение 10 лет после защиты квалификационных работ. Действующая редакция раздела VI Порядка приве-

ла к тому, что в 2023–2024 гг. большинство лишенных степеней защищали работы 10 лет назад. Логично предположить, что наибольшее количество лишений в 2025–2026 гг. придется на защищенные в 2015–2016 гг. квалификационные работы.

При этом подобный ретроактивный подход может иметь значительные правовые последствия, включая:

- пересмотр решения об аккредитации образовательных программ, в реализации которых участвовали лица, впоследствии лишенные ученой степени, что может поставить под сомнение правомерность выданных по этим программам дипломов государственного образца;

- последовательное лишение степеней лиц, защитивших диссертации под руководством или при оппонировании со стороны лица, впоследствии лишенного ученой степени;

- отмену решений диссертационных советов, в работе которых участвовали лица, лишенные впоследствии ученой степени и проч.

Следует отметить и то, что принципиальное отличие гражданского законодательства от Порядка¹² заключается в том, что первое защищает права автора, а второе наказывает нарушителя без оценки реального ущерба. В этой связи мы поддерживаем предложения П.А. Астафичева [2] о необходимости законодательного закрепления оснований и процедуры лишения степеней, что позволит устранить ретроактивность и выровнять баланс между процедурами защиты и лишения. На наш взгляд, законодательное урегулирование этих вопросов поможет решить и другие проблемы, в частности:

- уточнить соотношение понятий «заимствование», «исключительное право», «цитирование» и «плагиат» и др.;

- расширить круг учитываемых ущербов (включая ущерб работодателю и государству);

- устранить случаи, когда лишенные степени продолжают занимать соответствующие должности и получать ежемесячное вознаграждение.

3. Условно **третья совокупность научных работ** направлена на выработку общих подходов

¹¹ «АНТИПЛАГИАТ» – главный кошмар автора диссертации? // Университетская книга. 2021. № 5. С. 54–58. URL: <https://www.unkniga.ru/vishee/12329-antiplagiat-glavniy-koshmar-avtora-dissertatsii.html> (дата обращения: 3 марта 2025 г.).

¹² Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. N 842 «О порядке присуждения ученых степеней». [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201310010030> (дата обращения: 3 марта 2025 г.).

к научной этике и публикационной культуре в условиях возрастающего значения наукометрических показателей. Важным шагом в этом направлении стало включение Белого списка журналов в Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., о чем Минобрнауки России сообщило в январе 2025 г., одновременно представив обновленную методику расчета комплексного балла публикационной результативности.

Однако, как показывают исследования, рост требований к наукометрическим показателям имеет и обратную сторону. Анализ И.И. Сальниковой [17] выявляет четкую причинно-следственную связь между ростом значимости публикационной активности и увеличением случаев нарушения научной этики. Эти выводы находят подтверждение в работах А. Ловакова и Жаймы А. Тайшера да Силва [11], что свидетельствует о международном характере проблемы. Особую озабоченность многих авторов [2, 4, 12, 17] вызывает необходимость совершенствования технологий Научной электронной библиотеки (далее – НЭБ), которые в текущем виде не всегда обеспечивают объективную оценку научной деятельности.

Прежде чем перейти к обсуждению требующих решения ключевых вопросов, важно обозначить нашу позицию. Мы не только признаем значимость НЭБ для научного сообщества, научных и образовательных организаций и органов управления наукой и образованием, но и считаем, что ее развитие может стать инструментом противодействия манипуляциям с наукометрическими показателями. Яркой иллюстрацией проблемы служит пример, приведенный М.В. Салтыковой и Т.Г. Сулимой [16]: случаи, когда авторы при нулевом показателе в ядре Российского индекса научного цитирования (далее – РИНЦ) имеют нетипично высокий индекс Хирша, свидетельствуют не только о недобросовестности, но и о серьезных недостатках самой системы оценки.

Ключевой тезис нашей позиции заключается в том, что «правила» научной деятельности должны быть прозрачными, справедливыми и не провоцировать исследователей на поиск обходных путей достижения формальных показателей. Особую важность приобретает вопрос государственного регулирования в этой сфере: если стратеги-

ческие документы опираются на данные частных организаций, то и контроль за «правилами» научной деятельности должен оставаться прерогативой государства. Эту точку зрения разделяет исполнительный директор компании «Антиплагиат» Ю.В. Чехович, подчеркивающий: «*Функция государства – определять правила*» [11, 19].

К числу актуальных проблем следует отнести вопрос учета научных работ, опубликованных до 2003 г., и ссылок на них. Парадоксально, но самоцитирование элементов собственной кандидатской диссертации автором данной статьи может привести к обвинению его в неправомерном заимствовании из более поздних публикаций, включая даже студенческие работы. Это наглядно демонстрирует противоречие между требованием ссылаться на первоисточник и техническими ограничениями системы «Антиплагиат», состоящими в констатации «совпадения» с более поздними публикациями (вторичные ссылки), игнорируя хронологию.

Другой существенной проблемой следует признать отсутствие дифференциации научных публикаций помимо их категорирования по журналам. Фактически *монографии и учебники*, доказавшие свою ценность многолетней востребованностью, приравнены в наукометрических расчетах к 3–5 страничным тезисам докладов на конференциях, что явно не отражает их реальный вклад в науку. При этом современные подходы к анализу доказательной базы в монографиях и учебниках свидетельствуют о необходимости более строгой верификации источников. Однако на практике складывается ситуация, когда ссылки автора крупного научного труда на свои предыдущие работы, призванные продемонстрировать развитие исследования, трактуются как искусственное завышение индекса Хирша.

Аналогичная проблема возникает с докладами на конференциях, основное назначение которых – кратко представить новые результаты, подробно изложенные в других более объемных публикациях автора. Не учитывается и важная функция публикаций категории «путь в науку», которая представляет собой помощь ученых начинающим авторам в публикации результатов их квалификационных работ, во многом опирающихся на исследование научного руководителя. В целом негатив-

Таблица 1

**Сравнительный анализ влияния числа соавторов в научных публикациях
на индивидуальные наукометрические показатели**

Критерий	Пример статьи в журнале ¹³ (9 стр., 200+ авторов)	Пример монографии ¹⁴ (190 стр., 1 автор)
Формальный статус	Коллективная работа; DOI; Уровень 1 в Белом списке	Индивидуальный труд; ISBN; Без импакт-фактора и проч.
Наукометрический вес	Учитывается как полноценная статья	В международных базах не учитывается, $K_{п.коф.}$ = тезисы конференции и проч.
Карьерные выгоды	Быстрый рост h-индекса; Видимость в международных базах; Совместные гранты/проекты; Сетевой эффект (цитирования коллег)	Личный академический вклад; Глубина проработки темы; Ограниченное распространение и проч.

ное отношение к самоцитированию отражает противоречие между необходимостью апробации основных результатов квалификационных работ до их защиты и установленными диссертационными советами требованиями, ограничивающими заимствование собственных текстов в пользу «оригинальности». Это ставит исследователя перед дилеммой: либо избегать самоцитирования, подрывая связность и преемственность аргументации, либо подвергаться критике за «самоплагиат», даже если повторное использование текста методологически оправдано. В этом контексте особую ценность приобретают предложения А.В. Кулешовой, Ю.В. Чеховича и О.С. Беленькой по разработке четкой классификации допустимости самоцитирования [11].

Отдельного внимания заслуживает вопрос справедливого учета соавторства. Существующая система расчета наукометрических показателей РИНЦ игнорирует указанную журналами долю

участия каждого автора, в результате чего коллективные статьи приносят их авторам неоправданно высокие дивиденды по сравнению с фундаментальными [5] единоличными трудами (табл. 1). При этом наблюдается прямая зависимость между количеством соавторов и цитируемостью работы, что еще больше искажает реальную картину научного вклада.

Помимо системных проблем учета публикаций, особую актуальность приобретает вопрос правовой незащищенности научного сообщества от решений органов управления и ведения баз данных eLIBRARY.RU и РИНЦ¹⁵. Данная проблема усугубляется противоречием между декларируемой достаточностью ресурсов РИНЦ для модернизации системы оценки (по утверждению Г.О. Еременко¹⁶) и сохраняющейся непрозрачностью их практического применения. Принципиальное значение имеет не столько наличие этих ресурсов, сколько отсутствие четко регламентированных механизмов

¹³ A Multifaceted Intervention Designed to Improve Medical Management of Moderate to Advanced Chronic Kidney Disease in HIV-Infected Patients: A Cluster Randomized Trial / S. Abgrall, D. Costagliola, M. Guiguet [et al.] // Clinical Infectious Diseases. 2015. Vol. 61, No. 3. P. 375-384. DOI 10.1093/cid/civ310. EDN UPJFSR. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24464421> (дата обращения: 4 апреля 2025 г.).

¹⁴ Булат П.Е. Управление персоналом в строительстве: формирование готовности работников строительных организаций к профессиональной деятельности / П.Е. Булат. Изд. 2-е, перераб. и доп. Санкт-Петербург: Изд-во Стройиздат СПб., 2006. 190 с. ISBN 5-87897-128-3. EDN QRMTVJ. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19809492> (дата обращения: 4 апреля 2025 г.).

¹⁵ РЕГЛАМЕНТ комплектования баз данных eLIBRARY.RU и РИНЦ (Редакция от 12 апреля 2023 года) / Органы формирования и ведения баз данных eLIBRARY.RU и РИНЦ; распределение функционала и полномочий. URL: <https://elibrary.ru/projects/publishers/Regl.pdf> (дата обращения: 4 апреля 2025 г.).

¹⁶ Национальная система оценки науки может быть построена на данных РИНЦ URL: <https://www.gazeta.ru/science/2022/03/14/14624287.shtml> (дата обращения: 11 марта 2025 г.).

их использования и общепринятых критериев формирования нового оценочного инструментария. Правовая неопределенность усугубляется из-за того, что включение или исключение работ из РИНЦ проводится на основе консенсуса или большинства голосов без четких регламентов. При этом данные решения, зафиксированные в протоколах¹⁷, слабо отражаются в публичной отчетности, что требует иного подхода.

Наглядным подтверждением данной проблемы служит массовое исключение в 2024–2025 гг. сотен научных журналов и сборников из системы учета без разработки компенсационных механизмов для пострадавших авторов. Подобная практика создает прецедент, при котором добросовестные ученые несут академические потери вследствие решений, принимаемых без должного учета их профессиональной позиции. В частности, в начале 2025 г. экспертным советом РИНЦ исключены 200 сборников, загруженных на платформу eLIBRARY.RU в течение 2024 г. пятью издателями, допустившими грубые нарушения публикационной этики¹⁸. При этом решение было принято без:

- публичного разбора причин первоначального включения в РИНЦ¹⁹ этих изданий и оснований для исключения;
- установления ответственности соответствующих должностных лиц НЭБ за первоначальную публикацию данных;
- создания процедур апелляции для исследователей.

Введенные НЭБ меры негативного стимулирования редакторов научных журналов неизбежно повлияли на их взаимоотношения с авторами публикаций [16]. Как следствие, ужесточение требований редакций на практике проявилось не в повышении научной новизны, теоретической и практической значимости результатов исследований, а в выполнении формализованных технократических требований в виде роста значимости кри-

терия «оригинальность» при проверке в системе «Антиплагиат».

При этом ее представители на своих ежегодных конференциях подчеркивают, что предоставляют исключительно платные технические услуги, а настройки и интерпретация полученных данных определяются исключительно желанием и мастерством пользователей. Важно отметить, что в системе «Антиплагиат» сформировался собственный понятийный аппарат («оригинальность», «совпадения», «цитирования»), который не соответствует традиционным для научного сообщества понятиям «самостоятельность», «плагиат» и «заимствование».

Примечательно, что понятие «оригинальность» благодаря простоте практического применения не только было некритически воспринято лицами, принимающими решения (от редакторов сборников до председателей диссертационных советов), но и стало вытеснять такие значимые понятия, как «цитирование», «плагиат» и «заимствование». Это привело к формированию двух негативных тенденций при оценке научных работ:

- технократическое ограничение доли объема текста, отведенной для цитирования (в частности, спорное установление М.А. Рожковой 25% лимита заимствований без должного методологического обоснования)²⁰;
- систематическое игнорирование отсутствия ссылок на автора и (или) источник заимствования в случаях, когда показатель «оригинальности» превышает установленный порог.

Одной из причин сложившейся ситуации является то, что первичную верификацию работ в системе «Антиплагиат» в большинстве случаев осуществляют технические специалисты, не обладающие достаточной квалификацией для оценки научной новизны и значимости результатов. Важно отметить, что немногие из них проводят смысловой анализ устойчивых словосочетаний,

¹⁷ Там же [см. 4]

¹⁸ Из РИНЦ исключены более 200 сборников статей. URL: https://t.me/elibrary_ru_official/40 (дата обращения: 11 марта 2025 г.).

¹⁹ Почему было принято решение об исключении группы журналов из РИНЦ? URL: https://elibrary.ru/retraction_faqs.asp (дата обращения: 11 марта 2025 г.).

²⁰ Рожкова М.А. Положение о присуждении ученых степеней: некоторые вопросы порядка лишения ученой степени за плагиат в диссертации // Комментарий судебной практики. Выпуск 28 / М.М. Вильданова, Е.А. Галиновская, Е.С. Ганичева и др. / Отв. ред. К.Б. Ярошенко – М.: Инфотропик-Медиа, 2023. С. 65–84. URL: <https://rozhkova.com/pdf/KSP-2023-28.pdf> (дата обращения: 11 марта 2025 г.).

фразеологизмов и терминологии, которые, формируя значительный процент «совпадений» в отчете, по сути, не представляют собой случаев плагиата.

Данная проблема усугубляется новой методикой выявления внутренних заимствований, которая, как признают К.Ф. Сафин и Ю.В. Чехович [19], фиксирует не отдельные спорные формулировки, а непропорционально большие текстовые блоки, многократно превышающие потенциально заимствованные фрагменты. В этом контексте особую значимость приобретает позиция Т.В. Нечаевой [14], аргументированно указывающей (со ссылкой на А.В. Кулешеву), что автоматизированное переложение ответственности за итоговое решение о проверяемой работе на систему «Антиплагиат», в частности, посредством механического ориентирования на выявленный процент заимствований, представляет собой неэтичную практику.

Существенное снижение показателей «оригинальности» обусловлено рядом факторов, включая необходимость использования полных официальных наименований (например: *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева»*²¹ (34 слова)), опору на дословное цитирование законодательных и нормативных актов, не приемлющее сокращений или искажений требований или терминов и проч.

Особую критику вызывает алгоритм обработки библиографических ссылок в системе «Антиплагиат». Как установили М.В. Салтыкова и Т.Г. Сулима [16], система «Антиплагиат» учитывает список литературы как «цитирование», что технически снижает процент «оригинальности», чем свидетельствует о методологической проблеме разграничения случаев плагиата и нормативного цитирования. Дополнительным искажающим фактором выступает редакционная политика журналов,

где количество источников часто ограничивается не научной необходимостью, а коммерческими соображениями и субъективными представлениями редакторов о «достаточности» цитирования.

В связи с этим вызывает интерес мнение Ю.М. Брумштейн [3], который в результате классификации видов «цитирования» приходит к выводу: «Использование термина «ссылка» предпочтительно по сравнению с применением выражения «цитирование»». Однако следует отметить, что, по авторскому опыту, действующая версия системы «Антиплагиат» зачастую трактует **сноски и ссылки** как «совпадения», причем в удвоенном размере – суммируя выделенные фрагменты в тексте и фрагменты в подстраничных сносках. Затруднения усугубляются еще и по причине автономии редакций в принятии ГОСТов (ГОСТ Р 7.0.5-2008, ГОСТ 7.32-2017, ГОСТ Р 7.0.100-2018, ГОСТ Р 7.0.7-2021, ГОСТ Р 7.0.108-2022 и проч.), которые имеют различные области применения и предъявляют разные требования к оформлению источников заимствования.

Обобщая вопросы, требующие дальнейшего совершенствования, В.К. Сарьян и А.А. Русаков [18] отмечают необходимость постановки перед разработчиками задачи «повышения качества предлагаемого ими продукта». Вместе с тем И.В. Ершова и О.А. Тарасенко [8] приходят к выводу, что «не только существенно искажает результаты проверки, но и в целом умаляет назначение этого программного продукта» именно отсутствие последующей экспертной оценки текста.

Необходимость грамотной настройки и корректной интерпретации данных, полученных из системы «Антиплагиат», отмечается многими исследователями: «Автоматические средства поиска текстовых заимствований более чем в половине случаев дают ложноположительные результаты»²². Поэтому, как считает Т.В. Нечаева [14], «именно эксперт должен принимать решение, является ли каждый заимствованный фрагмент текста правомерным заимствованием». Данное мнение поддерживается и другими учеными: «Чтобы понять, в какой мере выделенные системой совпадения

²¹ Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России. САЙТ. URL: <https://igps.ru/> (дата обращения: 11 марта 2025 г.).

²² «АНТИПЛАГИАТ» – главный кошмар автора диссертации? // Университетская книга. 2021. № 5. С. 54–58. URL: <https://www.unkniga.ru/vishee/12329-antiplagiat-glavniy-koshmar-avtora-dissertatsii.html> (дата обращения: 3 марта 2025 г.).

действительно являются заимствованиями (корректными или некорректными), отчет системы по каждому документу должен быть проанализирован специалистом» [1].

В связи с этим следует отметить, что, помимо систематического проведения обучающих семинаров, АО «Антиплагиат» разработало и разместило на своем сайте²³ ряд методических рекомендаций, способствующих грамотному применению данных, полученных из отчетов о проверках текстов. Более того, с 11 декабря 2024 г. компанией изменена логика работы с разделами документа; в частности, флажок, отмечающий раздел «Библиография», по умолчанию снят²⁴. Тем не менее, к сожалению, даже прямые просьбы авторов к редакторам о следовании «Методологии использования системы «Антиплагиат»» не всегда находят понимание у лиц, принимающих решения.

Однако в существующих реалиях к квалифицированным рецензентам, способным оценить труд по качественным характеристикам, как правило, попадают лишь те работы, которые уже успешно прошли этап «отбраковки» по проценту «оригинальности». При этом «отбракованные» материалы формируют формальный показатель журналов, именуемый «доля отклоненных рукописей».

В данном контексте Ю.М. Брумштейн [3] выявляет ряд ранее мало обсуждаемых сложностей, с которыми сталкивается техническая проверка текстов. К числу ключевых проблем относятся:

- использование кавычек в целях, выходящих за рамки цитирования;
- искажение цитаты путем ее выделения (например, подчеркивания) или замены многоточием отдельных фрагментов, даже если такие действия предпринимаются с благими намерениями;
- эффект «вырванности из контекста» вследствие стремления к сокращению объема цитирования;
- неверная интерпретация смысла идеи или мнения при парафразе без должного оформления и проч.

Как показывает С.Ю. Гореликов [4] на конкретных примерах, «заимствованный смысл, выраженный отличными от оригинала словосочетаниями, компьютерная программа определить не может». В то же время Ю.М. Брумштейн [3] подчеркивает, что «с формально-правовой точки зрения использование в работах измененного (не оригинального) текста без ссылки на него не является плагиатом, т.к. это не «дословное воспроизведение»». Именно в этом заключается маскировка заимствованной новизны результатов исследования посредством перефразирования и иных методов, в том числе с использованием ИИ-технологий.

Таким образом, следует констатировать, что перенос акцента с анализа неправомерных и некорректных заимствований на формальное соблюдение доли оригинальности (нормативно не закрепленной) не только искажает сам смысл борьбы с плагиатизмом, но и порождает абсурдные ситуации при оценке научной этики и публикационной культуры авторов. В этой связи мы поддерживаем точку зрения С.П. Гришаева [7], указывающего, что «проблема плагиата должна быть решена не техническими, а правовыми средствами».

Кроме того, очевидно, что противоречия в понятийном аппарате и недостаточная ясность в правоприменительной практике обуславливают затруднения при разработке технических заданий для IT-специалистов. Например, переименование компанией АО «Антиплагиат» понятия «заимствование» в «совпадение» не привело к поиску новых технических решений (включая ИИ-методы) для разграничения нарушений и добросовестных практик, а вылилось в позицию «оказание платных технических услуг» без ответственности за интерпретацию результатов.

Проведенный анализ публикаций по изучаемой проблеме позволил выявить, что авторы научных работ во всех трех рассмотренных направлениях исследований зачастую не разграничивают требования, предъявляемые:

- на этапе принятия научных и квалификационных работ к публикации (к защите);

²³ Методология использования системы «Антиплагиат». URL: <https://antiplagiat.ru/methodology/> (дата обращения: 10 апреля 2025 г.).

²⁴ Новая логика работы со структурой документа URL: <https://docs.antiplagiat.ru/ru/releasenotes/private.html> (дата обращения: 10 апреля 2025 г.).

– на этапе оценки уже опубликованных работ на предмет нарушений (авторского права, научной этики или норм публикационной культуры).

На основании этого нами был сделан вывод, что решение проблемы заключается в устранении противоречия между критериями и показателями, используемыми на этих двух этапах. Так, если на первом этапе доминирующим критерием выступает «оригинальность» текста, то на втором – основное внимание уделяется выявлению некорректных или неправомерных «заимствований». Учитывая данное противоречие, в экспериментальной части исследования была поставлена задача выявить тенденции, сформировавшиеся в практике ведущих научных журналов.

3. Практическая часть исследования

На втором этапе нашего исследования были проведены обзор и обобщение подходов к оценке этичности научных публикаций, применяемых рецензируемыми российскими журналами, включенными в Белый список. При этом основное внимание уделялось не столько различиям между направлениями науки, сколько анализу подходов в рамках одного направления. Для реализации данной задачи выборку составили 19 изданий по тематике «Народное образование. Педагогика» (приложение 1).

Проведенный сравнительный анализ редакционных политик и публикационных требований, представленных на официальных сайтах научных рецензируемых журналов по педагогике из Белого списка, позволил систематизировать следующие ключевые тенденции:

– существенное расхождение между интерпретацией понятия «плагиат» в редакционных политиках журналов и его юридической трактовкой в соответствии со ст. 146 УК РФ;

– отсутствие терминологического единства: используемые понятия, такие как «*нарушение авторства*», «*нарушение авторского права*», «*присвоение прав на результаты чужих исследований*», «*плагиат*» (включая его разновидности – плагиат текста, плагиат идей и плагиат данных), «*самоплагиат*», «*дословное копирование*», «*сходство*», «*дублирующие материалы*», «*заимствование*» (в различных вариациях) и другие (всего было выявлено 47 терминологических единиц) журналами не

унифицированы, что приводит к значительным вариациям в их интерпретации (табл. 2);

– терминологическая непоследовательность: многие из рассмотренных понятий, включая используемые в рамках редакционной политики отдельных журналов, не имеют строгих дефиниций и допускают существенные разночтения;

– терминологическая путаница: понятие «*совпадение*», используемое в отчетах системы «Антиплагиат», часто отождествляется с «*дословным копированием*», «*заимствованием*», «*цитированием*» и другими формами без четкого разграничения;

– качественные характеристики без количественных критериев: такие определения, как «*существенное*», «*значительное*», «*чрезмерное*», «*неприемлемый уровень*» и проч., не подкрепляются конкретными количественными показателями;

– противоречия в процедуре проверки: в некоторых случаях требование выявлять «*значительную похожесть*» или «*частичное совпадение*» с другими работами не соответствует с установленными лимитами на объем заимствований (15–30%);

– несогласованность в требованиях к библиографическому аппарату: запрет на вторичные ссылки в ряде журналов противоречит их же требованиям о включении в библиографические списки публикаций за последние 5 (10) лет.

4. Интерпретация результатов

В результате сравнительного анализа редакционных политик 19 научных журналов из Белого списка по педагогике установлено, что регулирование вопросов оригинальности – запрет плагиата – присутствует во всех исследуемых журналах (100%). Вместе с тем конкретные критерии идентификации «оригинальности» существенно варьируются. Количественные критерии «оригинальности» применяются лишь в 26% случаев (5 журналов), выступая как формальное основание для отклонения публикаций. Напротив, 74% (14 журналов) оперируют исключительно качественными формулировками, такими как «*многочисленные заимствования*», «*чрезмерное цитирование*», «*некорректные заимствования*» и проч. Анализ методов проверки оригинальности продемонстрировал преобладание экспертной оценки (63% журналов), тогда как автоматизированные системы (например, «Антиплагиат») применяются в 37%

Таблица 2

**Неклассифицированная терминология редакционных политик:
анализ 47 терминологических единиц при отсутствии унификации**

Терминологические единицы применения правовых норм	Пояснение и правовая база	Терминологические единицы редакционной политики научных рецензируемых журналах по педагогике из «Белого списка»
1. Уголовный кодекс РФ (УК РФ): – авторское право; – присвоение авторства (плагиат); – ущерб	Касается уголовно наказуемых деяний, требующих доказательства умысла и значительного ущерба	– нарушение авторского права; – присвоение авторства (плагиат); – фальсификация данных; – фабрикация результатов и проч.
2. Гражданский кодекс РФ (ГК РФ): – исключительное право; – право авторства; – цитирование	Регулирует гражданско-правовые отношения, включая допустимые формы использования чужих работ (ст. 1255, 1274 ГК РФ)	– нарушение авторства; – интеллектуальные права; – цитирование; – неправомерное заимствование; – заимствованные фрагменты и проч.
3. Порядок присуждения ученых степеней (Минобрнауки): – заимствование; – самостоятельность	Определяет критерии допуска научных работ к защите, включая процент оригинальности (ПП РФ № 842)	– заимствование (допустимые объемы); – самостоятельность исследования; – самоплагиат; – дублирующие материалы; – оригинальность (требования к диссертациям) и проч.
4. Технические критерии (АО «Антиплагиат2»): – оригинальность; – совпадения; – цитирования; – самоцитирование	Формальные алгоритмы проверки текста, не учитывающие контекст или научную ценность	– уровень сходства; – совпадения; – дословное копирование; – перефразирование; – некорректное; – перефразирование; – скрытая цитация; – самоцитирование; – неоформленные цитаты и проч.

случаев. Примечательно, что только 26% журналов используют комбинированный подход, интегрирующий технологические средства и рецензирование, в то время как 21% не регламентирует процедуры редакционной проверки.

Вместе с тем дальнейшее дополнительное сравнительное исследование с требованиями других изданий²⁵ позволило выявить, что частота применения показателя «оригинальность» как средства «отбраковки» рукописей растет пропорционально снижению категорий изданий (рис. 1).

Учитывая, что рост количества публикуемых статей обратно пропорционален средневзвешенному импакт-фактору изданий, можно заключить, что большинство авторов вынуждено обеспечивать формальную «оригинальность» своих работ. При этом на этапе приема материалов в различные сборники научных конференций критерий «оригинальность» применяется практически в 100% случаев, фактически становясь единственным техническим требованием к уникальности.

²⁵ НЭБ eLIBRARY.RU. Каталог журналов. Тематика: Народное образование. Педагогика. URL: <https://elibrary.ru/titles.asp> (дата обращения: 10 февраля 2025 г.).

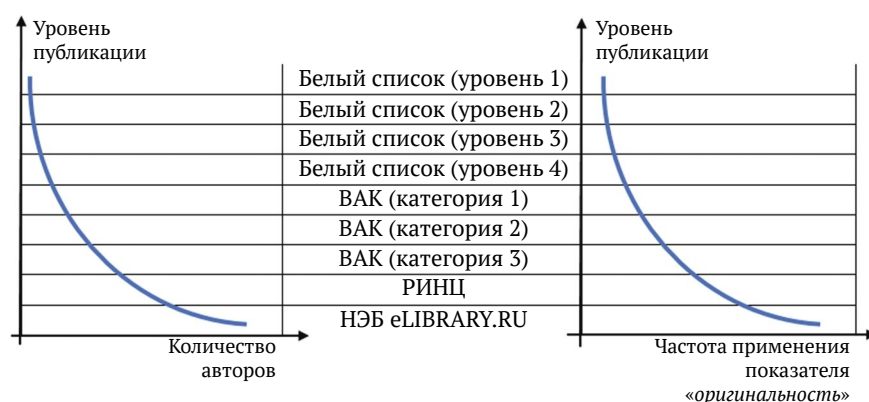

Рис. 1. Корреляция уровня публикации, количества авторов и показателя оригинальности в научных журналах

В результате, с одной стороны, корректное оформление заимствований и уверенность автора в самостоятельности при подготовке научной работы не исключают риска отклонения статьи редакцией. С другой стороны, успешное прохождение проверки на «оригинальность» при отсутствии содержательной экспертизы провоцирует авторов на пренебрежение требованиями по корректному оформлению заимствований. Соответственно, формируется системное противоречие между техническими требованиями на этапе подачи материала и содержательными критериями при принятии решений о ретракции.

Обобщая результаты сравнительного анализа тенденций в оценке этичности научных работ (как представленных в академических исследованиях, так и проявляющихся в издательской практике), следует отметить, что процедура оценки этичности научных работ сталкивается с рядом проблем вследствие доминирования формального критерия «оригинальность». Анализ практики выявил следующие ключевые тенденции:

- увеличение спроса на коммерческие услуги технической экспертизы текстов, обусловленное необходимостью многократных (повторных) проверок на «оригинальность»;

- формализация процесса контроля научной этики, при которой редакции и издательства, декларируя борьбу за «чистоту науки», фактически перекладывают расходы на техническую экспертизу текстов на авторов, их работодателей или на государственные институты;

- механический подход к исключению журналов и сборников научных статей из РИНЦ по усред-

ненным показателям без верификации отдельных статей, отвечающих критериям научной ценности;

- недостаточная прозрачность редакционных решений, создающая возможности для манипуляции наукометрическими показателями;

- неопределенность правового статуса авторов в отношении возможного ретроактивного применения санкций за заимствования, которые на момент публикации соответствовали действовавшим редакционным требованиям;

- искажение редакционной статистики, включая намеренное завышение значения «доля отклоненных рукописей» как индикатора строгости рецензирования в журнале;

- смещение исследовательских приоритетов с содержательных аспектов научной работы на формальное соответствие требованиям к процентной доле «оригинальности».

Указанные тенденции во многом обусловлены отсутствием законодательно закрепленных дефиниций базовых понятий. Разделяя позицию Р.Ф. Мустафина и Е.В. Бобух [12], мы не только поддерживаем их констатацию: продолжает оставаться «нерешенной проблема определения сущности данного явления, а достаточно широкое понимание плагиата крайне усложняет судопроизводство из-за отсутствия общего понимания его сущности в законодательстве», но и согласны с предложением дополнить гл. 70 ГК РФ статьей с определениями понятий «плагиат» и «заимствование» [12]. При этом мы подчеркиваем, что данные понятия должны быть не только четко сформулированы, но и нормативно унифицированы для создания единого понятийного аппарата, обязательного

Таблица 3

**Системные эффекты доминирования формального критерия
«оригинальность» в научных публикациях**

Тенденция	Выгоду получают	Несут затраты/риски	Системный эффект
Коммерциализация технической экспертизы	– компании-разработчики антиплагиатных систем; – частные консультационные услуги	– авторы (доп. расходы); – научные организации (бюджет); – начинающие исследователи	– коммерциализация контроля качества
Формализация этического контроля	– издательства (снижение издержек); – журналы (упрощение процедур)	– авторы; – грантодатели; – университеты	– подмена содержательного контроля формальным
Эксклюзия из научного поля	– администраторы наукометрии; – конкурирующие издания	– добросовестные авторы; – редакции малых журналов	– упрощение управленческих решений
Непрозрачность редакционной политики	– отдельные редакторы; – лоббистские группы	– все авторы; – репутация науки	– потеря авторитетности редакционных процессов
Ретроактивное применение санкций	– контролирующие органы; – инициаторы проверок	– авторы старых публикаций; – научные школы	– правовая нестабильность
Манипуляция статистикой рецензирования	– журналы (имитация строгости); – псевдорецензенты	– читатели; – индексы цитирования	– девальвация показателей качества
Приоритет формальных критериев	– составители формальных отчетов; – администраторы	– фундаментальная наука; – инновационные исследования	– трансформация научных ценностей

к применению всеми участниками научно-издательского процесса. Такой подход позволит исключить проявления меркантильной заинтересованности при использовании наукометрических ресурсов РИНЦ и результатов технических проверок системой «Антиплагиат».

В связи с этим представляется необходимым законодательное регулирование на государственном уровне. В данном контексте показателен пример Н.В. Алтыниковой, которая при решении вопросов, курируемых Рособрнадзором, аргумен-

тировано заявляет: «*Мы сейчас в рамках снижения бюрократической нагрузки и наведения порядка в этом во всем можем поменять все. Мы меняем законодательство, мы можем внести изменения в любые документы, которые необходимо изменить для того, чтобы эту ситуацию поменять. Мы должны двигаться от здравого смысла*»²⁶.

На наш взгляд, требуемая унификация может быть осуществлена на уровне Порядка²⁷, т.е. внесения изменений в Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. N 842, который способен

²⁶ Алтыникова Н.В. Риск-ориентированная модель оценки качества высшего образования как драйвер развития системы высшего образования. [Видеозапись]. URL: <https://ii1.su/BPw9u>. (дата обращения: 10 февраля 2025 г.).

²⁷ Там же [см. 9]

стать ориентиром для всех иных научных публикаций. Для этого необходимо принять за терминологическую основу используемое в Порядке²⁸ понятие «самостоятельность» автора и раскрыть путем определения его составляющих, а далее – требований к каждому из них, например:

- недопустимость присвоения авторства (плагиата) как в виде фрагмента текста, так и в виде перефразирования идеи, метода и т.д.;

- корректность заимствования в виде прямого (в кавычках) и непрямого цитирования с уточнением как допустимого объема, так и вариантов его оформления (внутритекстовые, подстраничные и затекстовые ссылки);

- перечень случаев «совпадений», требующих их пересчета и перевода в категорию «оригинальность»;

- допустимость доли самоцитирования, в том числе той, которая в расчетах может дополнять полученный при технической проверке объем «оригинальности».

Заключение

Исследование подтвердило, что в контексте прогрессирующего влияния ИИ-технологий на научно-творческую деятельность новые административные решения в области заблаговременной корректировки механизмов оценки результатов научных и квалификационных работ окажутся неэффективными, если не будут решены ранее накопленные проблемы. Выявление тенденций в обосновании и разработке единых подходов к оценке этичности научных публикаций позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Одной из ключевых задач совершенствования механизма соблюдения научной этики является унификация и стандартизация понятийного аппарата, а также последующее установление единых подходов к правомерному цитированию (включая самоцитирование) с обязательным юридическим закреплением. В частности, требуется уточнение применяемого в научно-издательской деятельности понятийного аппарата в соответствии:

- с терминологией УК РФ в области присвоения авторства (плагиата) и незаконного исполь-

зования объектов авторского права или смежных прав;

- терминологией ГК РФ в сфере исключительных прав и права авторства;

- различными интерпретациями понятия «заимствование» (включая его использование в Порядке присуждения ученых степеней) и понятием «цитирование» по ГК РФ;

- содержанием терминов «оригинальность» и «самоцитирование» применительно к требованиям Порядка о необходимости публикации результатов диссертаций и их апробации;

- категориями, установленными АО «Антиплагиат» и используемыми редакционно-издательским сообществом.

2. Существующие механизмы лишения ученых степеней, ретракции научных статей и исключения журналов и сборников научных трудов из РИНЦ свидетельствуют о недостаточной эффективности текущей системы регулирования. Для повышения ее результативности требуется усиление государственного нормативно-правового контроля и совершенствование механизмов ответственности всех участников взаимоотношений:

- организации, оказывающие платные услуги технической экспертизы текстов, должны быть подвержены аккредитации с установлением четких критериев их деятельности;

- редакции и издательства научных журналов должны ужесточить переработать редакционные политики в отношении проверки публикуемых материалов, а также внедрить обязательное использование комбинированных методов верификации, включающих экспертную оценку и автоматизированные системы, исключающих автоматическое принятие решений по показателю «оригинальность»;

- органы принятия решений в НЭБ и РИНЦ должны формализовать процедуры исключения недобросовестных изданий из научных баз данных, обеспечив при этом как повышение прозрачности и обоснованности принимаемых решений, так и защиту прав авторов;

- государственные органы контроля (надзора) за соблюдением авторских прав должны усилить

²⁸ Там же.

административную и юридическую ответственность за нарушения научной этики, а также разработать единые методические рекомендации по выявлению и пресечению плагиата;

– авторы научных публикаций должны нести персональную ответственность за некорректные заимствования и фальсификацию данных, независимо от выполнения критерия «оригинальность».

3. *Детерминанты, условия и порядок* привлечения к ответственности в результате неправомерных действий требуют доработки за ущерб, причиненный государству или третьим лицам на всех уровнях: уголовном, административном, общественном.

4. Для обеспечения прозрачности и объективности решений о публикации необходимо повысить квалификацию должностных лиц (редакторов, рецензентов, а также принимающие решения в НЭБ и РИНЦ) в области работы с ИИ-инструментами и современными методами верификации. Это предполагает:

– внедрение автоматической проверки статей системами ИИ (первичный скрининг) и обязательное двойное слепое рецензирование (подробная экспертная оценка, включая открытую постпубликационную экспертизу);

– использование блокчейна для фиксации ключевых этапов публикации (подача, рецензирование, правки);

– применение динамических метрик достоверности (история ретракций, анализ цитирований, открытость данных).

5. В технологической сфере требуются модернизация методик расчета наукометрических показателей НЭБ, направленная на повышение объективности оценки деятельности ученых и научных организаций, а также разработка новых алгоритмов (включая решения с использованием ИИ) компанией АО «Антиплагиат» и другими организациями, предоставляющими услуги технической проверки текстов, для точного разграничения нарушений научной этики, случайных совпадений

и иных факторов, затрудняющих объективную оценку научных рукописей.

Приложение 1

Результаты обзора подходов к оценке этичности научных публикаций, применяемых рецензируемыми российскими журналами, включенными в Белый список по тематике «Народное образование. Педагогика»

1. «Журнал языка и образования» (Journal of Language and Education)²⁹ четко оперирует понятием «плагиат», однозначно подчеркивая его неприемлемость в любых проявлениях и определяя как «неэтичное издательское поведение». При этом в разделе о некорректных заимствованиях перечисляются формы «некорректного заимствования» без их прямой идентификации как случаев плагиата. Примечательно, что в отличие от многих других изданий, журнал не устанавливает количественных ограничений по показателю «оригинальности» текста как для авторов, так и для рецензентов.

2. Редакция журнала «Science for Education Today»³⁰ реализует политику, направленную на обеспечение публикации «этичного и ответственного исследования», в рамках которой основное внимание сосредоточено на выявлении «возможных неправомерных действий». К числу последних относятся: *«Подтасовка данных, фальсификация, плагиат, манипулирование изображениями, проведение неэтичного исследования, необъективное составление отчета, нарушение авторства, избыточная или дублирующая публикация и необъявленный конфликт интересов»*.

3. В системе этических принципов журнала «Обучение, язык и культура» (Training, Language and Culture)³¹ четко определены и регламентированы следующие понятия: «плагиат», «дублирующие материалы», «фабрикация, манипулирование и/или фальсификация данных», «манипулирование цитатами». Важной отличительной особенностью данного издания является использование собственного

²⁹ Политика редакционной этики «Журнал языка и образования». URL: https://jle.hse.ru/pl_ (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

³⁰ Публикационная политика редакции «Science for Education Today». URL: <http://sciforedu.ru/publikacionnaya-politika-redakcii-0> (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

³¹ Этика публикаций журнала «Обучение, язык и культура». URL: <https://rudn.tlcjournal.org/publication-ethics.html> (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

программного обеспечения для проверки на наличие возможных случаев плагиата. Следует подчеркнуть, что проверка на плагиат занимает ключевую позицию в процессе рецензирования, являясь его обязательным первым этапом: так, рукописи, в которых обнаружен неприемлемый уровень сходства с другими опубликованными работами, подлежат отклонению до начала непосредственной работы рецензента. Дополнительным требованием издания выступает исключительное использование английского языка для всех публикуемых статей.

4. В редакционной политике журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика»³² четко зафиксировано положение о том, что *«журнал публикует оригинальные научные работы, ранее нигде не опубликованные, не содержащие некорректных заимствований»*. Примечательно, что несмотря на декларирование «оригинальности» в качестве одного из ключевых критериев оценки статей, в соответствующем разделе, посвященном плагиату, подчеркивается его абсолютная недопустимость при полном отсутствии каких-либо процентных пороговых значений.

5. Редакционная политика журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика»³³ четко устанавливает, что журнал *«не публикует плагиат в любой его форме – в том числе работы, содержащие плагиат текста, плагиат идей и плагиат данных»*. При этом в редакционных требованиях четко разграничиваются понятия «формы плагиата» и «формы некорректного заимствования». Важно отметить, что в отношении цитирования журнал предъявляет строгие требования: *«Цитирование текста, ранее опубликованного где-либо, должно быть оформлено как прямая речь (текст нужно заключить в кавычки и написать курсивом) с обязательным указанием первоисточника»*. Кроме того, основанием для отклонения рукописи служит не только выявление неправомерных заимствований, но и превыше-

ние допустимого уровня заимствований – а именно коэффициент оригинальности текста ниже 85%, что эквивалентно суммарному объему цитирования и самоцитирования свыше 15%.

6. В этике публикации журнала «Вопросы образования / Educational Studies»³⁴ четко зафиксирован запрет на плагиат вне зависимости от его объема. Помимо базовых требований к оформлению цитирования, в редакционной политике особо оговаривается, что *«авторы, желающие воспроизвести таблицы, рисунки, диаграммы, изображения, отрывки текста объемом более 400 слов или любой другой контент, защищенный авторским правом, должны официально получить письменное разрешение на это до отправки рукописи»*. Данный подход демонстрирует оригинальность журнала, проявляющуюся, в частности, в том, что максимальный допустимый объем статьи установлен не в знаках (как в большинстве изданий), а в словах (8000). Проведенные расчеты свидетельствуют, что однократное цитирование без письменного разрешения может достигать 5% от общего объема слов текста. Особый интерес представляет формулировка о *«более 10% от оригинальной работы»* применительно к случаям *«значительного некорректного перефразирования»* без ссылки на источник, которое приравнивается к «дословному копированию».

7. Важной характеристикой редакционной политики журнала «Высшее образование в России»³⁵ служит положение о том, что *«к рассмотрению допускаются статьи, размещенные ранее авторами на личных или публичных сайтах, не относящихся к другим издательствам»*. Примечательно, что одновременно в данной политике подчеркивается недопустимость «многочисленных заимствований», причем «оценка рукописи на предмет плагиата или самоплагиата» входит в число функциональных обязательств рецензента

8. Декларация этики научных публикаций (публикационная этика) журнала «Инженерное

³² Редакционная этика журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика». URL: <https://iorj.hse.ru/ethics> (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

³³ Редакционная политика журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика». URL: <https://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/about/editorialPolicies#custom-1> (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

³⁴ Этика публикации журнала «Вопросы образования / Educational Studies». URL: <https://ojs.hse.ru/index.php/vo/ethics> (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

³⁵ Редакционная политика журнала «Высшее образование в России» URL: <https://vovr.elpub.ru/jour/about/editorialPolicies#custom-0> (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

образование»³⁶ четко формулирует положение о том, что «*плагиат во всех его формах является неэтичным публикационным поведением и неприемлем*». В данном документе указывается, что к печати принимаются материалы, прошедшие «проверку на плагиат (оригинальность текста должна составлять не менее 75% от общего объема)». Примечательно, что «выявлять соответствующие опубликованные работы, которые не были процитированы авторами» и «*обращать внимание редактора на любое существенное сходство или совпадение между рассматриваемой рукописью и какой-либо другой опубликованной статьей, которую он лично знает*» входят в число обязанностей рецензентов.

9. В этике научных публикаций журнала «Интеграция образования»³⁷ активно используется понятие «плагиат», при этом все его формы трактуются не только как неэтичные, но и как «противозаконные действия». Кроме того, в разделе авторских прав и правил четко прописано требование к авторам гарантировать отсутствие в материале «*некорректных заимствований*», причем «*оригинальность*» обозначена в качестве первостепенного критерия при принятии решения о публикации. В контексте процедуры рецензирования особое внимание уделяется не только выявлению существенного сходства с другими опубликованными работами, но и необходимости обнаружения значимых публикаций по теме, которые по каким-либо причинам не были включены в библиографический список рукописи.

10. В этике научных публикаций журнала «Информатика и образование»³⁸ закреплены положения о предотвращении недобросовестных научных публикаций, содержащих «плагиат», «фальсификацию» и «фабрикацию данных», причем борьба с этими нарушениями осуществляется всеми доступными способами. Важно отметить, что в число обязанностей рецензентов входит идентификация

опубликованных работ, которые не были процитированы авторами. Помимо этого рецензент несет ответственность за своевременное доведение до сведения редакции информации «*о любой существенной схожести или частичном совпадении между рукописью, которая рецензируется, и другой уже опубликованной работой, которая ему знакома*».

11. Согласно политике журнала «Музыкальное искусство и образование»³⁹, при обнаружении «многочисленных заимствований» редакция действует по четко регламентированному алгоритму: «1) уведомление автора о наличии неправомерных заимствований; 2) получение от автора подтверждения уведомления; 3) отказ в публикации статьи. В случае отсутствия ответа автора в течение трех месяцев Редакция имеет право уведомить руководство организации, в которой работает автор». В данном контексте обращает на себя внимание тот факт, что опубликованный алгоритм не предусматривает возможности апелляции со стороны автора, а также отсутствие четких критериев перехода от категорий, применяемых системой «Антиплагиат», к редакционной трактовке «многочисленные заимствования». Кроме технической проверки, редакция также возлагает на рецензентов обязанность по выявлению «*существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой*». Примечательно, что в требованиях к авторам используется более широкое понятие «плагиат», которое включает «все его формы (чрезмерную цитацию, скрытую цитацию, пересказ, перефразирование и т. п.)».

12. Редактор журнала «Образование и наука»⁴⁰ в своей работе строго следует политике редакционной коллегии, учитывая не только актуальные юридические требования в отношении авторского права, законности и плагиата, но и общепринятые нормы научной этики. При этом принципиально

³⁶ Декларация этики публикаций и предотвращения недобросовестной практики публикаций журнала «Инженерное образование». URL: https://old.aeer.ru/ru/publ_ethics.htm (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

³⁷ Этика научных публикаций журнала «Интеграция образования». URL: <https://edumag.mrsu.ru/index.php/ru/redaktionnaya-etika> (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

³⁸ Этика научных публикаций журнала «Информатика и образование». URL: <https://info.infojournal.ru/jour/about/editorialPolicies#custom-1> (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

³⁹ Политика журнала «Музыкальное искусство и образование». URL: <http://musart-edu.ru/politika-zhurnala/#plagiat> (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

⁴⁰ Редакционная политика журнала «Образование и наука». URL: <https://www.edscience.ru/jour/about/editorialPolicies#custom-1> (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

важно, что все формы плагиата однозначно расцениваются одновременно как неэтичные, так и противозаконные действия. Процедура проверки материала организована по двухуровневой системе: во-первых, с помощью автоматизированной системы «Антиплагиат», во-вторых, в рамках экспертной оценки рецензентами.

13. В отличие от большинства рассмотренных изданий, этическая политика журнала «Образование и Саморазвитие»⁴¹ характеризуется стилем изложения, в котором акцент сделан на декларации обязательств со стороны журнала. В частности, в вопросах научной этики первостепенное внимание уделяется поддержке авторов, чьи права могут быть нарушены, а также помощи потенциальным жертвам плагиата. В то же время требования к авторам рукописей сформулированы в виде рекомендации не присылать работы, «*которые содержат некорректные заимствования из других работ – плагиат и самоплагиат не приемлемы*». Примечательно, что при отсутствии указаний на конкретное средство выявления заимствованных отрывков, в документе отмечается: «*Присланные работы, не прошедшие проверку данной системой, будут отвергнуты*».

14. Согласно заявленной редакционной политике, главный редактор журнала «Перспективы науки и образования»⁴² в своей деятельности руководствуется нормативно-правовыми основаниями, к числу которых относятся требования «*отсутствия клеветы, нарушения авторского права и плагиата*». Важно отметить, что в рамках действующих критериев к публикации принимаются статьи с уровнем уникальности текста не менее 70% (по данным системы «Антиплагиат.ру»). Особого внимания заслуживает тот факт, что в процессе процедуры рецензирования на рецензента дополнительно возлагаются обязанности по выявлению «*значительной похожежности или частично-*

го совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой, известной лично ему опубликованной работой».

15. Редакционная политика журнала «Психологическая наука и образование»⁴³ в сфере этического надзора основывается на принятии разумных мер «*для выявления и предотвращения публикации статей*», в которых допущены неправомерные исследовательские практики, включая «*плагиат, манипулирование цитированием и фальсификацию/фабрикацию данных*». При этом в имеющихся редакционных документах подчеркивается, что выявление «заимствований» осуществляется параллельно через систему «Антиплагиат» и в рамках научного рецензирования. Важно отметить, что идентификация «плагиата идей и плагиата данных» производится исключительно в процессе научного рецензирования. Однако, согласно опубликованному регламенту рецензирования от 20 апреля 2022 г., рукопись поступает на рецензирование только после успешного прохождения проверки в системе «Антиплагиат.ВУЗ», при этом в оценочных критериях для рецензентов отсутствуют параметры, позволяющие фиксировать наличие/отсутствие плагиата идей и плагиата данных. Кроме того, не определен субъект, ответственный за интерпретацию отчета системы «Антиплагиат.ВУЗ», а также не раскрыты применяемые при этом оценочные критерии.

16. Редакционные политики журналов «Психолого-педагогические исследования»⁴⁴ и «Психологическая наука и образование»⁴⁵ демонстрируют значительное сходство, обусловленное их базированием на Кодексе этики научных публикаций Портала психологических изданий PsyJournals.ru. Важной особенностью данного Кодекса является отказ от использования понятия «цитирование» в пользу термина «заимствованные фрагменты или утверждения». Примечательно, что в тексте Кодекса подчеркивается: «*Чрезмерные заимст-*

⁴¹ Этическая политика журнала «Образование и Саморазвитие». URL: <https://eandsjournal.kpfu.ru/ru/этическая-политика/> (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

⁴² Принципы этики журнала «Перспективы науки и образования». URL: <https://pnojurnal.wordpress.com/ethics/> (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

⁴³ Редакционная политика журнала «Психологическая наука и образование». URL: <https://psyjournals.ru/journals/pse/ethics> (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Кодекс этики научных публикаций портала психологических изданий PsyJournals.ru. URL: https://psyjournals.ru/info/code_of_ethics (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

ования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы».

17. Журнал «Русистика»⁴⁶ демонстрирует схожую редакционную политику с журналом «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика», что объясняется принадлежностью обоих изданий к одному издателю – Российскому университету дружбы народов (РУДН). Важно отметить, что РУДН является не только соучредителем, но и активным членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), последовательно реализующим положения Декларации АНРИ «Этические принципы научных публикаций» в своей издательской практике.

18. Редакционная политика журнала «Русский язык в школе»⁴⁷ в разделе 4.3 «Оригинальность и плагиат» четко дифференцирует понятия «формы плагиата» и «формы некорректного заимствования». При этом в документе указывается, что в случае выявления «неправомерных заимство-

ваний» или низкого коэффициента «оригинальности» текста (менее 80%)» по результатам обязательной проверки в системе «АНТИПЛАГИАТ», рукопись подлежит отклонению от публикации. Дополнительно подчеркивается, что «статьи, содержание которых более чем на 20%» совпадает с другими научными материалами автора (включая диссертации, авторефераты, монографии, а также предыдущие публикации в журналах и сборниках), «к публикации не принимаются». Важно отметить, что процедура выявления «плагиата идей и плагиата данных» осуществляется исключительно в рамках научного рецензирования.

19. В рамках редакционной политики журнала «Язык и культура»⁴⁸ четко сформулированы принципы этики научных публикаций, в соответствии с которыми «чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований неэтичны и неприемлемы». При этом особо указывается, что «наличие заимствования без ссылки будет рассматриваться редакционной коллегией как плагиат».

Список литературы:

1. Авдеева Н.В., Блинова Т.А., Груздев И.А. [и др.]. Допустимый объем заимствований как проблема организации научной деятельности и контроля ее качества // Открытое образование. 2018. Т. 22, № 5. С. 74–83. DOI: 10.21686/1818-4243-2018-5-74-83.
2. Астафичев П.А. Плагиат как основание для лишения присужденной ранее ученой степени: конституционно-правовые пределы и условия // Журнал Конституционного правосудия. 2024. № 2. С. 25–32. DOI: 10.18572/2072-4144-2024-2-25-32.
3. Брумитейн Ю.М. Влияние развития информационных технологий на особенности использования ссылок в российских научных журналах и методы оценки на основе них наукометрических показателей // Научная периодика: проблемы и решения. 2016. Т. 6, № 2. С. 60–80. DOI: 10.18334/nppir.6.2.35647.
4. Гореликов С.Ю. «Антиплагиат» – фильтр или тормоз? (Критическая статья) // Наука и школа. 2018. № 6. С. 201–204.
5. Гринёв А.В. Проблема наукометрической оценки монографий в современной России // Социология науки и технологий. 2024. № 15(1). С. 106–125. doi:10.24412/2079-0910-2024-1-106-125. DOI: 10.24412/2079-0910-2024-1-106-125.

⁴⁶ Редакционная политика журнала «Русистика». URL: <https://journals.rudn.ru/russian-language-studies/about/editorialPolicies#custom-1> (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

⁴⁷ Редакционная политика журнала «Русский язык в школе». URL: <https://www.riash.ru/jour/about/editorialPolicies> (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

⁴⁸ Этика научных публикаций журнала «Язык и культура». URL: https://journals.tsu.ru/language/&journal_page=text&pageid=358 (дата обращения: 10 марта 2025 г.).

6. Грицай Г.М., Грабовой А.В., Кильдяков А.С., Чехович Ю.В. Поиск искусственно сгенерированных текстовых фрагментов в научных документах // Доклады Российской академии наук. Математика, информатика, процессы управления. 2023. № 514(2). С. 308–317. DOI: 10.31857/S2686954323601677.
7. Гришаев С.П. Плагиат: вопросы теории и практики // Гражданин и право. 2014. № 11. С. 62–69.
8. Ершова И.В., Тарасенко О.А. О самостоятельности и плагиате в научных исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2024. № 6. С. 52–63. DOI: 10.33397/2619-0559-2024-6-6-52-63.
9. Кабышев С.В. Концептуальные вопросы совершенствования законодательства о науке и научно-технологическом развитии в Российской Федерации // Lex russica. 2025. Т. 78. № 2. С. 130–140. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.130-140
10. Константинова Л.В., Ворожихин В.В., Петров А.М., Титова Е.С., Штыхно Д.А. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы // Открытое образование. 2023. Т. 27, № 2. С. 36–48.
11. Кулешова А.В., Чехович Ю.В., Беленькая О.С. По лезвию бритвы: как самоцитирование не превратить в самоплагиат // Научный редактор и издатель. 2019. Т. 4, № 1–2. С. 45–51. DOI: 10.24069/2542-0267-2019-1-2-45-51.
12. Ловаков А., Тейшейра да Силва Ж.А. Наукометрические показатели в оценке исследований и нарушениях в научных исследованиях: анализ инициативы «Лучшие университеты России» // Scientometrics. 2025. DOI: 10.1007/s11192-025-05269-3.
13. Мустафин Р.Ф., Бобух Е.В. Заимствование и плагиат: проблемы правового регулирования и законодательного разграничения понятий // Еромен. Global. 2023. № 41. С. 109–114.
14. Нечаева Т.В. Международная конференция «Обнаружение заимствований»: нужна ли проверка на плагиат научному журналу? // Почвы и окружающая среда. 2022. Т. 5, № 1. DOI: 10.31251/pos.v5i1.177.
15. Рожкова М.А. Плагиат и иные виды некорректных заимствований в диссертациях: правовые и этические вопросы // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3 (33). С. 124–140.
16. Салтыкова М.В., Сулима Т.Г. Публикационная этика в издательском процессе: проблемы плагиата и оформления научных материалов // Вестник НЦБЖД. 2019. № 3 (41). С. 61–70.
17. Сальникова И.И. Публикационная культура ученого: проблемы и пути их решения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 4. С. 254–261. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-254-261.
18. Сарьян В.К., Русаков А.А. Некоторые проблемы обнаружения плагиата в формирующемся гиперсвязанном информационном мире // Человек. Общество. Наука. 2020. № 3 (3). С. 65–71. DOI: 10.53015/2686-8172_2020_3_65.
19. Сафин К.Ф., Чехович Ю.В. О комбинированном алгоритме обнаружения заимствований в текстовых документах // Труды Института системного программирования РАН. 2022. Т. 34, № 1. С. 151–160. DOI: 10.15514/ISPRAS-2022-34(1)-11.
20. Тимофеева В.А. Работа над диссертацией и подготовка автореферата: особенности, требования, рекомендации. М.: РПА Минюста России, 2015. С. 15–18 (104 с.)
21. Этика научных публикаций: руководства, стандарты и блок-схемы Committee on Publication Ethics (COPE): пер. с англ. / Пер. под ред. Н.Г. Поповой, О.В. Кирилловой; под общ. ред. О.В. Кирилловой; АНРИ. Москва: Ассоциация научных редакторов и издателей, 2023. 92 с.

Rozhkova, Marina Alexandrovna

Holder of a Higher Doctorate in Law, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Russian State Academy of Intellectual Property, IP CLUB President

Alymova, Ekaterina Vladimirovna

Coordination Center for TLD.RU

Grigoriev, Dmitriy Andreevich

LLC European Media Grupp

Samartseva, Maria Viktorovna

Law firm “Dyakin, Gortsunyan & Partners” (DGP Legal) Counsel, Head of Intellectual Property & Technology practice, Vice-President at IP CLUB

Palamarchuk, Inna Aleksandrovna

Lesta

Ph.D. of Juridical Sciences

Morozyuk, Olga Vladimirovna

Media Business Solutions LLC

Ph.D. of Juridical Sciences

Khodakov, Ilya Dmitrievich

ALRUD Law Firm

Complex Objects of Intellectual Property Rights: Special Part

This article presents the results of a comprehensive study of the legal regime of complex objects of intellectual property rights and develops the conclusions previously set forth in the collective work “Complex Objects of Intellectual Property Rights: General Part”. The article analyzes both the objects expressly listed in paragraph 1 of Article 1240 of the Civil Code of the Russian Federation (audiovisual works, multimedia products, databases) and those not included in the closed list of complex objects, yet consistently regarded in the legal literature as such: websites, video games, board games, and user accounts. Special attention is given to the structural features of these objects, the criteria for classifying them as complex, the allocation of rights, and issues of law enforcement. The study further confirms the thesis on the need to revise the approaches to the legal regulation of complex objects and to establish an open list of such objects in legislation, which would ensure the adaptability of legal regulation to the emergence of new complex forms of intellectual property rights.

Keywords: complex object; intellectual property; motion picture; audiovisual work; multimedia product; database; website; video game; board game; account

Monastyrsky, Yuri Eduardovich

Doctor of Law, Professor of International Private and Civil Law Department of MGIMO, professor of the Civil Law and Procedure Department of SevSU Law Institute

Information and artificial intelligence in the civil law system

The fundamental category of “object of civil rights” is of enormous importance: through the description of its characteristics and the diversity of its constituent elements, the interests, property, and personal aspirations of participants in civil transactions are given legal meaning, and it is on these characteristics that the logical legal regulation of economic relations is built.

In this article, we will examine such complex phenomena as information[1] and artificial intelligence, and compare them with the above-mentioned basic concept. These terms are quite legally referred to as objects of legal relations both in legislation and in theory. However, their properties are such that they cannot be isolated and designated as clearly belonging to a subject, and therefore, strictly speaking, cannot be considered objects of civil rights. Since their role in modern property turnover is enormous and growing, it is necessary to define the legal relationship between such key concepts and objects of civil rights (Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation) for the purpose of designation in the legal field of the modern economy.

Keywords: information; artificial intelligence; object of civil law; technology; intellectual property

Novoselova, Lyudmila Alexandrovna

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of financial deals and new technologies in law, Private Law Research Centre, under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev (PLRC)

Conflicting interests between authors and AI developers: ways forward

The advancement of artificial intelligence (AI) technologies has posed complex challenges for legal scholarship, particularly in the realm of intellectual property law. The process of training AI models often implicates the interests of rights holders, especially in cases where AI-generated content competes with or displaces human-created works. Globally, a unified approach to reconciling the often conflicting interests of AI developers and rights holders remains elusive. This article examines the primary legal frameworks aimed at addressing this conflict, as well as potential economic models that could inform viable legal solutions, including those applicable in the Russian context.

Keywords: copyright; artificial intelligence; intellectual property; collective management; data analysis tools; IP Rights protection

Vasilyev, Nikita Vladimirovich

LL.M (Master of Laws)

BIRCH LEGAL

Joint authorship in foreign law

For works created through joint creative effort, international legal instruments and the national legislation of most countries worldwide provide a legal regime of joint authorship. In legal doctrine, joint authorship is understood as the joint ownership of copyright in a work as a whole by two or more persons. The basis for the emergence of joint authorship is the collaborative creative activity of authors in creating a collective work. Sometimes, the term “joint authorship” also refers to this very collaborative activity itself. In the article, the author examines the historical roots and legal regulation of joint authorship in common law and civil law countries.

Keywords: joint authorship; separate joint authorship; indivisible joint authorship; regulation of joint authorship in common law countries; regulation of joint authorship in civil law countries

Kartskhiya, Alexander Amiranovich

Doctor of Law, Professor

Gubkin University

Rodionov, Vladimir Igorevich

Seven Hills Legal LLC

Allocation of civil liability between a neural network provider and a user for AI-Generated content infringing copyright

The article examines the allocation of civil liability between providers and users of neural networks, analyzing the approaches of the International Association for the Protection of Intellectual Property (AIPPI), the European Union, and various foreign legal systems. While supporting the concept of strict liability for users, the authors identify and model specific scenarios in which the AI-provider may also be held liable, including through recourse claims (for example, in cases where AI-Generated content reproduces a copyrighted work from the model’s training data).

Keywords: copyright; artificial intelligence; AI-Generated content; liability of the AI-provider; liability of the neural network user

Nikiforov, Artem Alexandrovich

Master of Private Law

Yandex

The Economic Analysis of Legal Protection for Derivative Works

In the digital environment, creating derivative works has become easier than ever before—yet this has also intensified the conflict between original authors and those who build upon their work. Copyright law is thus tasked with striking a delicate balance: how to encourage transformative creativity while ensuring that original works remain economically viable. This paper proposes an economic model for the legal regulation of derivative works aimed at identifying the level of protection that yields the greatest social welfare.

Methodologically, the study draws on the tools of law and economics, including welfare functions, Pareto and Kaldor–Hicks efficiency criteria, the Coase theorem, transaction cost analysis, and the problem of asymmetric information. The theoretical framework is supplemented by empirical data from the book markets of the United States and Russia, as well as by a comparative analysis of the EU and U.S. legal approaches to derivative works protection.

The resulting model derives a formula for calculating the optimal level of protection (L^*), taking into account such variables as the degree of transformativeness, the risk of market substitution, the presence or absence of compulsory licensing, and the minimum required income for authors. The findings suggest that the most effective outcomes are achieved under a moderate level of protection: commercial adaptations are regulated, but non-commercial transformative uses are permitted freely. Such a model simultaneously preserves the incentive to create original works and promotes cultural diversity

Keywords: derivative works; law and economics; copyright; transformativeness; transaction costs; licensing; social welfare; book market; digital economy

Revinskiy, Oleg Vitalievich

associated professor, Ph. D.

Russian State Academy of Intellectual Property

Protection of Rights to Reworking a Musical Work and Computer Program

The article analyzes a possibility for applying the notion “volume of protection” and the notion “volume of use” introduced by the author, both applied in the patent law, to objects of copyright and neighboring rights in the case of reworking thereof. Musical works and computer programs are chosen as such objects. Proximity of those different objects is shown in treating a question on their use.

Keywords: volume of protection; volume of use; reworking; musical work; computer program

Rozhkova, Marina Alexandrovna

IP CLUB President, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Russian State Academy of Intellectual Property, Holder of a Higher Doctorate in Law

Morozyuk, Olga Vladimirovna

Lead Legal Counsel at the Office of Intellectual Property and Legal Support for Digital Media of Media Business Solutions LLC, Head of the IP CLUB International Cooperation Department, member of the Legal Affairs Committee of the Coordination Center for TLD .RU / .РФ, PhD in Law

“Self-plagiarism” as a phantom offense

The article examines the concept of “self-plagiarism,” which is widely used in academic and publishing practice but has no recognition in international instruments or national legislation. It is argued that the term does not reflect the essence of plagiarism, since the crucial element—using another’s work—is absent. From a legal standpoint, violations may arise only in cases of infringement of transferred exclusive rights or breaches of contractual obligations (e.g., novelty clauses in publishing agreements, grant contracts, or employment agreements of researchers).

Special attention is given to dissertation practice, where the reproduction of an author’s previously published works is not only permissible but also essential to demonstrate the researcher’s personal contribution. Automated originality-checking systems (such as Antiplagiat) distort the assessment of legitimate self-citation, leading to unjustified rewriting requirements and a reduction in the quality of research output.

The study concludes that “self-plagiarism” lacks legal substance and its use in legal discourse substitutes real infringements, potentially creating legal conflicts and adversely affecting academic work.

Keywords: plagiarism; self-plagiarism; copyright; contractual obligations; dissertation; self-citation

Pulyaeva, Elena Valerievna

PhD in Law

HSE University

Features of the legal regime of reservations on exclusion and limitation of liability for violation of obligations in the field of information technology

The article discusses the practical issues of applying the terms of contracts in the field of information technology, providing for the exclusion and limitation of liability for breach of obligations. Examples of the influence of the specifics of information technology on contractual structures and clauses used in them are given, conditions used in practice that exclude or limit certain types of damages, and the amount of penalties for non-fulfillment or improper fulfillment of obligations under an agreement in the field of information technology are investigated.

Keywords: information technology contract; the “as is” principle; consumer value; liability for non-fulfillment or improper fulfillment of the contract; reservations on exclusion and limitation of liability for breach of obligations

Balashova, Anna Igorevna

PhD

Lecturer at the Kutafin Moscow State Law University

Secondary patents and patents of addition, dependent inventions: the correlation between concepts and legal regimes

The article attempts to comprehensively examine the concepts of “secondary patent” (“secondary invention”), “patent of addition”, “dependent invention” in historical and comparative legal aspects, to determine the correlation between these concepts and legal regimes of the corresponding inventions, to identify points of intersection in modern Russian legal regulation and the practice of its application and to analyze the relevant issues. The evolution of legal protection of dependent (additional) inventions, the legal mechanism for extending the patent term and the emergence of patents of addition in the modern meaning in domestic law are studied. Approaches to the legal protection of dependent inventions, the issuance of patents of addition, as well as protective documents when extending legal protection of inventions in foreign jurisdictions are analyzed. The correlation between dependent and secondary inventions in modern Russian law and the practice of its application is considered, points of intersection and issues are determined in situations where a patent for a secondary invention is acquired in the name of the patent holder of the main invention and in the name of a third party. The correlation between secondary patents and patents of addition and the legal regimes of objects protected by such patents is determined, and the problem of issuing patents of addition for secondary inventions is identified and considered, including taking into account the admissibility of multiple patents of addition.

Keywords: secondary patent; secondary invention; patent of addition; dependent invention; exclusive right; patent; patent evergreening; compulsory licence

Pavlova, Yelena Aleksandrovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Head of the Intellectual Property Legislation Department, Head of the Intellectual Property Rights Department

S.S. Alexeev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation

Kalyatin, Vitaly Olegovich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Consultant, Intellectual Property Legislation Department; Professor of the Intellectual Property Rights Department

S.S. Alexeev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation

Kolzdorf, Maria Aleksandrovna

Master of Private Law (Russian School of Private Law) and LL.M. (Free University of Berlin), LL.M. IP Law (MIPLC)
Consultant, Intellectual Property Legislation Department
S.S. Alexeev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation

Korneev, Vladimir Aleksandrovich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Professor of the Intellectual Property Rights Department
S.S. Alexeev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation

Novoselova, Lyudmila Aleksandrovna

Doctor of Legal Sciences, Professor
Head of the Department of Financial Transactions and New Technologies in Law
S.S. Alexeev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation

Radetskaya, Maria Vladimirovna

Candidate of Legal Sciences
Consultant, Intellectual Property Legislation Department
S.S. Alexeev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation

Spiridonova, Natalia Borisovna

Candidate of Legal Sciences,
LL.M (McGeorge Law School)
Consultant, Intellectual Property Legislation Department
S.S. Alexeev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation

Turkina, Anastasia Evgenievna

Master of Private Law
Consultant, Intellectual Property Legislation Department
S.S. Alexeev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation

The concept for amending Part Four of the Civil Code of the Russian Federation regarding trademarks

The article presents a concept for improving Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (CC RF), developed by the authors based on an analysis of the current Russian legislation on trademarks (service marks) and the problems arising in law enforcement practice. The concept includes proposals for amending a number of articles in Chapter 69 and Section 2 of Chapter 76 of the CC RF. These proposals are aimed at clarifying the grounds for refusal of state registration, as well as modifying the scope and termination of legal protection for trademarks. The concept also contains proposals for revising the provisions concerning the legal protection of trademarks well-known in the Russian Federation, and proposals for introducing provisions on the free use of trademarks into Section 2 of Chapter 76 of the CC RF.

Keywords: intellectual property, means of individualization, intellectual property rights, trademarks, service marks, exclusive right, well-known trademarks

Batishchev, Ivan Romanovich

Postgraduate student, Department of Civil Law Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
Patent attorney № 2730

Abuse of right in acquiring exclusive right to a trademark

The article is devoted to the phenomenon of abuse of rights in acquiring exclusive rights to a trademark. The paper highlights the issue of the justification for applying the doctrine of abuse of rights to actions related to the provision of legal protection for trademarks. Based on a study of scientific literature, as well as registration and judicial practice, the most typical cases of abuse of rights in trademark registration are identified. The mechanisms provided for in the Russian legal system to counter abuse of rights in trademark registration are analyzed. The author identifies shortcomings in the current mechanism for countering this type of abuse of rights and proposes ways to improve it.

Keywords: abuse of right; intellectual property rights; trademark; trademark application; unfair trademark registration; trademark transfer

Turkina, Anastasia Evgenievna

Master's degree in private law
Consultant of the department of intellectual property legislation of the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation

Certification marks abroad and in Russia: correlation with the institutions of geographical indications and protected designation of origin

The author examines the mechanisms of regulation the use of certification marks abroad and in Russia, as well as their relationship with geographical indications and protected designations of origin, taking into account the problems identified in the analysis of judicial practice regarding the application of regulations on geographical indications and protected designations of origin.

Keywords: certification mark; conformity mark; geographical indications; protected designation of origin; regional brands

Bulat, Roman Evgenievich

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Pushkin Leningrad State University

Trends in developing unified approaches to assessing the ethicality of scientific publications

The aim of the article is to provide a scholarly justification for the necessity of developing unified approaches to assessing the ethicality of academic publications based on the standardization of evaluation criteria. The relevance of the study stems from the growing influence of AI technologies on scientific and creative activities, which necessitates addressing existing issues before implementing new administrative regulatory mechanisms. The research methodology includes an analytical review of legal and regulatory frameworks, a comparative analysis of academic publications, and a critical examination of author guidelines and other aspects of publication ethics across 19 peer-reviewed journals (from the “White List” in the field of “Public Education. Pedagogy”). The findings reveal a lack of terminological consistency (47 instances) in defining key concepts such as plagiarism, borrowing, and originality, leading to ambiguous evaluation criteria at different stages of the publication cycle. Additionally, discrepancies were identified in assessing scholarly independence and scientific significance, as well as an increasing prioritization of originality over theoretical and practical research value as the ranking of academic journals decreases. Based on the obtained data, the study concludes with recommendations for developing methodological foundations for unified approaches to evaluating the ethicality of academic publications. The consolidation of efforts among all stakeholders in the academic publishing process is posited as the basis for transforming a prohibitive ethics into an ethics of possibilities. The proposed solution seeks to eliminate terminological inconsistencies by standardizing key concepts and formally embedding them as mandatory regulatory standards.

Keywords: scientific databases; scientometric indicators; research ethics; text originality; plagiarism accountability; journal editorial policies